

NORDIC AND BALTIC STUDIES REVIEW

2020
Issue 5

**Междисциплинарный научно-образовательный центр FENNICA
Петрозаводского государственного университета**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies 'FENNICA'
Petrozavodsk State University

**Междисциплинарный научно-образовательный центр NORDICA
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies 'NORDICA'
Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences

**АЛМАНАХ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ И БАЛТИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
NORDIC AND BAL TIC STUDIES REVIEW**

Вып. 5 / Issue 5

**Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2020**

УДК 94(48)+94(474)+94(47)

ББК 63.3(4)+63.3(2)

А

Международный научный электронный журнал <http://nbsr.petrso.ru>

Главный редактор — И. Р. Такала
Ответственный секретарь — А. В. Толстиков

Редакционный совет

Богатырёв Сергей, Великобритания
Валге Яак, Эстония
Валцак Войцех, Польша
Вишавайнен Тимо, Финляндия
Гиеровская-Каллаур Иоанна, Польша
Ерусалимский К. Ю., Россия
Карелин В. А., Россия
Котлярчук Андрей, Швеция
Кюнгт Энн, Эстония
Линдквист Уле, Исландия
Муллонен И. И., Россия
Нымм Елена, Эстония
Пересветов-Мурат Александр, Швеция
Селин А. А., Россия
Суни А. В., Россия
Таннберг Тыну, Эстония
Янке Карстен, Дания

Редакционная коллегия

Брюггеман Карстен, Эстония
Голубев Алексей, Канада
Джаксон Т. Н., Россия
Илюха О. П., Россия
Котт Мэтью, Швеция
Кривоноженко А. Ф., Россия
Мюклебуст Кари Ага, Норвегия
Рупасов А. И., Россия
Ряйхя Антти, Финляндия
Соломещ И. М., Россия

Разработка и техническая поддержка РЦНИТ ПетрГУ

Адрес редакции: 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 413

E-mail: nbs-ed@petrsu.ru

ISSN 2541-8165

© МНОЦ *FENNICA* ПетрГУ, 2020

© МНОЦ *NORDICA* ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2020

© Авторы, 2020

© Техническая поддержка — РЦНИТ ПетрГУ, 2020

International academic journal <http://nbsr.petsu.ru>

Editor-in-Chief — Irina Takala
Editorial Secretary — Alexander Tolstikov

Editorial Council

Sergei Bogatyrev, UK
Konstantin Erusalimskiy, Russia
Joanna Gierowska-Kallaur, Poland
Carsten Jahnke, Denmark
Vladimir Karelin, Russia
Andrej Kotljarchuk, Sweden
Enn Küng, Estonia
Ole Lindquist, Iceland
Irma Mullonen, Russia
Jelena Nõmm, Estonia
Alexander Pereswetoff-Morath, Sweden
Adrian Selin, Russia
Leo Suni, Russia
Tõnu Tannberg, Estonia
Jaak Valge, Estonia
Timo Vihavainen, Finland
Wojciech Walczak, Poland

Editorial Board

Karsten Brüggeman, Estonia
Alexey Golubev, Canada
Olga Ilyukha, Russia
Tatjana Jackson, Russia
Matthew Kott, Sweden
Kari Aga Myklebost, Norway
Alexander Rupasov, Russia
Antti Räihä, Finland

Technical support — PetrSU, RCNIT

Address of the editorial office: room 413, 33, Lenin Str., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia

E-mail: nbs-ed@petsu.ru

© PetrSU, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies 'FENNICA,' 2020

© Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies 'NORDICA,' 2020

© Authors, 2020

© Technical support — PetrSU, RCNIT, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ.....	8
EDITORS' FOREWORD.....	9

СТАТЬИ / ARTICLES

Ирина Сумманен / Irina Summanen

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В КАРЕЛИИ XIII — НАЧАЛА XV ВЕКА / ORGANISATION OF POTTERY PRODUCTION IN KARELIA IN THE 13TH — EARLY 15TH CENTURY	11
---	----

Riitta Raatikainen / Риитта Раатикайнен

KARELIA AND KARELIAN PEOPLE IN NORDIC EXPEDITIONERS' PHOTOGRAPHS FROM THE LATE 19TH CENTURY / КАРЕЛИЯ И КАРЕЛЫ НА ФОТОГРАФИЯХ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОНЦА XIX ВЕКА	27
--	----

Ольга Фишман / Olga Fishman

ЭТНОГРАФИЯ КАРЕЛОВ ВНЕ КАРЕЛИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / THE ETHNOGRAPHY OF KARELIANS OUTSIDE KARELIA: CURRENT RESEARCHES	57
--	----

Ирина Винокурова / Irina Vinokurova

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТИПОВ ВЕПСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ) / ON THE CHARACTERISTICS OF THE TYPES OF VEPSIAN PEASANT FAMILY IN LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURY (BASED ON ETHNOGRAPHIC AND LINGUISTIC MATERIALS)	84
--	----

Мадис Арукаск / Madis Arukask

КОНТАКТЫ ЭСТОНСКИХ УЧЕНЫХ С ВЕПСАМИ, ОТНОШЕНИЯ С РОДСТВЕННЫМИ НАРОДАМИ И АВТОЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА / CONTACTS OF ESTONIAN SCHOLARS WITH THE VEPS, RELATIONS WITH THE KINDRED PEOPLES AND AN AUTOETHNOGRAPHIC PERSPECTIVE	103
---	-----

Александр Рупасов / Alexander Rupasov

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ГОСУДАРСТВАХ БАЛТИИ В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ 1930-х гг. / THE PROTECTION OF NATIONAL MINORITIES IN THE BALTIC STATES IN SOVIET FOREIGN POLICY IN THE 1930s	124
---	-----

Martín Artola Korta / Мартин Артола Корта

SCIENCE AND ACADEMIC RESEARCH IN SOVIET KARELIA: THE HISTORY OF THE KARELIAN RESEARCH INSTITUTE (1930–37) / НАУКА И НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ: ИСТОРИЯ КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА (1930–1937)	134
--	-----

Александр Рупасов / Alexander Rupasov

«...МЫ ОТ ВАС ПОЧТИ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЕМ». «УСПЕХИ» СОВЕТСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ В ЭСТОНИИ В 1939–1940 ГГ. / «...WE GET ALMOST NOTHING FROM YOU.» ‘SUCCESSSES’ OF THE SOVIET INTELLIGENCE STATION IN ESTONIA IN 1939–40..... 154

Elina Arminen / Элина Арминен

ENCOUNTERING THE WILDERNESS AND URBAN LANDSCAPE IN TRAVEL BROCHURES FROM THE EARLY 20TH AND 21ST CENTURIES / ЗНАКОМСТВО С ДИКОЙ ПРИРОДОЙ И ГОРОДСКИМ ЛАНДШАФТОМ В ТУРИСТИЧЕСКИХ БРОШЮРАХ НАЧАЛА XX И XXI ВЕКОВ 165

Мария Казакова / Maria Kazakova

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ БИЛИНГВАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА А. И. МИШИНА (О. МИШИН — А. ХИЙРИ) И Р. ТАКАЛА 1970-Х ГОДОВ / THE MAIN MOTIVES OF THE BILINGUAL CREATIVITY OF A. I. MIŠHIN (O. MIŠHIN — A. HIRI) AND R. TAKALA IN THE 1970s 179

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ / SCHOLARLY REPORTS

Юрий Шикалов / Yuri Shikalov

МЕЖДУ ФИНЛЯДИЕЙ И ПОМОРЬЕМ: КАРЕЛЫ КЕМСКОГО УЕЗДА В ОПИСАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.) / BETWEEN FINLAND AND POMOR’E: THE KARELIANS OF THE KEM’ DISTRICT IN THE DESCRIPTIONS OF THE CONTEMPORARIES (LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES)..... 189

Анастасия Рунтова / Anastasia Runtova

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ КАРЕЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА (ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ) / AN ATTEMPT AT CREATING THE KARELIAN WRITING SYSTEM IN THE 1930s (THE TVER’ REGION)..... 201

Екатерина Евсеева / Ekaterina Evseeva

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО КАРЕЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В КАРЕЛИИ В 1937–1939 ГГ. (НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ) / ATTEMPTING AT CREATING A UNIFIED KARELIAN LANGUAGE IN 1937–39 (BASED ON THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF KARELIA) 212

Людмила Никифорова / Ludmila Nikiforova

ИЗВЕСТНЫЙ ВЕПС МАРТЕМЬЯН МАРТЬЯНОВ: ОХОТА НА МЕДВЕДЯ И НЕ ТОЛЬКО... (ПО ДАННЫМ МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ, МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ) / A FAMOUS VEPSIAN MARTEM’IAN MART’IANOV: BEAR HUNTING AND MORE... (ACCORDING TO LOCAL PRESS, MEMOIRS AND ARCHIVAL SOURCES)..... 223

Алексей Бландов / Alexei Blandov

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ГРУППЫ КАРЕЛ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАРЕЛИИ: ИСТОРИЯ АССИМИЛЯЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ / LITTLE-KNOWN GROUPS OF THE KARELIANS OUTSIDE THE KARELIAN REPUBLIC. HISTORY OF ASSIMILATION AND CURRENT STATE.....238

Андрей Сухов / Andrei Sukhov

ПРИБОЩЕНИЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К КУЛЬТУРЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАРЕЛИИ СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ / THE INTRODUCTION OF FUTURE TEACHERS TO THE CULTURE OF INDIGENOUS PEOPLE LIVING IN KARELIA BY THE TOOLS OF THEATRE PEDAGOGY.....246

Юлия Литвин / Yulia Litvin

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ КЛЕМЕНТЬЕВ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ В КАРЕЛИИ / EVGENY IVANOVICH KLEMENT'EV AND THE FORMATION OF ETHNOSOCIOLOGY IN KARELIA.....251

ПУБЛИКАЦИИ / PUBLICATIONS

Павел Петров / Pavel Petrov

«...СВЕДЕНИЯ ЗАСЛУЖИВАЮТ ДОВЕРИЯ»: О РАБОТЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА КРАСНОЗНАМЁННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГОДОВ / ‘...THE INFORMATION IS TRUSTWORTHY.’ ON THE ACTIVITY OF THE INTELLIGENCE DEPARTMENT OF THE RED BANNER BAL TIC FLEET DURING THE SOVIET-FINNISH WAR OF 1939–40.....264

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Алексей Голубев / Alexey Golubev

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: *Davidov V. Long Night at the Vepsian Museum: The Forest Folk of Northern Russia and the Struggle for Cultural Survival. Toronto: University of Toronto Press, 2017. 130 p.295*

Тимо Вихавайнен / Timo Vihavainen

ПОЗОРНЫЙ МИР РОССИИ? РЕЦ. НА КН. / THE SHAME PEACE OF RUSSIA? REVIEW OF: *Смолин А. В. «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб.: Евразия, 2020. 382 с.....301*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

Ирина Такала / Irina Takala

TERTIA VIGILIA. ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ФИНЛЯНДИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ / TERTIA VIGILIA. ON STUDYING THE HISTORY OF FINLAND IN CONTEMPORARY RUSSIA306

Валентина Миронова, Людмила Иванова / Valentina Mironova, Ludmila Ivanova

К ДЕВЯНОСТОЛЕТИЮ А. С. СТЕПАНОВОЙ / JUBILEE OF ALEKSANDRA STEPANOVA317

Эйлина Гусатинская, Ирина Спажева / Eilina Gusatinskaia, Irina Spazheva
ФОНД CULTURA — ЭКСПЕРТ ПО ВОПРОСАМ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ / THE CULTURA FOUNDATION — AN EXPERT ON THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION IN FINLAND..... 325

Владимир Карелин / Vladimir Karelin
РЕКА ДРУЖБЫ / THE RIVER OF FRIENDSHIP 338

Ирина Такала / Irina Takala
РОССИЯ, ФИНЛЯНДИЯ, КАРЕЛИЯ: СТРАНИЦЫ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ. ПУБЛИЧНЫЙ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР-ЛЕКТОРИЙ / RUSSIA, FINLAND, KARELIA: PAGES OF COMMON HISTORY AND CULTURE. RESEARCH AND EDUCATIONAL SEMINAR..... 340

IN MEMORIAM

Илья Соломещ / Ilya Solomesch
ПАМЯТИ МАКСА ЭНГМАНА (27.09.1945–19.3.2020) / IN MEMORY OF MAX ENGMAN (27.09.1945–19.03.2020)..... 345

Виена-Туули Васара-Возгрин / Viena-Tuuli Vasara-Vozgrina
ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ВОЗГРИНА (1939–2020) / IN MEMORY OF VALERY EVGEN'EVICH VOZGRIN (1939–2020)..... 347

Ирина Винокурова / Irina Vinokurova
ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА КУЗЬМИЧА ЛОГИНОВА (1952–2020) / IN MEMORY OF KONSTANTIN KUZ'MICH LOGINOV (1952–2020) 353

Дмитрий Харитонович / Dmitry Kharitonovich
МЕМУАРЫ О ГУРЕВИЧЕ / MEMOIRS ON GUREVICH 360

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Дорогие читатели, этот год был трудным для всех. В условиях пандемии коронавируса были закрыты границы, отменены многие научные форумы, ограничен доступ в библиотеки и архивы, учёные вузов вынуждены были тратить время на переработку своих курсов для дистанционной формы обучения.

Но нет худа без добра. Научное сообщество освоило новые формы общения, апробирования результатов исследований и передачи научного знания. Более того — онлайн-формат позволил упростить доступ к этому новому знанию широким слоям общества, увеличив аудиторию научных конференций, семинаров, круглых столов за счёт любознательных пользователей Интернета. Появились новые формы распространения результатов научных исследований, например такие, как тематические научно-просветительские семинары-лектории для широкой публики. Прямая трансляция, сохранение видеозаписей таких мероприятий в Интернете расширили их аудиторию в сотни раз и это не может не радовать.

Адаптация исследователей к новым условиям жизни и работы проходила нелегко, что затруднило работу редколлегии научных журналов по сбору материалов для новых выпусков. Нам тоже пришлось несколько переформатировать структуру пятого выпуска, заменив рубрику «Материалы научных конференций» разделом «Научные сообщения». Из-за долгого отсутствия доступа к библиотекам и архивам мы вынуждены были на время приостановить публикацию научно-библиографического обзора периодики Карелии 2000-х годов на финском, карельском и вепсском языках.

В целом этот выпуск получился в значительной степени «карельским», большинство материалов посвящено истории и культуре карелов, что мы считаем вполне оправданным в год, когда Республика Карелия празднует столетие своей автономии. Не обойдены вниманием и другие юбилеи года — 100-летие подписания Тартуского мира, 80-летие окончания Советско-финляндской (Зимней) войны 1939-1940 гг.

Интересной и разнообразной получилась рубрика «Научная жизнь». Здесь, наряду с традиционными сообщениями о юбилеях, научных проектах, семинарах и новых книгах, размещены аналитические материалы о назначении и работе финляндского Фонда *Cultura*, а также о ситуации в области современной исторической финнистики.

Мы желаем нашим читателям здоровья и надеемся, что и в этом выпуске «Альманаха северо-европейских и балтийских исследований / *Nordic and Baltic Studies Review*» каждый найдёт что-то нужное и интересное для себя.

Ирина Такала
Александр Толстик
Александр Кривоноженко
Петрозаводск, 18 декабря 2020 г.

EDITORS' FOREWORD

Dear readers,

This year has been difficult for all of us. The Covid-19 pandemic forced state borders to close, many academic conferences were cancelled, and faculty were forced to spend time and resources on adapting their courses for distant learning.

But even dark clouds have silver lining. The academic community has mastered new forms of communication, new ways of discussing research findings, and new channels of sharing scholarly knowledge. Moreover, online formats simplified access to new knowledge for the broad public whose members increasingly use Internet to attend academic conferences, workshops, and roundtables. New forms of the public communication of research findings emerged such as popular topical lectures and workshops for lay audiences. With live and on-demand streaming to any Internet-connected device, their audience grew immensely, and this is encouraging.

The adaptation of scholars to the new conditions of life and work was not a straightforward process, and the editorial boards of scholarly journals have faced challenges in soliciting and obtaining materials for new issues. We had to revise the format of the current issue by replacing the section *Conference Papers* with a new one, *Scholarly Reports*. Due to a restricted access to libraries and archives we have also been compelled to temporarily stop the publication of our bibliographic survey of the periodicals of the Republic Karelia published in the 2000s in Finnish, Karelian, and Vepsian languages.

Overall, the current issue turned out to be largely 'Karelian,' as most of our materials examine the history and culture of the Karelians, something that we find reasonable for the year when the Republic of Karelia celebrates the one-hundred-year anniversary of its political autonomy. The issue also addresses two other anniversaries of 2020: the one-hundred-year anniversary of the Peace Treaty of Tartu and the eighty-year-anniversary of the conclusion of the Soviet-Finnish (Winter) War of 1939–40.

The current issue has an interesting and diverse section Academic Life. In addition to more traditional news of anniversaries, scholarly projects, workshops, and new books, we have published analytical materials on the mission and work of the Finnish foundation *Cultura* as well as an overview of the current state of the studies of Finnish history.

We are wishing you good health and hope that you will find something interesting and useful in this issue of the *Nordic and Baltic Studies Review*.

Irina Takala

Alexander Tolstikov

Alexander Krivonozhenko

Petrozavodsk, December 18, 2020

СТАТЬИ
ARTICLES

СУММАНЕН Ирина Михайловна / SUMMANEN Irina

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

irina.summanen@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В КАРЕЛИИ XIII — НАЧАЛА XV ВЕКА*

ORGANISATION OF POTTERY PRODUCTION IN KARELIA IN THE 13TH — EARLY 15TH CENTURY

Abstract: The earliest period of ancient Karelian people's history is known due to the archaeological surveys of medieval sites in the territory of the Karelian Isthmus and North-Western Ladoga area. The most substantial collections were obtained during the excavations of burial grounds and settlements. Analysis of materials from the latter ones (hill forts) allowed to rebuilt household and crafts of Karelians — pottery making as well. Wheel-thrown ceramics of the 13th — early 14th c. from fortified settlements remain the only source to be used for reconstruction of pottery production system in ancient Karelia as workshops it selves or bound to it objects have not been detected yet. The main characteristics of ceramic set (chronological, morphological, typological and technological parameters) were specified in earlier studies conducted with the application of traditional archaeological and contemporary natural science methods. Obtained results served for the reconstruction of ceramic production organisation in medieval Karelia. The paper concerns the production sphere of pottery manufacture through the description of its structural components (raw material base, pottery making technology, technical facilities).

Ключевые слова / Keywords: Археология, Средневековье, Карелия, древние карелы, гончарное производство, керамическая посуда, производство / Archaeology, Middle Ages, Karelia, ancient Karelians, pottery production, ceramics

Введение

В основе современных знаний о древнейшем периоде истории карельского народа лежат данные многолетних археологических исследований, осуществляющихся на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье с конца XIX в. по настоящее время. За практически полтора века на территории летописной карелы изучены погребальные и поселенческие памятники¹,

* Финансовое обеспечение исследований осуществлено за счет средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (тема НИР № АААА-А20-120011690077-8 «Комплексные исследования археологического наследия Карелии и соседних территорий (мезолит — Средневековье)»).

¹ *Appelgren H.* Suomen muinaslinnat: Tutkimus vertailevan muinaistieteen alalla. Helsinki, 1891 [Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (SMYA), vol. XII]. URL: <https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/handle/10024/89963> (15.12.2020); *Schwindt T.* Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sitä seuraavilta ajoilta Käkisalmen kihlakunnan alaltasaatujen löytöjen mukaan. Hesinki, 1893 (SMYA, vol. XIII). URL: <https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/handle/10024/89974> (15.12.2020);

тщательный анализ инвентаря которых позволил воссоздать облик материальной культуры древних карелов. Исследованы погребальная традиция, структура поселений, хозяйственная и производственная деятельность населения в эпоху развитого и позднего Средневековья. Предметом собственного исследовательского интереса стала гончарная керамика, которая подверглась комплексному анализу, нацеленному на типологическую, технологическую характеристику и хронологическую атрибуцию², однако освещение вопроса о системе организации гончарного производства в Приладожской Карелии не входило в число задач работы. Причиной тому стал ряд обстоятельств, обуславливающий гипотетический характер рассуждений относительно пространственно-структурной организации производства керамической посуды в средневековой Карелии, что в первую очередь связано с ограниченностью источниковой базы. Основу керамической коллекции (более 90%) составили находки из раскопок городищ корелы — Тиверска, Паасо, Хямеенлахти-Линнавуори, Соскуа-Линнамяки, Терву-Линнасаари и Лопотти-Линнавуори, меньшая часть изделий — найдена в погребениях. Не останавливаясь подробно на специфике такого типа памятников, как фортифицированные поселения³, замечу лишь, что в процессе их раскопок не были обнаружены какие-либо остатки производственных сооружений, технических устройств или запасов сырья для изготовления керамики. Поэтому единственным источником, на основании которого можно реконструировать систему организации гончарного производства древних карелов, стала гончарная посуда. Данный факт подразумевает дискуссионность выводов, построенных на анализе только готовой продукции — одной из нескольких составляющих производственной системы. Что касается письменных источников, то по изучаемому периоду они отсутствуют, а наиболее ранние упоминания, связанные с гончарством в средневековой Карелии, относятся к 60-м гг. XVI в. Несмотря на вышеперечисленные трудности, результаты морфолого-типологической классификации и технико-технологического анализа

Кочуркина С. И. Археологические памятники Корелы V–XV вв. Л., 1981; *Она же.* Древняя Корела. Л., 1982; *Она же.* Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, СПб., 2010; *Она же.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск, 2017; *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010; *Бельский С. В.* Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье. Результаты археологических исследований 2006–2009 годов. СПб., 2012.

² *Сумманен И. М.* Керамика средневековой Карелии (по материалам археологических памятников X–XV вв.). Петрозаводск, 2019.

³ Абсолютное большинство городищ располагались на вершинах скальных возвышенностей, обращенных к водоему, откуда открывался широкий обзор местности, что стратегически важно для обнаружения неприятеля, тогда как скальные обрывы служили естественным укреплением. Плотная застройка жилой площадки поселения практически не позволяла расположить там гончарную мастерскую. Кроме того, доставка необходимых для керамического производства воды, глины и топлива на возвышенность была бы весьма трудоемкой. Поэтому полагаю, что гончарные мастерские могли локализоваться вблизи источников воды, глинистого сырья и древесины, вполне вероятно — на территории селищ, которые ещё не известны исследователям.

материала дают возможность представить в общих чертах систему гончарного производства карелов в XIII — начале XV в.

Гончарство как производственная система и ее компоненты

По определению Ю. Б. Цетлина⁴, гончарство как сферу производства образуют четыре структурных компонента. Во-первых, это сырьевая база, т. е. виды сырья, которые гончары использовали для производства керамической посуды. Вторым компонентом является технология изготовления керамики, т. е. полный цикл производства сосуда. Третьим является технический инструментарий гончара — все устройства и приспособления, необходимые гончару для работы. И четвертое — это готовые изделия, которые представляют «закономерный результат взаимодействия первых трех компонентов»⁵. Поскольку сама посуда рассматривалась мною ранее, задачами настоящей статьи видится описание первых трех компонентов системы: сырьевой базы, технологии изготовления керамики и необходимого для этого технического инструментария.

Сырьевая база

В эпоху Средневековья большинство гончарных производств населения Северо-Запада Руси базировалось на использовании глин в качестве основного пластичного материала для изготовления керамики. Древняя Карелия не стала исключением — основу формовочной массы керамики городищ составляют глины двух видов, которые различаются химическим и минеральным составом⁶. Основное их отличие, которое позволяет визуальнo классифицировать керамику по виду исходного сырья, заключается в наличии или отсутствии железа, окисление которого в процессе обжига в условиях доступа кислорода приводит к окрашиванию черепка в оттенки красного и коричневого цветов. Большая часть сосудов (92%) сделана из ожелезненной глины, основой которой являются минералы иллит и монтмориллонит; поверхность этой керамики чаще имеет серо-коричневый цвет. Меньшая доля сосудов изготовлена из светложущейся глины — каолинитовой; такая керамика окрашена в грязно-белый цвет с бежевым оттенком. В качестве минеральной примеси использовались два вида материалов: дресва (83%) и, реже, песок. Анализы минеральных составов отощителей показали, что в обоих случаях

⁴ Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М., 2017. С. 48.

⁵ Там же.

⁶ Подробнее о минералогических исследованиях см.: Сумманен И. М., Чаженгина С. Ю., Светов С. А. Минералогия и технологический анализ керамики (по материалам средневековых памятников Северо-Западного Приладожья) // Записки Российского минералогического общества. 2017. № 3. С. 108–123; Сумманен И. М., Чаженгина С. Ю., Светов С. А. Геохимические (ICP-MS, LA-ICP-MS) и минералогические (SEM) исследования // Керамика средневековой Карелии (по материалам археологических памятников X–XV вв.). Петрозаводск, 2019. С. 234–236.

могли использоваться распространенные в Приладожье горные породы, например, для дресвы — плагиогнейсы Приозерской или Лахденпохской мигматитовых зон или элювий (обломки) магматических пород кислого и среднего состава. Песчаная примесь представлена дюнными (эоловые пески) или озёрным и флювиогляциальным отложениями.

Глины — распространенный природный материал, добыча которого не составляет большого труда, если не подразумевать промышленные масштабы запасов и не учитывать качественные характеристики сырья, предъявляемые к современному керамическому производству. Готовая продукция гончарства карелы демонстрирует частично сформировавшееся представление гончаров о глине как о сырье, способном выполнять функцию основного пластичного компонента, с добавлением примеси, обеспечивавшей необходимые физико-механические свойства формовочной массы (ФЗ, по А. А. Бобринскому⁷). Поэтому есть основания полагать, что для изготовления посуды могли применяться глины различного качества, что компенсировалось введением минерального отощителя, тогда как источниками глинистого сырья могли служить выходы, располагавшиеся относительно неглубоко от дневной поверхности. Предположение об использовании карелами местных глин для производства сероглиняных изделий подтверждают данные геохимических исследований⁸, в ходе которых образцы природных глин сравнивались с сырьем, из которого сделаны археологические сосуды (места забора проб локализованы в ареале древнекарельских городищ, см. рис. 1).

В любом случае, картографирование источников глинистого сырья по данным геологических изысканий⁹ показывает, что в исследуемом регионе имеется достаточное количество крупных месторождений (Лумиваара, Хийтольское, Хелюльское, Куокканиемское) и проявлений (Лухтиярви, Проланваара) различных видов глин (рис. 1). Причем, вопреки мнению об отсутствии источников светложгущейся каолиновой глины на территории Карелии, известны два проявления, одно из которых (Проланваара, оз. Янисъярви) находилось в географической доступности жителей Паасо (в 50 км к северу — северо-востоку от городища).

⁷ Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара, 1999. С. 82.

⁸ Сумманен П. М., Чаженгина С. Ю., Светов С. А. Геохимические (ICP-MS, LA-ICP-MS) и минералогические (SEM) исследования. С. 216–223.

⁹ Леонтьев А. Г. Глинистые породы // Минерально-сырьевая база Республики Карелия. Петрозаводск, 2006. Книга 2: Неметаллические полезные ископаемые. Подземные воды и лечебные грязи. С. 159–164; Голованов Ю. Б., Михайлов В. П. Каолин // Минерально-сырьевая база Республики Карелия. Петрозаводск, 2006. Книга 2: Неметаллические полезные ископаемые. Подземные воды и лечебные грязи. С. 48–55.

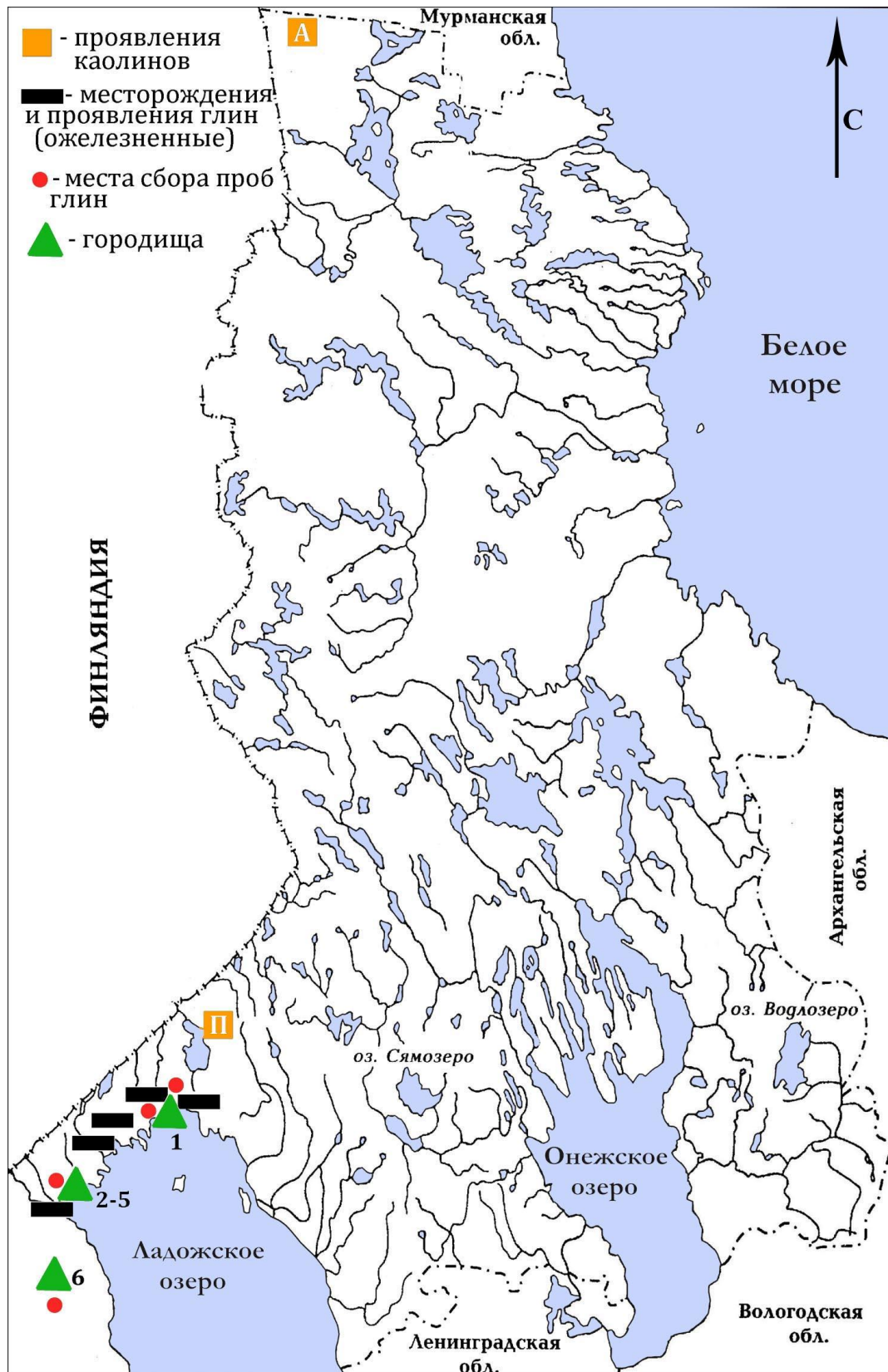

Рис. 1. Карта средневековых городищ корелы (1 — Паасо; 2 — Хямеенлахти-Линнауори; 3 — Соскуа-Линнамяки; 4 — Лопотти-Линнамяки; 5 — Терву-Линнасаари; 6 — Тиверский городок) и месторождений/проявлений ожелезненных и нежелезненных глин (П — Проланваара, А — Аухтиярви), приуроченных к данной территории

Данные топонимики показывают, что население Приладожской Карелии было издавна осведомлено о наличии большого количества естественных выходов глинистого сырья на поверхность. Подтверждением этому служит карта распространённости топонимов с основой *Savi*- 'глина' (перевод с финского языка¹⁰). В Северо-Западном Приладожье отмечено 37 наименований с топоосновой *Savi*- (рис. 2). Информация получена в результате анализа картографических материалов, размещённых на портале Национальной земельной службы Финляндии (*Maanmittauslaitos*), где собраны карты Карельского перешейка и Приладожской Карелии, составленные до 1939 г. (*Karjalan kartat*).

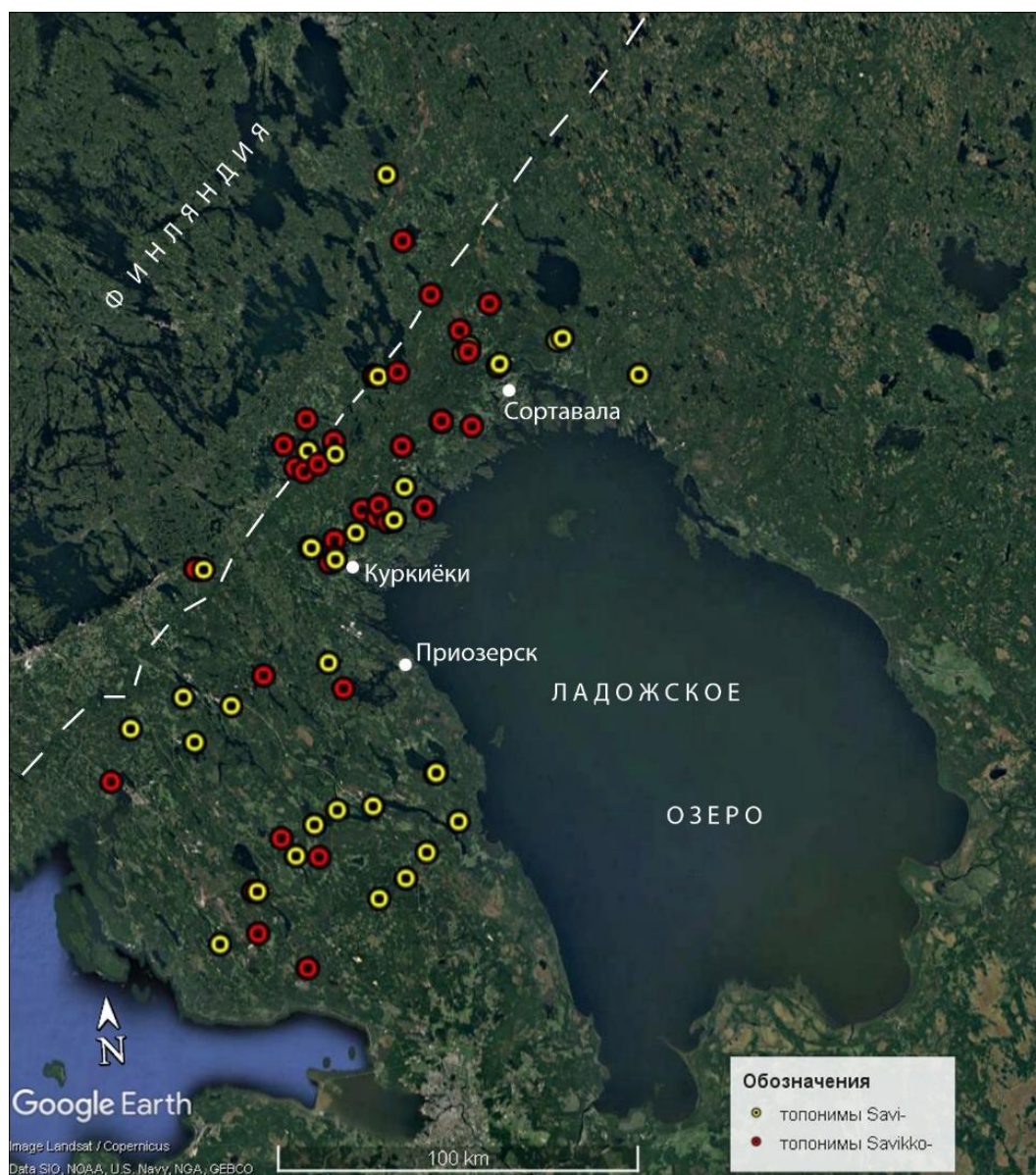

Рис. 2. Ареал топонимов с основой *Savi*- и *Savikko*- (источник карты: www.etomesto.ru)

¹⁰ Благодарю научного сотрудника сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН, к. ф. н. Е. В. Захарову за подробную консультацию и перевод названий.

Разнообразие топонимов *Savi-* маркирует различные условия залегания глинистых пород: вблизи водных объектов — *savijoki* ‘глинистая река’, *savioja* ‘глинистый ручей’; на различных формах рельефа суши — *saviselkä* ‘глинистая возвышенность’, *savivaara* ‘глинистая гора’, *saviojanvaara* ‘гора у глинистого ручья’, *savikumpu* ‘глинистый холм’, *saviabo* ‘глинистая поляна’, *savipelto* ‘глинистое поле’, *savikangas* ‘глинистый бор’, *saviojanniitty* ‘луг у глинистого ручья’. Отмечены топонимы, маркирующие объекты, материалом для строительства которых служила глина — *savisilta* ‘глиняный мост’, *savisillansuo* ‘болото рядом с глиняным мостом’(?), или связанные с керамическим производством — *savikon tiilitehdas* ‘место, где изготовляли кирпич’. О широком распространении глинистых почв в Северо-Западном Приладожье свидетельствует ещё одна группа топонимов — с основой *Savikko-* ‘суглинок, глинозем’, насчитывающая также 37 названий.

Технология производства: сырье и формовочная масса

Подготовительная стадия процесса изготовления керамики заключается в отборе исходного сырья, его обработке и составлении формовочной массы. Пока археологами не открыты древние копи (глиница), керамические мастерские и залежи запасов глин, использовавшиеся древними карелами для производства посуды, описание таких этапов, как добыча и подготовка пластичного сырья, может быть сугобо гипотетическим. По данным проведенных ранее дифференциального термического анализа и рамановской спектроскопии¹¹, среди исследованных образцов формовочных масс присутствуют как ‘чистые’ глины, характеризующиеся минеральным составом, так и с примесью органического вещества, которое в ряде случаев, идентифицировано как донные отложения. Таким образом, можно предположить, что более чистую глину добывали из копей, тогда как глина с органическими остатками могла браться с прибрежных участков рек, в местах, где берега были глинистыми. В современности, например, известны глиница близ п. Реускула (Сортавальский район Республики Карелия), глину с прибрежных участков можно добывать на реках Тохмайоки (Сортавальский район, п. Хелюля, рядом с городищем Паасо), Рахоланйоки (Савийоки) (Лахденпохский район, п. Куркиёки, вблизи городищ Лопотти, Хямеенлахти, Терву и Соскуа). Выявить признаки специфических приемов подготовки исходного пластичного сырья (вымораживание, отлеживание, отмучивание и пр.) по археологическому материалу не удастся. Что касается технологии составления формовочной массы, то, основываясь на визуальной оценке количества примеси в составе образцов

¹¹ Сумманен И. М., Чаженгина С. Ю., Светов С. А. Минералогия и технологический анализ керамики. С. 108–123; Chazhengina S. Y., Summanen I. M., Svetov S. A. Raman spectroscopy for firing conditions characterization: case study of Karelian medieval pottery // Journal of Raman Spectroscopy [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1002/jrs.5674> (16.03.2020).

археологической керамики и опыте реконструкции изделий по средневековым технологиям¹², осуществленным с использованием местного сырья (применялась глина¹³, добытая в окрестностях п. Реускула и дресва из местных кристаллических пород), наиболее оптимальным оказалось смешивание глины и дресвы в пропорции 2:1.

Конструирование сосуда

Ряд наблюдений над следами-признаками¹⁴, оставленными в процессе создания сосуда, свидетельствуют об абсолютном преобладании техники скульптурной лепки начина изделий. Применение гончарного круга в большинстве случаев ограничивалось функцией обработки поверхностей, формовки верхней части изделия и нанесения орнамента (для элементов линия и волна). Немногим менее 70% горшков имеют признаки РФК-3 (следы профилировки венчика и заглаживания внутренней поверхности горшка с помощью вращательного движения круга), 8 и 15% соответственно — черты РФК-3/4 и РФК-4 (признаки обтачивания основной части емкости на круге). При конструировании начина чаще применялась донно-емкостная программа (85% сосудов). Тело сосуда конструировалось путем кольцевого или спирального наклепа глиняных лент или жгутов (рис. 3: 1).

В ряде случаев данный способ идентифицируется прощупыванием стенок сосуда в вертикальном направлении, тогда ощущается амплитудное колебание их толщины. Следы конструирования при помощи наклепа могут прослеживаться на рельефе плохо заровненной внешней поверхности сосуда (рис. 3: 2), иногда места соединения лент фиксируются на внутренней стороне изделия (рис. 3: 3). Судя по немногим образцам керамики, сохранившимся на большую часть высоты, ширина глиняной ленты в состоянии финальной деформации варьирует в пределах 2–4 см. Конечное профилирование верхней части сосуда (плечо, шея, венчик) производилось с помощью круга. Поверхность изделия заглаживалась и, как правило (в 65% случаев), орнаментировалась¹⁵.

¹² Выражаю искреннюю благодарность мастеру-керамисту Оксане Учень (г. Сортавала) за плодотворное сотрудничество и помощь в организации работ по реконструкции средневековых сосудов.

¹³ Следует отметить, что глина, использованная для реконструкции, прошла цикл многоступенчатой подготовки (вымораживание, замачивание, промывка, очистка, вымешивание и отлеживание), что позволило придать материалу необходимые физико-механические свойства.

¹⁴ Подробнее о методике см.: *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. С. 37–66, 131–135.

¹⁵ Подробнее о декоре на посуде см.: *Сумманен П. М.* Керамика средневековой Карелии. С. 93–95.

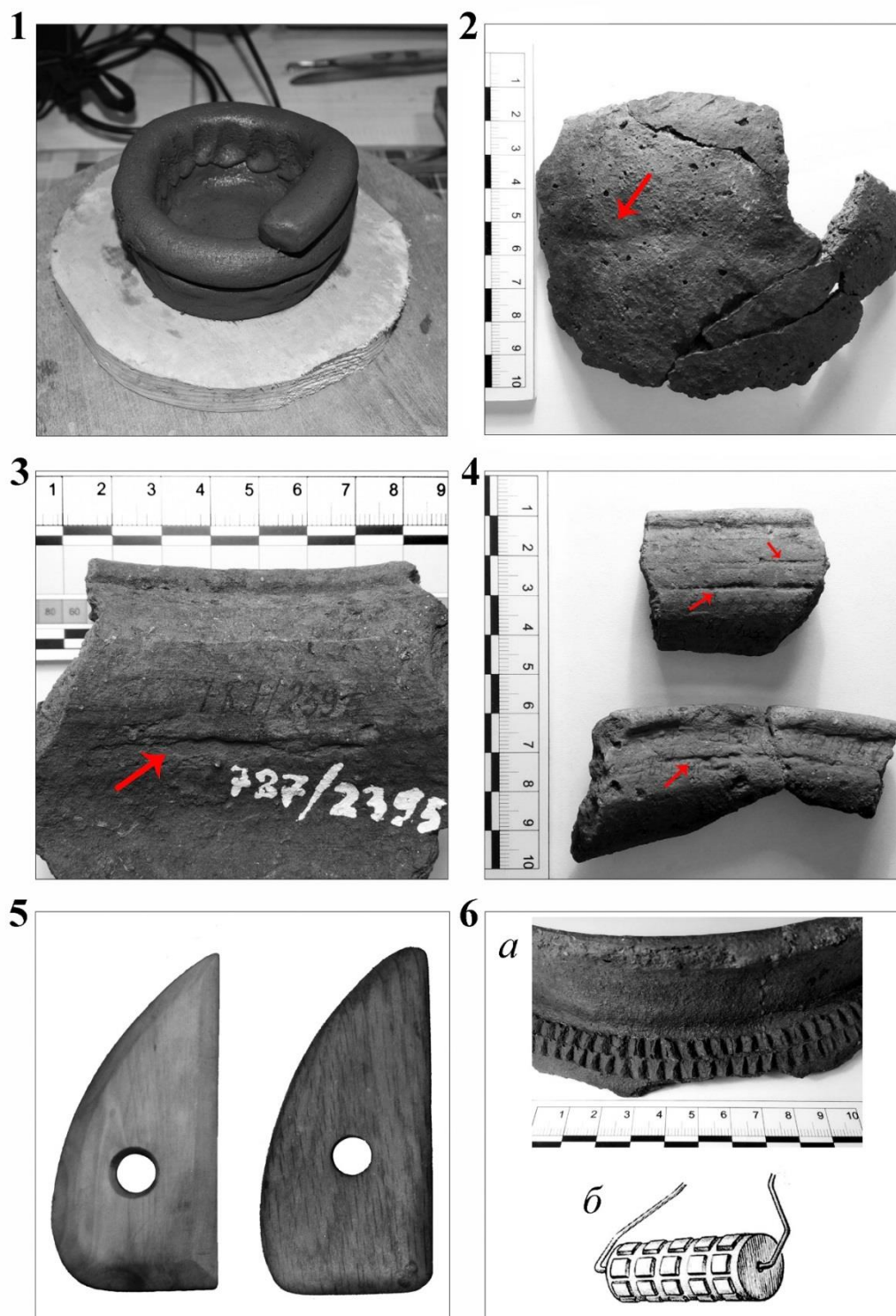

Рис. 3.

- 1 — экспериментальная реконструкция способа конструирования сосуда;
- 2 — место соединения лент/жутов на фрагменте археологической керамики;
- 3 — след налёпа ленты/жута, из которой сделан венчик сосуда;
- 4 — след от острия деревянного ножа на внутренней поверхности изделия;
- 5 — современные гончарные ножи (использованы в ходе экспериментальной реконструкции керамики);
- 6 — орнамент из отпечатков прокатанного штампа на плечике горшка (а); инструмент для нанесения прокатанного штампа (б) (фото из кн. А. А. Бобринского).

Обжиг керамики

Преобладал кратковременный обжиг изделий в окислительной обстановке (ок. 52%), что фиксируется по наличию трехслойной структуры среза черепка с четкими границами между прокаленным и непрокаленным слоями. Сосудов с признаками неполного окислительного обжига — большинство (ок. 80%), к посуде, обожженной в восстановительных условиях, можно отнести 20% изделий.

Технический инструментарий

Техническое оснащение, используемое в древнем гончарстве, является одним из ключевых критериев оценки стадии его развития. В производстве керамической посуды одним из основных технических устройств является гончарный круг. Воссоздание облика гончарного круга, использовавшегося в керамическом производстве карелы, возможно только по косвенным признакам, поскольку сами круги или их детали при раскопках не обнаружены. Предположительно для изготовления посуды жители средневековой Карелии могли использовать лёгкий круг ручного типа. Возможно, это был круг с грибовидным диском, который по археологическим и этнографическим данным является наиболее ранней разновидностью круга, распространившегося в пределах Северо-Запада Руси, и в сельской местности не выходил из употребления до первой половины XX в.¹⁶ Детали кругов с дисками грибовидной формы известны в Новгороде, где обнаружены две находки — половина диска из слоя конца X — первой четверти XI в. и основание гончарного станка с закрепленной в нем осью из напластований 80–90-х гг. XIII – 20–30-х гг. XIV в.¹⁷ Основаниями для предположения, что карелы могли использовать подобный инструмент, послужили наблюдения над качеством выделки сосудов. На медленную скорость вращения могут указывать следы от заглаживания поверхности, которые часто располагаются не параллельно, пересекая друг друга, что указывает на прерывистость вращательных движений. Среди возможных признаков использования легкого ручного круга — нарушение ритма орнамента, заметное на сосудах с линейным и волнистым узорами, и изредка фиксируемые огрехи формы венчика (кривизна окружности, западание высоты и пр.). Хотя в отношении перечисленных признаков следует согласиться с А. А. Бобринским¹⁸, справедливо отметившим трудность определения зависимости

¹⁶ Бобринский А. А. К изучению техники древнерусского гончарства // Вестник МГУ. 1962. № 2. С. 55; Плохов А. В., Софокин А. Н. Детали гончарных кругов с грибовидным диском из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород. 2006. С. 109.

¹⁷ Там же. С. 106–107.

¹⁸ Бобринский А. А. К изучению техники древнерусского гончарства. С. 62.

между производственными дефектами на керамике и навыками гончара или техническими приспособлениями, на которых он работает.

Теплотехнические устройства, использовавшиеся в гончарстве карелы, по всей видимости, были неспециализированными. Преобладание сосудов со следами неполного окислительного обжига свидетельствует об их термообработке в приспособлениях, которые обеспечивали свободный доступ кислорода, в то время как выдержка при температурах каления (>650–700 °С) глины не была длительной. По данным минералого-геохимических анализов, часть изделий (из ожелезненной глины) обжигалась в течение менее 2 часов¹⁹. Изучение минералов-маркеров атмосферных условий термообработки (окислительная/восстановительная среда) не дало однозначных результатов²⁰, что может быть связано с колебаниями условий в процессе обжига. Все эти признаки могут указывать на костровой или очажный обжиг, при использовании которого сложно обеспечить стабильные условия и равномерную термообработку изделий.

Для обработки поверхности и придания формы служебной части изделия, вероятно, применялся деревянный нож. В качестве следов от ножа рассматриваются бороздки, которые можно обнаружить на внутренней стороне венчиков археологической керамики (рис. 3: 4). В ходе экспериментального моделирования сосудов отмечено, что такие бороздки образуются при случайном касании поверхности изделия острым концом ножа (рис. 3: 5) в процессе заглаживания шейки и плечика сосуда изнутри при помощи закругленной части инструмента. Поэтому не исключено, что при изготовлении керамики древние карелы использовали деревянные инструменты, имеющие закругленную часть и заостренный конец. В археологических материалах известны разнообразные формы гончарных ножей²¹, некоторые из них близки современным²². Орнамент, присутствующий на керамике, позволяет в общих чертах представить набор инструментов для украшения посуды. Самыми простыми служили палочки с заостренным или закругленным концом, используемые для нанесения линий, волн,

¹⁹ Сумманен И. М., Чаженгина С. Ю., Светов С. А. Геохимические (ICP-MS, LA-ICP-MS) и минералогические (SEM) исследования. С. 235.

²⁰ Минералами-индикаторами атмосферных условий (окислительная/восстановительная среда) служат гематит и магнетит. В изученных образцах керамики фазовые переходы этих минералов не всегда фиксировались четко. Кроме того, в некоторых пробах эти минералы изначально входили в состав пород, что не позволяет однозначно интерпретировать их наличие как признак того или иного режима обжига (см. *Chazhengina S. Y., Summanen I. M., Svetov S. A. Raman spectroscopy for firing conditions characterization: case study of Karelian medieval pottery // Journal of Raman Spectroscopy* [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1002/jrs.5674> (в печати) (16.03.2020)).

²¹ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Рис. 95: 8–10; Мыльников В. П. Вспомогательные деревянные инструменты гончара из Албазинского острога (Амурская область) // Вестник НГУ. Серия: История и филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. Рис. 1: 6–9.

²² Ср.: Мыльников В. П. Вспомогательные деревянные инструменты гончара из Албазинского острога. Рис. 1: 7 и рис. 3: 5 настоящей статьи.

ямок, насечек. Специализированными можно считать предметы с подготовленной рабочей частью, например, в виде гребенки, которыми наносились многорядные линия и волна. Наиболее сложным с технической точки зрения был инструмент наподобие валика (рис. 3: 6, б) со штампом, прокатыванием которого наносился узор в виде оттисков (рис. 3: 6, а).

Заключение

По систематике керамических производств А. А. Бобринского²³, в основу которого положены определенные технологические параметры, отражающие эволюционные изменения в самом производственном процессе, гончарство корелы XIII — начала XV в. можно отнести к виду археогончарных. Так, основным видом исходного пластичного сырья была глина, тогда как закрепительная стадия (способы придания прочности и водонепроницаемости изделиям) технологического процесса состояла в неполном обжиге при температурах каления глины. Такое определение позволяет охарактеризовать гончарство корелы с производственной точки зрения, однако не меньший интерес представляет социально-экономическая сторона этой системы.

Анализ морфолого-типологических особенностей керамического набора древнекарельских городищ показывает, что единого центра производства посуды в Северо-Западном Приладожье (не учитывая Корелы) в рассматриваемый период, вероятно, не существовало. Вариативность форм внутри типов, отсутствие серийной продукции в коллекциях памятников свидетельствует о возможном эпизодическом производстве керамики, объем продукции которого, главным образом, был ориентирован на удовлетворение потребностей местного населения. По статистике распространения типов керамики на городищах можно с осторожностью предположить наличие двух (как минимум) «центров» по изготовлению сосудов — южного и северного, приуроченных к территории Тиверского городка (Корелы?) и крепости Паасо. В Тиверске господствует (44%) общерусский тип сосудов S-видной профилировки тулова с валикообразным венчиком (II), что можно объяснить близостью к Кореле, в гончарстве которой закрепились древнерусские традиции. На Паасо, напротив, самым многочисленным (30%) является специфический морфотип (IV) горшков с гофрированным венчиком, редко встречающийся в материалах памятников Северо-Запада Руси (рис. 4).

²³ Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара, 1999. С. 76–77, 105.

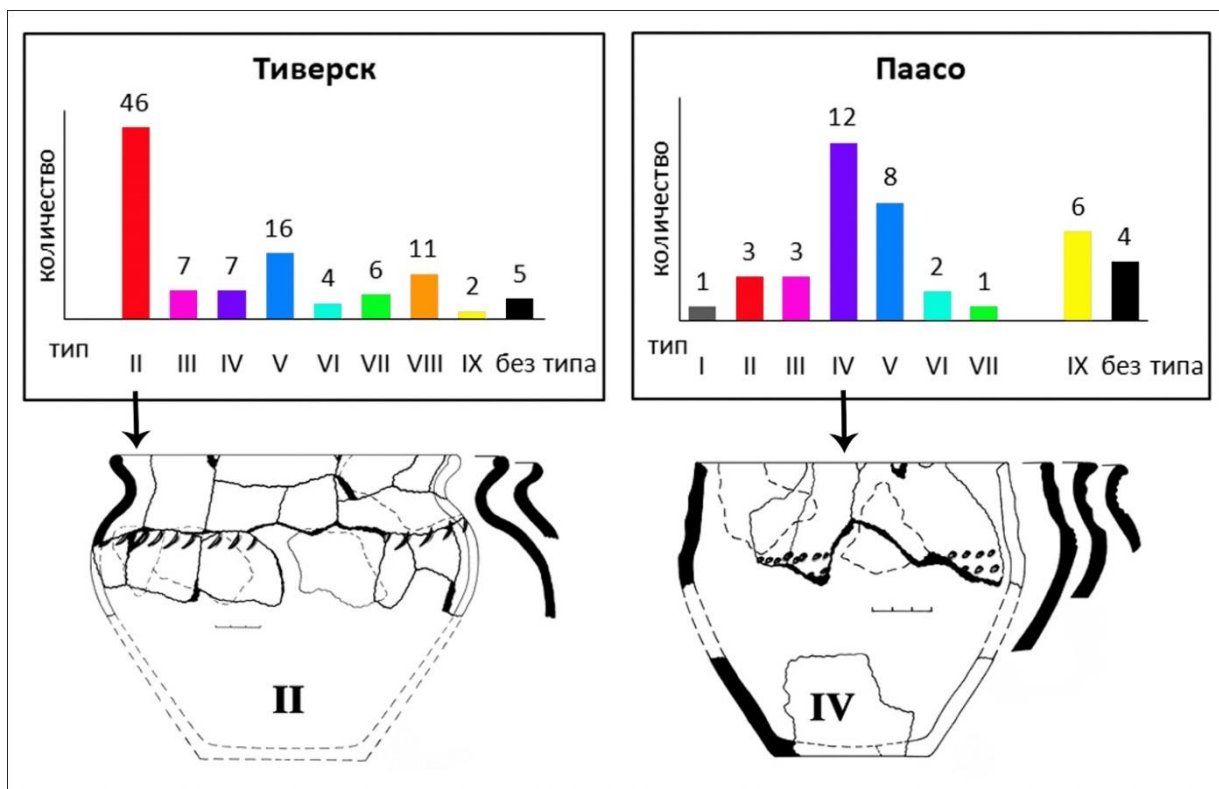

Рис. 4. Статистика распространения типов горшков на городищах Тиверск и Паасо

Обобщая наблюдения над характерными и специфическими чертами керамического набора, резонно предположить, что гончарство корелы в XIII — начале XV в. имело форму домашнего производства, поскольку профессиональное занятие ремеслом подразумевало отход от земледелия и промыслов, что ставило под угрозу само существование мастера. В письменных источниках профессиональные гончары упоминаются среди беднейших слоев населения, как в Средневековье²⁴, так и в более позднее время²⁵. В границах ареала городищ Северо-Западного Приладожья ремесленное производство посуды в больших объемах было бы нецелесообразным ввиду отсутствия обширного рынка сбыта²⁶. В таких условиях изготовление посуды могло быть сезонным и производиться в свободное от сельскохозяйственных работ время. Подобная практика также

²⁴ Пляхов А. В. К вопросу об организации гончарного производства на территории новгородских пятин в позднем Средневековье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/165.htm> (10.01.2020).

²⁵ Благоевещенский П. П., Гарязин А. А. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости, № 92. С. 13. [Электронный ресурс]. 1895. URL: <https://ogv.karelia.ru/magview.shtml?id=4670> (11.01.2020).

²⁶ Низкую востребованность профессиональных гончаров в регионе можно проследить по данным писцовой книги Водской пятины 1568/1569 г., сообщающей, что в «столице» Корельской земли — Кореле из 406 тяглых дворов (581 человек), только два принадлежали «горшечникам» (т. е. горшечникам) — Терешке Ондреву и Петрушке Павлову (см.: Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-uvulta*=История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 61–62, 72).

известна по данным этнографии: в конце XIX в. в Юго-Восточном Приладожье выделкой горшков занимались в осенне-зимний период — с октября по февраль/март²⁷. Обозначенные выше допущения могут быть справедливы для территорий, тяготеющих к северу ареала — городищу Паасо. Косвенным²⁸ признаком отсутствия гончара-профессионала и стабильного производства керамической посуды в данной местности служат небольшие серии (2–4 шт.) изделий, обнаруженных на Хямеенлахти и Паасо, которые отличаются от остальной керамики по внешнему облику и технологическим параметрам, но не по составу формовочной массы, что указывает на возможность их изготовления приезжим мастером из местного сырья.

Что касается Тиверского городка, то господство горшков «общерусского» типа II не обязательно свидетельствует о работе профессионального ремесленника, производившего однотипные изделия. Преобладание горшков с валикообразным венчиком могло быть подражанием моде гончарства Корелы, на котором, как отметил А. Н. Кирпичников²⁹, особенно прослеживалось влияние древнерусского городского ремесла. Не исключено также, что часть керамики данного типа попадала в Тиверск напрямую из Корелы. Учитывая заметную вариативность форм тиверской посуды внутри типа II имеются основания полагать, что его могли составить как сосуды узколокального производства, функционировавшего вблизи Тиверска, так и продукция ремесленного центра Карельской земли — Корелы. В любом случае для точной локализации гончарных центров необходимо исследовать производственные комплексы, задача обнаружения которых остается актуальной для будущих археологических исследований.

Список литературы

Бельский, С. В. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье. Результаты археологических исследований 2006–2009 годов / С. В. Бельский. — Санкт-Петербург: Наука, 2012. — 240 с.

Благовещенский, И. И., Гарязин, А. Л. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин // Олонецкие губернские ведомости. — 1895. — № 92. — С. 11–13. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ogv.karelia.ru/magview.shtml?id=4670>. — (11.01.2020).

Бобринский, А. А. Древнерусский гончарный круг легкого типа на территории северо-западных областей РСФСР / А. А. Бобринский // Вестник МГУ. — 1961. — № 4. — С. 54–69.

²⁷ Благовещенский И. И., Гарязин А. Л. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. С. 13.

²⁸ Поскольку сосуды не обязательно были самостоятельным объектом купли и, например, могли являться сопутствующей тарой для приобретаемых продуктов или предметом дарения.

²⁹ Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 73.

Бобринский, А. А. К изучению техники древнерусского гончарства / А. А. Бобринский // Вестник МГУ. — 1962. — № 2. — С. 39–54.

Бобринский, А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А. А. Бобринский. — Москва : Наука, 1978. — 275 с.

Бобринский, А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения / А. А. Бобринский // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. — Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. — С. 5–109.

Голованов, Ю. Б. Каолин / Ю. Б. Голованов, В. П. Михайлов // Минерально-сырьевая база Республики Карелия. — Петрозаводск : Карелия, 2006. Книга 2: Неметаллические полезные ископаемые. Подземные воды и лечебные грязи. — С. 48–55.

Кирпичников, А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) / А. Н. Кирпичников // Финно-угры и славяне. — Ленинград : Наука, 1979. — С. 52–74.

Кочкуркина, С. И. Археологические памятники Корелы V–XV вв. / С. И. Кочкуркина. — Ленинград : Наука, 1981. — 160 с.

Кочкуркина, С. И. Древняя Корела / С. И. Кочкуркина. — Ленинград : Наука, 1982. — 216 с.

Кочкуркина, С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья / С. И. Кочкуркина. — Петрозаводск, Санкт-Петербург : Взлет, 2010. — 264 с.

Кочкуркина, С. И. Археология средневековой Карелии / С. И. Кочкуркина, А. М. Линевский. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2017. — 280 с.

Леонтьев, А. Г. Глинистые породы / А. Г. Леонтьев // Минерально-сырьевая база Республики Карелия. — Петрозаводск : Карелия, 2006. Книга 2: Неметаллические полезные ископаемые. Подземные воды и лечебные грязи. — С. 158–164.

Мыльников, В. П. Вспомогательные деревянные инструменты гончара из Албазинского острога (Амурская область) / В. П. Мыльников // Вестник НГУ. Серия: История и филология. — 2014. — Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. — С. 221–227.

Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах=Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-uvuilta. — Петрозаводск; Йоэнсуу : б. и., 1987. — С. 52–178.

Плохов, А. В. К вопросу об организации гончарного производства на территории новгородских пятин в позднем Средневековье / А. В. Плохов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. — 2007. — Вып. 21. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/165.htm>. — (10.01.2020).

Плохов, А. В., Сорокин, А. Н. Детали гончарных кругов с грибовидным диском из раскопок в Новгороде / А. В. Плохов, А. Н. Сорокин // Новгород и Новгородская земля. История и археология. — 2006. — Вып. 20. — С. 105–114.

Сакса, А. И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли / А. И. Сакса. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. — 400 с.

Сумманен, И. М. Керамика средневековой Карелии (по материалам археологических памятников X–XV вв.) / И. М. Сумманен. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. — 265 с.

Сумманен, И. М., Чаженгина, С. Ю., Светов, С. А. Минералогия и технологический анализ керамики (по материалам средневековых памятников Северо-Западного Приладожья) / И. М. Сумманен, С. Ю. Чаженгина, С. А. Светов // Записки Российского минералогического общества. — 2017. — № 3. — С. 108–123.

Сумманен, И. М. Геохимические (ICP-MS, LA-ICP-MS) и минералогические (SEM) исследования / И. М. Сумманен, С. Ю. Чаженгина, С. А. Светов // Керамика средневековой Карелии (по материалам археологических памятников X–XV вв.). — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. — С. 215–265.

Цетлин, Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода / Ю. Б. Цетлин. — Москва : ИА РАН, 2017. — 346 с.

Appelgren, H. Suomen muinaslinnat : tutkimus vertailevan muinaistieteen alalta / H. Appelgren. — Helsinki : Suomen muinaismuistoyhdistys, 1891. — 237 s. — (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, vol. XII). — URL: <https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/handle/10024/89963>. — (15.12.2020).

Chazhengina, S. Y. Raman spectroscopy for firing conditions characterization: case study of Karelian medieval pottery / S. Y. Chazhengina, I. M. Summanen, S. A. Svetov // Journal of Raman Spectroscopy [Электронный ресурс]. — DOI: <https://doi.org/10.1002/jrs.5674>. — (В печати). — (10.01.2020).

Schwindt, T. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sitä seuraavilta ajoilta Käkisalmen kihlakunnan alaltasaatujen löytöjen mukaan / T. Schwindt. — Helsinki : Suomen muinaismuisto-yhdistys, 1893. — 206 s. — (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, vol. XIII). — URL: <https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/handle/10024/89974>. — (15.12.2020).

RAATIKAINEN Riitta / РААТИКАЙНЕН Риитта

University of Eastern Finland / Университет Восточной Финляндии

Finland, Joensuu / Финляндия, Йоэнсуу

riitta.raatikainen@uef.fi

KARELIA AND KARELIAN PEOPLE IN NORDIC EXPEDITIONERS' PHOTOGRAPHS FROM THE LATE 19TH CENTURY

КАРЕЛИЯ И КАРЕЛЫ НА ФОТОГРАФИЯХ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОНЦА XIX ВЕКА

Аннотация: В конце XIX в. по северу Карелии — как российской Беломорской, так и финской — путешествовали многие скандинавские и финляндские исследователи. Фотография для них была средством фиксации данных — техническим и в принципе нейтральным. Якобы просто воспроизводящие реальность фото предоставляли наделённым властью инстанциям ценные сведения о населении, географии, геологии и природных ресурсах. Ориентированные на сбор этнографической информации исследователи сосредотачивались на том, что казалось им подлинным. Шум настоящей жизни заглушался, а процессы модернизации останавливались, когда фотографы творили свою Карелию с её экзотикой, мифами и народными верованиями.

Keywords / Ключевые слова: Karelia, late 19th century, Nordic expeditions, national identity, photography, representation / Карелия, конец XIX в., североевропейские экспедиции, национальная идентичность, фотография, репрезентация

Through images, Northern Karelia and its culture gained public awareness in Finland and Scandinavia in the late 19th century. In those days, photography was rather new, though developing rapidly. The camera offered researchers a new medium for taking notes and a means of documenting the visual aspect of their subjects in a way that was considered objective and scientific.¹ Its technical complexity dictated that the method was limited to carefully controlled circumstances at first: until the 1880s, field photography required carrying not only the camera and photographic plates but also all the darkroom equipment and chemicals. Furthermore, before a photograph could be reproduced in books or magazines, a hand-crafted printing block had to be created to replicate its content. Use of negatives and photographic printing would not become widespread until the next century.

The first Nordic expeditioners to reach Karelia, in the early 1800s, were collectors of folk poetry. They were soon followed by researchers surveying language and culture,

¹ Allan Sekula, "The Body and the Archive," in Richard Bolton (ed.) *The Contest of Meaning: Critical Histories of Photography* (Cambridge MA & London: The MIT Press, 1989), 353.

along with the areas' populations, natural resources, and social conditions.² When Elias Lönnrot was compiling the oral poetry of Karelia in the 1830s, photography had not yet been invented; however, change was afoot. Lönnrot's work, especially significantly his publishing of the *Kalevala* epic,³ was tied in with the emergence of photography and the other great breakthroughs of the 19th century, which we have come to refer to as modernisation. The overall development was characterised by rapid advancements in the natural sciences and technology; the conquest of information on less known parts of the world; and intentions to identify, register, and organise the phenomena encountered. These motives were often bound up with economic, political, and cultural colonialism. In parallel with modernisation and colonialism, romanticism expressed a tendency to record and preserve cultures that were considered original or unspoilt.

There were various facets to this project, informed by interests that ranged from prospecting to phrenology. Layered upon the diverse incentives behind the photography have been numerous interpretations of the resulting materials, taken as evidence for a vast array of claims. As Allan Sekula has noted with regard to the people photographed, the 'system of representation was capable of functioning both honorifically and repressively.'⁴ For the researchers of the day, Karelian people always represented the other. Even beyond contexts of romanticism, as emphasis on evolutionary systems swept through the sciences, remote groups were perceived as lower levels of humanity — if not noble savages, savages nonetheless.⁵

With this article, I will introduce some of the Finnish and Scandinavian photographers who explored Northern Karelia, both Russian White Sea Karelia and Finnish Karelia, in the second half of the 19th century. This account is more historical than interpretive in focused and is aimed at providing a backdrop for interpretation, by chronicling what the Nordic expeditioners brought to the research setting and saw there.

There were several key players on the scene. Firstly, **Jens Andreas Friis** (1821–1896), a Norwegian ethnologist and researcher of Sami languages, travelled to Finland on a journey through Northern Norway, the Kola Peninsula, and White Sea Karelia in summer 1867. Collector of Finnish poetry **Aksel Berner** (1843–1892) took the first well-known photographs of Karelian rune-singers in summer 1872. In the following year, **Gustaf Retzius** (1842–1919), a Swedish researcher of medicine and

² Hannes Sihvo, *Karjalan kuva. Karelianismin taustaa ja vaiheita autonomian aikana* (Helsinki: SKS, 2003), 336.

³ The *Kalevala* is the national epic of Karelia and Finland. It appeared in printed form in 1835 with a first edition compiled and edited by Elias Lönnrot on the basis of the epic folk poems he had collected in Finland and Russian Karelia. See <https://finland.fi/arts-culture/kalevala-the-finnish-national-epic/> (accessed December 12, 2020).

⁴ Sekula, "The Body and the Archive," 345.

⁵ Ibid, 348; see also William J. T. Mitchell, *Seeing through Race* (Cambridge, MA, & London: Harvard University Press, 2012), XII.

anthropologist, travelled Finland and Russia to investigate the distinguishing features of Finnish tribes. Representing rather different interests, **Wilhelm Ramsay** (1865–1928) was a Finnish geologist who began to explore and photograph Northwest Russia in 1887. Another figure taking several trips to the region was **Louis Sparre** (1863–1964), a Swedish visual artist who lived in Finland and made visits to Northern Karelia in the early 1890s, illustrating and photographing the people and their immediate surroundings. **Yrjö Blomstedt** (1871–1912) and **Viktor Joachim Sucksdorff** (1866–1952), both Finnish architects, recorded material traditions of Kainuu and Karelia in summer 1894. Finally, the same year saw Finnish photographer **Into Konrad Inha** (1865–1930) spend five months working in Northern Karelia. Also, Inha made several photography trips to the vicinity of Lake Ladoga in the course of that decade.

Although Inha is considered the most prominent photographer of Karelia, many of the themes and recurring motifs he emphasised had become established as emblematic of Karelian culture before his famous journeys. Village landscapes, the buildings with particular interior and exterior details, traditional costumes and crafts, the area's festivities and rituals, the chapels and cemeteries of Karelia, and its travellers and rune-singers all caught the attention of many other photographers of the late 19th century. What humanists sought in Karelia was the authentic ancient world of the *Kalevala*, which they felt was threatened by the surrounding developing society. For instance, Sparre hoped to find a land of the past 'where the national epic lived on and where the customs and lifestyle were similar to those among the *Kalevala* [...] people in many respects.' He felt that 'the final opportunity to record even the smallest and most insignificant details'⁶ was at hand. Likewise, Inha cited the threat of change when appealing for funds from *Suomalaisen Kirjallisuuden Seura* (the Finnish Literature Society) for his expedition to photograph Karelia: 'Year after year, those regions are marred by foreign influences from the east, south, and west alike, chipping away at the environment in which the poems of the *Kalevala* were sung.'⁷

The early photographers were central to inscribing Karelia in images. Research into art has introduced the concept of master images, long-standing visual archetypes that constantly inspire new versions and, in turn, are commented upon by those new works. Master images are culturally charged core images through which we observe the subjects represented.⁸ They serve as visual guides along the path directing how imagined communities form,⁹ for a photograph is not merely signs on a surface. Rather, it is a form

⁶ Louis Sparre, *Kalevalan kansaa katsomassa* (Porvoo: WSOY, 1930), 17.

⁷ Pekka Laakosnen (ed.) *I. K. Inha 1894. Valokuvaaja Vienan Karjalassa* (Helsinki: SKS, 1990), 6.

⁸ Juhani Pallasmaa, *Maailmassaolon taide. Kirjoituksia arkkitehtuurista ja kuvataiteista* (Helsinki: Painatuskeskus, 1993, 124; Tuula Karjalainen, *Kantakuivat — yhteinen muistimme* (Helsinki: Maahenki, 2009), 21.

⁹ See also Benedict Anderson's *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (London: Verso, 1991).

composed of numerous threads of discourse, together operating as an active agent in a relationship of dialogue with the world and working jointly with that world. Images are born of tales and merge into other cultural texts. Mitchell (2005) described the relations at play: 'It seems that images are not just things that appear **in** media, but also in some sense a medium, perhaps a meta-medium that transcends any specific material incarnation, even as it always requires some concrete form in which to appear' (emphasis in original).¹⁰

Master images control how we see, perceive, experience, and present their themes. The photographs from the 19th century gave Karelia a landscape and a face, which our eyes continue to seek and the features of which they identify. It is because of these photographs that we still consider a certain Karelian lifestyle 'typical' and 'pure' more than a century later. The format of master images extends back to the earliest traditions of painting, and it is precisely this that leads us in the twenty-first century to crop our photographs of Karelian riverside villages in the same way Inha and Sparre did in the late 1800s.¹¹

The impact of master images is so deep that their contents are easily taken for granted. However, the reality of the images is confined to their respective internal world. Phenomenology regards photographs not as a part of the perceived reality but, instead, as a simplifying 'cut' that separates the subject from its original environment.¹² Tellingly, photographs from the 19th century are in black and white. While this later came to be commonly regarded as a technical deficiency, it only highlights their ability to separate themselves from the perceived reality into their own two-dimensional, simplified reality.

The images are affected by the broad social paradigms and conventions related to photography as a medium. When one examines the Karelian lifestyle expressed in photographs, it is important to ask how the early photographers chose their subjects and what they cropped out of the frame. Answers can be found both within the photographs and in the contexts beyond them. Elisabeth Edwards teased apart photography's connections with reality through the 'dense context' concept. She has emphasised that the traditional context-related matters of who, what, where, when, how, and why do not suffice to explain all the layers of meaning in photographs. Naturally, knowing the settings behind the existence and creation of the photographs in question is necessary if we are

¹⁰ William J. T. Mitchell, *What Do Pictures Want? The Lives and Loves of Images* (Chicago & London: The University of Chicago Press, 2005), 294.

¹¹ Karjalainen, *Kantakuvat*, 8–12, 21–22.

¹² Saara Hacklin, "Ihminen, paikka, arkisto," in Petronella Grönroos, Saara Hacklin, and Sara Ahde (eds) *Tiheä betki. Valokuvan vuosikirja* (Helsinki: Musta Taide, 2018), 144.

to understand the photograph as a historical document, but Edwards goes further, stressing that context is more than a mode of explanation.¹³

The density of contexts can be regarded, in the photographic domain, as an abstract opacity or overlap of transparent layers. The dense network of contexts extends far beyond the situation in which the photograph was taken – Edwards writes that it is ‘a dynamic and dialogical shape of broader discourses which constitute the whole cultural theatre of which photographs are part.’¹⁴ The density of contexts encompasses links beyond the direct reality connections expressed in the photographs, connections to the creation of the photograph and to prevailing assumptions at the time of its interpretation, coupled with the connections between the two. Furthermore, continues Edwards, ‘[o]ther contexts, that we may never know fully, were embedded in the complexities of the moment, giving a different shape, lurking within the photographs. The silences of photographs are not necessarily an emptiness but the ‘active presence of absent things.’”¹⁵

Photo 1.

By J. A. Friis. Clergy house in Pyaozersky (Pääjärvi), possibly at Lake Topozero (Tuoppajärvi), 1867.
Finnish Heritage Agency.

¹³ Elisabeth Edwards, “Negotiating Spaces: Some Photographic Incidents in the Western Pacific,” in Joan M. Schwartz and James Ryan (eds) *Picturing Place: Photography and the Geographical Imagination* (London & New York: I. B. Tauris, 2003), 262–263.

¹⁴ Ibid, 262.

¹⁵ Ibid, 263, quoting Paul Válerý from Greg Dening’s *Performances*, 116.

The Photographers in Karelia

Among the first photographers of the northern stretches of Karelia, Friis had gained renown in and beyond his native Norway as a linguist and ethnologist¹⁶ before setting out in summer 1867 on a joint expedition with historian Ludvig Kristensen Daa to Northern Norway and the Kola Peninsula. As they traversed White Sea Karelia on their return to Kuusamo,¹⁷ Friis recorded the landscapes, buildings, and people encountered, via his photographic plates. At the time, the wet-plate technique of photography predominated, in which the plates must be coated with a photosensitive emulsion immediately before exposure, after which they have to be developed and fixed immediately. For this reason, photographers had to carry a bulky camera and heavy, fragile photographic plates made of glass, along with an array of chemicals and a full portable laboratory that permitted dimming the lights. Exposure times were so long that only the stillest of subjects could be photographed properly. Moreover, the technique's dependence on natural light restricted the scope of the photography to images captured outdoors.

In 1871, Friis published the book *Yksi kesä Finnmarkissa, Venäjän Lapissa ja Karjalassa* ('One Summer in Finnmark, Russian Lapland, and Karelia'),¹⁸ which describes his trip and his observations on the region's population, nature, and social conditions. He was especially interested in customs and traditions. In the book, Friis quotes from a description of Russian Karelian engagement and wedding traditions provided by Russia's Pawlo Tschubynskij in the 1865 *Trudy Archangelskavo statistischeskavo komiteta* ('Proceedings of the Arkhangelsk Statistical Committee'). That description and his own work form part of a tapestry in which marriage-related rituals carried over as a central theme of many literary descriptions and photographs (e. g., by Sparre and Inha). Later, they proved central also to Finland's first full-length documentary film, with the English title *Karelian Wedding in the Land of the Kalevala*, which was filmed in Suojärvi and released in 1921.¹⁹

Friis illustrated his book with woodcuts of his photographs, but one album of photographs he compiled in 1868 with his original prints has survived in Finland.²⁰ Nomenclature has complicated cataloguing the work, however, in that he refers

¹⁶ Biography; see also Hans Lindkjølen, "J. A. Friis," in *Norsk biografisk leksikon*, February 13, 2009, https://nbl.snl.no/J_A_Friis (accessed December 12, 2020).

¹⁷ Kari Myklebost, "In Search of Essential Lapland: The Ethnographic Travels of Jens A. Friis in Northwest Russia (1867) and Sergey Segel in Northern Norway (1907–1909)," in Tatjana N. Jackson and Jens Petter Nielsen (eds) *Russia — Norway: Physical and Symbolic Borders* (Moscow: Languages of Slavonic Culture, 2005), 144.

¹⁸ Also printed in Swedish, as *En Sommer i Finnmarken, Russiske Lapland og Nordkarelen. Skildringer af Land og Folk*, in 1872. The organisation Karjalan Sivistyseura has published a Finnish-language electronic book covering the chapters pertaining to the White Sea's shores and Northern Karjala: <http://www.karjalansivistysseura.fi/tarinat/sabkokirjat/yksi-kesa-finnmarkissa-venajan-lapissa-ja-karjalassa> (accessed December 12, 2020).

¹⁹ See https://elonet.finna.fi/Record/kavi.elonet_eloqua_107922 (accessed December 12, 2020).

²⁰ Sven Hirn, *Ateljeesta luontoon. Valokuvauksen ja valokuvaukset Suomessa 1871–1900* (Helsinki: Suomen valokuvataiteen museon säätiö, 1977), 42–43.

to the region as Northern Karelia on some occasions and Russian Karelia in other places,²¹ and the original location photographed cannot always be pinpointed accurately. Another relevant factor with regard to context is that, although travellers were familiar to the people of Karelia, Friis was met with curiosity and awe as a pioneering photographer. He shares his experiences in Kovda, located in the northern hinterlands of Karelia:

People here in Kovda accept my photographing. They gather around and watch with fascinated looks, mixed with a hint of dread, this curious contraption that has never been seen here before, turning anything and everything into a painting. My interpreter tells me that some of the older Old Believer women mumbled about it bringing diseases upon people and that it should be forbidden. However, they have now seen me take photographs of the warden and his wife as well as their priest, all of whom are alive and unscathed with a medal on their chest.²²

Religion is one of the central themes of Friis's imagery. He photographed churches on the shores of Norway and then Orthodox chapels as he crossed the Russian borderland. In the chronicle of his travels, he describes his trip to Lake Topozero, possibly the setting for his photograph of a Karelian clergy house. An island in the lake, on which that building stood, had once been among the bases for the Old Believers who operated outside the Church.²³ According to Friis, as many as 300 monks had earlier lived in the monastery of the Old Believers, and there once was a nunnery in the area also. All these communities had been disbanded by the authorities in the 1850s, several years before Friis's visit.²⁴

The monasteries at Lake Topozero were already known to scholars, partly on account of the visits by Lönnrot.²⁵ They also drew a group of Finnish poetry-collectors to the area (White Sea Karelia, also known as *Vienan Karjala* in Finnish) in summer 1872.

²¹ Jens Andreas Friis, *Yksi kesä Finnmarkissa, Venäjän Lapissa ja Karjalassa. Kuvausmaasta ja kansasta 1871* (Helsinki: Karjalan Sivistysseura, 2016), 12–13, 22.

²² *Ibid.*, 12.

²³ In this context, 'Old Believers' refers to a movement formed in the 17th century that opposed the reforms of the Russian Orthodox Church. Supporters of this movement lived on the remotest outskirts of the country. See also Julia A. Lajus, "Colonization of the Russian North: A Frozen Frontier," in Christina Folke Ax, Niels Brimnes, Niklas Thode Jensen, and Karen Oslund (eds) *Cultivating the Colonies: Colonial States and Their Environmental Legacies* (Ohio: Ohio University Press, 2011), 168.

²⁴ Friis, *Yksi kesä Finnmarkissa Venäjän Lapissa ja Karjalassa*, 29–33, per <https://finna.fi/Search/Results?page=3&join=AND&bool0%5B%5D=AND&lookfor0%5B%5D=%22Friis+J.+A.%22&type0%5B%5D=Author> (accessed December 12, 2020).

²⁵ Elias Lönnrot, *Matkat 1828–1844* (Espoo: Weilin & Göös, 1981), 221–225. Yuri Shikalov wrote about transmissible diseases in Viena Karjala, in his dissertation *Ilona on kääki metsässä, ilona lapsi perehessä. Syntymä, imenäiskuolleisuus ja aviottomat lapset Vienan Karjalassa ja Vienanmeren länsirannikolla 1860-1910-luvulla* (Helsinki: SKS, 2007).

The group consisted of Arvid Genetz, Axel August Borenus, and Berner²⁶ as the expedition's photographer. Eight prints of his material have survived in the archives of the Finnish Literature Society. Two of these photographs portray rune-singers Jyrki and Ohvo Malinen, and two present another highly regarded rune-singer, Miihkali Perttunen. There are also two images of buildings, one of them featuring a wooden house that resembles a church – which, according to archival records, were captured in Skiita, the area of the former nunnery at Lake Topozero. The final two images depict groups of people, one described as the family of Jouhko Karhunen and the other capturing the people who had once lived in Skiita.

Similarly to Friis, Berner and his group observed that posing for a photograph was not a matter of course for every Karelian. Borenus remarked on 'a small incident in Panozero [Paanajärvi], in which cameras were blamed unduly out of fear of spreading cholera.'²⁷ This is consistent with the suspicions Friis had heard expressed about photography 'bringing diseases upon people.'²⁸ When Inha worked in the villages of Karelia around 20 years later, he was struck by how familiar photography had become to most people in this locale over the intervening years. Nonetheless, many Old Believers remained wary of being photographed.²⁹

There were many skilled masters of poetry, spells, and other oral folk traditions living in White Sea Karelia in the early 1870s. Three of them ended up in Berner's photographs in Voknavolok (Vuokkiniemi). The Malinens were members of a renowned rune-singing family, with Jyrki being one of the best rune-singers in the entirety of Russia while Ohvo was known as a seer and sorcerer.³⁰ Spells gave him confidence for the photography encounter, as Borenus recounted in the magazine *Suomen Kuvalehti*:

Thanks to his lively and fiery personality, Ohvo happily showed off his abilities and was now clad in a flashy coat – which had been offered to him by a young fellow who had visited Finland — in honour of the occasion, in contrast to Jyrki, who had declined the same offer and, instead, showed up in nothing more than his own plain but clean outfit. It is also worth mentioning, to further describe his personality, that Ohvo was chanting incantations while being photographed, as a spell against this magic he was unfamiliar with, making his 'jaw tremble and head shake' to the photographer's great dismay.³¹

²⁶ See also Axel August Borenus, "Runonkeruumatkalta Wenäjän Karjalassa v. 1872," in *Suomi. Kirjoituksia isän-maallisista aineista. Toinen Jaksio*, 2 (Helsinki: SKS, 1876), 246–262, <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/498425?page=253> (accessed December 15, 2020).

²⁷ Ibid, 253.

²⁸ Friis, *Yksi kesä Finnmarkissa Venäjän Lapissa ja Karjalassa*, 12.

²⁹ Into Konrad Inha, *Kalevalan laulumailta* (Helsinki: SKS, 1999), 116, 138.

³⁰ Aukusti Robert Niemi, "Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät," in *Suomen Kansan Vanhat Runot I*, 4 (Helsinki: SKS, 1921), 12–13, 67–68.

³¹ Axel August Borenus [A. B-s], "Runolaulu nykyisinä aikoina," *Suomen Kuvalehti* 24 (1873): 278, <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/870054?page=1> (accessed December 15, 2020).

In these photos of Jyrki and Ohvo, though, the sorcerer's head does not shake but remains still. Berner made the two men sit next to each other on the steps leading to the arched door of a log house, with both looking forward diagonally. Each had his right hand extended to the other, with his right palm against the other man's. The photograph contains an intuitive reference to the first rune of the *Kalevala*, in which two singers are 'hand in hand, fingers between fingers.'³² In the world of images, a serious competitor to this apparently authentic pose emerged in the form of an illustration that had been published in 1802 in Giuseppe Acerbi's *Travels through Sweden, Finland and Lapland to the North Cape in the Years 1798 and 1799*: the Italian artist's depiction of two men sitting side by side while holding hands was mistakenly interpreted as depicting a rune-singing occasion.³³ With this message attached, the latter image spread through the literature³⁴ and became so deeply rooted even in Finland that Inha would later photograph rune-singer brothers Triihvo and Poavila Jamanen, from Ukhta (Uhtua), in the same position in 1894. He wrote in his book that this was how poems were 'sung back then,'³⁵ although the brothers themselves were unfamiliar with such a custom.

The third rune-singer photographed by Berner in Voknavolok was the youngest son of Arhippa Perttunen, one of Lönnrot's most noteworthy sources. Miihkali Perttunen was considered the last prominent rune-singer, and Borenus and Berner recorded most of his material, 3,500 verses in total.³⁶ Miihkali was a poor man who had gone blind years earlier and was afflicted by hunger and other travails. He lived with his son's family, looking for a seat either atop the stove or beside the window at the door, and Berner's photographs do not flatter him. They portray a character completely different from the sturdy Malinen brothers.

In preparation for his photographs, Berner hung a coarse canvas outside on the wall of a house and placed a chair in front of it for the subject. In his time, it was common to replicate the mannerisms of portrait painting. In a full-body photograph, Miihkali is seated slightly askew relative to the camera. His feet sink into the grass, his hands are blurry, his eyes are deep in shadow, and his face is angled slightly downward. Against his shoulder is a long cane, which Miihkali presses against his body with his hand. The photograph is focused on the canvas backdrop and exudes a melancholic atmosphere.

³² Kalevala, 1st Rune, lines 21–22. See <http://www.gutenberg.org/ebooks/5186> (accessed December 12, 2020).

³³ Sihvo, *Karjalan keuva*, 206. See also Elsa Enäjärvi-Haavio, *Pankame käsi kätehen. Suomalaisten kansanrunojen esittämistavoista* (Porvoo & Helsinki: WSOY, 1949).

³⁴ Gustaf Retzius, *Finska kranier jämte några natur- och literatur-studier inom andra områden af finsk antropologi* (Stockholm: Central-Tryckeriet, 1878), 132–133.

³⁵ Inha, *Kalevalan laulumailta*, 261.

³⁶ Niemi, "Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät," 4–5.

In the denser portrait shot, the focus on Miihkali's coat emphasises his ragged figure. He does not resemble a hero in appearance. Rather, he is a pale and gloomy man who has a sparse beard, a bald head, and unkempt hair.³⁷

Awareness of the elements absent from the photographs affects how we look at Miihkali. Borenius's account of his trip brings out the seeming contradiction between the internal and external aspect of the man, with the comment that this was 'a small poor man clad in rags, with a cane in his hand' but also a person whose memory was astounding.³⁸ Equally astounding was his vigour — attested to by the fact that he was still singing poems when Inha met him in the village of Latvajärvi, in Voknavolok, 22 years later, even though he had lost most of his hearing also by then. Inha detected an impression of the ages in his fragile appearance:

*Miihkali was a feeble man and did not catch my attention at first, but a closer look revealed the handsomeness of his facial features. His nose, forehead, and mouth were of noble making, and agony had left a mark of wisdom in them, which in combination with his blindness cast a curious illumination of the poetic dusk upon him.*³⁹

This characterisation of Miihkali's appearance refers to a correlation between his internal and external features. The statement about the 'noble' aspects of Miihkali's nose, forehead, and mouth was informed by then-current definitions from physical anthropology, and Inha considered Miihkali's 'wavy, thick silver hair that showed no sign of ageing' to be 'characteristic of a rune-singer.'⁴⁰ Inha photographed Miihkali indoors, both eating and sitting against the cottage's log wall. These close-ups of him portray not the ragged figure Berner had met but an old man holding his head high and with a face reflecting light. Behind his closed eyes, he entered a world of his own that remained hidden to everyone else.

The difference between the photographs taken by Berner and Inha is due to technical improvements in photography but also the choice of approach. Berner represented the first generation of field photographers, to whom a photograph was a remarkable achievement in its own right. Nevertheless, he skilfully managed to capture Miihkali's sensitivity. Inha, on the other hand, stepped onto the stage of White Sea Karelia as a professionally trained photographer and a national romantic who bore the goals for his expression keenly in mind and adhered to his own vision in his photographs.

³⁷ Jukka Kukkonen, "Runoretkien vanhimmat valokuvat," in Saima-Liisa Laatonen (ed.) *Lännen maita ja Karjalan kyliä*. Yearbook of the Kalevala Society 58 (Helsinki & Porvoo: WSOY, 1978), 120.

³⁸ Borenius, "Runolaulu nykyisinä aikoina," 278.

³⁹ Inha, *Kalevalan laulumailta*, 378.

⁴⁰ *Ibid.*

Berner, in turn, photographed the residents of Skiita, where the Old Believers once had their nunnery at Lake Topozero. Some of the five bandanna-clad women there were quite elderly. In combination with this factor, the static, partially blurry photograph makes the people in it feel unreachable and, curiously, alludes to death. The image reminds us of the widely known international code according to which men symbolise good and young women innocence, while old women end up as incarnations of evil. ‘The older and uglier, the more evil’ says art historian Tuula Karjalainen about women in visual art.⁴¹

Only one photograph of the community known as the family of Jouhko Karhunen is preserved in the archives of the Finnish Literature Society, portraying two middle-aged men and two young women positioned against a canvas draped over the wall of a log house. One of the men is sitting on a chair, while the others are standing. There must have been more photographs, since *Suomen Kuvalehti* published an illustration depicting the same people with an additional man in 1879. Alongside this is a second illustration, which depicts two women standing outside in front of a door. The magazine makes no mention of the artist responsible for either of the illustrations, although they were both described with the caption *Kansanpuksuja Wenäjän Karjalasta*, or ‘National Costumes of Russian Karelia.’⁴² The illustrations appeared in an article titled *Matkamuuistelmia Wenäjän Karjalasta* (or ‘Travel Memories of Russian Karelia’), part of series by Lönnrot.

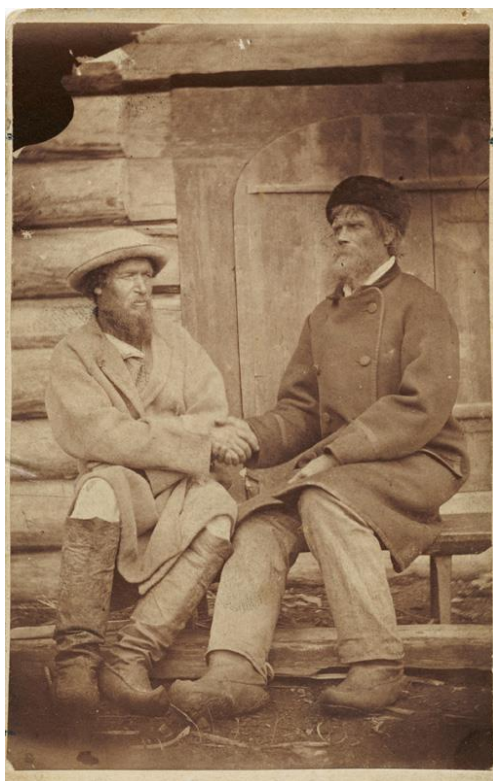

Photo 2.

By Aksel Berner. Jyrki and Obvo Malinen in *Voknavolok (Vuokkiniemi)*, 1872. Finnish Literature Society.

⁴¹ Karjalainen, *Kantakuvat*, 63.

⁴² *Suomen Kuvalehti* 157 (1879): 152, <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakansi/binding/870162?page=8> (accessed December 15, 2020).

Photo 3.

Aksel Berner's 'Miikkali Arbippainen in Voknavolok,' 1872. Finnish Literature Society.

Photo 4.

By Aksel Berner. Former residents of the Skiita nunnery region at Lake Topozero, 1872. Finnish Literature Society.

Photo 5.

By Aksel Berner. The family of Jouhko Karhunen, White Sea Karelia, in 1872. Finnish Literature Society.

Kanfanputuja Venäjän Karjalaista.

Photo 6.

'National Costumes of Russian Karelia,' as published in the magazine Suomen Kuvalehti in 1879 (No. 157, p. 152).

A year after Berner's travels in White Sea Karelia with his companions, Swedish anthropologists Gustaf Retzius and Erik Nordenson advanced in the southern parts of Karelia. Near the end of summer 1873, they visited Eno and Ilomantsi, then travelled through Savonlinna and Lake Ladoga to the region of Sortavala and Impilahti. They also traversed the St Petersburg area to Nizhny Novgorod and Kazan before winter arrived. Prior to their arrival in Karelia, this group had conducted field research in Tavastia (Häme). Their overarching goal was to specify which features are typical of Finnish tribes by applying anthropological methods such as measuring features, taking photographs, and collecting hair samples.

The researchers were particularly interested in the size and shape of people's skulls. In the 1840s, Anders Retzius, Gustaf's father, had developed a theory according to which populations could be divided into short- and long-skulled people, where the former represent a more primitive type than long-skulled people. From measurements conducted during their expedition, the researchers deduced Karelians to be short-skulled — though not as short-skulled as the Tavastians living in Western Finland. Compared to them, Karelians had a more well-proportioned head and a 'noble' appearance in general.⁴³

The group gathered research material via many distinct methods. They took notes, made drawings, and also sent items of ethnological interest and skulls collected from old graves to Stockholm throughout the summer. Retzius, who was responsible for the photography work, was familiar with the models of anthropometric photography and recorded people's faces from the front and sides.⁴⁴ This focus on head shape may have accounted for the absence of full-body photographs and nudes from his Finnish imagery. That said, Retzius did take photographs of landscapes, buildings, and groups of people. Most of the expedition's original photographs have been lost or destroyed, but copies of printing blocks reproducing their content were widely distributed in the 1870s and 1880s.

Expeditioners' route in Finland was determined by shipping lanes and traversable carriage roads, familiar landscapes, and events where many people could be observed at the same time. Although Retzius was a researcher of medicine, ethnological interest governed how he approached people and the environment. His preconceptions of Karelian

⁴³ Retzius, *Finska kranier...*, 161–162, 169; Hannes Sihvo, "Gustaf Retziuksen tutkimusmatka Karjalaan 1873," in Saima-Liisa Laatonen (ed.) *Tieteen matkamiehiä*. Yearbook of the Kalevala Society 57 (Helsinki & Porvoo: WSOY, 1977), 55.

⁴⁴ For discussion of developing the standards, see Anne Maxwell, *Colonial Photography and Exhibitions: Representations of the 'Native' and the Making of European Identities* (London & New York: Leicester University Press, 2000), 240–242 and Frank Spencer, "Some notes on the attempt to apply photography to anthropometry during the second half of the nineteenth century," in Elisabeth Edwards (ed.) *Anthropology and Photography 1860–1920* (New Haven, CT & London: Yale University Press, 1992), 99–107.

culture were based on literature, especially the *Kalevala*. Retzius searched for elements that typified the region, or what he regarded as typical. In Finland, he was looking for chimneyless houses, rune-singers, and Finnish zithers. He did not manage to find the latter two before arriving in Ilomantsi, one of Finland's easternmost parishes. As for the third, while Retzius and Nordenson were measuring and photographing people in the parish courthouse, an old man named Jaakko Parppei was brought there. Retzius later stated that he felt as if the mythical Väinämöinen⁴⁵ himself had arrived before them — Parppei was a revered nebulous figure of yore who enchanted his listeners by playing the zither and humming old poems.⁴⁶

Retzius photographed Parppei outdoors, both against the wall and in nature. In the latter composition, Parppei sits on a rock with his zither in his arms while gazing into the distance. Behind him are a glade, young birches, and a roundpole fence. The rune-singer's dominant feature is his white beard, reminiscent of Väinämöinen's in older paintings, however much his clothes may point interpretations to his own time. An illustration based on the photograph delicately defines Parppei's Homeric features. Also, the illustrator rendered his beard a bit longer and thicker, his head higher, and the man himself slightly taller.

No-one in Ilomantsi could have guessed how much power the encounter between Parppei and Retzius was to gain in the history of Karelian romanticism, known as Karelianism.⁴⁷ When Retzius chose to print the picture of the rune-singer on the first spread of his noteworthy monograph *Finska kranier*, or 'Finnish Crania,' released in 1878 and presented at the *Exposition Universelle* in Paris in the same year,⁴⁸ it became symbolic of the culture of the *Kalevala*. The picture was soon reprinted in many other publications, with very different approaches and in several languages.⁴⁹ The photograph portraying Parppei eclipsed all of Retzius's other photographs in fame. However, particularly as he was among the first to photograph rural people of Finland in their actual living environment, some of his photographs of buildings and landscapes (in Sortavala, for example) can help reveal plenty of information about the people and their way of life, upon close reading.

⁴⁵ Väinämöinen is the central character of the *Kalevala*, a rune-singer and seer with godly features.

⁴⁶ Retzius, *Finska kranier...*, 135–136.

⁴⁷ Sihvo, "Gustaf Retziuksen tutkimusmatka Karjalaan 1873," 143.

⁴⁸ Kerstin Smeds, *Helsingfors — Paris. Finland på världsutställningarna 1851–1900* (Helsinki: Svenska litteratursällskapet & Finska historiska samfundet, 1996), 166.

⁴⁹ See also, for example, Jean Louis Armand de Quatrefages de Bréau, *Hommes fossils et hommes sauvages* (Paris: Librairie J. B. Baillière et fils, 1884), 614, <https://www.biodiversitylibrary.org/item/176864#page/4/mode/1up> (accessed December 15, 2020).

Photo 7.

By *Gustaf Retzius*. *An illustration of the photograph depicting Jaakko Parppei (1873) in Finska kranier ('Finnish Crania').*

Photo 8.

By *Gustaf Retzius*. *'Men at the Courthouse,' Ilomantsi, from 1873. Nordiska Museet.*

Retzius photographed groups of men in front of buildings in Ilomantsi and Impilahti. The presence of the camera is clearly articulated in their positions and looks. Also, the negatives record various objects that were originally intended to be cropped out during the printing and illustration stages. In some of the photographs taken in Ilomantsi, a bell tower stands on the left side, and people observing the occasion are on the right. These reveal how the photographer constructed a composition based on his vision and orchestrated everything that happens in it.

The separate elements of the photograph remind us of the network of complex factors that surround every photograph. The corner of the image leads the observers to think about the occasion, the season, the wind and weather. The presence of the onlookers conjures musings on networks in society and emotions such as curiosity and awe evoked by the occasion. The clothes of the people posing for the camera, their expressions and hand positions, and the way they hold their hats all raise questions about their background and the power relations within and beyond their group. All these aspects are closely entwined with the concept of context density introduced by Edwards.⁵⁰

The choices that Retzius made, originally as a photographer and then as a user of the material he had compiled, were by no means arbitrary. They reflect not the people he photographed but, rather more, his own culture and his personal needs. As a photographer, Retzius remained in the role of an outside observer for whom a 'type' was more important than individuality. The portraits fulfil the imperatives of anatomical illustrations.⁵¹ They do not convey any signs of communication with the people being photographed. The occasions arranged by the researchers for measuring and photographing people were usually voluntary but did not place all participants on equal footing. The researchers represented a foreign language, knowledge, and power, whereas the power of the subjects was confined largely to refusing to co-operate.⁵² The standpoint of a researcher taking photographs is evident also in the paucity of information gathered about the people classified. Even Jaakko Parppei interested Retzius not so much as a person; rather, he was a discovery. The photography was accompanied by measuring Parppei, taking his

⁵⁰ Edwards, "Negotiating Spaces," 263.

⁵¹ Sekula, "The Body and the Archive," 345.

⁵² Christian Lovén, "Till kännedom om de finska folkstammarnes raskarakterer," *Tidskrift för Antropologi och kulturhistoria* 1: 9 (1876): 12, <http://runeberg.org/tfantrop/> (accessed December 15, 2020).

zither and clothes to a museum in Stockholm,⁵³ and later presenting these on a wax sculpture representing an idealised rune-singer at the *Exposition Universelle*.⁵⁴

As the 1880s progressed, the expeditions became broader in scope and more fully defined. Alongside traditions, language, and culture, there was increasing interest in nature and its resources. Research in Northwest Russia focused on the Kola Peninsula and the development of the fishing industry on its northern shores.⁵⁵ A large Finnish expedition group headed to the peninsula to investigate the region's flora, fauna, and geology in summer 1887, with the inspiration cited as lying partially in the discovery of the Northern Passage and partially in nationalism, which encouraged possessing extensive knowledge of the regions to the east of Finland.

The youngest member of the expedition group, geologist and photographer Wilhelm Ramsay, returned to the Kola region on six occasions, with expeditions in the early 20th century taking him to locations such as the Kanin Peninsula and both Northern Karelia and Olonets Karelia.⁵⁶ Ramsay's high-quality photographs are focused primarily on geology and geography, but they provide interesting views of the northern regions' urban areas and industries too. The photographs differ in content from those reflecting the perspective of humanist-oriented researchers. While they were more past-oriented, Ramsay enthusiastically recorded the present of his time and its various developments.

In addition to Ramsay, the Kola Peninsula was photographed by another member of the expedition group, botanist A. O. Kihlman. Also, the leader of the expedition group, zoologist K. A. Palmén, had studied photography. He continued the photography work in the Kola Peninsula with a further expedition, in 1889. More than a hundred of the resulting photographs depicting nature have survived.⁵⁷

⁵³ Gustaf Retzius, *Finland i Nordiska museet. Några bidrag till kännedomen om finnarnes gamla odling* (Helsinki: G. W. Edlund, 1881), 144, https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/101429/Finland_i_Nordiska_Museet_n_gr.pdf?sequence=1 (accessed December 15, 2020).

⁵⁴ Daniel Alan DeGroff, "Artur Hazelius and the Ethnographic Display of the Scandinavian Peasantry: A Study in Context and Appropriation," *European Review of History — Revue européenne d'histoire* 19: 2 (2012): 162–163; Smeds, *Helsingfors — Paris*, 162–163.

⁵⁵ Lajus, "Colonization of the Russian North," 170.

⁵⁶ Martti Lehtinen, "Ramsay, Wilhelm," *Kansallisbiografia-verkkojulkaisu. Studia Biographica 4* (Helsinki: SKS, 1997–) May 4, 2001, <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/benkilo/7118> (accessed December 15, 2020); see also the information Kalevi Rikkinen provided about the expedition: Kalevi Rikkinen, *Suuri Kuolan retki 1887* (Helsinki: Otava, 1980).

⁵⁷ These can be found in the collection *Tutkijoiden Lappi* at the Oulu University Library; see <http://www.kirjasto.oulu.fi/lapinkuvat/kuva-albumit> (accessed December 15, 2020).

Photo 9.

By Wilhelm Ramsay. Mount Kivakka (Kesten'ga/Kiestinki), 1891. Finnish Literature Society.

Photo 10.

By Wilhelm Ramsay. Mount Kivakka (Kesten'ga/Kiestinki), 1891. Finnish Literature Society.

Photo 11.

Wilhelm Ramsay's 'In the Village of Seesjärvi,' 1901. Finnish Literature Society.

Karelianism reinforced by nationalism peaked in Finland as the 19th century drew to a close, in the era referred to as the golden age of art. The beginnings of so-called High Karelianism are commonly linked to an expedition by two artists in particular. In summer 1890, the Swedish Sparre and both Akseli Gallen-Kallela and his wife Mary Slöör visited the villages of Northern Karelia twice. Two years later, Sparre set off again. This time, the expeditioner, who had been born in Italy and now lived in Finland, was accompanied by sculptor Emil Wikström to Northern Karelia and remained there for several weeks. After that, he visited Russian Karelia with wife Eva Mannerheim in 1893.⁵⁸ On his first expedition, he had produced several illustrations; in 1892, he has additional tools — Sparre was carrying a camera. Several copies of the photographs have survived in Finland, and eight of them were published in his book about his travels in the region, *Kalevalan kansaa katsomassa* ('Visiting the People of the *Kalevala*') in 1930. The book contains many illustrations also.

Sparre, whose skills extended from painting to furniture design, was never characterised as a photographer. For many artists of his generation, photography represented a technique, one that could be used for drawing out and examining visual themes.

⁵⁸ Helena Lonkila, "Syvällä Sydänmaassa: Yrjö Blomstedtin ja Victor Sucksdorffin Kainuu," PhD diss. (University of Jyväskylä, 2016), 113, <https://jyx.jyu.fi/handle/123456789/48751> (accessed December 15, 2020.)

When they fashioned many types of image on the basis of the motifs they identified, it was not always obvious which came first. A good example is the photograph corresponding to the illustration of the Nokeus village landscape, signed by Sparre in 1892 and now found in the Press Photo Archive of the Finnish Heritage Agency.⁵⁹ Sparre himself described the artistic results of his trips to Northern Karelia as modest.⁶⁰ However, his illustrations are accorded respect as representations of the Karelian lifestyle. For instance, the National Museum of the Republic of Karelia, in Petrozavodsk (Petroskoi), chose Sparre's illustration titled *Opas* (literally, 'Guide') for its ethnographic exhibition as an example of a Karelian hunter.⁶¹

Photo 12.

Louis Sparre's 'Woman Reaping with a Scythe,' 1892. Finnish Heritage Agency's Press Photo Archive (JOKA).

⁵⁹ Sparre, *Kalevalan kansaa katsomassa*, 79.

⁶⁰ *Ibid*, 164.

⁶¹ *Ibid*, 101. The drawing was presented as 'Carelian Hunter with Firelock, 1893' in this ethnographic exhibition, in 2019.

Photo 13.

By Y. Blomstedt & V. J. Sucksdorff. Residents celebrating the 'Jortana water blessing' festivities on the shore of the Rukozero (Rukajärvi), 1894. Finnish Heritage Agency.

Photo 14.

By Y. Blomstedt & V. J. Sucksdorff. Burial crosses in the Luwozero (Luvajärvi) cemetery, 1894. Finnish Heritage Agency.

In summer 1894, I. K. Inha and his companion linguist K. F. Karjalainen were not the only ones who travelled in the northern town of Olonets (Aunus) and White Sea Karelia. The expedition by architects Yrjö Blomstedt and Victor Joachim Sucksdorff gave Finland 150 photographs and roughly 500 illustrations of Russian Karelia and Kainuu. The two researchers were interested primarily in buildings and textiles. After the expedition, they published a broad-based introduction to the material culture of the northern portion of Russian Karelia. This work, *Karjalaisia rakennuksia ja koristemuotoja* ('Karelian Buildings and Forms of Ornamentation'), was released in two volumes, in 1900 and 1901.⁶²

In Finland, the Karelian style of wood-based construction and decorative ornaments were viewed as products of the same spirit that had yielded the *Kalevala*.⁶³ Researcher Helena Lonkila draws a connection between the Blomstedt–Sucksdorff expedition and discovery, exploration, and visualisation of the real world as reflected in the *Kalevala*, writing: 'Inspired by the *Kalevala*, artists set out on their expeditions with the epic in their pocket. The Karelian culture, and more broadly folk culture, was read and written through the verses of the *Kalevala*.' Lonkila emphasises that 'the *Kalevala*, its discovery and creation as well as examination and reminiscence of the phenomenon' were exploited to 'replace the already weak connections of poems to the real world.'⁶⁴

Lonkila's description can be applied not just to Blomstedt and Sucksdorff but also to Inha. However, the latter's work surpassed all his predecessors' and contemporaries' photographs of Northern Karelia in both quality and quantity, and it is impossible to evaluate any of the material he inspired without taking his style into account. There are many reasons for his dominant influence: he stayed in White Sea Karelia much longer than the others did and always concentrated on photography. Furthermore, he had excellent equipment at his disposal, coupled with training and practical experience that contributed to high-quality output. He was technically gifted, visually insightful, and socially skilled.

Also, Inha's method of exhibiting and disseminating his photographs worked exceptionally well. New photographs of Northern Karelia were displayed in an exhibition in Helsinki soon after his return, in late 1894, and it was not long before the first image plates for books were carved from them. His photographs were sold in Ståhlberg's photography shop as prints, they were reproduced for the latest postcards, and corresponding illustrations accompanied numerous magazine articles. When the first edition of Inha's book *Kalevalan laulumailta*, whose title translates to 'From the Song Lands of the *Kalevala*,' was released, in 1911, the Finnish audience were already familiar with the photographs used in it.

Inha's work overshadows that of the other photographers. For this reason, very few Finns know that Blomstedt and Sucksdorff photographed the same cemetery in Luvozero (Luvajärvi) as Inha in summer 1894, and it is not easy for a layman to differentiate between

⁶² Lonkila, "Syvällä Sydänmaassa," 13, 16.

⁶³ Ritva Wäre, *Rakennettu suomalaisuus: Nationalismi viime vuosisadan vaihteen arkkitehtuurissa ja sitä koskevissa kirjoituksissa* (Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1991), 125.

⁶⁴ Lonkila, "Syvällä Sydänmaassa," 37.

photographs by the various authors of the day. For instance, Sparre had illustrated burial monuments in Luvozero and Miinoa, and the same motifs were visible when Inha later moved on to the cemeteries in Kostomuksha (Kostamus) and Keret, while Blomstedt and Sucksdorff visited the graveyards of Miinoa and Rukavaara. Also, other themes for which Inha became known had already featured in photographs by Blomstedt and Sucksdorff: men playing Finnish skittles, round-dancing women, religious festivals, and landscapes of rapids. The architects seldom took photographs of people, but they were more versatile than Inha in photographing buildings and gardens. It seems that the only advantage displayed throughout his imagery lay in higher quality.

The photographs of people that Inha had taken in Northern Karelia differed from the mainstream of the time, in which recognisability was considered the most important factor. For Inha, the most crucial element was found in the dynamics of personal presence, which was emphasised in his photographs of women and children. Whereas women commonly remained distant in photographs from the late 19th century and children were regarded as insignificant, Inha focused his objectives directly on women and children. He showed them waking up on their beds or going about their usual business at home or on the village streets. Random people became special through Inha's emphatic gaze elevating children as individuals, complete personalities. Moreover, he did not hold back from presenting women on equal footing and as active agents in the community.

The rune-singers photographed by Inha were always men, even though women also sang for him. In his images, the counterpart of a masculine singer was a feminine weeper. For instance, Inha captured a series of numerous photographs portraying a weeper named Maura in Jyväskylä, who posed for him both standing and sitting, clad in various outfits. His most well-known weeper photograph was composed at the cemetery located to the north of Lake Ladoga, in Suistamo, in 1895.

Western photographers were fascinated by cemeteries mainly for the contrast against Protestant graveyards. Karelian cemeteries were not merely burial or memorial sites but also spaces for meeting and for transcending boundaries, regulated by strict social norms. Cemeteries, chapels, and churches alike were environments that connected Karelia's world of beliefs and symbols with visible, material, and hence visually representational structures.⁶⁵ The silence and stillness of the photograph depicting the Suistamo cemetery radiate contextual density, evocative of the above-mentioned active presence of absent elements.⁶⁶ Young girls, women, lamentations, graveside memorials, the forest, and exceptional bathing with light fill the photograph with signs. They inspire the observer to perceive such continuities or abstractions as sanctity and death, which are not visible in the photographs themselves.

⁶⁵ Aija Paakkala, *Kylillä Kajalassa. Karjalaisen asuinrakentamisen ilme* (Helsinki: Rakennuskirja, 1985), 37.

⁶⁶ Edwards, "Negotiating Spaces," 263, 268.

Photo 15.

I. K. Inba's 'Little Girl Giving a Nose Kiss,' taken in Uekhta (Uhtua) in 1894. Finnish Literature Society.

Photo 16.

I. K. Inba. The cemetery in Suistamo in 1895. Finnish Museum of Photography.

More than Photographs

All these people who photographed Karelia represented an iconic phenomenon of the last few decades of the 19th century: that of the expeditioner and data-collector, for whom photography offered a new means of recording data. Photography was not regarded as art at the time — the medium was considered mechanical and neutral at its core. Our time, in contrast, approaches the notion of neutrality in photographs as an illusion. The image of Karelia as conveyed in the old photographs visualising myths is a narrow and fragmented cropping of something resembling a reality. At the same time, it is more or less the only widely recognised image of these lands.

The expeditions that produced these photographs were brave in many respects, but they were also largely predetermined. The photographers focused on what was achievable and technically possible along their route, and their voyages were aligned with the interests of the era. They were driven by personal curiosity and ideals, but also by a thirst for adventure and by financial motives and political ambitions. Seemingly innocent photographs provided the power structures with valuable information about the population, geography, geology, and natural resources.

The photographers' voyages in Northern Karelia followed in the footsteps of Lönnrot. These men visited the same villages one after another, met the same people, and explored the same destinations. Their routes, local guides, boatmen, and lodgings too were the same as other Karelianists'. The photographers thoroughly swept this geographically small poetry-dominated area and turned out a visual summary with the same spirit, referring back to Mitchell's definition of a meta-medium.⁶⁷ Ever since, it has inspired new imageries, along with many other means of expression.

The earliest photographic material from Karelia came into existence at a time when modernisation was bringing radical changes to lifestyles on the photographers' doorstep. Karjalainen points to a desire to capture 'the ideal of originality and pristineness, from the multivalued societies to the communities of unity and social cohesion.'⁶⁸ Awakened by clear change casting its shadow over the pre-industrial communities of Europe, this collective desire transformed some of the photographs into master images, with ability to spread across national and regional culture boundaries, thus rooting themselves as an ingredient in larger identity.

Master images get replicated and repeated. They live both in the past and in the present, and they are not only images but also symbols.⁶⁹ Their symbolism makes the images permanent and fills their surroundings with constantly shifting contextual

⁶⁷ Mitchell, *What Do Pictures Want?*, 294.

⁶⁸ Karjalainen, *Kantakuivat*, 41.

⁶⁹ *Ibid*, 21, 32.

density. For instance, the photographs Inha took in Karelian villages in 1894 have been published time and time again in recent years, in both Finland and Russia, and they appeal to newer generations. They reinforce stereotypes and provide a spiritual safe haven, to which the observers can withdraw with their interpretations.

The repressive regimes articulated by the photographs and photographic archives representing the regions of Karelia have not yet received extensive research. What we do know is that the Karelianists considered themselves mediators between past and future. As photographers, they focused on what seemed original to them: rune-singing, spinning at a spindle wheel, festive folk costumes, bear-hunting, and sacrificial feasts. They cropped things they considered inappropriate or worthless out from their photographs. The world of the ethnographically oriented photographers in Northern Karelia was devoid of trade, sea connections, imported goods, schools, government, and officials. These were overlooked or cropped out. The Karelia presented here had no quarrelling, no cattle-tending, and no felling of trees for the new sawmill industry. The sounds of real life were stilled and modernisation was arrested when the photographers constructed their own Karelia with its exoticism, myths, and folk beliefs.

List of secondary sources

Anderson, B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / B. Anderson. — Rev. and extended ed. — London : Verso, 1991. — XV, 224 p.

Borenus, A. A. [A. B-s.] *Runolaulu nykyisinä aikoina* / A. A. Borenus // Suomen Kuvalehti. — 1873. — No. 24. — S. 277–278. — URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/870054?page=1> (15.12.2020).

Borenus, A. A. *Runonkeruumatkalta Wenäjän Karjalassa v. 1872* / A. A. Borenus // Suomi. Kirjoituksia isän-maallisista aineista : Toinen Jakso. — No. 11. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1876. S. 245–262. — URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/498425?page=253> (15.12.2020).

DeGross, D. A. *Artur Hazelius and the Ethnographic Display of the Scandinavian Peasantry: A Study in Context and Appropriation* / D. A. DeGross // *European Review of History : Revue européenne d'histoire*. — Vol. 19, no. 2. — P. 229–248. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13507486.2012.662947> (15.12.2020).

De Quatrefages de Bréau, J. L. A. *Hommes fossils et hommes sauvages* / J. L. A. De Quatrefages de Bréau. — Paris : Librairie J. B. Baillière et fils, 1884. — 644 p. — URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/item/176864#page/4/mode/1up> (01.12.2020).

Edwards, E. *Negotiating Spaces: Some Photographic Incidents in the Western Pacific* / E. Edwards // *Picturing Place: Photography and the Geographical Imagination* /

Ed. by Joan M. Schwartz and James Ryan. — London ; New York : I. B. Tauris, 2003. — P. 261–280.

Friis, J. A. Yksi kesä Finnmarkissa, Venäjän Lapissa ja Karjalassa. Kuvauksia maasta ja kansasta 1871 / J. A. Friis / transl. by Kai Pekusjef. — Helsinki : Karjalan Sivistysseura ry, 2016. — 56 s. / — URL: <http://www.karjalansivistysseura.fi/tarinat/sahkokirjat/yksi-kesa-finnmarkissa-venajan-lapissa-ja-karjalassa> (01.12.2020).

Hacklin, S. Ihminen, paikka, arkisto / S. Hacklin // Tiheä hetki: Valokuvan vuosikirja / Ed. by P. Grönroos, S. Hacklin and S. Ahde. — Helsinki : Musta Taide, 2018. — S. 143–149.

Hirn, S. Ateljeesta luontoon. Valokuvaus ja valokuvaajat Suomessa 1871–1900 / S. Hirn. — Helsinki : Suomen valokuvataiteen museon säätiö, 1977. — 144 s.

Inha, I. K. Kalevalan laulumailta / I. K. Inha / Ed. by P. Laaksonen. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1999. — 437 s.

Karjalainen, T. Kantakuvat — yhteinen muistimme / T. Karjalainen. — Helsinki : Maahenki, 2009. — 160 s.

Kukkonen, J. Runoretkien vanhimmat valokuvat / J. Kukkonen // Lännen maita ja Karjalan kylä / Ed. by S.-L. Laatonen. — Helsinki ; Porvoo: WSOY, 1978. — S. 118–130. — (Yearbook of the Kalevala Society 58).

I. K. Inha 1894. Valokuvaaja Vienan Karjalassa / Ed. by P. Laaksonen. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1990. — 96 s.

Lajus, J. Colonization of the Russian North: A Frozen Frontier / J. Lajus // Cultivating the Colonies: Colonial States and Their Environmental Legacies / Ed. by C. Folke Ax, N. Brimnes, N. Thode Jensen, and K. Oslund. — Ohio : University Press, 2011. — P. 179–205.

Lehtinen, M. Ramsay, Wilhelm / M. Lehtinen // Kansallisbiografia-verkkójulkaisu : Studia Biographica 4 [Электронный ресурс]. — URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/7118> (15.12.2020).

Lindkjølen, H. J. A. Friis / H. Lindkjølen // Norsk biografisk leksikon [Электронное издание]. — URL: https://nbl.snl.no/J_A_Friis (12.12.2020).

Lonkila, H. Syvällä Sydänmaassa: Yrjö Blomstedtin ja Victor Sucksdorffin Kainuu / H. Lonkila : PhD diss. — Jyväskylä : University of Jyväskylä, 2016. — 183 s. — URL: <https://jyx.jyu.fi/handle/123456789/48751> (15.12.2020).

Lönnrot, E. Matkat 1828–1844 / E. Lönnrot. — Espoo : Weilin & Göös, 1981. — 446 s.

Lovén, C. Till kännedom om de finska folkstammarnes raskarakterer / C. Lovén, E. Nordenson, G. Retzius // Tidskrift för Antropologi och kulturhistoria. — Bd. 1, no. 9. — S. 1–38. — URL: <http://runeberg.org/tfantrop/> (15.12.2020).

Maxwell, A. Colonial Photography and Exhibitions: Representations of the 'Native' and the Making of European Identities / A. Maxwell. — London ; New York : Leicester University Press, 2000. — 243 p.

Mitchell, W. J. T. What Do Pictures Want? The Lives and Loves of Images / W. J. T. Mitchell. — Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2005. — 380 p.

Mitchell, W. J. T. Seeing through Race / W. J. T. Mitchell. — Cambridge (MA) ; London : Harvard University Press, 2012. — 248 p.

Myklebost, K. In Search of Essential Lapland: The Ethnographic Travels of Jens A. Friis in Northwest Russia (1867) and Sergey Segel in Northern Norway (1907–1909) / K. Myklebost // Russia — Norway: Physical and Symbolic Borders / Ed. By T. N. Jackson and J. P. Nielsen. — Moscow : Languages of Slavonic Culture, 2005. — P. 140–157.

Niemi, A. R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät / A. R. Niemi // Suomen Kansan Vanhat Runot I. 4. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1921. — URL: https://www.finlit.fi/sites/default/files/mediafiles/i4_runonlaulajat.pdf (15.12.2020).

Paakkala, A. Kylillä Kajalassa. Karjalaisen asuinrakentamisen ilme / A. Paakkala. — Helsinki : Rakennuskirja Oy, 1985. — 95 s.

Pallasmaa, J. Maailmassaolon taide. Kirjoituksia arkkitehtuurista ja kuvataiteista / J. Pallasmaa. — Helsinki : Painatuskeskus, 1993. — 260 s.

Retzius, G. Finska kranier jämte några natur- och literatur-studier inom andra områden af finsk antropologi / G. Retzius. — Stockholm : Central-tryckeriet, 1878. — 200 s.

Retzius, G. Finland i Nordiska museet. Några bidrag till kännedommen om finnarnes gamla odling / G. Retzius. — Helsinki : G. W. Edlund, 1881. — 176 s. — URL: http://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/101429/Finland_i_Nordiska_Museet_n_gr.pdf?sequence=1 (15.12.2020).

Sekula, A. The Body and the Archive // The Contest of Meaning: Critical Histories of Photography / A. Sekula / Ed. by Richard Bolton. — Cambridge (MA) ; London : The MIT Press, 1989. — P. 343–389.

Sihvo, H. Gustaf Retziuksen tutkimusmatka Karjalaan 1873 / S. Sihvo // Tieteen matkamiehiä / Ed. by S.-L. Laatonen. — Helsinki ; Porvoo : WSOY, 1977. — P. 143–167. — (Yearbook of the Kalevala Society 57).

Shikalov, Y. ”Ilona on käki metsässä, ilona on lapsi perheessä”: Syntymä, imeväiskuolleisuus ja aviottomat lapset Vienan Karjalassa ja Vienanmeren länsirannikolla 1860–1910-luvuilla / Y. Shikalov. — Helsinki : SKS, 2007. — 268 s.

Sihvo, H. Karjalan kuva. Karelianismin taustaa ja vaiheita autonomian aikana / S. Sihvo. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2003. — 513 s.

Smeds, K. Helsingfors — Paris. Finland på världsutställningarna 1851–1900 / K. Smeds. — Helsinki : Svenska Litteratursällskapet i Finland ; Finska Historiska Samfundet, 1996. — 397 s.

Sparre, L. Kalevalan kansaa katsomassa / L. Sparre. — Porvoo : WSOY, 1930. — 154 s.

Spencer, F. Some notes on the attempt to apply photography to anthropometry during the second half of the nineteenth century / F. Spencer // *Anthropology and Photography 1860–1920* / Ed. by E. Edwards. — New Haven (CT) ; London : Yale University Press, 1992. — P. 99–107.

Wäre, R. Rakennettu suomalaisuus: Nationalismi viime vuosisadan vaihteen arkkitehtuurissa ja sitä koskevissa kirjoituksissa / R. Wäre. — Helsinki : Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1991. — 169 s.

ФИШМАН Ольга Михайловна / FISHMAN Olga

Российский этнографический музей / Russian Museum of Ethnography

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

olga_fishman@mail.ru

ЭТНОГРАФИЯ КАРЕЛОВ ВНЕ КАРЕЛИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

THE ETHNOGRAPHY OF KARELIANS OUTSIDE KARELIA: CURRENT RESEARCHES

Abstract: The title of the article is provocative in a sense. This contribution aims to answer the question on the condition and extent of the studies of the fundamental problems pertaining to the ethnic history, ethno-confessional conscience as well as traditional and modern culture of the Karelian migrants who have been living since the 17th century, i. e. for more than 400 years, in the Leningrad, Novgorod, and Tver' Regions of the Russian Federation. Nowadays researches on the so-called Tikhvin, Novgorod, Valdai, Krestets and Tver' Karelians are carried out in several academic and educational centres in Petrozavodsk, Petersburg, Tver' and Velikii Novgorod. All of them have their own disciplinary directions. The analysis of current publications shows that the linguistic and historical topics, first of all the migration history, are prioritised while less attention is paid to purely ethnological aspects. It is noteworthy, that the descriptions of the Tver' Karelians are mostly present in numerous studies of local history. The article examines this academic discourse as well as the results of individual researchers and collective projects, it also detects the most significant conceptual and methodical gaps and presents some perspectives of new cross-disciplinary studies and joint projects targeted to complex generalisation and actualisation of the problematic of the establishment and existence of Karelian communities outside Karelia.

Ключевые слова / Keywords: Карелы вне Карелии, этнография, история, культура, современные исследования, анализ, актуализация проблематики, междисциплинарные направления, проекты / Karelians outside Karelia, ethnography, history, culture, modern researchers, analysis, actualization of problematic, cross-disciplinary directions, projects

Исходные позиции

Название статьи, как и доклада¹, на основании которого написан этот текст, носит отчасти провокативный характер, т. к. содержит вопрос о существовании этнографического дискурса в современных исследованиях о карелах за пределами исторической родины. Для ответа на него необходимо оценить, насколько в работах начала XXI в. обозначены состояние, степень изученности и перспективы изучения базовых для этнографии и этнологии проблем: этническая история,

¹ *Фишман О. М.* Этнография карелов вне Карелии: современные исследования // Аннотации докладов научно-практической конференции «Коренные народы Карелии: история и современность». Петрозаводск 24–25 октября 2019 г. С. 4. URL: <http://illhportal.krc.karelia.ru/event.php?id=333&plang=r> (19.12.2020).

этноконфессиональное самосознание, традиционная и современная культура карельских переселенцев XVII в., более 400 лет живущих в Ленинградской, Новгородской и Тверской областях РФ. Безусловно, в одной статье невозможно сделать исчерпывающий анализ всех публикаций, остановлюсь на главных. В первое двадцатилетие XXI в. исследования тихвинских, новгородских, валдайских, крестецких, боровичских и тверских карелов осуществляются в ряде научных и образовательных центров страны: Петрозаводске, Петербурге, Твери и Великом Новгороде, в каждом из которых преобладают свои дисциплинарные направления². Анализ современных публикаций, диссертационных работ и проектов свидетельствует, что приоритетными по-прежнему остаются исторические (прежде всего, посвящённые истории переселения), лингвистические и в меньшей степени собственно этнологические темы.

Как показывает мой длительный опыт изучения тихвинских и тверских карелов, отдельные сферы их истории, религии и культуры взаимосвязаны настолько, что исследователь обречён на синтез методик, выработанных в современных гуманитарных науках, а также на использование поли- и междисциплинарного подходов.

Кратко обозначу основные выводы, очевидные в настоящее время и изложенные мною в диссертации 2011 г. и ряде последующих статей.

Установлено, что в результате поэтапного процесса миграции, растянувшегося на ряд десятилетий, возникали территориально разобщённые и не стабильные по численности и месту расселения, карельские анклав. Последующая история каждой из территориальных и локальных групп карелов складывалась на протяжении ряда веков в конкретно-различных социально-экономических, этнокультурных и конфессиональных условиях и приводила к формированию релевантных для каждого сообщества набора этнокультурных признаков. Этот набор отличался своеобразной иерархической соподчинённостью и взаимозаменяемостью. Критерии, по которым та или иная этнолокальная группа сохраняла, осуществляла и предпринимает в настоящее время их отбор и оценку остаются до сих пор не вполне выявленными и изученными. В качестве иллюстрации сошлюсь на феномен карельского старообрядчества. Ещё в конце XIX в. среди валдайских и крестецких карелов было немало старообрядцев, но только для малочисленной группы тихвинских карелов конфессиональная

² Уточню, что за рамками настоящего обзора — фундаментальные труды известных финских, эстонских и отечественных историков, филологов, этнографов и фольклористов XX в.: Ю. Куёла, В. Р. Петрелиуса, П. Виртараны, В. Салохеймо, Ю. Готье, Д. А. Золотарева, А. Н. Вершинского, Г. С. Масловой, И. П. Шаскольского, А. С. Жербина, П. Аристе, П. Пальмеос, Я. Ыйспуу, П. Виртаранта, В. Салохеймо, Г. Н. Макарова, В. Д. Рягоева, А. В. Пунжиной, С. А. Мызниковы, И. А. Черняковой, Л. Г. Громовой и др.

идентичность приобрела «императивный» характер и со временем совпала с этнической (явление «этнизации» вероисповедания).

В целом массовое переселение карелов в Россию в XVII в. после Столбовского мира следует рассматривать: 1. как процесс так называемой этнической мобилизации, происходившей в конфликтных условиях религиозно-культурного и языкового противостояния, социально-экономической и государственно-правовой дискриминации; 2. как явление, отразившее высокий уровень этнической и вероисповедной «самости» карелов, а также этнополитическую идеологию их конфессионального и государственного единства с русскими³. К слову сказать, приоритетность тех или иных из названных факторов зачастую зависит от направления исследования и позиции исследователя⁴.

Вместе с тем подчеркнуты и другие обстоятельства. Именно в условиях миграции проявилась высокая адаптационная способность и хозяйственная активность переселенцев. Обживание новых мест и обустройство на них потребовали крайнего напряжения сил всего сообщества. При этом в качестве инструментария «корельские выходцы» (впрочем, как и все переселенческие группы) использовали «собственные этнические чувственно-пространственные образы и понятия, эколого-поведенческие стереотипы и хозяйственные навыки, благодаря чему и была создана новая природно-хозяйственная среда обитания с присвоенным ей статусом утраченной родины — «Корела»⁵.

Установлено, что процесс освоения и укоренения на новых землях для мигрантов возможен лишь при сохранении и усилении семейно-родовой и групповой сплоченности, соответствующих типов и форм отношений. Безусловно, этому способствовал консерватизм крестьянского мышления, ориентированного на коллективный социальный опыт, поддержание системы традиционных этнокультурных и религиозных ценностей: крестьянский труд, земля, семья, община, взаимопомощь и вера⁶. Примерами тому у карелов, на мой взгляд, ещё в начале XX в. являлись устойчивость большой неразделенной семьи, преобладание эндогамных браков, следы архаичных систем заселения, типов жилых и хозяйственных построек, традиционализм структуры жизнеобеспечения (формы земледелия, подсобных занятий, домашних промыслов, орудий производства),

³ Фишман О. М. Проблематика повседневного билингвизма тверских карелов // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 67.

⁴ Фишман О. М. Образ малой родины в устном и письменном нарративе тверских карелов XX в. // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива). М., 2012. С. 363–434.

⁵ Фишман О. М. Карелы — пограничный народ, пограничная культура // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий–2. Третьи Шёгреневские чтения: Сб. ст. СПб., 2009. С. 287.

⁶ Кознова И. Е. Аграрная модернизация в России и социальная память крестьян // Реформаторские идеи в социальном развитии России. М., 1998. С. 222.

крестьянской одежды, мифологических космо-природных представлений, в том числе о картине мира, профанных и сакральных зонах карельского локуса, сохранившийся до сих пор феномен карельского тайного знания и т. п.

Необходимость самосохранения актуализировалась и положением карел как чуждотнических переселенцев, сохранявших травмирующие воспоминания о прошлом, имевших за своими плечами негативный исторический опыт, усугубленный со временем ощущением этнического неравенства, что сказывалось в пренебрежительном отношении со стороны русских⁷. В народной культуре карелов были выработаны механизмы социального поведения в условиях стресса, а также защитные способы эмоционального поведения в целях самосохранения. Они позволяли оценивать все возникающие ситуации с точки зрения собственной системы ценностей, которые формировали ментальные особенности внешней коммуникации с окружающим миром, в том числе и с властью. Многие авторы XIX в. отмечали такие отличительные черты коллективного карельского характера или психотипа как замкнутость, недоверчивость, упрямство, обострённое чувство справедливости, прямодушие, честность, трудолюбие, религиозность.

В целом роль мигрантов способствовала акцентированному восприятию собственных отличительных черт, формированию субъективного образа своего народа и его истории, четкого языкового=этнокультурного самосознания карелов вне Карелии. «Корелы, утратив почти все свои обычаи и предания, сохраняют до сих пор свой язык», — читаем в «Тверских епархиальных ведомостях» за 1877 г.⁸ В совокупности признаков названных выше различающихся карельских сообществ общими и первенствующими являются именно самосознание, проявляющееся в антитезе «мы — они» и включающее в себя самоназвание, память и знание своей исторической судьбы, коллективные поведенческие стереотипы, контактные табу, прослеживаемые в поло- и социовозрастных функциях групп, а также в разных ситуациях, системе ориентаций в окружающем мире и его оценке.

Вторым признаком выступает «язык» в широком понимании — речи как компонента социальной коммуникации, а также как экстралингвистического явления.

Именно в этих двух признаках до сих пор аккумулируются как устойчивые, так и эволюционирующие и мерцающие этнокультурные показатели, феноменами которых выступает языковой би- и полилингвизм, а также этническое и религиозное самосознание.

⁷ Фишман О. М. Проблематика повседневного билингвизма. С. 68.

⁸ Тверские епархиальные ведомости. 1877. № 1. Часть неофициальная. С. 17.

Тверские карелы

Начну с анализа современных исследований по изучению самой многочисленной группы тверских карелов, предпринимаемых специалистами Твери. Абсолютно согласна с мнением доктора исторических наук, декана исторического факультета Тверского государственного университета Татьяны Геннадьевны Леонтьевой, что оно осуществляется в рамках исключительно тверского регионального контекста, отличительными чертами которого являются преобладание исторических, в меньшей степени филологических и значительных по объему и тематике краеведческих работ⁹. Отслеживая последние годы научную литературу, я всё отчетливее понимаю, насколько для меня, как представителя старшего поколения, важно увидеть и услышать в работах молодых специалистов знание, понимание и непредвзятую оценку предшествующих дискурсивных историографических практик, в которых отражены характерные для того или иного времени системы теоретических, методологических и аксиологических установок научного сообщества. Именно такой подход был использован для моих критических «заметок на полях».

Итак. Во многих десятках статей, опубликованных в различных сборниках, и диссертационных работах тверских авторов, написанных на основании архивов Твери, Москвы, Санкт-Петербурга и соответствующей научной литературы XIX–XXI вв. с различной долей подробности приводятся обобщенные сведения об истории миграции, последующей и современной этнической истории тверских карелов, обозначаются вопросы этнической и конфессиональной самоидентификации, этнокультурных особенностей. К сожалению, они зачастую излагаются упрощенно или представляют собой компилятивное изложение работ предшественников¹⁰. При этом тверские историки, философы, лингвисты, психологи оперируют понятиями «этнос», «генезис локальной этнической общности», «этническая идентичность», «этноконфессиональная специфика» и др., однако избирательно используют труды отечественных этнографов, слабо владеют современной, в том числе западноевропейской, антропологической литературой теоретического и методического характера. Так, в автореферате С. О. Калининой «Этноконфессиональные особенности самоидентификации тверских карел в постсоветский период» автор делает выводы о значительной доле среди современных тверских карелов субъектов «с размытой, кризисной идентичностью как в отношении этнической (языковой), так и в отношении конфессиональной (религиозной) идентификации», о большой роли ассимиляционных факторов в этих процессах, а также фактора «самоопределения себя с той или иной национальностью, в зависимости от политической и экономической полезности

⁹ Леонтьева Т. Г. История и культура тверских карел: исследовательские традиции в тверском научном сообществе // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2017. № 2. С. 136–148.

¹⁰ На это указывает и Т. Г. Леонтьева: Там же. С. 144.

национальности»¹¹. Каждый из этих выводов свидетельствует об отсутствии знаний относительно би- и полиэтнической идентичности, имеющей сложный ситуативный характер использования. Эта проблематика давно обсуждается в этнологических, социолингвистических, этномузыковедческих работах современных отечественных и зарубежных специалистов.

Вместе с тем достоинством работ С. О. Калининой и А. М. Копалиани «Психологические аспекты профессиональной деятельности координатора программы по возрождению духовной культуры тверских карел»¹² является их очень выраженная прагматическая составляющая применительно к оценке современной деятельности Национально-культурной автономии тверских карелов в сохранении и возрождении этнических и религиозных ценностей в ситуации кризиса этнокультурной идентичности.

В историографическом обзоре диссертации Л. Ю. Андреевой «Верхневолжские карелы: формирование и историческое развитие в условиях Российской Империи (XVIII — начало XX вв.)» упрощённо выглядит авторская периодизация историографии и её аргументация: «первый — 80-е гг. XIX в. — 1917 г.; второй — октябрь 1917 г. — 1991 г.; третий — с 1992 г. по настоящее время. Такая периодизация, на наш взгляд, коррелируется, прежде всего, с объективными условиями общественного развития, а также уровнем и содержанием научных исследований, связанных с данной проблемой»¹³. Особенно неубедительно обоснование второго (советского) периода историографии, который «характеризуется определенной степенью догматизма в её освещении. В основе исследований лежал преимущественно идеологический принцип». Возникает вопрос к автору: можно ли объединить в одном периоде столь разные по содержанию и хронологии эпохальные перемены в стране как т. н. национальные строительства в формах коренизации 1930-х гг. (ярким проявлением чего стало создание в Калининской области Карельского национального округа, опыт создания и официального применения карельского языка) и 1960-е гг. с курсом на интернационализацию советского общества и создания новой общности — советский народ и т. д.?

Автор подчеркивает, что проблема изучения формирования и исторического развития верхневолжских карел в дореволюционный период «освещалась преимущественно в рамках этнографических исследований, определялась численность карельского населения в Верхневолжье, исследовался процесс

¹¹ Калинина С. О. Этноконфессиональные особенности самоидентификации тверских карел в постсоветский период. Автореф. дис. ... канд. философских наук. М., 2008. С. 12, 30.

¹² Копалиани А. М. Психологические аспекты профессиональной деятельности координатора программы по возрождению духовной культуры тверских карел. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2003. 23 с.

¹³ Андреева Л. Ю. Верхневолжские карелы: формирование и историческое развитие в условиях Российской Империи (XVIII — начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

переселения карел на территорию Тверского края, их культурного развития в сравнении с русским населением». В такой негативной коннотации усматривается непонимание/незнание ведущей роли этнографии, этностатистики и картографирования в первой трети XIX в., основателем которых был П. И. Кёпшен. Именно благодаря его деятельности была создана первая этнографическая карта России, на которую были нанесены территории расселения всех групп карелов за пределами Архангельской и Олонецкой губерний.

Быть может, и не следовало бы обращать на это внимание, если бы подобная оценка потенциала этнографии–этнологии не присутствовала бы в работах других историков и культурологов.

Отмечу удивительную жизнеспособность в тверских публикациях дискуссии о происхождении тверских карелов. Один — общепринятый в современной науке дискурс, другой — сугубо региональный, выдвинутый карельскими краеведами ещё в 1930-е гг. — об автохтонности верхневолжских карел на территории Тверского края как потомков древнего финно-угорского населения, в чём просматривается стремление удревнить историю карелов Верхневолжья.

Повторю уже цитировавшиеся мною ранее «доказательства» подобной исторической гипотезы известного тверского краеведа А. А. Беякова, сформулированные им ещё в публицистических текстах 1930-х гг. и повторяемые позднее. «Территорию, где жили карелы, когда создавали первые эпические песни, можно определить на основании топонимики. На Валдайской возвышенности, особенно в Верхневолжье, встречаются географические объекты с карельскими названиями. Нельзя представить, что эти названия появились после Столбовского договора, когда карелы вновь появились в Верхневолжье <...> Следовательно, эти географические объекты получили свои карельские названия в то время, когда карелы жили на Валдайской возвышенности до переселения их на Карельский перешеек»¹⁴.

Увы, эти представления не изжиты до сих пор. Так в тезисах А. А. Пилюгина, члена Общества тверских карел читаем: «История происхождения и расселения карел беспокоила умы многих исследователей начиная с XIX в. Однако до настоящего времени дать единственно правильный ответ на этот вопрос не представляется возможным, и пока приходится довольствоваться гипотезами и предположениями». Далее автор делает вывод: «тверские карелы являются самостоятельным коренным народом, прародиной которого является Тверская земля... тверских карел никак нельзя считать диаспорой, просто переселенцами с территории современной Карелии, так как их предки никогда там не жили»¹⁵.

¹⁴ Государственный архив Тверской области. Ф. Р-1367. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 3.

¹⁵ Пилюгин А. А. Тверские карелы: диаспора или коренной народ? // История и культура тверских карел: перспективы развития. Тверь, 1997. С. 26–27.

К сожалению, эта «гипотеза» используется и некоторыми современными профессиональными историками Твери.

Распространено также мнение об отсутствии в XX в. «серьезных трудов, посвященных повседневной жизни тверских карел»¹⁶. Некоторыми авторами подобное положение дел объясняется «недостаточным количеством источников и отсутствием должного внимания со стороны научного сообщества». Выявление новых вещественных источников якобы затруднено, цитирую: «вследствие стирания границ компактного проживания карел, гибели карельских деревень и тех ассимиляционных процессов, в ходе которых карельское население практически слилось с русским»¹⁷. Вынуждена категорически не согласиться с подобным тезисом. Поясню. Следует прежде всего изучить существующие многотысячные музейные собрания по этнографии тверских карелов (помимо указанных в цитируемой статье *А. И. Савиновой*), которые комплектовались с первых лет XX в., особенно в 1920-е гг. (достаточно вспомнить знаменитую Верхне-Волжскую этнологическую экспедицию), а также в последующие, начиная с 1950-х гг., десятилетия в результате многочисленных экспедиций центральных и местных учреждений. Перечислю главные музейные собрания России, в которых сосредоточены в настоящее время памятники традиционной культуры карелов Тверского края: Музей антропологии и этнографии АН СССР (СПб), Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), Загорский художественный музей, Калининский краеведческий музей (КОМ) — ныне Тверской государственный объединенный музей с филиалами в Торжке, Весьегонске и Вышнем Волочке, Всероссийский историко-этнографический музей в Василево (Тверская обл.), Краеведческий музей Карелии (ныне Национальный музей Карелии). На основании замечательных коллекций созданы экспозиции и выставки, изданы многие работы¹⁸. Автор статьи принимала участие во многих совместных с этими учреждениями экспедициях. Назову забытый

¹⁶ *Калинина С. О.* «Малая горсть инородцев»: православные карелы на Тверской земле православные карелы на Тверской земле // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом Информационно-аналитический бюллетень № 1–2 (38–39) М., 2007. С. 58.

¹⁷ *Савинова А. И.* Социокультурный облик тверских карел во второй половине XVIII–XIX вв. // Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков – молодым» [Электронный ресурс]. URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1661-sotsiokulturnyj-oblik-tverskikh-karel-vo-vtoroj-polovine-xviii-xix-vv> (18.12.2020).

¹⁸ *Маслова Г. С.* Материалы по этнографии карел Калининской области // Советская этнография. 1936. № 2. С. 79–100; *Она же.* «Kegrin raiva» у карел Калининской области // Советская этнография. 1937. № 4. С. 150–152; *Она же.* Экспедиция к карелам Калининской области // Краткие сообщения Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1947. Вып. 3. С. 22–23; *Она же.* Народный орнамент верхневолжских карел: Тр. ИЭ АН СССР. М., 1951. Т. XI; *Калмыкова А. Э.* Народная вышивка Тверской земли. (вторая пол. XVIII — начало XX в.). Л., 1981; Тверская вышивка в собрании Загорского Музея: Каталог. М., 1982; Тверские карелы. Библиографический указатель. Тверь, 1998; *Александрова А. Н.* Памятники материальной культуры тверских карел в Тверском государственном объединенном музее // История культуры тверских карел: перспективы развития. Тверь, 1997. С. 70–72; *Fisman O.* Ennen kylvettiin pirtin uunissa ja metsänhaltija tunnetaan yhä. Tverin Karjalaa samoilemassa // Karjalan heimo. 2002. № 9–10. S. 128–132; *Фишман О. М.* Тверская Карелия в фондах Российского этнографического музея // Первый Петербургско-Тверской семинар «Тверской край в науке и культуре». Тверь, 2009. С. 235–255.

полевой проект Горьковского Университета (руководитель Ф. В. Васильев), калининских реставрационных мастерских и КОМ в 1980-е гг., когда на протяжении ряда лет было предпринято сплошное историко-архитектурное обследование и выявление памятников сельской крестьянской и культовой архитектуры (фотофиксация, картографирование, отчеты)¹⁹. Итак, вещественных и документальных источников по традиционной культуре тверских карелов в России более чем достаточно, сбор и фиксация таковых возможны и сейчас.

Фото 1. Валентина Николаевна Кладиевко (в дев. Жинкина, 1934 г. р.) демонстрирует традиционную прялку-точёнку, с оловянными кольцами на ножке нач. XX в. Деревня Лопатиха Весьегонского р-на Тверской области. Карелы. Экспедиция Российского этнографического музея (РЭМ): Н. Н. Русанова, О. М. Фишман. Фото Н. Н. Русановой. 2011 г.

¹⁹ Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Тез. докл. I регион. науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Горький: Б.и. 1990; Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Матер. 2 региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород; Городец. 1991.

Фото 2. Старинное праздничное полотенце, украшенное традиционным тканым и вышитым орнаментом, кружевом. Хранилось в доме Лидии Макаровны Загребинной, 1929 г. р. наряду с иконами, домашней крестьянской утварью и посудой. Деревня Ульяниха Весьегонского р-на Тверской области. Карелы. Экспедиция РЭМ: Н. Н. Русанова, О. М. Фишман. Фото Н. Н. Русановой. 2011 г.

Фото 3. Современные ловушки для рыбы, плетеные из ивы. Выполнены Геннадием Ивановичем Загребинным. Деревня Ульяниха Весьегонского р-на Тверской области. Карелы. Экспедиция РЭМ: Н.Ю. Кашпар. О. М. Фишман. Фото Н. Ю. Кашпар. 2012 г.

Однако их источниковедческое изучение и этнокультурная интерпретация требует профессиональных знаний, владение современными методиками полевой работы, а отсутствие подготовленных кадров этнографов в Твери, не позволяет пока приступить к столь трудоемкой работе, как и к осуществлению грамотной и систематической полевой этнологической практики.

Как в этой связи оценить опыт изучения этноконфессиональной проблематики Тверского края в целом и тверских карелов в частности?

Фото 4. Иконный угол в доме карельской «читалки» по усопшим Надежды Васильевны Лихачевой (в дев. Агапова, род. в старообрядческой карельской деревне Чурилково Чамеровской вол. Весьегонского у., 1916–2016). Село Чамерово Весьегонского р-на Тверской области. Карелы. Экспедиция РЭМ: Н. Н. Русанова, О. М. Фишман. Фото Н. Н. Русановой. 2011 г.

Фото 5. Помянник Н. В. Лихачевой. Село Чамерово Весьегонского р-на Тверской области. Карелы. Экспедиция РЭМ: Н. Н. Русанова, О. М. Фишман. Фото Н. Н. Русановой. 2011 г.

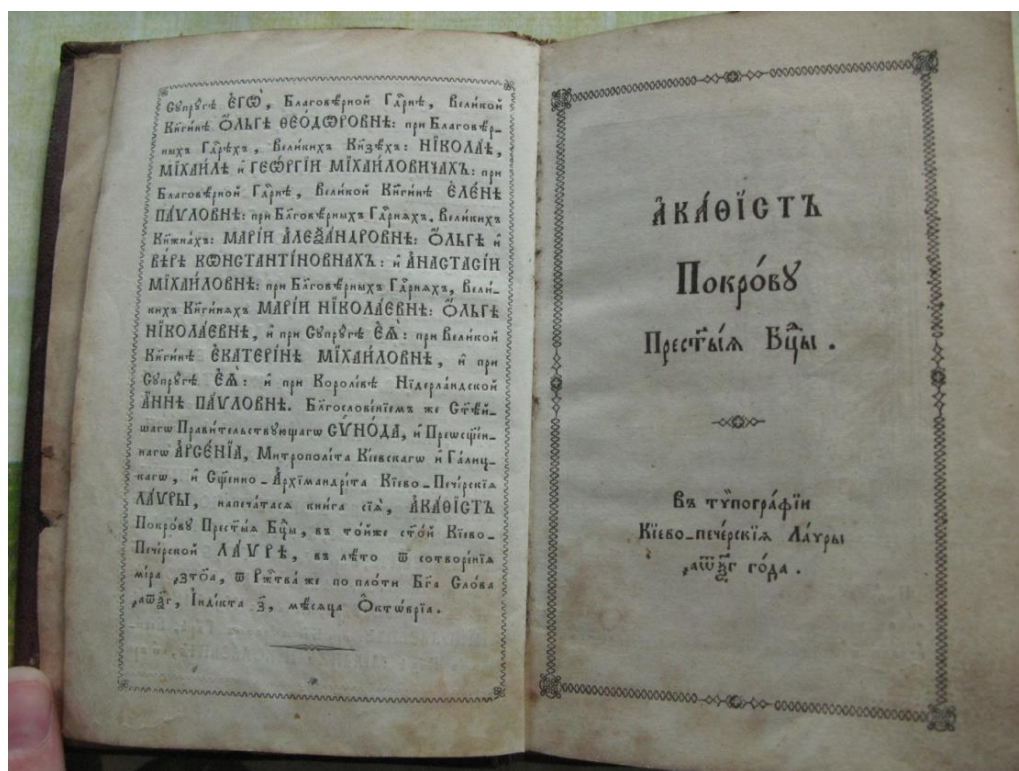

Фото 6. Акафист Покрову прсв. Богородицы с личными записями, указывающими на принадлежность стрелку Степану Федотову, Лейб-Гвардии стрелкового батальона Императорских фамилий 1-й Его Величества роты. Библиотека Зинаиды Наумовны Лумпановой (в дев. Романюк, 1945 г. р., русская, вышла замуж за карела Анатолия Лумпанова родом из д. Лопатиха) Весьегонского р-на Тверской области. Карелы. Экспедиция РЭМ: Н. Н. Русанова, О. М. Фишман. Фото Н. Н. Русановой. 2011 г.

Согласно мнению тверских специалистов: «Специальных исследований, посвященных религиозной стороне жизни тверских карел проведено не так много, или же они не имеют достаточной научной обоснованности и носят сугубо фрагментарный характер для того, чтобы составить полную этноконфессиональную карту Тверской Карелии»²⁰. Но это утверждение, по-моему, не соответствует полностью современной степени изученности. Так, созданы карты православных монастырей, церквей, подробные списки церковных служителей размещены на сайте Тверской митрополии, продолжаются публикации архивных документов, отражающих процесс формирования церковных приходов и храмостроительства в XVIII–XIX вв. — вся эта совокупность источников уже представляют собой серьёзную базу для обобщения, анализа и продолжения работы. Выдвигая этноконфессиональную тему как актуальную исследовательскую задачу, нельзя не воспользоваться результатами её изучения за пределами тверского региона. Становление приходской системы, значение организованных форм церковно-приходских попечительств в деле устройства церквей в России и оживления приходской жизни во второй половине XIX в., взаимоотношения прихожан и служителей церкви, адаптация прихода к этническим и конфессиональным особенностям Русского Севера и Северо-Запада — к этим темам на основании различных методологических позиций и в рамках различных научных дисциплин и направлений обращались многие современные российские исследователи: А. А. Камкин, А. И. Розов, П. С. Стефанович, Т. А. Бернштам, А. Ю. Жуков, М. В. Пулькин и др., а также известные архитекторы: В. П. Орфинский, А. В. Ополовников, М. И. Мильчик.

Сложнее с изучением религиозной идентичности тверских карелов, среди которых в XIX в. преобладали официально православные, а также были известны приверженцы беспоповства, реже пашковцы и баптисты. Мой скромный опыт полевых обследований карельских старообрядческих общин Тверского края пока не опровергает высказанного ранее наблюдения о более высокой степени сохранности архаики в таковых по сравнению с православными карелами²¹.

²⁰ Савинова А. П. Социокультурный облик тверских карел; Леонтьева А. Г. Конфессиональные практики тверских карел (XVII–XIX вв.): Историкография и источники // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2018. № 4. С. 67–83.

²¹ Фишман О. М., Чичкина И. В. Старообрядчество как фактор стабильности этнолокальной общности тверских карел // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах: Сб. науч. трудов / Отв. ред. О. М. Фишман. СПб., 2002. С. 166–188; Она же. Символизация локальной культуры: старообрядческие группы тихвинских и тверских карел // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера Рябининские чтения 2003. Петрозаводск, 2003. С. 260–262; Она же. Богослужбные практики карельских старообрядцев // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию 2008. СПб., 2009. С. 89–97; Она же. Знающая — больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Гуманитарные исследования. Вып. 2. Петрозаводск, 2009. С. 135–172; Она же. Этническая

Тверское краеведение

Существенный вклад в собирание и публикацию различных данных по истории и крестьянской культуре карелов Верхневолжья внесла старая и очень сильная тверская краеведческая школа. В последние годы усилиями тверских краеведов, отчасти историков и членов Национально-культурной автономии тверских карелов восстанавливается и история XX в. В архивах Твери и отчасти Бежецка хранятся объемные и весьма содержательные рукописные и машинописные авторские тексты и статьи 1920-1970-х гг., лишь незначительная часть которых опубликована в настоящее время и используется профессионалами для изучения «социокультурного облика» и культуры карельской повседневности. Именно эти материалы подвигли меня несколько лет назад исследовать эти тексты как устные нарративы карельских краеведов в сопоставлении с устными полевыми данными²². Назову самые известные имена: Алексей Антонович Беляков, Константин Васильевич Манжин, Алексей Иосифович Лебедев, Антонин Герасимович Кирсанов (Хрисанфов). В числе плодотворно работавших и работающих современных авторов: Борис Федорович Купцов, Александр Иванович Кондрашов, Марат Михайлович Верхованцев, Геннадий Андреевич Ларин и др. Назову самые впечатляющие и монументальные труды: «Тверская область: энциклопедический справочник», который стал в середине 1990-х гг. заметным культурным событием не только местного, но и общероссийского значения²³. Г. А. Лариным были изданы «Краеведческий словарь Весьегонского района» и «Весьегония: Словарь-

идентичность в устном и письменном нарративе карел-мигрантов // Фольклор и этнокультурная идентичность. СПб., 2014. С. 62–84.

²² Фишман О. М. История малой родины в устных и письменных рассказах тверских карел // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск, 2010. С. 298–306; Она же. Локальная история в нарративах тверских карел второй половины. XX в. // Историческая этнография. СПб., 2010. Вып. 4. Источники и методы изучения малых групп в этнографии: Сб. ст. к 60-летию В. А. Козьмина. С. 13–29; Она же. Kegoti räivä в устных и письменных биографиях тверских карел // Фольклор и этнография: к девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова. СПб., 2011. С. 93–102; Она же. Карельские праздники в автобиографическом тексте (по воспоминаниям 1980-х гг.) // Праздники и обряды как феномены этнической культуры: Мат. Десятых Санкт-Петербургских этнограф. Чтений. СПб., 2011. С. 101–106; Она же. Письменные нарративы краеведов как источник для изучения этнической идентичности (на материалах тверских карелов) // Музей. Традиция. Этничность. 2012. № 1. С. 57–74; Она же. Образ малой родины в устном и письменном нарративе тверских карелов XX в. // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива). М., 2012. С. 363–434.

²³ Тверская область: Энциклопедический справочник. Тверь, 1994; Тверская область: Энциклопедический справочник: Электрон. ресурс. Тверь, [2002]; Тверская область [Электронный ресурс]: Энцикл. справ.: интернет-версия мультимедийного изд. // Тверская областная универсальная научная библиотека им. А. М. Горького: сайт. Тверь, [2002?]. [Электронный ресурс] URL: <http://region.tverlib.ru/> (18.12.2020); Тверская деревня. Тверь, 2001. Т. 1: Лихославльский район: энциклопедия. 2001; Весьегонский биографический словарь. М., 2013 и многие др.

справочнику»²⁴. Последний был назван С. О. Шмидтом «лучшим региональным энциклопедическим изданием за последние 20 лет». И это далеко не полный перечень обстоятельных краеведческих изданий.

Однако в наши дни самым цитируемым краеведом в Твери является Анатолий Николаевич Головкин, член исполкома Ассоциации финно-угорских народов России, член Консультативного комитета финно-угорских народов. Это объясняется большим числом научно-популярных книг, в основе которых значительный объём архивных данных, многие из которых он впервые выявил и опубликовал, а также и собственные воспоминания о жизни и быте старой карельской деревни (к слову, они менее познавательны, чем работы краеведов, писавших свои воспоминания о прежней сельской действительности, буднях, праздниках, обычаях, фольклоре в более ранний период)²⁵. В современной социально-политической реальности А. Н. Головкин, став лидером карельского национального движения, реализовал свой социокультурный статус в, том числе и в качестве историографа малой родины. В попытках изложить полную историю тверских карелов он продолжил тему своих предшественников — советских карельских краеведов в описании и осмыслении локальной истории карел. В них присутствует мифологизация прошлого, очевиден субъективный характер интерпретации истории и реальной социальной действительности. Упрощёнными представляется и его изложение исторического процесса и развития культуры.

Анализ трудов тверских историков и краеведов демонстрирует, что в разработке находится широкий диапазон тем, отражающих раннюю и современную историю карельского этноса на территории тверского Верхневолжья. Однако комплексных исследований, основанных на широкой документальной базе, пока явно недостаточно. Попытки обращения к этнической истории и этнографии карелов связаны с отсутствием собственно этнологических изысканий, которые невозможны без оперирования адекватными методическими приемами. В противном случае складывается концептуальная ограниченность подходов, исследовательских взглядов на проблему, сужение спектра решаемых вопросов, подмена проблематики. Так, например, изучение социокультурного облика тверских карел, заявленное историками ТвГУ²⁶ невозможно на основе только

²⁴ Краеведческий словарь Вёсегонского района Тверской области. Тверь, 1994. 150 с.; Вёсегония: словарь-справочник. М., 2010.

²⁵ Головкин А. Н. Прошедшие через века. Тверь, 1998; Он же. История Тверской Карелии. Тверь: Чудо, 1999; Он же. Жернова: книга. Памяти тверских карел. Тверь, 2000; Он же. Рождение карельской письменности. Тверь, 2000.; Он же. Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2003.; Он же. В краю двух культур. Ржев, 2005; Он же. Помнят стены монастыря. Тверь, 2016 и др.

²⁶ Савинова А. И. Социокультурный облик тверских карел; Она же. Культурное наследие карел в современном этнокультурном пространстве Тверского региона // Культурное наследие русской провинции. Тверь, 2018. Вып. 1. С. 109–116; Савинова А. И., Степанова Ю. В. Хозяйство тверских

документальных источников, необходимы сбор и анализ устных свидетельств в ходе полевых исследований индивидуального и коллективного народного сознания. К сожалению, в последние десятилетия в связи с созданием новых субдисциплин, позиционирующих себя как обладающих единственно верным объяснительным дискурсом для постановки и решения главных задач традиционных гуманитарных дисциплин, их последователи зачастую осуществляют в своих работах простое механическое объединение и расширение проблемного поля за счёт заимствованной из разных наук без понимания и знания внутридисциплинарной проблематики и дискуссий специалистов.

Вместе с тем, начиная с 2013 г. на историческом факультете ТвГУ наметилась весьма позитивная тенденция междисциплинарного подхода в изучении тверских карелов как этнотерриториального сообщества. В числе безусловно новаторских исследований — многолетний проект «Расселение и демография тверских карел в XVII–XIX вв.» (РФФИ, 2017–2019). Руководитель — доцент кафедры отечественной истории, зам. декана по научной работе, канд. ист. наук Юлия Владимировна Степанова, аспирант ТвГУ Анна Игоревна Савинова. Опираясь на методiku изучения писцовых и переписных книг Лаборатории микроисследований Петрозаводского государственного университета под руководством И. А. Черняковой, первоначально был осуществлен сравнительный анализ данных переписных книг по карелам 1646 и 1678 гг., составлены базы данных, а затем использованы ГИС-технологии для поэтапного картографирования документальных свидетельств о локализации, динамике миграции и расселения карел Верхневолжья вплоть до конца XIX в. Локализация исторических поселений была проведена с использованием программного продукта QGIS 2.4. и метода локализации поселений XV–XVII вв. А. А. Фролова. Таким образом, этот междисциплинарный проект выполняется на основе методов истории и исторической географии, картографии, археологии, информатики и статистики. В ходе работы исследованы показатели численности населения, дворности поселений и населенности крестьянского двора на территории проживания тверских карелов. Созданный ГИС-проект «Тверские карелы в XVII–XX вв.» представлен на сайте Лаборатории исторической геоинформатики Института всеобщей истории РАН. Участниками проекта написано более 20 статей²⁷.

карел во второй половине XVII–XVIII вв. в природно-географических условиях Верхневолжья // Естественные научные методы в цифровой гуманитарной среде. Пермь, 2018. С. 165–167.

²⁷ Савинова А. И., Степанова Ю. В. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // Carelica. Научный электронный журнал. 2014. № 1/2014 (11). URL: http://carelica.petsu.ru/2014/Savinova_2.pdf (18.12.2020); Они же. Расселение и демография вышневолоцких карел во второй половине XVIII–XIX в. // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые междунар. Шёгреновские чтения. СПб., 2016.

В последние годы коллектив московских исследователей: Н. Ю. Болотина, А. И. Комиссаренко, А. Ю. Кононова приступили к реализации проекта по изучению экономических характеристик хозяйства карел, населявших в XVII — начале XVIII в. дворцовые волости Бежецкого Верха, Городецкого (Бежецкого) и Угличского уездов (ныне Тверская область)²⁸.

Среди новых международных проектов, в которых с 2016 г. участвуют тверские исследователи: проф. кафедры отечественной истории ТвГУ Т. Г. Леонтьева, магистрантка А. В. Полевая — «*The Integration of the Karelian Periphery in European Society*», поддержанном Академией наук Финляндии. В рамках проекта разрабатывается тема «География миграций и локализации карел в тверском Верхневолжье». Цитирую: «Кроме маршрутов «внешних» и «внутренних миграций» изучаются формы и механизмы адаптации к новым территориально-географическим, социоэкономическим, культурным и политическим контекстам, что позволяет переосмыслить диалектику и иерархию взаимоотношения родины, государства и диаспоры в формировании национального самосознания. В этом смысле карельско-тверской субэтнос как никакой другой пригоден для исследования механизмов конструирования идентичности на основе антропологической парадигмы, способной предложить принципиально новые подходы к человеческой истории помимо национально-имперских дискурсов»²⁹.

Присутствующий в этом тексте намек на антропологический подход заставляет задаться вопросом, обозначенным в начале статьи: как представлена триада «этнография — этнология — антропология» в современном тверском кареловедении на фоне заявлений о том, что научные исследования фольклора и этнографии Тверской земли предпринимается в ходе полевых работ рядом учебных и научных заведений области — Государственной академией славянской культуры (ГАСК), Тверским областным Домом народного творчества (ТОДНТ), музыкальным

С. 336–344; *Они же*. Восьегонские карелы в XVIII — начале XX в.: расселение и демография // *Carelica*. Научный электронный журнал. 2016. № 1/2016 (15). URL: http://carelica.petsu.ru/2016/40-50_Savinova.pdf (18.12.2020); *Они же*. Карельская диаспора южных районов Тверского Поволжья: история формирования и историческая судьба // *Carelica*. Научный электронный журнал. 2018. № 1. URL: http://carelica.petsu.ru/2018_1/26_37_Savinova.pdf (18.12.2020); *Они же*. ГИС-технологии в изучении миграций тверских карел в XVII–XIX вв. // *Цифровая гуманитаристика: Ресурсы, методы, исследования*. Пермь, 2017. С. 58–61; *Савинова А. II*. Расселение карел в Верхневолжье в середине — второй половине XVII в.: опыт изучения с применением ГИС-технологий // *Историческая информатика*. 2018. № 4. С. 57–72. *Она же*. Роль материалов писцового дела второй половины XVII в. в изучении переселения «корелян» на территорию Верхневолжья // *Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт — 2*. Восьмые Шёгреновские чтения с междунар. участием. Воронеж, 2019. С. 82–89. и др.

²⁸ *Болотина Н. Ю., Комиссаренко А. И., Кононова А. Ю.* Хозяйство карельских дворцовых крестьян в начале XVIII в. (по данным «свывозной и селитебной» книги стольника И. И. Сумарокова 1702 г.) // *Русь, Россия. Средневековье и новое время. Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова*. М., 2015. Вып. 4. С. 373–379.

²⁹ *Леонтьева Т. Г.* История и культура тверских карел... С. 145.

культурным колледжем им. М. П. Мусоргского, Всероссийским историко-этнографическим музеем г. Торжка (ВИЭМ); а также состоит в выявлении и публикации архивных материалов. Однако результаты полевых этнографических и фольклорных работ пока весьма скромны и не носят системного характера, а описания карельского образа жизни, особенностей праздничной и обрядовой культуры, социальной структуры различных локальных групп и т. п. сосредоточены в основном в многочисленных краеведческих работах. Не осуществляются сравнительно-исторические и типологические исследования русской и карельской традиционной культуры, хотя их было достаточно в XX в.³⁰

Новгородские карелы

Изучение различных групп новгородских карелов (крестецких, валдайских, боровичских³¹ и тихвинских), истории их миграций, форм индивидуальной или групповой самоидентификации, этнокультурной и религиозной специфики не отличается равномерностью³². В целом пока отсутствует целостный взгляд на этническую карту карельских ареалов в исторической динамике. Вместе с тем постепенно складываются основания для комплексного исследования.

Следует назвать этноисторические работы тверского исследователя И. Б. Чибисова³³. Используя обширный комплекс исторических и топонимических исследований, касающихся неславянских этносов в пределах новгородских пятин конца XV в. (Обонежской, Водской, Шелонской, Бежецкой и Деревской), автор впервые применил в качестве источника по их этнической истории новгородские писцовые книги, а также летописи, акты и др. В них были выявлены топонимические и антропонимические данные прибалтийско-финских (современные карелы, воль, ижора, вепсы, саамы) и тюркских (современные татары) народов на территории Новгородской земли, картографированы их ареалы. Высокие информативные возможности топонимии и антропонимии позволили И. Б. Чибисову определить факторы и механизмы этнического взаимодействия на территории средневековых Новгородских земель в условия неустойчивости этнических границ.

³⁰ Среди немногочисленных современных публикаций такого рода, выделяется диссертационное исследование М. В. Зыкус. «Региональные особенности народного костюма XIX — начала XX века в традиционной культуре русских и карел Тверской губернии». Автореф. ... канд. ист. наук: М., 2006.

³¹ Обстоятельное изучение и сопоставление статистических данных из разных источников содержится в статье независимого исследователя Н. М. Шварёва. См.: Шварёв, Н. М. Карелы Боровичского уезда Новгородской губернии в конце XIX — начале XX в. // Вопросы уралистики. Научный альманах. СПб., 2014. С. 557–612.

³² О тихвинских карелах см. публикации автора статьи.

³³ Чибисов И. Б. Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы). Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2018; *Он же*. Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы) / Б. И. Чибисов. Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2018. URL: http://www.iriran.ru/sites/default/files/Chibisov_Diss.pdf (18.12.2020)

При изучении поздней массовой миграции XVII в. в новгородские земли, в методическом плане важны работы З. В. Дмитриевой, известного петербургского историка и источниковеда. Из последних — её объемная статья о карельских беженцах, составе и средней численности семьи, некоторых характеристиках экономико-хозяйственной жизни карелов, расселившихся на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в.³⁴ Приведенные статистические данные важны для проведения сравнительно-сопоставительного анализа положения карельских выходцев на землях Бежецкого Верха и Белозерья, так как Кирилло-Белозерский монастырь являлся одним из основных промежуточных пунктов на пути миграции карелов в Верхневолжье.

В работах петербургского историка Алексея Александровича Бландова, относительно недавно приступившего к карельским штудиям, используются архивные документы, данные статистики XIX — начала XX в. и полевая информация, собираемая на территории расселения фактически несуществующих ныне групп карелов бывшей Новгородской губернии — валдайских, крестецких и др., осуществляется картографирование карельских деревень³⁵. Автор прав, следуя выводам С. А. Мызникова, В. А. Васильева, Д. В. Кузьмина³⁶, говоря о том, что единственными сохранившимися реликтами карельского языка ныне остаются локальная топонимия и антропонимия.

Очевидно, что многочисленные топонимические исследования петрозаводских, эстонских и финских учёных, словари карельских диалектов и говоров содержат большой познавательный и методический потенциал, который в определенной степени расширяет возможности комплексного изучения размытых

³⁴ Дмитриева З. В. «Карельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 5. С. 81–90.

³⁵ Бландов А. А. «Нас все корелякам звали, а мы карельского языка не знаем»: субэтническая группа валдайских карел в XX и начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2014. № 4 (21). С. 78–83; *Он же*. Валдайские карелы в XXI веке: Опыт изучения постэтнического сообщества // Мат-лы науч. конф. «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере» Петрозаводск, 2015. С. 80–84; *Он же*. Новгородские, медыньские и макаръевские карелы в XXI в.: этническое самосознание и этническая память // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт–2. Восьмые Шегреновские чтения с междунар. участием. Воронеж, 2019. С. 161–168; *Он же*. Малоизвестные группы карелов за пределами Карелии: история ассимиляции и современное состояние // Аннотации докладов научно-практической конференции «Коренные народы Карелии: история и современность» Петрозаводск 24–25 октября 2019 г. С. 6. URL: <http://illhportal.krc.karelia.ru/event.php?id=333&plang=r> (18.12.2020).

³⁶ Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб. 2003; *Он же*. О некоторых особенностях карельского воздействия на русские говоры Новгородской области // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире. I. Тарту, 2010. С. 165–173. URL: <http://dspace.ut.ee/handle/10062/21073> (19.12.2020); Васильев В. А. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012; Кузьмин Д. В. Географические термины русского происхождения в топонимии и диалектной лексике карельского ареала Тверской области // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 69–82.

и исчезнувших этнокультурных традиций³⁷. От себя добавлю, что эти данные могут помочь при обращении к проблеме освоения природно-культурной среды карельскими мигрантами, реконструкции природно-хозяйственного, природно-сакрального пространства, особенностей и способов их символизации, а также изучения особенностей этноконфессиональной картины мира, языков повседневного общения и конфессиональной практики, определения феномена культурного и языкового полилингвизма.

А. А. Бландов правомочно обозначает современное состояние бывших валдайских и крестецких карелов как постэтничное. Вместе с тем согласно его полевым наблюдениям, информанты демонстрируют феномен устойчивости знаний о карельской национальной кухне, как одного, подчеркну, из самых архаичных биоморфных кодов любого этнолокального сообщества.

Пытаясь ответить на вопрос, почему принадлежность в XIX — начале XX в. изучаемых автором карельских микролокальных сообществ к старообрядчеству не стало фактором этнической устойчивости как у тихвинских карелов, А. А. Бландов приходит к выводу, что он не являлся для них важным. Этот тезис можно оспорить. Прежде всего на том основании, что необходимо выявление, характеристика и анализ всей совокупности приоритетных этноконфессиональных субъективных и объективных признаков каждой из этих локальных групп, что требует комплексного изучения более ранних данных и затруднено размытым характером современной информации об этноконфессиональной идентичности почти полностью ассимилированных валдайских и крестецких карелов.

Кроме того, необходимо обратиться к работам по новгородскому старообрядчеству, которых значительно больше в настоящее время, чем о тверском староверии. И. А. Мельников в историографическом обзоре своей диссертации «Социокультурные трансформации ментальности новгородского старообрядчества»³⁸ справедливо указывает, что «Новгородский регион, бывший одним из центров старообрядчества Северо-Запада, попал в поле зрения исследователей недавно». И с этим трудно не согласиться. Но далее молодой исследователь подчеркивает «исследования, касающиеся новгородского старообрядчества, как правило, носят узко-специальный характер, в основном этнографической направленности». При этом автор ссылается на работы Т. А. Воскресенской, О. М. Фишман А. Б. Островского, в которых выявлен

³⁷ Интерес представляет одна из последних статей на эту тему известного новгородского лингвиста В. А. Васильева: *Васильев В. А. О влиянии языка карельских переселенцев XVII века на топонимию Новгородской области // Учёные записки Петрозаводского гос. университета. 2018. № 6. С. 69–77. URL: http://uchzap.petsu.ru/files/redaktor_pdf/1537858699.pdf (22.12.2020).*

³⁸ *Мельников И. А. «Социокультурные трансформации ментальности новгородского старообрядчества». Автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015.*

этнический компонент местного старообрядчества: карелы-староверы; названы карельские деревни, которые ещё в нач. XX в. были местными старообрядческими центрами. Но феномен «нерусского старообрядчества» игнорируется И. А. Мельниковым, как, видимо, несущественный. Целью диссертации и других его работ является «исследование ментальных характеристик региональной общности новгородских староверов», попытка «синтезировать общекультурологические знания по данному предмету».

Выявив наиболее существенные лакуны методологического и содержательного, характера в этнической истории и этнографии карелов вне Карелии полагаю, что перспективы исследования требуют объединения усилий всех заинтересованных научных сообществ, нацеленных на выработку общих направлений последующей деятельности посредством создание комплексных междисциплинарных проектов. Они позволят перейти от описательного изучения истории карельского переселения и региональных вариантов к актуализации проблематики процессов становления конкретных макро- и микросообществ карельских этнических групп вне Карелии.

Инструментальные возможности, прежде всего геоинформационные технологии, опыт которых сложился в тверском, петрозаводском университетах и других учреждениях, позволяют синхронизировать некоторые методики для картографирования различных явлений антропогенной и культурной — в широком и узком смыслах деятельности. Следует использовать принципиально новый этап в развитии регионалистики: создание этнографических и этноконфессиональных атласов³⁹. В контексте изложенного выше вполне реальным видится создание этноконфессионального атласа Тверской Карелии.

Список литературы

Александрова, А. Н. Памятники материальной культуры тверских карел в Тверском государственном объединенном музее / А. Н. Александрова // История культуры тверских карел: перспективы развития: Материалы междунар. конф. — Тверь : ТГУ, 1997. — С. 70–72.

Андреева, Л. Ю. Верхневолжские карелы: формирование и историческое развитие в условиях Российской Империи (XVIII — начало XX вв.) / Л. Ю. Андреева. Автореф. ...канд. ист. наук. — Москва : Гос. ун-т упр., 2011. — 25 с.

³⁹ Атлас «Тартарика. Этнография». М., 2008; Белозеров В. С., Панин А. Н., Чихичин В. В. Этнический атлас Ставропольского края. Ставрополь, 2008; Народы и конфессии Приволжского федерального округа. М., 2001; Церковно-исторический атлас Вологодской области. В 2 т. / Авт.-сост. Н. М. Македонская. Вологда: Древности Севера, 2007. Т. 1. Списки церквей и монастырей; Т. 2. Картографический материал; Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск, 2009; Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области. СПб., 2017.

Белозеров, В. С. Этнический атлас Ставропольского края / В. С. Белозеров, А. Н. Панин, В. В. Чихичин. — Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. — 207 с.

Бернштам, Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии / Т. А. Бернштам. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2007. — 311 с.

Бландов, А. А. «Нас все корелякам звали, а мы карельского языка не знаем»: субэтническая группа валдайских карел в XX и начале XXI в. / А. А. Бландов // Финно-угорский мир. — 2014. — № 4 (21). — С. 78–83.

Бландов, А. А. Валдайские карелы в XXI веке: Опыт изучения постэтнического сообщества / А. А. Бландов // Мат-лы науч. конф. «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере» Петрозаводск 1–2 октября 2015 г. / редкол.: Н. Г. Зайцева, Е. В. Захарова, И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск, 2015. — С. 80–84.

Бландов, А. А. Новгородские, медыньские и макарьевские карелы в XXI в.: этническое самосознание и этническая память / А. А. Бландов // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт–2. Восьмые Шегреневские чтения с междун. участием: Сб. ст / науч. ред. О. М. Фишман. — Воронеж: ООО «Мир», 2019. — С. 161–168.

Бландов, А. А. Малоизвестные группы карелов за пределами Карелии: история ассимиляции и современное состояние / А. А. Бландов // Аннотации докладов научно-практической конференции «Коренные народы Карелии: история и современность». — Петрозаводск 24–25 октября 2019 г. — С. 6. URL: <http://illhportal.krc.karelia.ru/event.php?id=333&plang=r> (18.12.2020).

Болотина, Н. Ю. Хозяйство карельских дворцовых крестьян в начале XVIII в. (по данным «свывозной и селитебной» книги стольника И. И. Сумарокова 1702 г.) / Н. Ю. Болотина, А. И. Комиссаренко, А. Ю. Кононова // Русь, Россия. Средневековье и новое время. — Москва : МГУ, 2015. — Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. — С. 373–379.

Васильев, В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли / В. Л. Васильев. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 813 с.

Васильев, В. Л. О влиянии языка карельских переселенцев XVII века на топонимию Новгородской области / В. Л. Васильев // Учёные записки Петрозаводского гос. университета. — 2018. — № 6. — С. 69–77. — http://uchzap.petrso.ru/files/redaktor_pdf/1537858699.pdf. — (22.12.2020).

Головкин, А. Н. Прошедшие через века / А. Н. Головкин. — Тверь : Альба, 1998. — 134 с.

Головкин, А. Н. История Тверской Карелии. — Тверь : Альба, 1999. — 183 с.

Головкин, А. Н. Жернова: книга. памяти тверских карел / А. Н. Головкин. — Тверь : Альба, 2000. — 91 с.

Головкин, А. Н. Рождение карельской письменности / А. Н. Головкин. — Тверь : ЧуДо, 2000. — 92 с.

Головкин, А. Н. Дорога в Медное / А. Н. Головкин. — Тверь : Альба Плюс, 2001. — 71 с.

Головкин, А. Н. История Тверской Карелии / А. Н. Головкин. — 2-е изд., доп. — Тверь: ЧуДо, 2001. — 302 с.

Головкин, А. Н. Карелы: от язычества к православию / А. Н. Головкин. — Тверь : Студия-С, 2003. — 176 с.

Головкин, А. Н. В краю двух культур / А. Н. Головкин. — Ржев : Ржевская типография, 2005. — 240 с.

Головкин, А. Н. Мы отсюда родом / А. Н. Головкин. — Тверь : Студия-С ; ГЕРС, 2007. — 176 с.

Дмитриева, З. В. «Карельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке / З. В. Дмитриев // Кириллов. Краеведческий альманах. — Вологда. — 2003. — Вып. 5. — С. 81–90.

Жуков, А. Ю. Церковно-приходская система Карелии: возникновение и развитие в XV — первой половине XVIII в. / А. Ю. Жуков // URL: <http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-189-3/978-5-88431-189> (18.12.2020).

Зыкус, М. В. Региональные особенности народного костюма XIX — начала XX века в традиционной культуре русских и карел Тверской губерния / М. В. Зыкус. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Москва, 2006. — 24 с.

Калинина, С. О. «Малая горсть инородцев»: православные карелы на Тверской земле православные карелы на Тверской земле / С. О. Калинина // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом Информационно-аналитический бюллетень. — № 1–2. — Москва : Изд-во РАГС, 2007. — С. 51–62.

Калинина, С. О. Этноконфессиональные особенности самоидентификации тверских карел в постсоветский период / С. О. Калинина. Автореф. дис. ...канд. философских наук. — Москва, 2008. — 31 с.

Камкин, А. В. Православная церковь на севере России. Очерки истории до 1917 г. / А. В. Камкин. — Вологда : ВГПИ, 1992. — 164 с.

Калмыкова, Л. Э. Народная вышивка Тверской земли. Вторая половина XVIII — начало XX в. Из собрания Загорск. гос. ист.-худож. музея-заповедника / Л. Э. Калмыкова. — Ленинград : Художник РСФСР. — 1981. — 204 с.

Копалиани, А. М. Психологические аспекты профессиональной деятельности координатора программы по возрождению духовной культуры тверских карел / А. М. Копалиани. Автореф. ...канд. психол. наук. — Тверь, 2003. — 23 с.

Кознова, И. Е. Аграрная модернизация в России и социальная память крестьян / И. Е. Кознова // Реформаторские идеи в социальном развитии России. — Москва : ИФРАН, 1998. — С. 212–232.

Леонтьева, Т. Г. История и культура тверских карел: исследовательские традиции в тверском научном сообществе / Т. Г. Леонтьева // Вестник ТвГУ. Серия «История». — 2017. — № 2. — С. 136–148.

Леонтьева, А. Г. Конфессиональные практики тверских карел (XVII–XIX вв.): Историография и источники / Т. Г. Леонтьева // Вестник ТвГУ. Серия «История». — 2018. — № 4. — С. 67–83.

Кузьмин, Д. В. Географические термины русского происхождения в топонимии и диалектной лексике карельского ареала Тверской области / Д. В. Кузьмин // Вопросы ономастики. — 2015. — № 1 (18). — С. 69–82.

Маслова, Г. С. Материалы по этнографии карел Калининской области / Г. С. Маслова // Советская этнография. — 1936. — № 2. — С. 79–100.

Маслова, Г. С. «Kegrin raiva» у карел Калининской области / Г. С. Маслова // Советская этнография. — 1937. — № 4. — С. 150–152.

Маслова, Г. С. Экспедиция к карелам Калининской области / Г. С. Маслова // Краткие сообщения Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — 1947. — Вып. 3. — С. 22–23.

Маслова, Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел / Г. С. Маслова // Тр. ИЭ АН СССР. Т. XI. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — 139 с.

Мельников, И. А. «Социокультурные трансформации ментальности новгородского старообрядчества» / И. А. Мельников. Автореф. дис. ... канд. культурологии. — Санкт-Петербург, 2015. — 21 с.

Мызников, С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада / С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2003. — 359 с.

Мызников, С. А. О некоторых особенностях карельского воздействия на русские говоры Новгородской области / С. А. Мызников // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире I. — Тарту : Издательство Тартуского университета, 2010. — С. 165–173. — URL: <http://dspace.ut.ee/handle/10062/21073>. — (19.12.2020).

Пилюгин, А. А. Тверские карелы: диаспора или коренной народ? / А. А. Пилюгин // История и культура тверских карел: перспективы развития. — Тверь : ТГУ, 1997. — С. 26–27.

Пулькин, М. В. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.). / М. В. Пулькин, О. А. Захарова, А. Ю. Жуков. Москва : Круглый год, 1999. — 203 с.

Савинова, А. И. Социокультурный облик тверских карел во второй половине XVIII — XIX вв. / А. И. Савинова // Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков — молодым» [Электронный ресурс]. — URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1661-sotsiokulturnyj-oblik-tverskikh-karel-vo-vtoroj-polovine-xviii-xix-vv> (18.12.2020)

Савинова, А. И. Расселение карел в Верхневолжье в середине — второй половине XVII в.: опыт изучения с применением ГИС-технологий // Историческая информатика. — 2018. — № 4. — С. 57–72.

Савинова, А. И. Культурное наследие карел в современном этнокультурном пространстве Тверского региона / А. И. Савинова // Культурное наследие русской провинции. Мат-лы межрегион. конф. 20 октября 2017. — Тверь ; Старица : Твер. Гос. ун-т, 2018. Вып. 1. — С. 109–116.

Савинова, А. И. Роль материалов писцового дела второй половины XVII в. в изучении переселения «корелян» на территорию Верхневолжья / А. И. Савинова // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт – 2. Восьмые Шёгреневские чтения с междунар. участием: Сб. ст. / науч. ред. О. М. Фишман. — Воронеж : ООО «Мир», 2019. — С. 82– 89.

Савинова, А. И. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // Carelica. Научный электронный журнал [Электронный ресурс]. — 2014. — № 1/2014 (11). URL: http://carelica.petrus.ru/2014/Savinova_2.pdf (18.12.2020).

Савинова, А. И. Расселение и демография вышневолоцких карел во второй половине XVIII–XIX в. / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые междунар. Шёгреневские чтения: Сб. ст. / сост. и науч. ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. — Санкт-Петербург : «Европейский Дом», 2016. — С. 336–344.

Савинова, А. И., Степанова, Ю. В. Весьегонские карелы в XVIII – начале XX в.: расселение и демография / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // Carelica. Научный электронный журнал [Электронный ресурс]. — 2016. — № 1/2016 (15). URL: http://carelica.petrus.ru/2016/40-50_Savinova.pdf (18.12.2020).

Савинова, А. И. ГИС-технологии в изучении миграций тверских карел в XVII–XIX вв. / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // Цифровая гуманитаристика: Ресурсы, методы, исследования: Сб. докл. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь : ПГНИУ, 2017. — С. 58–61.

Савинова, А. И. Карельская диаспора южных районов Тверского Поволжья: история формирования и историческая судьба / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // Carelica. Научный электронный журнал [Электронный ресурс]. — 2018. — № 1. — URL: http://carelica.petrus.ru/2018_1/26_37_Savinova.pdf (18.12.2020).

Савинова, А. И. Хозяйство тверских карел во второй половине XVII–XVIII вв. в природно-географических условиях Верхневолжья / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной среде. — Пермь : ПГНИУ, 2018. — С. 165–167.

Фишман, О. М. Старообрядчество как фактор стабильности этнолокальной общности тверских карел / О. М. Фишман, И. В. Чичкина // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах: Сб. науч. тр. / отв. ред. О. М. Фишман. — Санкт-Петербург : Арт-Люкс, 2002. — С. 166–188.

Фишман, О. М. Символизация локальной культуры: старообрядческие группы тихвинских и тверских карел / О. М. Фишман // Локальные традиции в народной

культуре Русского Севера: Мат. IV междунар. научн. конф. «Рябининские чтения. 2003» / отв. ред. Т. Г. Иванова. — Петрозаводск, 2003. — С. 260–262.

Фишман, О. М. Богослужбные практики карельских старообрядцев / О. М. Фишман // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию 2008. — Санкт-Петербург : Наука, 2009. — С. 89–97.

Фишман, О. М. Карелы – пограничный народ, пограничная культура / О. М. Фишман // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий-2. Третьи Шёгреневские чтения: Сб. ст. — Санкт-Петербург : «Европейский Дом», 2009. — С. 275 – 290.

Фишман, О. М. Знающая — больная: из опыта полевой автобиографии / О. М. Фишман // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Гуманитарные исследования: Сб.ст., посв. памяти Ю. Ю. Сурхаско. Вып. 2. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2009. — С. 135–172.

Фишман, О. М. Тверская Карелия в фондах Российского этнографического музея / О. М. Фишман // Первый Петербургско-Тверской семинар «Тверской край в науке и культуре» / Под ред. Ю. В. Кривошеева. В. М. Воробьева. — Тверь : Седьмая буква, 2009. — С. 235–255.

Фишман, О. М. История малой родины в устных и письменных рассказах тверских карел / О. М. Фишман // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Матер. Межд. конф. науч. конф. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2010. — С. 298–306.

Фишман, О. М. Локальная история в нарративах тверских карел второй половины. XX в. / О. М. Фишман // Историческая этнография. Вып. 4. Источники и методы изучения малых групп в этнографии: Сб. ст. к 60-летию В. А. Козьмина. — Санкт-Петербург : Исторический факультет СПбГУ, 2010. — С. 13–29.

Фишман, О. М. Kegrī räivä в устных и письменных биографиях тверских карел / О. М. Фишман // Фольклор и этнография: к девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова: Сб. ст. / Отв. ред. А. К. Байбурин, Т. Б. Щепанская. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2011. — С. 93–102.

Фишман, О. М. Карельские праздники в автобиографическом тексте (по воспоминаниям 1980-х гг.) / О. М. Фишман // Праздники и обряды как феномены этнической культуры: Мат. Десятых Санкт-Петербургских этнограф. чтений / отв. ред. В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко. — Санкт-Петербург : СПбГУПТД. — 2011. — С. 101–106.

Фишман, О. М. Письменные нарративы краеведов как источник для изучения этнической идентичности (на материалах тверских карелов) / О. М. Фишман // Музей. Традиция. Этничность. — 2012. — № 1. — С. 57–74.

Фишман, О. М. Образ малой родины в устных и письменных рассказах тверских карелов / О. М. Фишман // О своей земле, своей вере, настоящем

и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е. Б. Смилянкой. — Москва : Индрик, 2012. — С. 363–434.

Фишман, О. М. «Сама от себя — чего знаю, чего помню»: тетради с повествованиями тверской карелки Анастасии Федоровны Любимовой / О. М. Фишман // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е. Б. Смилянкой. — Москва : Индрик, 2012. — С. 435–463.

Фишман, О. М. Этническая идентичность в устном и письменном нарративе карел-мигрантов / О. М. Фишман // Фольклор и этнокультурная идентичность: Мат. IV Межд. школы молодых фольклористов. — Санкт-Петербург : РИИИ, 2014. — С. 62–84.

Фишман, О. М. Проблематика повседневного билингвизма тверских карелов / О. М. Фишман // Труды Карельского научного центра РАН. — 2014. — № 3. — С. 66–75.

Чибисов, Б. И. Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы) / Б. И. Чибисов. Автореф. ... канд. ист. наук. — Москва, 2018. — 24 с.

Чибисов, Б. И. Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы) / Б. И. Чибисов. Дис. ... канд. ист. наук. — Москва, 2018. — 252 с. URL: http://www.iriran.ru/sites/default/files/Chibisov_Diss.pdf (18.12.2020)

Шварёв, Н. М. Карелы Боровичского уезда Новгородской губернии в конце XIX — начале XX в. / Н. М. Шварёв // Вопросы уралистики. Научный альманах. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 557–612.

Шутова, Н. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона / Н. И. Шутова, В. И. Капитонов, Л. Е. Кириллова, Т. И. Останин. — Ижевск : Удмуртский ИЯЛИ, 2009. — 238 с.

Fišman, O. Ennen kylvettiin pirtin uunissa ja metsänhaltija tunnetaan yhä. Tverin Karjalaa samoilemassa / O. Fišman // Karjalan heimo. — 2002. — № 9–10. — S. 128–132.

ВИНОКУРОВА Ирина Юрьевна / VINOKUROVA Irina

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Science

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

irvin@sampo.ru

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТИПОВ ВЕПСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА
(ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)***

**ON THE CHARACTERISTICS OF THE TYPES OF VEPSIAN PEASANT FAMILY
IN LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURY (BASED ON ETHNOGRAPHIC
AND LINGUISTIC MATERIALS)**

Abstract: The article is devoted to the consideration of such an insufficiently researched issue as the types of the Vepsian peasant family in late 19th — early 20th century. To identify the types of Vepsian peasant families of this period, we use information about Vepsian customs and rituals, supplemented with data on terminology and names of villages. It is these sources that give an ethnic colour to the problem of family types. In the Soviet period, the humanities did not develop a common terminology and, consequently, classification of families. The article uses the classification proposed by the English historian Peter Laslett to identify the types of families, which is successfully applied in modern historical demography. Three types of family were found in the sources that existed in the Veps at the end of the 19th — early 20th century: nuclear, extended and composite, representing different stages of family development. One type of complex family was a large family – crowded, with direct and lateral kinship of two or more married couples, which was already rarely observed in the period under review. At the same time, the above-mentioned customs and rites originated in the bowels of the composite family. In general, ethnographic and linguistic sources are auxiliary, indicating only the existence of these types of family in the designated period, but do not give a clear answer to the question of the prevalence of a particular type. The answer to this question can only be given by documentary sources (Zemstvo statistics, reports of rural self-government, volost courts, *etc.*).

Ключевые слова / Keywords: Вепсы, традиционная культура, крестьянская семья, типология семьи, обычаи, ритуалы / The Veps traditional culture, peasant family, the typology of the family, customs, rituals

Семья по праву называется в числе тем, составляющих ядро этнологических исследований. Этой темой всегда активно занимались и представители других гуманитарных дисциплин, имеющих свой особенный арсенал источников, специальных терминов и подходов. В постперестроечный период комплексная наука об институте семьи — фамилистика получила новый мощный импульс в результате бурного развития таких направлений как этнография детства, гендерная история,

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ АААА-А18-118030190092-2).

семейная генеалогия, семейный фольклор, которые разрабатывались на примере разных этнических сообществ. В последнее десятилетие произошло серьёзное продвижение в комплексном изучении карельской семьи. На карельском фоне оказались особенно заметными зияющие пустоты в изучении семейной проблематики у вепсов.

Статья посвящена такой малоисследованной проблеме, как типы вепсской крестьянской семьи конца XIX — начала XX в. Обращение к этой проблеме актуально не только в силу неизученности. В ряде случаев оно позволяет объяснить некоторые традиции в современной жизни вепсской сельской семьи (например, связанные с патриархальностью, патрилокальностью, патронимическим расселением и др.).

Впервые вопрос о вепсской традиционной семье и её типологии был затронут довольно эксплицитно в работах В. В. Пименова, который для её характеристики использовал главным образом собственные полевые материалы, собранные во время экспедиций в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Ценность этих материалов бесспорна. Однако для более детального исследования архаических культурных форм, которые уже практически невозможно зафиксировать с помощью сведений современных информантов, необходим учет и других источников. Для этнологов такими источниками могут быть данные о различных сферах традиционной культуры народа, в которых типы традиционной семьи в разных ракурсах могли отразиться.

В настоящей статье для изучения типов вепсской крестьянской семьи конца XIX — начала XX в. к анализу привлекаются сведения об обычаях и обрядах вепсов, обнаруженные в публикациях, архивных и полевых материалах, дополненные данными языковедов по лексике и ойконимии. Именно эти источники придадут этническую окраску вопросу, связанному с типами семьи.

Типами семьи обычно называют семейные модели, выделенные из множества семей по определенным признакам¹. В советский период в гуманитарных науках не были выработаны единая терминология и соответственно типология семей². В этнографии исследователями обычно используется деление семьи на два типа — малую и большую по числу брачных пар³. К малой относятся семьи с одним брачным союзом в основе образования каждой из них. Неслучайно такая семья

¹ Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. 1984. № 6. С. 19.

² Голикова С. В. Теоретические аспекты изучения семьи в научной литературе // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2008. Вып. 9. С. 226–240.

³ Народы России: Атлас культур и религий. М., 2008. С. 310.

получила в науке и другое название нуклеарная (от англ. *nuclear* 'ядерный', *nucleus* 'ядро, ячейка').

Большой семьей называются моногамные семьи с двумя или более брачными парами. Другим названием такой семьи в российской этнологии является термин «неразделенная семья». Большие неразделенные семьи принято делить на *отцовские* (родители с их женатыми и неженатыми детьми и внуками), *братские* (несколько женатых братьев) и *более сложные образования* (дяди с женатыми племянниками и семьи с более сложной структурой)⁴.

К сожалению, не все варианты семейных комбинаций уместаются в эту классификацию. Например, куда отнести семью, члены которой родственники, но не образуют брачных пар? Допустим две сестры (фото 1). Кроме того, границы между двумя типами часто оказывались размытыми.

Фото 1. Двоюродные сестры М. М. Маркова (1919 г.р.) и А. Е. Моисеева (1923 г.р.), проживающие вместе. Фото М. В. Заозерного, с. Мягозеро Подпорожского р-на Ленинградской обл., 2008 г.

⁴ Голикова С. В. Теоретические аспекты... С. 231.

Иногда исследователи расширяли понятие «малая семья», включая в состав малой семьи не только супружескую пару и детей, но и одинокого родителя одного из супругов, т. к. по численности такая семья могла равняться малой⁵. Разнобой в терминах приводил к существенным расхождениям в выводах. До сих пор остается спорным вопрос, какие типы семьи доминировали среди крестьянства дореволюционной России⁶.

В настоящее время исследователи всё чаще обращаются к классификации семейных форм, разработанной на основе типологии, предложенной английским историком Питером Ласлеттом⁷. В ней выделяется пять основных типов семей, в зависимости от ведения общего хозяйства и родственных связей между её членами: 1) семья, состоящая из одного человека; 2) проживающая вместе группа родственников или неродственников, ведущих общее хозяйство; 3) малая или нуклеарная, семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми; 4) расширенная семья, включавшая супружескую пару с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях; 5) составная семья, состоящая из двух или более супружеских пар. В пятую категорию входят как разновидность и большие патриархальные отцовские или братские семьи, которые включают несколько поколений одного предка, образующих три-пять и более супружеских пар, объединяющих от 15 чел. и больше⁸.

Взяв на вооружение эту классификацию семейных форм, обратимся теперь к материалам по вепсской семье. Как указывают статистические материалы, в конце XIX в. у вепсов доминировала малая по численности семья. По подсчётам С. Б. Егорова, например, средний размер семьи у вепсов Тихвинского уезда Новгородской губернии равнялся 5,5 чел⁹. Судя по нашим подсчетам, сделанным на основе данных из «Списка населенных мест по сведениям 1873 года», средний размер семьи у прионежских вепсов, проживающих в деревнях по берегу Онежского озера,

⁵ Власова И. В. Семья // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 366; Смирнов П. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1991. Вып. 20. Межэтнические связи населения Марийского края. С. 97.

⁶ Миронов Б. Н. Новая историческая демография Имперской России: Аналитический обзор современной литературы. Ч. III // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 3. С. 5.

⁷ Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 132–157.

⁸ Миронов Б. Н. Новая историческая демография ... 2007. С. 5.

⁹ Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов: Дис. ... канд. истор. наук.. Машинопись. СПб., 2014. С. 167.

был выше и составлял 6,2 чел., но и здесь по численности семьи не были большими (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Средний размер семьи у прионежских вепсов¹⁰

Названия населенных мест	Число дворов	Число жителей (чел.)	Среднее число жителей на один двор (чел.)
Деревянский погост	37	185	6
Васильевская (Шокшинский погост)	46	155	5,5
Ишанино	7	32	4,6
Пустошь	4	22	5,5
Залесье	41	176	6,7
Сюрьга	14	74	5,3
Вехручей	36	330	9,2
Габкула	1	5	5
Еремеев Посад	21	135	6,4
Низовская	20	97	4,9
Розмега	11	57	5,2
Каккарово	36	157	4,4
Роп-Ручей	38	269	7,5
Житноручей	36	281	7,8
Рыборецкий Погост	30	195	6,5
Другая Река	71	469	6,6
Каскесручей	60	423	7,1
Кукоев Конец	20	132	6,6
Перваково	10	72	7,2
Гимрека	43	282	6,6
Щелейки	56	419	7,5
Вознесенье	17	68	4
Итого:	649	4035	6,2

Однако ответа на вопрос, каковы были члены этой семьи, статистика нам не даёт. За примерно одинаковыми цифрами могли скрываться разные по типу семьи. Например, А. И. Сеннин приводит описание состава двух семей исаевских вепсов (см. Таблицу 2). Если следовать приведенной типологии, то первая семья

¹⁰ Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб., 1879. С. 14–16.

является расширенной семьей (отец, сын с женой, дети), а вторая — малой (супружеская пара и дети).

Таблица 2. Описание состава двух семей исаевских вепсов, данное А. И. Сениным¹¹

Состав	Семья зажиточного крестьянина Ильи Алексеева (8 чел.)	Семья бедного крестьянина Тимофея Степанова (7 чел.)
1 поколение: родители супругов	Отец — 70 лет	
2 поколение: супруги	Илья Алексеев — 45 лет Жена — 45 лет	Тимофей Степанов — 40 лет Жена — 37 лет
3 поколение: дети	Дочь — 19 лет Дочь — 14 лет Дочь — 15 лет Сын — 11 лет Дочь — 6 лет	Дочь — 15 лет Дочь — 12 лет Сын — 10 лет Сын — 7 лет Сын — 3 года

Как показывает Таблица 2, существенным признаком структуры семьи может быть детность — количество детей в семье (без учета умерших). Семьи дифференцируются на бездетные, малодетные и многодетные. Размеры малых семей почти полностью зависели от числа детей. В. Н. Майнов отмечал среди оятских вепсов высокую рождаемость, «чуть ли не превышающую детопродуктивность русских»¹². По его подсчетам, вепсская крестьянка в среднем рожала более восьми детей, но из них выживало только около 58%, т. е. среднее количество детей вепсской крестьянской семьи составляло примерно четыре-пять чел.

По наблюдению известного историка семьи Б. Н. Миронова, сделанному на основе отдельных локальных исследований, «семьи численностью до 5 чел. включительно чаще всего являлись малыми, в 7 и более — составными.

¹¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Том 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., 2008. С. 156–157.

¹² Майнов В. Н. Приоютская Чудь (весь-вепсы) // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Т. 30. № 5. С. 22.

Среди последних, с числом членов 11 и более чел., значительная часть, вероятно, относилась к большим семьям»¹³.

Согласно полевым материалам В. В. Пименова, в прошлом у вепсов преобладали большие неразделенные семьи. Как отмечает автор, эти семьи хорошо сохранились в памяти информантов, которых он опрашивал в 1950-е гг. Причём многие из них «сами являлись раньше членами больших семей и могли с подробностями рассказать о структуре, хозяйстве, внутренних взаимоотношениях в большой семье»¹⁴. Если предположить, что информантам на момент опроса было приблизительно 70–80 лет, то, на основе подсчетов их годов рождений, коими были примерно 1870-е и далее годы, можно утверждать, что большие семьи ещё существовали у вепсов на рубеже XIX–XX в. Причём они сохранялись гораздо дольше в чисто вепсских по национальному составу деревнях. Это отмечает В. Н. Майнов, которому принадлежат первые сведения о чудской (=вепсской) семье, опубликованные в 1881 г.: «Случается встретить в Чудской стороне и притом в особенности там, где чудская сторона осталась в наибольшей стороне, т. е. в густо населенных ею Чудью местностях, семьи в 30 и даже более душ: такая семья в оправдание своего нежелания приступить к дележке прямо и бесповоротно говорит, что “слога сильнее Бога”»¹⁵. Далее из описания В. Н. Майнова следует, что у вепсов встречались, как отцовские трехпоколенные семьи, так и братские двухпоколенные. Обратимся к тексту: «Вся семья держится конечно главою, который может быть дедом и при детях и внуках (отцовская семья. — П. В.), старшим дядей при братьях и племянниках и даже иногда конечно довольно редко младшим дядей при старших братьях и племянниках (братская семья. — П. В.)»¹⁶.

Свидетельства о больших семьях можно извлечь и из образцов вепсской речи, записанных российскими лингвистами в 1950–1960-е гг. Приведём один из них в русском переводе: «У моего деда семья была очень большая, двадцать человек. Детей кормили отдельно» (М. И. Иванова, 1897 г.р., запись 1965 г., д. Керчаково Бабаевского р-на Вологодской обл.)¹⁷. Проанализируем эту информацию: если возрастная разница между родителями и детьми равна приблизительно 20 лет и более, дедами и внуками — 40 лет и более, то получается, что дед информанта был рожден где-то в 40–50-е годы XIX в., а семью завел в 1870-е годы, т. е. речь идёт

¹³ Миронов Б. Н. Новая историческая демография ... 2007. С. 18.

¹⁴ Пименов В. В. Поездка к прионежским вепсам // Советская этнография. 1957. № 3. С. 160.

¹⁵ Майнов В. Н. Несторова Весь и Корельские дети // Живописная Россия. СПб.; М., 1881. Т. 1. Ч. 2. С. 510.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969. С. 202.

о существовании больших семей в 1870–1880-е годы, что и подтверждают приведенные выше сведения В. Н. Майнова и В. В. Пименова, которые, однако, не согласуются с данными статистики.

Или возьмём другой текст, записанный среди южных вепсов: «*Раньше семьи большие (sured) были. <...> ... все вместе жили. Сыновей трое, невесток трое, а хозяин был старик*»¹⁸. Как следует из этого текста, сами вепсы для обозначения неразделенных многолюдных семей применяли название *sured* «большие», по типу они могли быть смешанными семьями с прямым и боковым родством брачных пар.

Какие факторы влияли на длительное существование большой семьи? По мнению Б. Н. Миронова, демографические факторы: в условиях высокой смертности и низкой средней продолжительности жизни болезнь или смерть одного и часто единственного работника в малой семье приводили хозяйство в упадок, в то время как в составной семье потеря одного работника не могла подорвать благосостояние хозяйства¹⁹. Консервации больших семей у вепсов способствовало длительное сохранение подсечно-огневого земледелия вплоть до 30-х гг. XX в.²⁰ Работы, связанные с подсекой, были чрезвычайно трудоемки, и справиться с ними мог только значительный коллектив людей.

К числу критериев, характеризующих типы семьи, относится характер взаимоотношений между членами семьи. По такому признаку вепсская большая семья относилась к авторитарной (в противовес эгалитарной семье, в которой оба супруга занимают равное положение). В авторитарной семье внутрисемейные отношения строились на подчинении детей родителям, младших членов семьи старшим, женщин — мужчинам. Большая семья базировалась на патриархальных началах, поддерживающих полную и безграничную власть отца, подчинение мужу. Все спорные вопросы в семье решали мужчины. Главой семьи был дед или отец, которого окружающие называли *ižand* «хозяин», *iče* «сам», *ikē* «дед». Он пользовался уважением у остальных членов семьи и обладал над ними, в том числе и взрослыми сыновьями, абсолютной властью: распределял членов семьи по работам в хозяйстве, отправлял на отхожие промыслы, решал вопросы купли-продажи, браков, разделов семьи и т. д. Весь семейный этикет подчеркивал авторитет отца. Обедать или пить чай, например, не садились, пока не сел хозяин, или ожидали его за столом, не смея

¹⁸ Там же. С. 213.

¹⁹ Миронов Б. Н. Новая историческая демография ... С. 13.

²⁰ Малиновская З. П. Материалы по этнографии вепсов // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 192; Макарьев С. А. Вепсы: (Этнографический очерк). Л., 1932. С. 9.

начать трапезу²¹. У южных вепсов во время еды хозяин сидел «с полотенцем, завязанным узлом для острастки детей»²².

После смерти главы семьи или в случае его старческой немощи власть переходила к его брату или старшему сыну. Как пишет В. Н. Майнов, «нигде не слышано на Чуди, чтобы хозяйство получила женщина, так как воззрения Чуди на женщин не отличаются особенною охотою признать за бабами равные с мужчинами права»²³. Впрочем, были и исключения из правил. Так, в 1926 г. этнографу Н. С. Розову удалось обнаружить и зафиксировать на фото вепскую большую семью из 19 человек во главе с матерью старухой в д. Анхимовская Лодейнопольского у. Ленинградской губ. (фото 2).

Фото 2. Вепская большая семья во главе с матерью старухой из д. Анхимовская Лодейнопольского у. Ленинградской губ. Фото Н. С. Розова 1926 г. (Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области. СПб., 2017. С. 276)

Главенство мужчин в семье было закреплено экономически, поскольку только мужчинам выделялся земельный надел. По этому поводу среди вепсов были зафиксированы крестьянские суждения о более низком статусе женской души

²¹ *Светляк (Фомин) А. В.* Песни, обряды, обычаи, причитания, загадки, частушки в Лодейнопольском округе с общим описанием Шимозерского края и быта жителей // Архив Русского географического общества (далее — АРГО). Р. 119. Оп. 1. Д. 344. Тетрадь 8. Л. 3.

²² Материалы Н. Н. Волкова // Архив Музея антропологии и этнографии (далее — АМАЭ). Ф.13. Оп. 1. Д. 16. Л. 12

²³ *Майнов В. Н.* Несторова Весь и Корельские дети ... 1881. С. 510.

по сравнению с мужской: «*Ende tuga sanuiba: ak om beŋgetoi, uuniiž beŋg*» *akou, ka i hänele man andeižiba*» — «Прежде говорили: у женщины нет души, была бы у женщины душа, то и на нее давали бы землю [надел]»²⁴.

В вепских традиционных представлениях, обычаях, обрядах, фольклоре подчеркивалось подчиненное положение женщины, более низкий ранг по сравнению с мужчиной²⁵.

Лучшее положение в вепской семье, по сравнению с другими женщинами, имела жена хозяина, самое незавидное — невестка. Жена хозяина — *etag* «хозяйка», *ak* «старуха» (соответствующая *большухе* в русской семье) руководила женщинами, занятыми домашним хозяйством: уходом за крупным и мелким рогатым скотом, птицей, изготовлением тканей и одежды, уборкой дома и двора. Утром *etag*, встав чуть свет, будила на работу невесток и затапливала печь. Её главной функцией, по выражению одного из наших информантов, было «командовать котлом». Наблюдавший семейный быт исаевских вепсов А. И. Сенин писал: «Старшая женщина в семье — стряпуха; это почетная и ответственная должность», которую она разве с бою уступала снохе, даже превосходящей первую в кулинарном искусстве. Большуха и младшие женщины в семье накрывали на стол: стелили скатерть, клали ложки, соль, нож, иногда вилки, и приглашали мужчин садиться²⁶.

Важная роль *etag* в доме отразилась во многих семейных и хозяйственных обрядах. Массовое обследование вепсов З. И. Строгальщиковой²⁷ и полевые материалы автора этой статьи показывают, что институт сельских повитух у вепсов развит не был. Как следует из рассказов информантов, в расширенной или составной семье эти функции чаще всего выполняла свекровь. Свекровь с невесткой, у которой начинались роды, удалялись (обычно в тайне от всех членов семьи) в хлев — наиболее распространенное родильное место у вепсов, подполье или баню. В обрядах, сопровождающих появление ребенка на свет, *etag* выступала в роли прародительницы семьи. Она первая брала на руки новорожденного члена семьи, вносила его в избу, проводила над ним комплекс обрядов очищения и социализации. Интересные сведения о родах в бане у вепсов в с. Корвала Тихвинского уезда Новгородской губернии, датируемые 1922 г., приводит учитель А. А. Киселев. Эти сведения оказались резко отличающимися от остальной вепской территории. В родовспоможении участвовала не свекровь (что составляло

²⁴ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972. С. 114–115.

²⁵ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 65–66.

²⁶ Русские крестьяне... 2008. С. 153–154.

²⁷ Строгальщикова З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 98.

характерную черту вепсской традиции), а местная повивальная бабка. А. А. Киселев так описывает подготовку к родам в бане: «Беременная женщина, почувствовав роды, начинает топить баню, а муж тихонько, чтобы никто не знал, идет к бабке»²⁸. Упоминание при подготовке к родам только роженицы и её мужа заставляет выдвинуть предположение, что повивальную бабку могли звать принимать роды в семье, в которых не было свекрови, и таковыми, чаще всего, являлись малые семьи.

Вепсская большая семья была патрилокальна — местом поселения брачных пар всегда являлся родительский дом мужа. Здесь важно подчеркнуть общую особенность, характерную для крестьянской семьи России, в отличие от некоторых западноевропейских стран, отмеченную австрийским учёным М. Миттерауером и российским исследователем А. Каганом: «Вступив в брак, молодая супружеская пара инкорпорировалась в состав уже имеющейся родительской семьи, а не образовывала собственную»²⁹; таким образом, молодожены практически всегда начинали свою совместную жизнь в неразделенной семье, а не отдельно от родителей в нуклеарной семье, как это было в некоторых странах Запада. Неразделенная семья защищала их от материальных трудностей. Как писала В. Р. Свечкарева, при такой ситуации в брак вступали в очень раннем возрасте, и, по сути дела, молодухи приобретали не столько супруга, сколько новых родителей³⁰. Момент вливания малой семьи в состав неразделенной нашел яркое отражение в вепсских обязательных, отличающихся локальной вариативностью, обрядах встречи новобрачных родителями жениха — «новыми родителями» на пороге дома. Например, у шимозерских и оятских вепсов при входе происходило первое кормление «детей» «родителями»: им давали откусить один пирог *kokak* (ржаной, с острыми краями пирог), одну ковригу хлеба, поили молоком из одного горшка³¹. Даже при распространившихся после революции браках «самоходкой» парень приводил девушку не куда-либо, а в дом своих родителей. Так, А. Борисова описала случай, происшедший в 1923 г. в с. Пондале Марковской вол. Белозерского уезда Новгородской губернии. Туда на праздник верхом на коне приехала девушка из соседнего Сяргозера. Она целый вечер гуляла с сыном мельника, а на другой день вся деревня говорила о приехавшей к мельникову сыну самоходке³².

²⁸ Киселев А. А. «Техника в чухарском быту»: Архив Российского этнографического музея (далее — АРЭМ). Ф. 2. Оп. 2. № 37. Л. 62.

²⁹ Цит. по: Голикова С. В. Теоретические аспекты ... С. 234.

³⁰ Свечкарева В. Р. Дихотомия Запад-Восток в контексте брачной морали // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2005. № 5 (28). С. 97. С. 91–100.

³¹ Этнографическое описание жизни, быта, обычаев чухарей, составленное А. В. Лесковой (1902–1903): АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 373. Л. 47.

³² Борисова А. А. Взаимоотношения полов у чухарей // Старый и новый быт. Л., 1924. С. 64.

С началом брака всегда в составной или расширенной семье связан и унижительный институт примачества у вепсов. Одной из причин прихода примача являлось отсутствие в доме сыновей. Если в семье было несколько дочерей, то в таком случае замуж за примача выдавали старшую дочь. В семье и деревне ей сочувствовали: «Хороший мужик мог бы на дочери жениться». Также в примачи шли обычно тогда, когда земли в своей семье не хватало на всех сыновей: «*Сын в сыновья пошел к соседу. Пошел, потому что земли мало было*»³³. При этом самый старший сын никогда не становился примачом. Зять принимали и в том случае, если он был бедняком, сиротой или не имел своего угла, вернувшись с длительной военной службы. «*Пришёл на готовую жизнь*», — часто попрекали примача, у которого не было никакой собственности. Зависимость примача нашла отражение в вепских обычаях. Например, когда зимой зять отправлялся в лес на заготовку дров, он брал острый топор из саней тестя в знак того, что у него нет ничего своего. Если еды в доме жены не хватало, то зять по возможности ходил есть в родной дом³⁴. В вепской пословице тяжелая жизнь примача в чужой семье сравнивалась с лежанием на острых зубьях бороны: «*Void magata sügužön šorpiļ, siloi void mända kodavävukš*» — «[Если] можешь проспать осеннюю ночь на зубьях бороны, то можешь идти в примачи» (Ладва)³⁵. «*Kodavävüks mända kut sügužen õi magata*» — «Примачом стать как осенней ночью на бороне спать», — говорили деревенские мужики и, по возможности, отказывались от этой участи³⁶. В то же время к зятю могли относиться и как к сыну. Отношение к нему зависело от ситуации, связанной с его приходом в дом, и характеров, как примача, так и остальных членов семьи.

Если примача брали из другой деревни, то отцу девушки нужно было получить разрешение от мужчин деревни. Они могли отказать, если пахотных земель в деревне было мало. По обычаю примач, когда он прибывал в чужую деревню, обязан был купить вина и угостить им мужиков, чтобы они приняли его³⁷.

Если отец девушки был богатый, примач часто брал его фамилию. Ю. Перттола описан случай, который произошёл в Рыбреке: парень согласился стать примачом и пришёл в дом девушки, так как ему обещали дать фамилию богатого тестя. Но отец девушки своего обещания не сдержал, тогда он ушёл³⁸.

³³ Хямяляйнен М. М. Сохранившиеся материалы первой лингвистической экспедиции 1931 г. // Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.

³⁴ Suomalaisen kirjallisuuden seuran arkisto (Архив Финского литературного общества, далее — SKS:n arkisto): Perttola J. E 252. S. 159–161.

³⁵ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. С. 656.

³⁶ SKS:n arkisto. Perttola J. E 252. S. 169.

³⁷ Ibid. S. 163.

³⁸ Ibid.

В вепсской деревне такой муж навечно получал пренебрежительное прозвище примака — *kodavänu*. Ещё в экспедициях начала XXI в. автору этих строк неоднократно приходилось замечать, как информанты, рассказывая о каком-нибудь жителе деревни, никогда не забывали при его характеристике упомянуть такой признак как *kodavänu*, если он имелся. Вызывает интерес термин *kodavänu*, который представляет собой сложное слово (*koda* + *vänu* «зять»), имеющее древнее финно-угорское происхождение. *Koda* в настоящее время у вепсов называют курятник³⁹, но это значение представляется явно вторичным хотя бы уже потому, что куроводство у вепсов появилось довольно поздно. У ряда финно-угорских народов слово, соответствующее вепсскому *koda*, сохранило более раннее значение — «изба, дом», ср.: вод. *kōta* «изба», эст. *koda* «избушка, дом, комната», лив. *kuoda* «постройка, сооружение, дом», морд. *kudo*, *kud* «дом, изба» и др. По мнению лингвистов, слово *koda* имеет генетическую связь с термином *kodi*, который у карелов и вепсов переводится как «дом»⁴⁰. Отсюда *kodavänu* можно перевести как «домашний зять». Этот термин отражает исключительное явление при патрилокальном поселении брачной пары — зятя, который живёт в доме, а не как обычно, за его пределами. Аналогичное название было распространено и у других финно-угорских народов, ср.: фин. *kotivävy*; сев. кар, ливв., люд. *kodavävi*; эст. *kodaväi*; саам. *kuotvívva*; морд. *kudov*⁴¹. Этот же смысл имеют и названия *домовик* у русских, *домовицик* у поморов, *домазет* у сербов⁴².

При разрастании семьи хозяин принимал решение об отделении женатых сыновей. Судя по источникам, обычно сегментация происходила в форме выдела из большой семьи одной малой, в то время как остальные продолжали жить вместе. Первым выделяли старшего брата с семьей. Отец вместе с остальными членами семьи строил ему дом и отдавал небольшую часть земли. Об этом достаточно убедительно говорит текст, обнаруженный образцах вепсской речи, записанных лингвистами: «*Старик строил дом наготово, когда [надо было] отделять сына. Кто старший, [того] надо отделить. Младшие еще вместе ('с самыми') живут, а старшему все вместе строят дом наготово*» (южные вепсы)⁴³. По мере разрастания семьи в дальнейшем могли выделяться и другие сыновья, за исключением младшего. У вепсов соблюдался обычай минората, по которому родители обычно оставались жить вместе с младшим сыном, получавшим от них в наследство дом

³⁹ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. С. 213.

⁴⁰ Suomen kielen etymologinen sanakirja. V. II, 1958. S. 224.

⁴¹ Ibid. S. 224.

⁴² Гура А. В. Брак // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 246.

⁴³ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. С. 213.

и становившимся их кормильцем в старости. Эта стадия в развитии вепсской большой семьи нашла отражение в южновепсском термине *söt'ilaps»* (*sötä* «кормилец» + *laps»* «ребенок»), которым назывался младший сын в семье, содержащий родителей⁴⁴. Тип такой составной семьи нам приходилось довольно часто встречать в вепсских деревнях во время экспедиционных исследований ещё в конце прошлого столетия (фото 3). Он, как широко распространенный в конце XIX в., отмечался И. В. Власовой у восточнославянских народов и И. Н. Смирновым у марийцев⁴⁵.

Фото 3. Семья Сидоровых: родители, живущие в одном доме с младшим сыном и невесткой. Фото И. Ю. Винокуровой, с. Пяжозеро Бабаевского р-на Вологодской обл. 2001 г.

Молодая семья, отделившись от родительской, строилась либо в своей же деревне рядом с отцовским домом, либо на новом месте в некотором отдалении, давая тем самым начало новой деревне. Границы такой деревни в результате дальнейших выделов большой семьи, как правило, очерчивали группу семей, объединенных родственными отношениями и представляющую патронимию. Деревня получала название, в основе которого лежала фамилия родственников семей. Например, в Шокшинское гнездо входили деревни под названиями *Buřakovn»* (Бушаковская по фамилии жителей Бушаковых), *Görč* (Герч по фамилии жителей

⁴⁴ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. С. 540.

⁴⁵ Власова И. В. Семья // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 366; Смирнов И. Н. Дореволюционная марийская семья ... С. 97.

Герчиных), *Pinč* (Пинжаковская по фамилии жителей Пинжаковых), *Vasilišt* (Васильевская по фамилии жителей Васильевых), *Voinikišt* (Войникишт по фамилии жителей Войниковых). Как отмечает И. И. Муллонен, образование названий деревень (ойконимов) происходило в результате присоединения к антропонимам собирательных (*-išt*, *-veh*) или множественных (*-d*) суффиксов, выполняющих своеобразную объединительную функцию и указывающих на родство деревенских жителей⁴⁶. Например, названия деревень *Mišukveh* (Мишуковы), *Zinkveh* (Зинковы), составляющие поселение Другая Река, или д. *Habukad* (Габуковы, русск. Ястребовы), входящая в Шёлтозеро Прионежского р-на Республики Карелия. З. П. Малиновская, побывавшая в 1926 г. у оятских вепсов, привела примеры родовых деревень Озерского сельского общества Лодейнопольский у. Ленинградской губ. (Таблица 3).

Таблица 3. Родовые деревни Озерского сельского общества⁴⁷

Официальное название деревни	Народное название деревни	Состав	Количество
Андреевская	Самаковы	Состоит из рода Самаковых	7 домохозяев
Башмаковская	У Марка Ильича	Состоит из рода Артепкиных	6
Коковичи	Егоровы или Заречье	Состоит из рода Егоровых	9
Титовская	Аксеновы	Состоит из рода Аксеновых	11

По сведениям В. В. Пименова, ещё в 80–90-е гг. XIX в. браки между жителями такой деревни были запрещены⁴⁸. Эта традиция сохранялась в 1920-х гг. Об этом свидетельствует проведенное мной в 1991 г. исследование родственных связей вепсов Прионежья, которое показало, что в это время браки чаще всего заключались между жителями 1) соседних гнезд деревень (например, с Рыбрека поддерживало такие связи с Каскесручем, Залесьем, Володарским, Другой Рекой); 2) между жителями деревень, входившими в одно гнездо (например, браки между жителями

⁴⁶ Муллонен И. И. Ойконимия прионежских вепсов // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 55–56.

⁴⁷ Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западнофинский сборник. Л., 1930. Вып. 16. С. 186.

⁴⁸ Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.–Л., 1965. С. 264.

деревень Средьволость, Васильевская, Кара, находящихся в составе гнездового поселения Шокша). Совсем редки были браки внутри одной деревни⁴⁹.

В настоящее время почти в любой вепсской деревне можно встретить живущих неподалеку друг от друга однофамильцев, наличие которых отражает историю семейных разделов, но сами они зачастую уже не могут определить точно в каких родственных отношениях находятся. Например, три рядом стоящих дома однофамильцев Самаковых в Озерском кусте деревень, Павловы в д. Погост (Ладва) Подпорожского р-на Ленинградской обл., Тришкины в д. Красная Гора (Пяжозеро) Бабаевского р-на Вологодской обл. Многие вепсские деревни стремительно умирают. Поэтому возможность определить фамилии родственных коллективов, которые здесь проживали, даёт посещение вепсских сельских кладбищ.

Для каждой выделившейся семьи было характерно поддержание тесных связей с родственниками, живущими отдельно, особо ярко проявляющимися во время праздничной гостьбы⁵⁰ и свадеб. Достаточно убедительно об этом говорит, например, состав сватов, в который обычно входили отец парня, его крестный, дяди, женатые старшие братья, иногда их жены, порой до десяти человек⁵¹. Замужество дочери обязательно обсуждалось на совете родственников, который носил особое название *dut* «дума».

Все группировки крестьянских семей по типам дают представление о семейной организации крестьянства на момент группировки, т. е. в статике⁵². Но каждая семья была живым организмом. Впоследствии каждая семья развивалась по собственному сценарию: одни семьи уменьшались за счёт выхода дочерей замуж или смерти её членов, другие - могли увеличиться после женитьбы сыновей и на какое-то время стать большими. Как отмечает Б. Н. Миронов, «при нормальных условиях малая, расширенная, составная или большая семьи на самом деле представляли собой *отдельные стадии в жизненном цикле крестьянского хозяйства*»⁵³.

Но наступил момент, когда процесс регенерации больших семей из малых у вепсов прекратился. Судя по утверждению В. В. Пименова, это началось со второй половины XIX в. Отдельные неразделенные семьи дожили до конца 1920-х гг. Уже в предреволюционные годы около половины семей составляли малые семьи⁵⁴. Огромную роль в этом сыграл рост отходничества. Работавшие по найму мужчины-вепсы возвращались домой с заработанными деньгами, значительно превышающими доход всей семьи. У них зрело недовольство властью хозяина-

⁴⁹ Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 1996. С. 66–72.

⁵⁰ Там же. С. 39–46.

⁵¹ SKS:n arkisto. Perttola J. E 252. S. 10.

⁵² Миронов Б. Н. Новая историческая демография ... С. 12.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Пименов В. В. Вепсы // Народы Европейской части СССР. Т. II. М., 1964. С. 372.

ижанда⁵⁵. Всё это вело к частым разделам больших семей. О существенном значении в разделах семей достатка и стремлении их членов жить отдельно свидетельствует рассказ бедного крестьянина из с. Исаево Чернослободской вол. Вытегорского р-на Олонецкой губ.: «Зажиточному да исправному хозяину и строиться, свадьбу ли сделать, сыновей ли разделить — *все легко, потому как «сыззаранья» все готово*, облажено, а у нас «нужда дело делает»: хоть и два брата жили мы вместе... да никак не могли мы собраться избы подрубить... а вот как нынче разделились, досталась мне эта изба... пришлось продать последнюю коровенку»⁵⁶.

Таким образом, анализ этнографических и лингвистических источников в свете современных теоретических разработок типологии семьи позволяет внести уточнения в терминологию и прежнее деление вепсских семей на «малые» и «большие». В источниках удалось обнаружить три типа семьи, существовавших у вепсов в конце XIX — начале XX в.: нуклеарная (малая) (фото 4), расширенная и составная (большая патриархальная), представляющие собой разные стадии в развитии семьи.

Фото 4. Малая семья. Ленинградская обл., Ефимовский р-н, Радогощинский с/с. Фото З. П. Малиновской, 1928 г. (Королькова А. В. Вепсы: фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея. СПб., 2015. С. 118)

⁵⁵ Пименов В. В. Поездка к прионежским вепсам ... 1957. С. 160.

⁵⁶ Русские крестьяне ... 2008. С. 158.

Расширенная семья, состоящая из одной брачной пары и одинокого родителя, и составная семья, состоящая из двух брачных пар (родители и женатые дети), количественно могли равняться малой семье, но были трехпоколенными с прямой линией родства, связанной с обычаем минората. Разновидностью составной семьи была большая семья — многолюдная, с прямым и боковым родством двух и более брачных пар, в рассматриваемый период уже редко встречаемая. При этом рассмотренные в статье обычаи и обряды возникли в недрах составной семьи.

В целом, этнографические и лингвистические источники являются вспомогательными, указывающими только на существование названных типов семьи в обозначенный период, но не дающих четкого ответа на вопрос о преобладании того или иного типа. Ответ на этот вопрос могут дать только документальные источники массового характера (данные земской статистики, делопроизводство сельского самоуправления, дела волостных судов и др.), изучение которых предстоит предпринять в дальнейшем.

Список литературы

Винокурова, И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX — начало XX в.) / И.Ю. Винокурова. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 1996. — 140 с.

Винокурова, И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия / И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2015. — 524 с.

Власова, И. В. Семья / И. В. Власова // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. — Москва : Наука, 1987. — С. 361–371.

Ганцкая, О. А. Семья: структура, функции, типы / О. А. Ганцкая // Советская этнография. 1984. № 6. — С. 16–28.

Голикова, С. В. Теоретические аспекты изучения семьи в научной литературе / С. В. Голикова // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2008. — Вып. 9. — С. 226–240.

Гура, А. В. Брак / А. В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Москва : «Международные отношения», 1995. — Т. 1. — С. 244–250.

Зайцева, М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. — Ленинград : Наука, 1969. — 296 с.

Зайцева, М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. — Ленинград : Наука, 1972. — 746 с.

Королькова, Л. В. Вепсы: фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея / Л. В. Королькова. — Санкт-Петербург : Ком. По местному самоупр., межнац. и межконфессиональным отношениям Ленинградской обл., 2015. — 235 с.

Ласлетт, П. Семья и домохозяйство: исторический подход / П. Ласлетт // Брачность, рождаемость, семья за три века. — Москва : Статистика, 1979. — С. 132–157.

Макарьев, С. А. Вепсы. Этнографический очерк / С. А. Макарьев. — Ленинград : Кирья, 1932. — 40 с.

Малиновская, З. П. Из материалов по этнографии вепсов / З. П. Малиновская // Западнофинский сборник. — Ленинград : Издательство АН СССР, 1930. — Вып. 16. — С. 163–200.

Миронов, Б. Н. Новая историческая демография Имперской России: Аналитический обзор современной литературы. Ч. III. / Б. Н. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. — 2007. — Вып. 3. — С. 3–28.

Муллонен, И. И. Ойконимия прионежских вепсов / И. И. Муллонен // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. — Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1988. — С. 50–66.

Народы России: Атлас культур и религий / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Журавский, О. Е. Казьмина. — Москва : Феория, 2008. — 320 с.

Пименов, В. В. Поездка к прионежским вепсам / В.В. Пименов // Советская этнография. — 1957. — № 3. — С.158–163.

Пименов, В. В. Вепсы / В. В. Пименов // Народы Европейской части СССР. Москва : Наука, 1964. — Т. 2. — С. 364–376.

Пименов, В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры / В. В. Пименов. — Москва — Ленинград : Наука, 1965. — 262 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Том 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. — Санкт-Петербург : ООО «Деловая полиграфия», 2008. — 600 с.

Свечкарева, В. Р. Дихотомия Запад-Восток в контексте брачной морали / В. Р. Свечкарева // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2005. — № 5 (28). — С. 91–100.

Смирнов, И. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт / И. Н. Смирнов // Археология и этнография Марийского края. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 1991. — Вып. 20. Межэтнические связи населения Марийского края. — С. 94–122.

Строгальщикова, З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов / З. И. Строгальщикова // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр, 1988. — С. 95–105.

Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. А. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. — Санкт-Петербург : Издательский дом «Инкери», 2017. — 656 с.

Itkonen, E. Suomen kielen etymologinen sanakirja / E. Itkonen, A. J. Joki, Y. H. Toivonen. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1958. — Osa 2. — S. 205–480.

**КОНТАКТЫ ЭСТОНСКИХ УЧЕНЫХ С ВЕПСАМИ, ОТНОШЕНИЯ
С РОДСТВЕННЫМИ НАРОДАМИ И АВТОЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА***

**CONTACTS OF ESTONIAN SCHOLARS WITH THE VEPS, RELATIONS
WITH THE KINDRED PEOPLES AND AN AUTOETHNOGRAPHIC
PERSPECTIVE**

Abstract: Since the 19th century Finno-Ugric kindred peoples have been of great emotional and ideological importance for Estonians and for the Estonian culture in general. First it was associated with the Finns, soon also with other nations who live in Russia. In the second half of the 19th century, the research of kindred peoples by Estonian scholars began to develop. The real relationship with the kindred peoples living in Russia for political reasons has been different in different periods, but still important. Field-based academic contacts and other communication became closer after World War II, when Estonia was part of the Soviet Union. Since the 1990s the face-to-face encounters have become weaker again. For more than a thousand years, Estonians have not had very close contact with the Veps, a linguistically close Finnic nation. Having studied Vepsian folk culture myself for many years, I, as an Estonian, have touched upon this topic both scientifically and personally. Through Vepsian folk culture it is possible to see the Estonian culture from a different angle and to explain the folkloristic and other phenomena found in Estonian culture. In personal communication, linguistic proximity and already mentioned feeling of Finno-Ugric kinship are important. Emotionally the future of the Vepsian language and culture in today's Russia is worrying.

Ключевые слова / Keywords: Вепсы, движение родственных народов, автоэтнография, финно-угроведение в Эстонии / The Veps, the movement of Finno-Ugric kindred peoples, autoethnography, fennougristics in Estonia

Введение

Для осознания себя как народа или нации каждая этническая группа имеет свои специфические исходные положения и историю. В части этого для эстонцев принадлежность к семье финно-угорских народов была в течение полутора столетий очень важна. Принадлежность к финно-уграм является одним из значимых компонентов определения себя в качестве эстонцев и, исходя из этого, отношение к родственным народам всегда было особым, по меньшей мере с XIX в., когда началась эпоха национального пробуждения и модерная эстонская нация сформировалась как таковая. Но в то же время, начиная с этого времени значимость

* Финансирование исследовательской работы: Научная агентура Эстонии (PUT 670).

родственной принадлежности варьировалась подобно той или другой идее, и разные люди знали об этом больше или меньше.

Финно-угорские родственные отношения имеют свою концептуальную, но вместе с тем и эмоциональную сторону. Первая связана с историей, культурой, наукой и политикой. Вторая — со встречами, реальным общением и личными контактами. Эти обе стороны могут иметь необязательно бросающуюся в глаза общую часть — в зависимости от индивида, его интересов и установок, опыта и случая. Таким образом родственность любого вида имеет как коллективный, так и индивидуальный облик.

В этой статье рассматривается история финно-угорского самосознания эстонцев и сформировавшиеся в течение этого времени отношения со своими родственными народами, в том числе с вепсами. В первой части статьи рассмотрим, как и из каких исходных точек это происходит и как всё складывалось. Это беглое, большей частью научно-историческое наблюдение по данной теме. В том числе будут рассмотрены реальные контакты и представление о родственных народах в эстонском национальном сознании. Вторая часть статьи представляет собой автоэтнографический (англ. *autoethnography*) экскурс в отношения с вепсами исходя из личной перспективы исследователя. Это рефлексивное персональное наблюдение, картина, которая сложилась в результате исследования вепской культуры и пребывания среди вепсов в течение более десяти лет. Несмотря на личное, здесь всё же не будет представлено излишне много конкретных деталей (этого не позволяет и заданный формат), а будет сохранен уровень обобщения.

Начало более тесного соприкосновения с финно-угорскими народами, в частности, с вепсами, для автора этой статьи было положено в период студенчества, в последнее десятилетие XX в. Контакты и исследовательская работа с вепсами начались в 2004 г. Само собой разумеется, что в этой статье переплетаются национальная и личная перспективы. Мое происхождение было сформировано тем, что я, будучи этническим эстонцем вырос в эстонском культурном пространстве. Полученное в Тартуском университете образование эстонского филолога и фольклориста и профессиональная деятельность в этих областях углубили специфические культурные знания и чуткость восприятия окружающего. Таким образом, всё написанное здесь нельзя обобщенно отнести ко всем эстонцам, хотя, вероятно, наряду с профессиональным углом зрения научного сотрудника имеется достаточно много такого, что свойственно для эстонцев в целом.

О более ранних контактах между эстонцами и вепсами

Как всем хорошо известно, финно-угорские народы в достаточной степени отличаются друг от друга. Единственной общей чертой в глобальной перспективе могла бы быть языковая принадлежность финно-угров, их относительная малочисленность и местонахождение в северной части евразийского материка. Дальнейшее уже в большей или меньшей мере варьируется как антропологически, лингвистически, исторически, демографически, так и политически и т. д. Прибалтийско-финские народы в этой части тоже как в прошлом, так и сегодня, достаточно многообразны. Два самых больших прибалтийско-финских народа — финны и эстонцы — представляют собой современные нации, имеющие государственность и всесторонне развитые национальные культуры. Речь идёт не о многочисленных народах, но всё же о миллионных нациях. Проживающие в России прибалтийско-финские народы меньше по своей численности и сегодня ведут серьёзную борьбу во имя этнокультурного и языкового выживания. Если численность эстонцев и финнов на протяжении последней пары столетий росла или по меньшей мере оставалась стабильной, то соответствующие показатели малых народов неуклонно демонстрируют тенденцию к снижению. В целом это во всём мире характерно для не имеющих государственности или серьёзной автономии народов, которые проживают в сфере влияния того или иного большого народа. Прибалтийско-финские народы связывает между собой прежде всего близкий общий этногенез и языковое родство. На первый взгляд, это всё. Отдельный интересный вопрос связан с присущим народам складом характера, ментальностью и особенно в предмодерной традиционной перспективе.

Интердисциплинарные исследования последних десятилетий внесли в теорию происхождения прибалтийско-финских народов некоторые коррективы, и это в первую очередь во временном плане. На этом следовало бы кратко остановиться. Согласно общепринятой в XX в. теории происхождения финно-угров, считалось, что общие предки прибалтийско-финских народов могли, прибыв с востока, достичь северо-запада России и берегов Балтийского моря в эпоху неолита. Прибытие в этот регион общих предков связывали с культурой гребенчатой керамики. В Эстонии создателем такой теории ещё до войны являлся археолог Харри Моора (1900–1968), и эта точка зрения оставалась относительно неизменной почти до конца XX в.¹ Согласно этой теории, контакты с балтийскими племенами начались позже, с прибытием культуры шнуровой керамики, а контакты с германскими народами ещё позже. Расселение вепсов по своей современной области заселения обычно связывали с начавшейся во второй половине

¹ Ср. *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 127–132.

I тысячелетия экспансией на юго-восточном побережье Ладожского озера. Она распространялась по рекам не позднее, чем с IX в.²

Между тем появившиеся и имеющие значение сегодня генетические исследования обогатили эту тему новыми знаниями. Это относится и к теории контактов Калеви Вийка³, которая в начале XXI в. значительно поколебала все традиционные теории финно-угорского происхождения. Дальнейшие открытия относительно являющейся носителем отцовской линии у-хромосомы практически возвратили славу старой теории языкового дерева. Вийк, комбинируя историческое языкознание того времени, археологию и основанную прежде всего на материнской линии генетику, поместил изначальную родину финно-угров в причерноморский рефугиум ледникового периода, что значительно отличалось от существовавших (и существующих до настоящего времени) научных моделей.

Если традиционное финно-угроведение в XX в. считало общим финно-угорским периодом, во время которого получило свое начало разветвление языков и народов, примерно 6000 лет назад (и соответственно общий прибалтийско-финский период, примерно 4000 лет назад), то эти цифры теперь значительно уменьшены. Конкретизированы и другие, связанные с этногенезом (в том числе с эстонским и вепским) детали. Финно-угры продвигались на восток волнами. По всей видимости, прибытие прибалтийско-финских народов было среди этих волн одним из последних, которое, основываясь на исследовании керамики профессором археологии Тартуского университета Вальтером Лангом, имело место в бронзовом веке⁴. Предки прибалтийско-финских народов прибыли по бассейну Западной Двины вместе с балтийскими племенами. Таким образом взаимное влияние происходило уже глубоко на территории современной Центральной России. Достигнув побережья Балтийского моря они обнаружили там прибывших ранее германских земледельцев. В результате этой трехсторонней синергии сформировалось в позднем бронзовом и раннем железном веке характерное для прибалтийско-финских народов культурное сообщество.

С территории Эстонии часть народа уже в период железного века переместилась через залив в Финляндию, а оттуда в направлении Ладоги. Из этой местности предки вепсов по рекам направились на территории своего сегодняшнего расселения. Возможно, что во время обратного движения на восток свою роль

² Ср. Бубрих А. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 16–17; Голубева А. А. Вепсы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 52 и след.; Седов В. В. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение. 1997. № 2. С. 13–14; Муллонен П. II. Проблемы интерпретации этноязыковой истории европейского севера России на материале топонимики // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2015. Т. 10. С. 93–107.

³ Wüik K. Eurooppalaisten juuret. Jyväskylä, 2002.

⁴ Lang V. Läänemeresoome tulemised. Tartu, 2018.

сыграла и охватившая в 536 г. всё северное полушарие климатическая катастрофа⁵, связанная с метеоритом или огромным вулканом. Она повлекла за собой снижение плодородности почвы, значительный демографический спад и вероятную ситуацию, когда выживание сильно зависело от рыбных ресурсов, имевшихся в больших (внутренних) водоемах, экосистема которых сохранилась. В любом случае мы видим, что пути предков эстонцев и вепсов разошлись уже достаточно давно, и поздние прямые контакты практически отсутствовали. Правда, среди эстонских топонимов можно найти некоторые загадочные примеры, которые могли бы указывать на вепсов, например, деревня Вепскюла в окрестностях Нарвы и Выыпсу в юго-восточной Эстонии — но это, скорее, редкие источники.

Естественно, что прибалтийско-финские экспансии как в бронзовом, так и в железном веке не происходили по незаселенным землям. В случае с более северными народами (финны, карельские народы, вепсы) имели место контакты, а также и конфликты с проживавшими значительно южнее, чем сегодня саамами. Велика вероятность того, что на этих территориях тогда проживали и другие ранние народы финно-угорского происхождения, которые прибыли с ранними волнами переселений. Основание для этого даёт загадочный вопрос о чуди. В качестве протонарода она сохранились в фольклоре народов северной Евразии, и эта тема рассмотрена достаточно широко. Исторически чудь эпизодически, наряду с вепсами-весью, присутствует и в русских летописях, которые отражают события IX в., связанные с созданием русской государственности.

Согласно более новым точкам зрения, чудь могла представлять собой проживавших на территории Псковских и Новгородских земель финно-угров (*resp.* прибалтийско-финские народы). Эта точка зрения связывает чудь с представителями южно-эстонских племен⁶, прежде всего с сету. С другой стороны, можно принять во внимание самоназвание южных вепсов «чухарь». С точки зрения нашей темы интересно то, что через чудь (будь то в качестве субстратного народа или возникшего в результате синтеза народа) в промежуточной истории (Средние века) могла обрисоваться возникшая вновь смычка между (южными) эстонцами и вепсами. Но ни в эстонском, ни в вепском фольклоре (*resp.* народном историческом сознании) невозможно отыскать сведения друг о друге. Таким образом, это говорит, скорее, об отсутствии реальных контактов, с точки зрения эстонской перспективы не позднее, чем с начала Северной войны (конец XVII в.), т. е. период, до которого в общем случае простирается устная память эстонской народной культуры.

⁵ *Trauri A.* The impact of the climate catastrophe of 536-537 AD in Estonia and neighbouring areas // *Estonian Journal of Archaeology*. 2014. Vol. 18/1. P. 30–56.

⁶ *Kallio P.* The Language Contact Situation in Prehistoric Northeastern Europe // *The Linguistic Roots of Europe: Origin and Development of European Languages*. Copenhagen, 2015. P. 91–93.

О родственных связях и исследовании финно-угорских народов в Эстонии до середины XX в.

Переломным периодом для современной эстонской культуры является XIX в. Охвативший уже ранее Западную Европу гердерианский национально-романтический поиск национальных корней достиг тогда восточной Европы и народов, входивших в составы многонациональных империй (Австро-Венгерская, Российская, Османская). В общем случае у этих народов отсутствовала своя письменная история, а часто и исторические знаменитые личности — доминирующие в империи народы, как правило, их «присваивали». Так для доказательства собственного национального существования приходилось использовать другие аргументы. Важнейшим ресурсом тогдашних малых народов восточной Европы (от финнов на севере до южных славян на Балканах) при создании модерной нации и соответствующего национального нарратива стали прежде всего фольклор и этнография. Пробуждение народов восточной Европы так и называли — этническим или этнографическим⁷. Поскольку всё происходило в эпоху просвещения, то в игру вступили и научные аргументы — соответствующие исторические источники и хроники, а также объясняющие этническое происхождение теории. Начавшие складываться ещё до XIX в. точки зрения сформировались как для финнов, так и для эстонцев в важные (эмоциональные) аргументы доказывающие, что и как народ они входят в большую семью.

Движение родственных народов в XIX в. в Эстонии ориентировалось большей частью на Финляндию и финнов. Финская национальная культура, начавшая процесс эмансипации ещё в начале века, послужила для эстонцев важным примером того, как следует вести свои дела. В 1835 г. вышла ставшая значимым символом финской национальности «Калевала» Элиаса Леннрота, но интерес тамошней интеллигенции к финской и карельской народной культуре и наследию уходил уже в более ранние времена. Великое княжество Финляндское обладало в Российской империи достаточно большой автономией. По этой причине положение финнов значительно отличалось от жителей Эстляндской и Лифляндской губерний, где, несмотря на исторически сложившееся другое (находившееся под влиянием прибалтийских немцев) лютеранское культурное пространство, теперь всё более интенсивными становились притязания центральной российской власти. Это проявлялось, в том числе в цензуре и русификации, особенно во второй половине XIX в.

Лингвистическое финно-угроведение и этнографическое исследование родственных народов, а также другие более поверхностные соприкосновения с родственными народами всё же старше самой эстонской национальной идеи.

⁷ Ср. Kaiser R. J. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton, 1994. P. 14–15.

Первый считающий себя эстонцем представитель интеллигенции Кристьян Яак Петерсон (1801–1822) знал о существовании финского языкового родства, но в его исследовательских текстах не нашлось ссылок на другие родственные народы, кроме живущих в Латвии ливов и куронов. Всех этих прибалтийских финнов Петерсон изначально считал германцами⁸. Но всё же его адаптированный перевод со шведского языка на немецкий произведения Кристоффрида Ганандера «*Mythologia Fennica*», можно считать своеобразным вводным аккордом в движение родственных народов, а самого Петерсона одним из первых в эстонском движении родственных народов строителей моста через Финский залив.

Создатели международного финно-угроведения, в том числе и проводившие настоящие экспедиции Андреас Иоганн Шётрен, Антал Регули, Фердинанд Йохан Видеманн, Матиас Александр Кастрен и др. начали научно ретушировать финно-угорское языковое родство в России. И для эстонских ученых Российская академия наук послужила средой распространения идеи финно-угроведения. Первым эстонским финно-угроведом можно считать Фердинанда Йохана Видеманна (1805–1887), академика Российской академии наук. Помимо исследования эстонского языка интересы Видеманна распространялись и на языки коми, мари, удмуртский, эрзя, ливский, кревинский и др. Видеманн был не только кабинетным ученым, а всегда по возможности работал в языковой среде. Работая в Таллинне и Петербурге, он в качестве языковых информаторов использовал служивших в военно-морском флоте матросов финно-угорского происхождения.

Дополнительно к интересу, испытываемому к Финляндии (и к Венгрии) в конце XIX в. начала поступать информация и о восточных родственных народах эстонцев. Первым финно-угроведом эстонского происхождения считают Михкеля Веске (1843–1890), который получил соответствующее академическое образование в 1860-х и 1870-х годах в Лейпциге, и после недолгого периода пребывания в Эстонии работал в течение нескольких лет преподавателем в Казанском университете, где его жизнь преждевременно оборвалась из-за болезни. Веске проводил полевые работы у мари и мордвы. Таким образом, его отношения с родственными народами выходили за рамки кабинетной науки, а также теоретических конструкций или фантазий.

Непосредственно с восточными прибалтийско-финскими народами соприкасался и продуктивный фольклорист и священник Маттиас Йоханн Эйзен (1857–1934). В 1887 г. он жил в Петрозаводске, где был викарием. В январе того же года он совершил путешествие по деревням северных вепсов. В написанных Эйзенем трудах о финно-угорских народах звучит тон, уже знакомый из более

⁸ Peterson K. J. Etwas über die Ehsten, ihre Abstammung, u. s. w. // IAAK. Kristian Jaak Peterson 200. Tallinn, 2001. Lk. 188–207.

ранних заметок финно-угроведов разных национальностей XIX в. Речь идёт об исчезновении и отсталости проживающих в России малых народов, русском влиянии, отличиях и безнадёжности. Насколько бы плохо не складывалась история эстонцев, по сравнению с десятками других родственных народов, у нас дела обстоят всё же лучше, заявляет Эйзен. Виновником этой обеспокоенности является историческая государственность России, а также русские культурные влияния. Эйзен, например, пишет: «Наши родичи постоянно тают, тают получая образование, тают без образования. Только два народа – финны и мадьяры – смогли сохранить свой характер, без того, чтобы образование нанесло этому тяжелые раны. Чем больше народ будет дробиться, тем шире будут шаги, которыми эти осколки пойдут в сторону исчезновения, тем быстрее исчезнут отдельные осколки»⁹.

Рождение Эстонской Республики в 1918 г. оказало на эстонцев центростремительное воздействие. Возвращению на родину тех, кто отправился на просторы империи получать образование или в поисках заработка естественно способствовали и события в красной России. В Эстонии на какое-то время дверь на восток оставалась закрытой как для обычных людей, так и для ученых. Реальные контакты с родственными народами должны были ограничиваться входящими в состав Эстонии ингерманландскими деревнями, ливским побережьем в Латвии, и, конечно же, Финляндией и Венгрией. Дальнее восточное направление оставалось закрытым. В 1925 г. языковед Юлнус Марк (1890–1959) побывал в экспедиции у мари и мордвы. В 1921 и 1922 г. в Тартуском университете читал лекции разносторонний ученый коми Каллистрат Жаков (1866–1926), а в 1926 г. в Тартуском академическом клубе родственных народов (создан в 1923 г.) выступил коми Василий Лыткин (1895–1981)¹⁰. При отсутствии прямых связей с восточными родственными народами всю родственную энергию в Эстонии приходилось черпать скорее из мифа о родственности, чем из реальных научных и культурных контактов.

Но всё же этот период был очень важен в развитии национальных наук (в том числе финно-угроведения) в Тартуском университете. В языкознании, этнографии и фольклористике усилился научный интерес к родственным народам, их языку и культуре. Этому в значительной мере способствовали приступившие к преподаванию в Тартуском университете финские профессора, которые помогали запустить научную работу в эстоноязычном университете — этнограф Илмари Маннинен (1894–1935), лингвист Лаури Кеттунен (1885–1963), которому в качестве исключения удалось провести экспедиционные работы у вепсов, археолог Ларне Михаел Таллгрэн (1885–1945).

⁹ Eisen M. J. Eestlaste sugu. Tallinn, 2008. Lk. 222.

¹⁰ Prozes J. Hõimuliikumine ja Fenno-Ugria Asutus // Soome-ugri sõlmed 2010-2011. Tallinn, 2012. Lk. 105.

Довоенный период Эстонской Республики выделяется в общественном плане и развитием финно-угорской государственной деятельности. Идея родственных народов в значительной мере затронула общество и его элиту. Созданием в 1927 году объединения «Учреждение Фенно-Угрия» были заложены основы организованной и поддерживаемой на государственном уровне, но в то же время по своей сути общественной работы с родственными народами. Достаточно обратить внимание на состав членов «Учреждения Фенно-Угрия». В то время оно, в отличие от современности, не объединяло членские организации и лиц, связанных исключительно с деятельностью в области культуры и образования. Председателем совета учреждения был избран государственный старейшина, ставший впоследствии президентом Эстонской Республики Константин Пятс (1874–1956), одним из помощников стал министр образования Пеэтер Пылд (1878–1930). В итоге в «Учреждение Фенно-Угрия» входило около 40 организаций, в их числе не только клубы культуры, а, например, Центральное общество земледельцев Эстонии, Союз учителей Эстонии, Торгово-промышленная палата, Союз врачей Эстонии, Союз обороны Эстонии, Общество аптекарей Эстонии и др.¹¹

Советская власть в 1940 году ликвидировала прежние государственные и общественные структуры и формализовала под советской вывеской всю национальную деятельность. В то же время после войны в Эстонии постепенно открывалась возможность для создания прямых контактов с восточными родственными народами, для проведения у них полевых исследований и создания соответствующих научных контактов с российскими учеными. Но ещё до того, как советская власть окончательно зацементировалась, эстонские ученые использовали возникшие с продвижением фронта на восток возможности для исследования родственных народов в близлежащих регионах (Ингерманландия). Проведенные в 1942 и 1943 годах экспедиции и собранные там материалы, а также полученные впечатления стали важными источниками для эмигрировавших на Запад эстонских гуманитариев, таких как Эрик Лайд (1904–1961), Юлиус Мягисте (1900–1978), Феликс Ойнас (1911–2004), Густав Рянк (1902–1998), Илмар Талве (1919–2007). В экспедиции 1942 года участвовал и один из корифеев финно-угроведения XX в., профессор Пауль Аристэ (1905–1990), который после начала войны мог в Тарту, помимо прочего, заниматься сбором среди военнопленных языковых примеров и фольклора коми.

Таким образом, когда после Второй мировой войны положение постепенно нормализовалось, началось научное развитие в исследовании родственных народов. В Тартуском университете с конца 1940-х годов начались ежегодные экспедиции к прибалтийско-финским народам. В дальнейшем в исследовательской работе

¹¹ Ibid.

принимали участие и другие, занимающиеся народоведением научные учреждения. Это не были односторонние направления и связи: в советский период в большей или меньшей степени сложилось многостороннее сотрудничество с финно-угроведами и соответствующими исследовательскими учреждениями России. Важными ключевыми словами стали экспедиционные работы и исследовательская деятельность на местах, которая в таком объеме никогда ранее не проводилась в Эстонии. Таким образом вторая половина XX в. бесспорно была одним из самых плодотворных периодов в эстонском финно-угроведении. Это стало возможным благодаря способствующим непосредственной исследовательской деятельности обстоятельствам, а также тому факту, что в различных регионах России ещё была возможность работать с ещё жизнеспособными общинами, сохранившими свой язык и характер.

Деятельность Пауля Аристэ в качестве финно-угроведа началась ещё до войны, когда ему удалось поработать с ингерманландскими языковыми информантами, а в 1942 году уже самому принять участие в экспедиционных работах, проводимых в оставшихся в тылу немецкой армии водских деревнях. Базирующийся на проведении экспедиционных работ личный интерес Аристэ к воде сохранился до 1980-х гг. Вместе с ними и под его руководством в Тарту выросло несколько поколений исследователей финно-угорских языков. Сверхважной была деятельность Аристэ как научного руководителя аспирантов финно-угорского происхождения. Это красноречивый пример того, как научная деятельность и работа с родственными народами могут идти в ногу. Своим аспирантам финно-уграм он передал духовность национальной независимости, и эти семена не упали в бесплодную почву.

Экспедиции к вепсам до восстановления независимости Эстонии

Теперь сосредоточимся на экспедиционных работах эстонских ученых у вепсов. Хотя на состоявшейся в 1947 г. в Ленинграде по инициативе Дмитрия Бубриха всесоюзной финно-угорской конференции было решено, что в центре внимания эстонских лингвистов отныне должно быть изучение прежде всего эстонского, ливского и водского языка, Пауль Аристэ проводил со студентами экспедиции и к вепсам. В 1953, 1954 и 1955 годах они работали в расположенных по берегам Ояти деревнях средних вепсов, в 1961 г. — на берегах Онежского озера. К сожалению, большая часть собранного, составлявшего более 400 страниц материала, погибла во время пожара в главном здании Тартуского университета в 1965 г.¹² Экспедициями студентов-лингвистов Тартуского университета к южным

¹² *Salve* K. Paul Ariste and the Veps Folklore // *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. 2005. Vol. 29. P. 182.

вепсам с конца 1960-х годов руководила ученица Пауля Аристэ Паула Палмеос (1911–1990), основная область научных исследований которой была связана с валдайскими и тверскими карелами. Выдающийся эстонский финно-угровед Тийт-Рейн Вийтсо (р. 1938), который занимался исследованием многих прибалтийско-финских языков, сделал в 1960 г. первые имеющиеся в Эстонии магнитофонные записи вепского языка у северных вепсов. Эти и последующие вепские записи хранятся в фольклорном архиве Эстонского литературного музея, в архиве эстонских диалектов и родственных языков в Тартуском университете и в архиве Института эстонского языка.

В 1960-х гг. началась длившаяся на протяжении двух десятилетий систематическая серия экспедиций Эстонского национального музея (тогда Государственного музея этнографии ЭССР) к вепсам. Вернее, она началась уже в 1957 г., когда в Тарту состоялось совещание этнографов Академии наук ЭССР и в новых условиях было решено развернуть работы по сбору и исследованию материалов у соседних народов¹³. Первые экспедиции к северным вепсам состоялись в 1962 и 1963 годах под руководством Айно Воолма (1920–2000). С 1965 по 1983 г. руководителем проводимых почти каждое лето экспедиционных работ к вепсам был Алексей Петерсон (1931–2017), занимавший долгое время пост директора музея. Львиная доля этих экспедиций проводилась в деревни южных вепсов, в меньшей мере к средним вепсам в Вологодскую область. Благодаря этой работе в Эстонском национальном музее (далее — ЭНМ) сейчас имеется достаточно представительная коллекция вепской этнографии. Дневники состоявшихся в 1960-х гг. экспедиций недавно были опубликованы вместе с иллюстрирующим фотоматериалом¹⁴.

Несколько раз к экспедициям ЭНМ присоединялись и исследователи других научных дисциплин. Здесь прежде всего следует отметить физического антрополога Карин Марк (1922–1999), которая провела систематические измерения среди многих финно-угорских народов, а также рано ушедшую из жизни лингвиста Айме Кяхрик (1942–1991). В разных вепских регионах в 1970-х, 1980-х годах (и позже) многочисленные экспедиционные работы проводили лингвист Марье Йоалайд (р. 1946) и фольклорист Кристи Салве (р. 1942), спорадически и другие.

Наряду с научной работой следует отметить и важность получившей начало в тогдашнем Эстонском государственном художественном институте (современная

¹³ Jääts I. Favourite Research Topics of Estonian Ethnographers under Soviet Rule // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2019. Vol. 13 (2). P. 6–7.

¹⁴ Ekspeditsioonid läänemeresoome muinasmaale: Eesti etnograafide vepsa välitööde päevikud (1962–1969) / Koostaja I. Jääts. Tartu, 2019.

Эстонская художественная академия) в 1978 г. по призыву Пауля Аристэ традиции экспедиционных работ, инициатором и многолетним руководителем которой был художник Кальё Пыллу (1934–2010). Как упоминал Пыллу, «еще в первые годы было намерение создать из участников экспедиции отдельную художественную группу и развивать своеобразный, опирающийся на финно-угорскую народную культуру творческий способ подхода»¹⁵. Но, исходя из профессиональных интересов участников экспедиции, это программное заявление всё же не воплотилось в жизнь. Экспедиции Эстонской художественной академии иногда приводили и к вепсам, но не ранее 1990-х годов (в 1990 и 2006 гг., оба раза в деревни на Ояти в Ленинградской области).

Отношения финно-угорского родства для части эстонских интеллектуалов в последние десятилетия советского периода стали источником контркультуры, наподобие самобытной эстонской народной культуры, которую могли сохранять отдельно от советской народной культуры и соцреалистической шаблонности. Самобытная финно-угорская народная музыка и песня и соответствующие, происходящие из непосредственных контактов знания были контркультурой в своих мягких, но убедительных формах. Это же можно почувствовать в работах историка, этнографа и писателя, первого президента восстановившей независимость Эстонской Республики Леннарта Мери (1929–2006). В созданных им фильмах о финно-угорских народах «Народ водоплавающей птицы» (1970) и «Ветры Млечного пути» особенно важна попытка предложить культурное подтверждение теории родственности языков, используя визуальные средства. Во втором фильме представлен портрет южных вепсов в Боброзере (*Maigar*) и на кладбище в Пёлушах (*Põlo*). Хотя вепсов и их этнографию достаточно много снимали на пленку сотрудники ЭНМ во время своих экспедиций, можно быть уверенным, что именно через отрывки из фильмов Леннарта Мери вепсы впервые визуально предстали перед широкой эстонской публикой.

В начале 1990-х годов вместе с восстановлением независимости Эстонии начали редеть контакты между эстонскими исследователями и вепсами, основанные на экспедиционных работах и ставшие достаточно тесными. К счастью, они не прервались полностью. Исследовательскую деятельность в вепском направлении продолжили развивать как Тартуский университет, так и Эстонский национальный музей, и в меньшей степени и Эстонская художественная академия. Являясь

¹⁵ Põllu K. Eesti Kunstiakadeemia soome-ugri uurimisreisid läbi aastate. // Hõimusedmed. Fenno-Ugria 70. aastapäeva album. Tallinn, 1997. URL: <http://www.suri.ee/hs/pollu.html> (27.03.2020).

в качестве доцента и старшего научного сотрудника Тартуского университета одним из тех, кто систематически занимался этой работой в XXI в., я продолжу теперь личными наблюдениями.

Что значит, будучи эстонцем, заниматься исследованием вепсов сегодня?

Хотя по сравнению с вепсами эстонцы представляют собой намного больший народ, в глобальном плане нация, которую составляет 1,3 миллиона носителей языка всё же является очень маленькой. Действительно, эстонский язык в настоящее время входит в число тех нескольких десятков языков в мире, которые находятся в не самом плохом положении. Это происходит благодаря наличию самостоятельного государства, где эстонский язык является государственным языком, долговременной традиции существования письменного языка, традициям, системе школьного и высшего образования на родном языке, национальной языковой политике, разным формам медиа на эстонском языке, а также и тому, что с 2004 г. эстонский язык является официальным языком Европейского Союза. Однако каждый эстонец знает, что он остаётся представителем малочисленного народа и сохранение в будущем эстонского языка и эстонского национального самосознания может и не являться чем-то само собой разумеющимся. Встреча представителей малых народов всегда несёт эмоциональную нагрузку. Она же сопровождает и исследовательские работы.

Близкое родство эстонского и вепского языков даёт эстонцу возможность ощутить себя частью чего-то большего. И, хотя проживающие в России прибалтийско-финские народы по своей численности намного меньше, чем эстонцы или финны, это не имеет здесь большого значения. По своему языку как эстонцы, так и финны в Европе в некотором смысле обособлены. Это то же самое чувство, которое послужило основой начавшемуся в XIX в. движению родственных народов. Эмоционально свойственное родство может являться важным для эстонцев, но в смысле действительных знаний часто имеется дело с «представляемыми» родственными народами, поскольку реальных контактов между людьми в разных странах, к сожалению, не много. Таким образом, участие в экспедициях является возможностью сделать большой шаг в действительный мир родственного народа, исследовать его и послужить посредником его передачи путем научных работ или в иной форме. Мнимое свойственное родство превратится в настоящее, и такая близость обладает совсем другим качеством.

Работая в настоящее время с двуязычными вепсами в основном в Ленинградской и Вологодской области, я всегда предпочитал общение на вепском языке. Помимо того, что на разных языках верования, истории о личном опыте и другая информация выражаются по-разному, для меня, как исследователя-эстонца это имеет и познавательную ценность. Функция языка не является только

информативной, через родственные языки лучше раскрываются и воображаемые грани, отражающие единую прибалтийско-финскую онтологию. Оценочно эстонскую и вепскую народную культуру отличает сдвиг в 100–300 лет. Его причины заключаются в исторически различном культурном фоне и относительно быстрой модернизации эстонцев с XIX в. Совместное пребывание на протяжении примерно половины столетия в Советском Союзе на самом деле не уменьшило значительно этой разницы. Уходящая более чем в тысячелетнюю давность изолированность между эстонцами и вепсами во время экспедиционных работ вновь уменьшается в личном плане.

Вместе с тем языковое и культурное родство является ретроспективным взглядом на общее прошлое. Поиск общих корней в научной работе превышает разрыв продолжительностью в тысячелетие между восточным и западным культурными пространствами, к которым соответственно принадлежат эстонцы и вепсы. Изучение верований и картины мира вепсов разъясняет и «заполняет пустоты» и при исследовании эстонского фольклорного субстрата, что лично для меня очень важно. Некоторые фольклорные практики, изучением которых я мог заниматься во время полевых работ, например, причитание, исчезли из эстонской культуры уже несколько сотен лет назад¹⁶. Традиционная вепская культура сохранила много такого, на что можно найти указания и в эстонском фольклоре, но о чём у меня имеются только основанные на эстонских архивных материалах теоретические знания и, соответственно, только неполное представление и познание¹⁷. Хотелось бы подчеркнуть именно последнее слово, так как информация, основанная на услышанных непосредственно от людей историях их опыта и знаний, обладает другим медиумом и эффектом, чем просто прочитанный архивный текст. Таким образом качество экспедиционных работ в том, что я словно могу сесть в машину времени и переместиться из сегодняшнего эстонского культурного пространства на пару столетий назад.

В исследовании вепской народной культуры одним из интереснейших аспектов является отношение между человеческим обществом и лесом/природой. Для меня как для эстонца в этом есть как фольклорное, так и идеологическое

¹⁶ В Эстонии в период научного собирания фольклора, начиная со второй половины XIX в., зафиксированы только некоторые пародии на причитания. Более ранние сведения о причитаниях эстонцев во время кремации павших в бою воинов относятся к 1208 году в описывающей события начала XIII века хронике Генриха Латвийского (ср. *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии*. Рязань: Александрия, 2009). Исходя из косвенных данных, например, фразеологизмов или ритуального поведения на могиле, а также письменных сведений, представленных пастором Августом Вильгельмом Хупелем (1737–1819), имеется основание полагать, что причитание в кризисных ситуациях было известно и позднее.

¹⁷ Архаичность вепского фольклора по сравнению с эстонским фольклором также подчеркивает Кристи Салве, ср. *Salve K. Forest Fairies in the Vepsian Folk Tradition // Folk Belief Today*. Tartu, 1995. P. 413–434.

измерение. В эстонском национальном нарративе достаточно глубоко укоренилось представление об эстонцах, как лесном народе. Эмигрировавший во время Второй мировой войны в Швецию эстонский фольклорист и национальный идеолог Оскар Лооритс (1900–1961) описывает значимость леса в формировании эстонцев как народа и возникновении современной национальной психологии¹⁸. Представление о себе как о лесном народе было важно для эстонцев на протяжении всей второй половины XX в. И сегодня лес имеет для эстонцев эмоционально важное значение. В отличие от народов западной Европы у эстонцев ещё не произошло полного отчуждения от него. Дискурс эстонцев, как лесного народа в современной Эстонии вновь очень популярен в связи с протестом людей против планов государственного управления лесами и рубки леса. Отражение этого можно увидеть в творчестве и выступлениях нескольких хорошо известных в Эстонии философов и писателей (Хассо Круаль, Валдур Микита и др.). Если я хочу понять значение леса таким, какое оно могло иметь для эстонцев в далеком прошлом, то передо мной исследованные именно во время полевых работ у вепсов и существующие до настоящего времени анимистические народные верования. Они выражены, например, в общении с деревьями или магических договорах пастухов, где партнерские отношения с лесом ещё не превратились в модерную поэзию, а являются практикуемой реальностью.

Работая с вепсами в далеких деревнях, у меня есть возможность в некоторой мере ощутить предмодернистское народное восприятие, которое в Эстонии больше невозможно встретить. Это связано с идентитетом места, отношениями между человеком и местом, над которым не доминирует в такой степени концепция современной нации (которая, очевидно, в дальнейшем разовьется и у вепсов). В то же время именно современный национальный идентитет затрудняет для обычного эстонца полное понимание малых финно-угорских народов и проблемы их сохранения. Если эстонцы смогли, вступив в XIX в. в контакт с европейским национальным романтизмом, приступить к созданию своей современной национальной культуры, что и удалось, то подобная возможность отсутствовала у восточных родственных народов. Понимание уникальности своего языка и культуры и необходимости её сохранения и развития в современном мире начинается именно отсюда — больше не из традиционного идентитета места, а создания нации, базирующейся на своей письменной культуре. Эстонцы представляют себе малочисленные финно-угорские народы схожими именно с эстонскими историческими и культурными процессами, что не соответствует действительности. Эстонцы, история которых была непосредственно связана с Россией только периодически в XVIII, XIX и XX веках, не осознают, что вепсы находились в сфере российской культуры на протяжении почти всего своего осознанного существования, принимали участие в создании

¹⁸ *Loorits O. Eestluse elujõud. Stockholm, 1951.*

российской государственности, и у вепсов не было реального контакта с происходившим в европейском культурном пространстве развитием и соответствующими ценностями.

Экспедиционные работы никогда не представляют собой исключительно герметичный научный сбор материала. В отражающих методологию экспедиционных работ исследованиях пропорционально мало обращается внимание на их эмоциональную и личную сторону. В то же время этого никак не избежать хотя бы даже при чтении экспедиционных дневников разных исследователей. Полевые работы часто являются для исследователя местом, где можно заглянуть в себя. В случае с длительными экспедиционными работами на протяжении времени меняются как исследователь, так и объект исследования. Личное, даже интимное познание исследователя сформировалось в центральный компонент исследовательской деятельности¹⁹, и персональная сторона исследователя может иметь определяющее значение при формировании собираемого корпуса материала, особенно при антропологических исследованиях. С одной стороны, исследовательское поле (народ, культура, верования и пр., англ. *field*) представляют собой что-то уже существующее, с другой стороны, в теоретической литературе давно говорится о том, как сам исследователь создаёт в реальности свое исследовательское поле.

Могу подтвердить, что я сам его сформировал, или что мое исследовательское поле сформировалось вместе со мной. Это начинается с первой встречи с местными жителями, где ты являешься чужим, кем-то, кто пришел из других мест. В контексте России то, что ты являешься иностранцем означает немедленно наличие определенной стигмы, что нужно учитывать. Для старшего поколения вепсов, которое использует вепсский язык в своем повседневном общении, достаточно непривычным является общение с прибывшим откуда-то из другого места более молодым человеком не на русском языке, что ещё больше увеличивает (надеюсь позитивно) нашу обособленность. Во время первых полевых выездов следует терпеливо доказывать свое присутствие, но когда приедешь к тем же самым людям в третий раз, то возникает понимание, что ты проявляешь не случайный или узкий интерес. Складываются человеческие отношения и тебя начинают ждать. Контакт между людьми — это что-то очень сильное и необходимое для всех нас, и его нельзя недооценивать и в исследовательской работе. В своей теоретической модели действия фольклорного процесса Лаури Хонко описывал и подчеркивал

¹⁹ Ср., например: *Beverly J. S., Fox C. L., Olbrys S. The Self in "Fieldwork": A Methodological Concern // The Journal of American Folklore. 1999. Vol. 112. No. 444. P. 158–182.*

необходимость поддержания контакта между исследователем и исследуемым, его эмоциональную значимость и для исследуемой стороны²⁰.

В современной политической обстановке, где отношения между Россией и Западом не очень хорошие, большинство информации для обычных людей поступает из политической пропаганды, которая по своей сути везде одинакова. Вместе с противоположной политической стороной демонизируется и проживающий по другую сторону культурной границы человек, народ, представление о которых создаётся только на основании пропагандистской информации. В глобальном плане такой односторонне информированный человек является самым большим риском безопасности — им легко можно манипулировать и использовать его. Во время экспедиционных работ такие однобокие стереотипы ломаются с обеих сторон. Приходит понимание того, что человеческая натура универсальна, несмотря ни на что, и что требуется реальное общение, а не идеологические лозунги. Так, я со своими коллегами часто выступал в качестве ледокола для разрушения предрассудков, чему с противоположной стороны способствует традиционное вепское гостеприимство.

Эмоциональная сторона экспедиционных работ имеет и свои темные тона. Это связано с уходом людей, ставших для тебя близкими друзьями, а также ощущением опасности окончательной ассимиляции, угрожающей вепсам как малочисленному народу. Я лично пережил исчезновение, теперь уже вероятно окончательное, одного малочисленного прибалтийско-финского народа — води. Когда я во второй половине 1990-х годов, будучи студентом, начал участвовать в экспедиционных работах в Ингерманландии, там ещё существовало поклонение, для которых водский язык был родным. Мое пассивное владение водским языком, приобретенное через записи фонетической транскрипции профессора Пауля Аристе, становилось активным. Однако тогда уже не с кем было говорить на нем — последние действительные носители водского языка ушли от нас. Действительно, спрашивая у информантов о преданиях и верованиях, они в своих рассказах путешествуют обратно во времени, оживляются, становятся моложе. Такими молодыми они через свои рассказы врезаются и в память исследователя. Возникает ошибочная иллюзия о вечной устойчивости вепской народной культуре, о том, что эти самые информанты живы и такими существуют всегда. Так, психологически трудно понять, что человека, который во время прошлых полевых работ запечатлелся в памяти вечно молодым, во время следующего посещения больше нет.

²⁰ Honko L. Cultural Identity and Research Ethics in the Folklore Process // ARV. Nordic Yearbook of Folklore. Uppsala, 2002. Vol. 58. P. 13-17.

Вместе с людьми исчезает и культура. С живущим сейчас старшим поколением исчезает тот мир, который ещё в прошлом веке существовал более-менее целостным на вепском языке — в своей традиционной среде, верованиях, во всём этом языковом и чувственном выражении. Это большая утрата и для эстонцев. Так же как вместе с разломом и таянием ледяных глыб в Гренландии исчезает какая-то часть привычного до настоящего времени мира и рассыпается глобальная природная целостность, с уменьшением родственных народов исчезает и экзистенциальная почва под ногами эстонцев. Очень личное, близкое наблюдение, и познание этого не даётся легко.

Заключение

Осознание финно-угорских родственных связей имело в Эстонии значение начиная со второй половины XIX в., с эпохи национального пробуждения. Прямое языковое родство связывает эстонцев как с финнами, контакты и общение с которыми в течение последних пары столетий были самыми тесными, так и с другими прибалтийско-финскими народами. Отношения с родственными народами включают в себя как научный, так и эмоциональный аспект. В зависимости от исследователя они могут и совпадать, что является достаточно ожидаемым для являющегося представителем малого народа исследователя.

Связывающий вепсов с эстонцами этногенез остался в прошлом уже почти пару тысяч лет назад. С этого времени между обоими народами не было серьёзных прямых контактов. Народы располагались в разных частях прибалтийско-финского ареала, и, начиная со Средневековья, всё большим разделяющим фактором становилась культурная граница между Востоком и Западом в Европе, которая впоследствии превратилась также в политический и идеологический разделяющий фактор. Интерес эстонских ученых к восточным родственным народам и первые редкие исследовательские экспедиции начались в XIX в. После образования в 1918 году независимой Эстонской Республики, в Тартуском университете начало активно развиваться финно-угроведение. В общественном плане значение имело создание учреждения Фенно-Угрия, которое знакомило широкие массы с родственными народами и развивало сотрудничество между ними. По политическим причинам оно не могло вестись интенсивно в восточном направлении. Так, до Второй мировой войны в Эстонии отсутствовали сколь-либо обширные знания и о вепсах. Более важная, основанная на полевых работах исследовательская деятельность могла начаться после войны, в советский период, когда эстонские этнографы, фольклористы и лингвисты начали изучать вепские деревни и людей. Наряду с исследователями свой вклад в движение родственных народов внесли художники, композиторы и писатели. В Советской Эстонии всё это

занимало важное место в связи с подвержением всё большей опасности сохранения национального чувства, национальной культуры и языка эстонцев.

Начиная с 1990-х гг. многое изменилось. В независимой Эстонской Республике гарантирована преемственность эстонского языка и национальной культуры. В то же время сокращаются как научные, так и личные контакты с восточными родственными народами, в том числе с вепсами. Беспокойство вызывает ассимиляция и потеря языков малых народов в России, но в то же время люди живущие в Эстонии не в состоянии более точно понять положение вепсов, потому что понимание реальности России во многом основано на политических стереотипах и является более или менее иллюзорным. К счастью, общение и поток более адекватной информации не прервались полностью ни в научном, ни в общественно-культурном плане. В Эстонии и России всё ещё существует большое количество людей, для которых важно трансграничное сотрудничество между финно-угорскими народами. Прибалтийско-финские народы представляют друг для друга взаимный интерес. Помимо языкового родства, есть много общего, но имеются и заметные отличия в народной культуре, истории, мировоззрении, верованиях. Культуры эстонцев и вепсов сформировались в достаточно различные. В то же время чрезвычайно большой интерес представляет изучение и восприятие этих различий или онтологических сходств как в научном, так и общечеловеческом общении.

Таким образом, проводя, будучи эстонцем, экспедиционные работы в вепских деревнях можно привести как коллективный/национальный, так и личный человеческий аспект. Первый связан с характерным для малочисленных народов (или по меньшей мере для финно-угорских народов) взаимной солидарностью и симпатией. Для исследователя-эстонца вепсы, вепский язык и культура, наверное, никогда не были представляющим случайный интерес антропологическим объектом. Здесь играют свою роль разные иные подоплёки: от научных (как этногенез, языковое родство, схожесть в мировоззрении) до зародившихся в движении родственных народов национально-идеологических. Они становятся важными, если речь идёт об исследовательской деятельности, а не одноразовом случайном контакте.

В личном плане перед исследователем всегда встаёт выбор. Но вера в сверхобъективность ученого или его возможность выполнять свою работу, не раскрываясь как человек, уже относится к уходящим в прошлое методическим идеалам. Разные исследователи, будучи разными людьми, в том числе представителями разных национальностей, видят и открывают в изучаемом всегда разные грани, и это является обогащающим обстоятельством.

Список литературы

- Бубрих, Д. В. Происхождение карельского народа / Д. В. Бубрих. — Петрозаводск : Госиздат. Карело-Финской ССР, 1947. — 51 с.
- Голубева, Л. А. Вепсы / Л. А. Голубева // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — Москва : Наука, 1987. — С. 52–64.
- Моора, Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете археологии / Х. А. Моора // Вопросы этнической истории эстонского народа. — Таллинн : Эстгосиздат, 1956. — С. 127–132.
- Муллонен, И. И. Проблемы интерпретации этноязыковой истории европейского севера России на материале топонимики / И. И. Муллонен // Вестник истории, литературы, искусства. — Москва : Собрание, 2015. — Т. 10. — С. 93–107.
- Седов, В. В. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация / В. В. Седов // Финно-угроведение. — 1997. — № 2. — С. 3–16.
- Beverly, J. S. The Self in “Fieldwork“ : A Methodological Concern / J. S. Beverly, C. L. Fox, S. Olbrys // The Journal of American Folklore. — 1999. — Vol. 112, no. 444. — P. 158–182.
- Eisen, M. J. Eestlaste sugu / M. J. Eisen. — Tallinn : Eesti Keele Sihtasutus, Tartu Ülikool, 2008 [1922]. 227 lk.
- Ekspeditsioonid läänemeresoome muinasmaale : eesti etnograafide vepsa välitööde päevikud (1962–1969) / Koostaja I. Jääts. — Tartu : Eesti Rahva Muuseum, 2019. — 261 lk.
- Honko, L. Cultural Identity and Research Ethics in the Folklore Process. / L. Honko // ARV. Nordic Yearbook of Folklore. — Uppsala : The Royal Gustavus Adolphus Academy, 2002. — Vol. 58. — P. 7–17.
- Jääts, I. Favourite Research Topics of Estonian Ethnographers under Soviet Rule / I. Jääts // Journal of Ethnology and Folkloristics. — 2019. — Vol. 13 (2). — P. 1–15.
- Kaiser, R. J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR / R. J. Kaiser. — Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1994. — 471 p.
- Kallio, P. The Language Contact Situation in Prehistoric Northeastern Europe / P. Kallio // The Linguistic Roots of Europe: Origin and Development of European Languages. Copenhagen Studies in Indo-European. Copenhagen : Museum Tusulanum Press, 2015. — Vol. 6. — P. 77–102.
- Lang, V. Läänemeresoome tulemised / V. Lang. — Tartu : Tartu Ülikooli kirjastus, 2018. — 320 lk.
- Loorits, O. Eestluse elujõud / O. Loorits. — Stockholm : Tõrvik, 1951. — 132 lk.

Peterson, K. J. Etwas über die Ehsten, ihre Abstammung, u. s. w. / K. J. Peterson // IAAK. Kristian Jaak Peterson 200. — Tallinn : Eesti Keele Sihtasutus, Underi ja Tuglase Kirjanduskeskus, 2001. — Lk. 188–207.

Prozes, J. Hõimuliikumine ja Fenno-Ugria Asutus / J. Prozes // Soome-ugri sõlmed 2010–2011. — Tallinn : Fenno-Ugria, 2012. — Lk. 104–114.

Põllu, K. Eesti Kunstiakadeemia soome-ugri uurimisreisid läbi aastate / K. Põllu // Hõimusidemed. Fenno-Ugria 70. aastapäeva album. Tallinn, 1997. URL: <http://www.suri.ee/hs/pollu.html>. — (27.03.2020).

Salve, K. Forest Fairies in the Vepsian Folk Tradition / K. Salve // Folk Belief Today. — Tartu : Eesti TA Eesti Keele Instituut, 1995. — P. 413–434.

Salve, K. Paul Ariste and the Veps Folklore / K. Salve // Folklore. Electronic Journal of Folklore. — 2005. — Vol. 29. — P. 175–190.

Tvauri, A. The impact of the climate catastrophe of 536-537 AD in Estonia and neighbouring areas / A. Tvauri // Estonian Journal of Archaeology. — 2014. — Vol. 18/1. — P. 30–56.

Wiik, K. Eurooppalaisten juuret / K. Wiik. — Jyväskylä : Atena, 2002. — 503 s.

РУПАСОВ Александр Иванович / RUPASOV Alexander

Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук / St. Petersburg
Institute of History, Russian academy of Sciences
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
rupasov_ai@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
В ГОСУДАРСТВАХ БАЛТИИ В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
1930-х гг.**

**THE PROTECTION OF NATIONAL MINORITIES IN THE BALTIC STATES
IN SOVIET FOREIGN POLICY IN THE 1930s**

Abstract: The article analyses the Soviet policy towards national minorities in the Baltic States during the 1930s. Despite the external logic of doctrinal attitudes, the Bolshevik national policy remained a constant search for solutions to constantly emerging problems, especially in specific international situations. Where these problems were complicated by external factors, ideological installations were often superfluous, and as a result, national policy issues were sidelined in the hierarchy of tasks. The political danger of strictly following the doctrine was particularly sensitive for staff member of the Comintern and Soviet diplomats. Throughout the interwar period, Soviet diplomacy, recognising the possibility of using national minorities as a tool to influence the policies of the Baltic States, has not in practice resorted to it.

Ключевые слова / Keywords: Государства Балтии, СССР, национальные меньшинства, советская дипломатия, Коминтерн, межвоенный период / Baltic States, National Minorities, USSR, Soviet Diplomacy, Comintern, interwar period

Сфера национальной политики для большевиков, несмотря на внешнюю логичность доктринальных установок, в конкретных ситуациях неизбежно оставалась постоянным поиском решений столь же постоянно возникавших проблем, помимо существующих. В том же случае, когда эти проблемы оказывались осложненным внешними факторами, программные установки нередко оказывались лишними, и как результат, в иерархии задач вопросы национальной политики отодвигались на задний план¹. Политическая опасность строгого следования доктрине особенно чутко осознавалась в аппарате Коминтерна и советскими дипломатами. Если Верхняя Силезия оказывалась достойной борьбы

¹ Роль поддержки национальных меньшинств во внешней политике Советской России остаётся неисследованной темой в историографии, в отличие от собственно национальной политики во внутренней политике СССР. В тех случаях, когда поднимается вопрос о взаимосвязи внешней политики и национальной политики, то приходится иметь дело с банальной констатацией, что национальная политика СССР была тесно связана с внешней и смена приоритетов в определении принципов межэтнических отношений как минимум частично зависела от уровня геополитического напряжения» (см., например: Шербак А. Н., Герина Я. Я., Бердюженко Д. А., Мендыгалеева А. Б., Зайцева А. В. Влияние внешней политики на национальную политику СССР // Политика. 2017. № 3. С. 110). Частично этот вопрос затронут в работе: Кен О. Н., Рупасов А. И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. М., 2014. С. 505–524 (вступительная статья к третьему разделу).

за самоопределение, то борьба словацкой компартии за расширение автономных прав Словакии поддержки не находила. Лишившийся уже в конце 1920-х гг. самостоятельности в «революционном творчестве» и обязанный учитывать советские внешнеполитические интересы и подходы к решению международных проблем аппарат Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) именно в сфере национальных отношений оказался в крайне затруднительной ситуации.

В апреле 1935 г. в Польско-Прибалтийском лендерсекретариате ИККИ был подготовлен очередной вариант резолюции «Задачи компартий Прибалтики в борьбе против захватнических планов гитлеризма и в защиту СССР». Насколько можно судить по документам лендерсекретариата, первые наброски этого документа были сделаны ещё в 1933 г., т. е. вскоре после прихода к власти национал-социалистов в Германии. За два года текст этого документа неоднократно и более чем существенно перерабатывался. Стилистические огрехи оставались, сущностная сторона резолюции менялась радикально. В частности, такая политическая задача коммунистических партий, как «защита СССР», то удалялась из текста, то восстанавливалась в нём. Не будем в данном случае касаться причин, обуславливавших подобную редакцию текста, это отдельная тема². Он же представляет для нас интерес, как один из немногих документов, позволяющих частично выяснить отношение политического руководства СССР к национальным меньшинствам прибалтийских государств³.

Авторы проекта резолюции доказательство своего главного тезиса (возможность возникновения в Прибалтике войны и превращение этого региона в плацдарм контрреволюционной войны против СССР) видели в усилении классового террора и в «бешеном усилении национальной травли и угнетения национальных меньшинств»⁴. Поскольку целью прибалтийских компартий (имелись в виду не только компартии Эстонии, Латвии и Литвы, но, в отдельных вариантах, Финляндии и Польши) должно было стать предотвращение войны, главное внимание авторами было уделено способам достижения этой цели. Особое

² Заметим только, что в 1934 г., после наметившегося несколькими месяцами ранее сближения Германии и Польши, вызвавшего тревогу в национальных элитах Эстонии, Латвии и Литвы, Советский Союз попытался выступить в качестве своего рода защитника сохранения *status quo* в регионе. Постановка перед компартиями балтийских государств задачи защиты СССР оказывалась неуместной.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 61. Д. 93; Оп. 20. Д. 462; Оп. 20. Д. 462. Л. 5.

⁴ В последнем варианте документа (май 1935 г.) тезис о «шовинистических настроениях вокруг Мемеля» был удалён из текста, что делало и без того противоречивый текст ещё более путанным. Чем это было обусловлено? Необходимостью оказания политической поддержки со стороны СССР Литве и одобрения её национальной политики в регионе? Или заинтересованностью в подвигах в советско-германских отношениях? Хотя, быть может, это диктовалось и стремлением уклониться в целом от решения мемельской проблемы, недаром тогда в Москве пошли на закрытие генерального консульства в Мемеле.

предпочтение отдавалось борьбе, которую коммунистам следовало возглавить, за отстаивание прав угнетенных национальных меньшинств. В тех случаях, когда речь шла о территориях компактного проживания того или иного национального меньшинства, чаще ставилась задача добиваться для этого меньшинства прав на самоопределение, вплоть до отделения. Что касается, например, Эстонии, то предусматривалось ведение борьбы вплоть до отделения Печорского края, населенного русскими. В свою очередь, компартия Латвии должна была вести борьбу против угнетения Латгалии⁵, а литовская компартия — за отделение Мемельской области (речь шла о защите прав немцев; о защите интересов польского национального меньшинства речи не шло, в Москве испытывали опасения в отношении «клайпедизации» польского меньшинства Варшавой⁶). В каждом из этих случаев компартии должны были отстаивать право на самоопределение данных территорий вплоть до отделения, но против присоединения их к Германии⁷. В мае 1935 г. в проект резолюции был добавлен ещё один пункт, предусматривающий борьбу компартии Финляндии против угнетения населенных шведами территорий⁸. При этом отсутствовало упоминание населенной русскими Райволовской общины на Карельском перешейке, к которой время от времени проявляли интерес советские дипломаты. Так, отношение к этой общине охарактеризовал в 1928 г. в одном из своих докладов полпред С. С. Александровский, считавший, что предпринимать в этом вопросе что-либо трудно: «Вопрос этот не новый... Формально мы не можем выступать в защиту этих русских. Тем не менее, мы, конечно, заинтересованы в их сохранении на Карельском перешейке, а также и в том, чтобы эти русские помнили о нас, как о возможных защитниках их интересов. Но здесь начинается для нас довольно скользкая почва, и это требует большой осторожности и осмотрительности». Полпред рекомендовал

⁵ Борьба за права латгальцев предусматривалась и ранее, так в «Программу действий для сельскохозяйственных рабочих, бедняцких и середняцких крестьян Латвии» (август 1931 г.) был включён следующий пункт: «Мы требуем для Латгалии права на самоопределение вплоть до отделения, полного национального равноправия латгальцев и других национальных меньшинств». (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 394. Л. 103–104). Однако, хотя советские дипломаты и рассматривали желательность усиления влияния в Латгалии, но, как, например, в свое время писал в Москву полпред в Латвии И. А. Лоренц, «нам одновременно непременно необходимо избегать всего, что могло бы создать впечатление, что мы поддерживаем в Латгалии сепаратизм и что наша работа направлена против Латвии» (Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0150. Оп. 22. П. 46. Д. 4. Л. 140). Лоренц имел в виду «разные группировки» в Латгалии, но особенно старообрядцев.

⁶ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 85. Л. 9.

⁷ Резолюцией польско-прибалтийского лендерсекретариата от 17 сентября 1934 г. «Об усилении фашизма в Литве» литовской компартии предписывалось «бороться самым решительным образом против литовских оккупантов Мемельской области... против насильственной литвизации и травли литовцев немцами». (Там же. Д. 417. Л. 4–5).

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 462. Л. 22.

в ленинградской прессе, но «без ударной кампании», затрагивать этот вопрос⁹. В Польско-Прибалтийском лендерсекретариате вопрос о Райволовской общине никогда не ставился.

Одно из национальных меньшинств, требовавших своей защиты, только иногда упоминалось в коминтерновских документах, когда речь заходила о балтийских государствах, и то только мимоходом. В данном случае речь идёт об евреях. Осторожность, с которой обращались к теме защиты еврейского национального меньшинства как в Коминтерне, так и советские дипломаты, дала о себе знать ещё в конце Гражданской войны, когда в 1920 г. велись советско-литовские переговоры, в ходе которых глава советской делегации А. А. Иоффе наотрез отказался учитывать пожелания литовской делегации о присоединении к Литве ряда территорий Польши, в которых имелось значительное еврейское национальное меньшинство. Позже, уже в начале 1930 гг. СССР использовал распространение в Литве юдофобских настроений, чтобы стимулировать переезд части литовских евреев в организуемую Еврейскую автономную область. Тогда же Иероним Морштын (поверенный в делах СССР в Латвии) информировал Москву: «Рост антисемитизма в Латвии и банкротство надежд на массовую эмиграцию в Палестину вызвал повышенный интерес к Советскому Союзу в широких еврейских кругах Латвии — в первую очередь среди интеллигенции. Эти круги дают между прочим 90% количества туристов из Латвии в СССР»¹⁰.

Отложившиеся в фондах Коминтерна многочисленные варианты вышеупомянутого документа (1933–1935 гг.) не приобрели форму окончательной директивы компартиям прибалтийских государств. Необходимость учета интересов и задач, стоявших перед советской внешней политикой, особенно в условиях быстрых перемен в международной ситуации и при давно ушедшей в прошлое «творческой самостоятельности» ИККИ и его структур, обуславливали исключительную осторожность в формулировании коминтерновскими работниками задач, особенно, в столь зыбкой и в доктринальном, и в практическом плане сфере, как национальная политика. Можно предположить, что даже если бы эстонские коммунисты действительно решились взвалить на себя задачу добиваться отделения от Эстонии населённого русскими Печорского края, то и без того тщедушная компартия быстро прекратила бы свое далекое от цветущего существование. Трудно представить, чтобы компартия Латвии активно включилась бы в борьбу за отделение Латгалии. Обращает на себя внимание тот факт, что польское национальное меньшинство, довольно компактно проживавшее на юго-востоке Латвии, оказалось «забытым». Если в этом случае сказалось стремление

⁹ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 11. П. 122. Д. 3. Л. 159

¹⁰ Там же. Ф. 0150. Оп. 32. П. 63. Д. 3. Л. 54.

советской стороны не вносить дополнительное раздражение в отношения с Польшей, то эта же «забывчивость» в отношении еврейского национального меньшинства в Литве и Латвии объяснялась распространёнными в этих государствах юдофобскими настроениями¹¹.

Стоит, однако, обратить внимание на следующее. Во второй половине 1920-х гг. в дипломатических кругах сложилось представление, что Советская Россия с неизбежностью будет использовать русское население Эстонии в своих политических целях. Финский посланник в Таллине Рудольф Холсти в одном из своих рапортов в МИД писал по этому поводу 19 ноября 1926 г., что своей политикой¹² Москва стремилась создать благоприятную почву для того, чтобы в нужный момент выступить в качестве друга, призванного на помощь какой-нибудь Изборской республикой, и осуществить затем захват Эстонии по уже испытанной «кавказской программе»¹³. Вероятной основой для подобного рода утверждений служили неоднократно в частных беседах высказывавшиеся западными (особенно английскими и французскими) дипломатами сомнения в длительном сохранении прибалтийскими государствами своей самостоятельности¹⁴. Но имелись и довольно резкие заявления некоторых высокопоставленных лиц в Москве (или, что было гораздо чаще — слухи — постоянные, настойчивые о выработке Россией каких-то особых мер и т. д.¹⁵) в отношении Риги и Таллина.

Не рискнём согласиться с наличием у Советской России изложенного А. Хакцелем плана действий. Заметим лишь, что в проекте коминтерновской резолюции цель формулировалась в определённо более ограниченных масштабах: речь шла о возможности отделения некоторой территории от Эстонии,

¹¹ В частности, именно национальность обусловила отказ руководства НКВД покидавшему Таллин полпреду А. М. Петровскому в занятии поста главы полпредства в Литве.

¹² Буквально «кротовой работе» (*muugäntö*), под которой он понимал такие, например, «уловки» России, как, поставка якобы голодающему русскому населению 30 вагонов хлеба, продажа хлеба и соли беднейшим его представителям по ценам значительно ниже тех, по которым обычно эти товары продаёт советское торгпредство в Эстонии, и т. п.

¹³ R. Holstin raportti ulkoasiainministeriölle, 19.11.1926: Kansallisarkisto (далее — КА). R. Holstin kokoelma. Kansio 61.

¹⁴ Беседа с английским послом в Варшаве, финский посланник Я. Прокопе услышал, что его собеседник считает даже неестественным длительное сохранение Эстонией и Латвией полной независимости. (Procure H. J. Pro memoria: КА. A. Yijö-Koskisen arkisto. Kansio 6). Другой финский дипломат — Харри Холма сообщал в своё время из Берлина, что в МИД Германии ему не раз давали понять, что если Россия нападёт на Балтию, то Германия и пальцем не пошевелит. (H. Holma A. S. Yijö-Koskiselle, 1.5.1924: Ibid. Kansio 3). Тот же Холма три года спустя уже в самой возможности децентрализации России, которая ему была высказана в германском МИД фон Дирксеном, увидел лозунг «Российских Соединённых Штатов», который может очень быстро превратиться в политическую аксиому и на практике повлечёт ликвидацию независимости балтийских государств. (H. Holma A. S. Yijö-Koskiselle, 15.5.1927).

¹⁵ См., например: P. Artin raportti Ulkoasiainministeriölle, 22.3.1928: КА. P. Artin kokoelma. Kansio 8; R. Holstin raportti Ulkoasiainministeriölle, 20.7.1928, 8.1.1926: Ibid. R. Holstin kokoelma. Kansio 61; A. Hackzellin raportti Ulkoasiainministeriölle, 6.10.1924, Pertin raportti Ulkoasiainministeriölle, 5.4.1928: Ulkoasiainministeriön arkisto. 5018; Varsovan lähetystön raportti Ulkoasiainministeriölle, 2.10.1933: Ibid. 5C13.

а не о присоединении всей Эстонии. Любопытно, что тогдашний глава Эстонии К. Пятс, осознавая насколько быстро и необратимо развивается международная ситуация в Европе, вовсе не в шутку в одной из бесед в 1935 г. заявил, что нельзя отвергать возможности, например, конфедеративного объединения Эстонии и Советской России.

Политическая установка, предлагавшаяся в проекте коминтерновской резолюции, борьба Эстонской компартии за права русского населения вплоть до отделения от Эстонии (такое изощренное порождение политической мысли было отнюдь не уникальным для того времени) — естественно, могла появиться только с согласия высшего политического руководства СССР. В 1935 г. решиться самостоятельно сделать такое предложение глава польско-прибалтийского лендерсекретариата ИККИ¹⁶ не мог, так как подобное предложение означало радикальное изменение предшествующей практики взаимоотношений Советской России с Эстонией. А эти взаимоотношения явно строились с учетом того, что русское население Эстонии не следует использовать в качестве одного из рычагов давления. Поэтому, сменивший в 1930 г. А. М. Петровского на посту полпреда Ф. Ф. Раскольников даже считал за лучшее не начинать объезда страны с Печорского края, чтобы не вызывать у эстонцев опасений. Причиной, несомненно, было нежелание ухудшать отношения с Таллином, когда была в разгаре борьба с польским влиянием в Прибалтике и планами создания блока балтийских государств. Судя по всему, Б. С. Стомоняков, курировавший в НКВД отношения с Эстонией, прямо запретил весной 1932 г. особую работу среди национальных меньшинств (имелись ввиду русские и евреи)¹⁷, хотя сам Раскольников, когда поднимал вопрос об этом, имел ввиду исключительно создание «из левых элементов этих меньшинств благожелательного окружения вокруг полпредства»¹⁸. Поднятая членом Государственного собрания Эстонии Алексеем Гречановым в разговоре с Раскольниковым тема присоединения Печорского края к СССР¹⁹ была воспринята в Москве как провокация²⁰.

¹⁶ В 1928–февраль 1935 г. — В. Мицкевич-Капсукас. В октябре 1935 г. лендерсекретаритаты были упразднены.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 23. П. 33. Д. 1. Л. 51.

¹⁸ Там же. Л. 44.

¹⁹ Раскольников писал: «[Гречанов] крестьянин, социалист, переживающий идеологический кризис и замечающий в себе рост симпатий к коммунизму и к СССР... Он поднял вопрос о присоединении Печорского края к СССР не из провокационных целей, а потому, что у него наболело... Национальный гнет эстонского правительства будет все сильнее порождать в Печорском крае движение в пользу присоединения к СССР». (Там же. Оп. 22. П. 30. Д. 1. Л. 4). Негативно в Москве было встречено и другое предложение Раскольникова (май 1931 г.) о необходимости начать работу «среди русского и еврейского меньшинства в целях создания из левых элементов этих меньшинств благоприятного окружения вокруг полпредства» (Там же. Оп. 23. П. 33. Д. 1. Л. 44).

²⁰ Там же. Оп. 22. П. 30. Д. 1. Л. 41.

Однако главной причиной, обуславливавшей такое отношение, было, пожалуй, всё же явно преобладавшие среди русского населения Печорского края и Принаровья антисоветские настроения, о которых в Москве были хорошо осведомлены. В августе 1930 г. у Раскольниковца состоялась продолжительная беседа с упомянутым выше Гречановым. Последний пространно поведал о росте национальных противоречий, приведя в качестве примера плохое обращение с русскими солдатами эстонских унтер-офицеров в Печорах, выселении русских из Печор на окраины, на осушаемые болота, тогда как получавшие повышенные оклады эстонские чиновники заселяли город и т. п. Однако в итоге Гречанов был вынужден констатировать, что антисоветские настроения крайне сильны, даже среди бедноты²¹. Ситуация в этом отношении не изменилась и в следующем году. Несмотря на разорение русских крестьянских хозяйств, продажи за долги с аукционов русских хуторов, среди крестьян и рыбаков антисоветские настроения только усилились. Тот же Гречанов жаловался, что крестьяне соглашаются слушать его только после заверений, что он не является коммунистом²². В определённой мере на усиление таких настроений повлияло ужесточение пограничного контроля, а не «агитация кулаков», как утверждалось. Усиление пограничного режима повлекло за собой значительное сокращение масштабов приграничной контрабанды, служившей немалым подспорьем для жителей приграничья.

Именно не просто настороженное, а резко выраженное негативное отношение русского населения Печорского края к Советской России вызывало ответную, едва ли не враждебную реакцию в Москве (при этом в Москве неизменно отделяли вопрос о русском населении Печорского края от вопросов, связанных с русской антисоветской эмиграцией в Эстонии). В определённой степени учитывалась также оказываемая т. н. русскими националистами в Государственном собрании Эстонии поддержка планам вапсов (воинов-освободителей) по проведению конституционной реформы²³. На негативное отношение Москвы воздействовала также большая активность представителей различных политических группировок русского населения в Эстонии в таком деле, как налаживание контактов с представителями русского меньшинства в других европейских государствах (в Москве понимали: «с контрреволюционной эмиграцией»)²⁴. Поэтому, такие, например, события, как съезд представителей русских национальных меньшинств в Риге в 1929 г. и последующая подготовка более представительного съезда в Женеве неизбежно влекли за собой давление компетентных органов на НКВД в тех случаях, когда последний иногда всё же пытался, хотя и весьма робко, использовать наличие

²¹ Там же. Ф. 09. Оп. 5. П. 46. Д. 47. Л. 121.

²² Там же. Ф. 0154. Оп. 23. П. 33. Д. 2. Л. 17.

²³ Там же. Д. 1. Л. 44

²⁴ Там же. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 60об.

компактно проживающего в Эстонии русского населения в своих целях. Так было, например, когда велась подготовка советско-эстонской рыболовной конвенции. НКВД приложил немало усилий, чтобы доказать ОГПУ «политическую заинтересованность (СССР) в том, чтобы пойти навстречу интересам русских в Эстонии»²⁵. Позже, в 1936 г. полпред Устинов в беседе с министром внутренних дел Эстонии Карлом Энпалу категорически отвергнет любые обвинения в попытках вмешательства во внутренние дела Эстонии: «... мы не вмешиваемся и в дела, касающиеся русского нацменьшинства в Эстонии, это нас выгодно отличает от некоторых других государств, которые по понятным причинам проявляют повышенный интерес к своим нацменьшинствам». Устинов докладывал в Москву, что попытка Энпалу сослаться на деятельность организации «Молодая Россия», «восхвалявшей национальную политику Сталина», была отвергнута, так как эта организация белогвардейская и фашистская²⁶.

В определенной мере справедливым будет утверждение, что Москва отстраненно наблюдала за развитием взаимоотношений русского национального меньшинства с Эстонским государством. Даже когда на страницах эстонской прессы появились сообщения о планах переселения печорских рыбаков на балтийское побережье в целях ослабления кризисной экономической ситуации в Печорском крае, отдел Польши и Прибалтики удовлетворил свой интерес лишь запросив информацию о масштабах переселения и более к этой теме не возвращался²⁷. Устойчивый интерес в Москве сохранялся, пожалуй, только к одному вопросу — преподаванию русского языка в Эстонии и Латвии. Неоднократно запрашивались самые разные справки о правительственных, муниципальных, частных школах и гимназиях, в которых преподавался русский язык. Причины столь пристального внимания вышеупомянутый полпред И. Л. Лоренц объяснял так: «Если мы в течение ближайших лет не добьемся в Прибалтике другого отношения к русскому языку, то наше влияние по культурной линии может упасть»²⁸. С середины 1930-х гг. резко изменилось отношение к русскому языку в Литве. Министр юстиции Шилингас в апреле 1937 г. откровенно заявил полпреду Б. Д. Подольскому, что «устранение русского и немецкого языков является необходимостью для самосохранения, так как сильный национальный СССР не менее опасен, чем Германия. Кроме всего прочего существует еще идеологическая опасность со стороны СССР и его общий язык может способствовать усилению идеологического влияния с востока». Подольский,

²⁵ Там же. Л. 32–33. Вскоре, впрочем, выяснилось, что в НКВД не слишком хорошо разобрались в ситуации, так как с некоторым удивлением должны были констатировать, что русских рыбаков в Причудье интересовали не столько районы рыбной ловли, сколько вопросы сбыта улова в Россию: Там же. Д. 41. Л. 79.

²⁶ Там же. Ф. 0154. Оп. 29. П. 42. Д. 8. Л. 39.

²⁷ Там же. Ф. 0154. Оп. 21. П. 27. Д. 3. Л. 17; Д. 4. Л. 17об.

²⁸ Там же. Ф. 0150. Оп. 22. П. 46. Д. 4. Л. 140.

со своей стороны, констатировал: «Если ко всему этому прибавить то, что мы проявляем в этом вопросе известную пассивность и не стремимся хотя бы закрепить прежние наши позиции в школах и университетах, то при сохранении ими темпов, которыми они взялись за борьбу против всего русского, мы можем в ближайшие годы потерять очень важную позицию среди молодежи — это русский язык, который играет в Литве большую роль в смысле связи с СССР, как в идеологическом, так культурном и научном отношениях»²⁹. Схожие сожаления высказывались полпредством в Латвии. Однако всё ограничивалось констатацией складывавшейся ситуации, советская сторона не предпринимала фактически никаких усилий для её исправления. В июле 1935 г. состоялся примечательный разговор полпреда в Латвии Стефана Бродовского с одним из представителей русской общины, заметившего, что «у СССР большие успехи в Латвии, что русское население в Латгалии благодаря нашей успешной работе³⁰ всецело за СССР. Я заверил... что никакой работы в Латгалии и вообще среди русского и нерусского населения не ведем, но националистическая политика Ульманиса заставляет, понятно, русское население обращать взоры на восток»³¹. В полпредстве в Риге считали, что слухи о работе советских структур с русским национальным меньшинством в Латвии «распространяются латвийской контрразведкой, которая пытается запугивать здешние иностранные круги советской опасностью»³².

На протяжении всего межвоенного периода советская дипломатия, признавая возможность использования национальных меньшинств в качестве инструмента влияния на политику балтийских государств, на практике не прибегала к нему. Сдерживающими факторами являлись, прежде всего, отсутствие реальных возможностей (единственные структуры, которые могли быть для этого использованы — национальные компартии, тщедушность которых была очевидной, как, впрочем, и не устраивавшие руководство Коминтерна колебания в их руководстве в вопросе национальной политики), отсутствие четкой позиции у политического руководства СССР в этом вопросе, обусловливаемое динамикой внешнеполитических ситуаций, но также и распространенным в самых разных общественных кругах негативным отношением к большевистской России. Результатом, однако, было и то, что в двусторонних отношениях тем самым не допускался неизбежно породивший бы обострение противоречий элемент.

²⁹ Там же. Ф. 0151. Оп. 28. П. 53. Д. 3. Л. 24.

³⁰ Ознакомившийся с текстом доклада сотрудник I Западного отдела НКВД сделал на полях помету: «?!»

³¹ Там же. Ф. 0150. Оп. 32. П. 64. Д. 7. Л. 60–61.

³² Там же. Л. 100.

Список литературы

Кен, О. Н. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. / О. Н. Кен, А. И. Рупасов. — Москва : Алгоритм, 2014. — 720 с.

Мартин, Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин ; пер. с англ. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 855 с.

Новикова, Л. Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков / Л. Г. Новикова // Отечественная история. — 2006. — № 4. — С. 140–145.

Щербак, А. Н. Влияние внешней политики на национальную политику СССР / А. Н. Щербак, Я. Я. Герина, Д. А. Бердюженко, А. Б. Мендыгалиева, А. В. Зайцева // Политика. — 2017. — № 3. — С. 99–116.

ARTOLA KORTA Martín / АРТОЛА КОРТА Мартин

Complutense University of Madrid / Мадридский университет Комплутенсе

Spain, Madrid / Испания, Мадрид

maartola@ucm.es

**SCIENCE AND ACADEMIC RESEARCH IN SOVIET KARELIA:
THE HISTORY OF THE KARELIAN RESEARCH INSTITUTE (1930–37)**

**НАУКА И НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ:
ИСТОРИЯ КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА (1930–1937)**

Аннотация: Прослеживается связь между научными исследованиями и политикой в Советской Карелии. В 1930 г. в республике был основан Карельский научно-исследовательский институт — новаторский центр, цель которого состояла в продвижении научных исследований, направленных на преобразование реальности и создание нового общества. История центра была обусловлена сложными обстоятельствами тридцатых годов и завершилась в преддверии Большого террора. За время своего существования сталинская концепция «социалистического строительства» играла центральную роль во всей деятельности института.

Keywords / Ключевые слова: Science, academic research, Soviet Karelia, the 1930s, Karelian Research Institute, Stalinism / Наука, научные исследования, Советская Карелия, 1930-е гг., Карельский научно-исследовательский институт, сталинизм

Science and academic research played a central role in the political agenda of the Bolsheviks. Already in the spring of 1918, Vladimir Lenin, discussing the main tasks of his new regime, stressed the relevance of science in his political project. According to him, without the leadership of ‘specialists in the various branches of science’ it was impossible to achieve the goals of Socialism since this new system needed to surpass the capitalist system in productivity.¹ To guarantee this scientific development, Lenin’s government paid great attention to academic research. Between 1918 and 1919, for example, 33 research institutes were established and by the tenth anniversary of the Revolution, the Bolsheviks had already 90 such institutions.²

The importance of academic research increased significantly after the ‘Great Break’ during the second half of the 1920s. The acceleration in the pace of industrialisation, within the context of the transition from the NEP (‘New Economic Policy’) to a purely Stalinist economy, required a greater deployment of scientific knowledge, but also greater

¹ Vladimir I. Lenin, *Polnoye sobraniye sochineniy*, vol. 36 (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury TSK KPSS, 1981), 178-179.

² Konstantin V. Ostrovitianov (ed.), *Organizatsiia nauki v pervyye gody Sovetskoi vlasti (1917–1925)* (Leningrad: Nauka, 1968), 8.

control over academics. In addition to the increase in its relevance, the way in which the regime perceived science and academia also changed during this period.³ The ‘socialist construction,’ the great slogan of the Party had much to do with it. The term *socialist construction* emerged in the revolutionary period to describe the task of creating a new society, however, from the second half of the 1920s it became the main political myth of the regime. According to its new meaning, science and academic research were necessarily at the service of the ‘socialist construction.’

In order to value this new dimension of the concept *socialist construction* and its influence on academic research, it is useful to observe the processes of formation of professional science in the periphery of the Soviet Union. As the development of the scholarly institutions in the Russian Empire was concentrated in its main cities, the peripheral regions lacked academic institutions or higher education. Therefore, the Bolsheviks, in order to meet the needs of their new project, began the construction of research centres and universities throughout Soviet territory. All these institutions were formed by the Bolsheviks’ understanding of the ‘socialist construction.’

This article examines one such case, that is, the creation and early history of the Karelian Research Institute (*Karel'skii nauchno-issledovatel'skii institut, KNII*), founded in the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic during the First Five-Year Plan. The centre was the first scholarly research institution in the republic and played a major role in the development of academic knowledge. Between 1931 and 1937, the KNII trained specialists, carried out research and contributed to the region's ‘cultural revolution.’ This case study analyses the history of the professional academic research in the northern republic and its importance at the time, the influence of politics on its activities and the way science and its functions were understood in the USSR in the context of the myth of the ‘construction of socialism.’ In addition, this study seeks to look at the history of Stalinism from a micro-historical perspective and thus enrich the more general debates on this issue. This research uses archival documents from the National Archive of the Republic of Karelia and the Scholarly Archive of the Karelian Research Centre (*KarNTs RAN*).

The creation of the KNII and its first activities (1930–32)

The Karelian Research Institute was created in 1930 and began to operate the following year. Karelia was one of the first autonomous republics of the USSR to have such a complex, although it cannot be said that it was an exceptional case. The KNII was part of a first wave of research institutes in the autonomous republics

³ Feliks F. Perchenok “‘Delo Akademii nauk’ i ‘velikii perelom’ v sovetskoi nauke” in Viktor A. Kumanev (ed.) *Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR* (Moscow: Nauka, 1995), 232–233.

which were also joined by the institutes of Kazakhstan (which until 1936 was an autonomous republic), Bashkiria or Chuvashia, among others. These institutes were created more than ten years before those of other autonomous republics, such as Tatarstan or Dagestan, which were the result of a second wave.

The first wave of creation of these centres responded to the successive pronouncements of the Bolshevik power seeking to extend academic research throughout the country. One example is the Sovnarkom (Council of People's Commissars) and VTsIK (All-Russian Central Executive Committee) decree *On the construction of museums in the RSFSR* of August 20, 1928.⁴ Despite the fact that in its title it mentions the 'construction of museums,' the decree referred to the need to promote museums as institutions that should contribute to the 'tasks of the construction of socialism' in the geography of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. Among these tasks, special emphasis was placed on the ideological and cultural work of these institutions, but also on the scholarly aspect, stressing research work.⁵ These guidelines were decisive in the creation of the KNII two years later.

From the moment of the 'Great Break' the republican leadership of Karelia considered that the development of science was a *sine qua non* condition to fulfill the concrete tasks that the First Five-Year Plan entrusted to the republic. Already in 1929, the Narkompros (People's Commissariat for Education) of Karelia decided to promote and revise the function of the FZU schools (*shkoly fabrichno-zavodskogo uchenichestva*, i. e. the 'schools of factory and plant apprenticeship'), dedicated to the professional formation of specialists facing the requirements of an increasingly advanced industry.⁶ However, the creation of the KNII was the most ambitious project in this field. Its creation agreed upon in 1930 by the Narkompros and the Sovnarkom of Karelia. The latter ratified it by the decree *On the organisation of the Karelian Research (Complex) Institute* on September 24, 1930.

The decree announced the creation of a scientific research institution managed and financed by the Karelian Sovnarkom. Among its objectives were the study of 'the needs of socialist construction,' the training of researchers and the 'popularisation of academic knowledge among the broad masses of workers.' The decree also pointed out that the centre should carry out research of the highest importance for the region. For this purpose, among other things, the new institute could open a library, a laboratory, observation stations, carry out expeditions and excursions or to publish scientific journals.⁷

⁴ Aleksandr F. Titov and Yurii A. Savvateev, *Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk: 1946–2016 gg.* (Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2016), 10.

⁵ *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovlenii Pravitel'stva RSFSR. T. 1: 1917–1928 gg.* (Moscow: Gosyurizdat, 1959), 543–545.

⁶ "Karel'skaia promyshlennost' nuzhdaetsia v spetsialistakh" *Krasnaia Kareliia*, March 9, 1929: 5.

⁷ Nauchnyi arkhiv Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN (NA KNTs RAN), f. 1, op. 3, d. 2, fol. 50–52.

In regards to internal organisation, the institute was divided into six sections: forestry and wood industry section, the ‘natural productive forces’ section, the agriculture section, the socio-economic section, the historical-revolutionary section, and finally the section of ethnography and linguistics. The Bureau of Local Studies (*Kraevedenie*) in Karelia was also included in its organisational chart. Edvard Gylling, the Chairman of the Karelian Sovnarkom, was appointed as director, while historian and ethnographer Stepan Andreevich Makariev became the deputy director, taking on much of the centre’s management work.⁸

Makariev himself, in an extensive article published in *Sovetskaia Kareliia*, described the reason for the creation of the institute and the tasks it was given. As was usual in the Stalinist propaganda of the 1930s, the article began by summarising the incredible results of the First Five-Year Plan: the birth of modern collectivised agriculture replacing the old agriculture, the flourishing of new industry in the formerly inhospitable northern territories and new sources of energy would attest the contrasts made possible by the ‘Great Break.’ The author also praised the cultural revolution that was deployed in the heat of the national policy of the Party and the *korenizatsiia* (i. e. indigenisation or nativisation). According to Makariev, this ‘colossal’ economic and cultural growth demanded a widespread deployment of academic research, urging the republican leadership to the founding of the KNII. Finally, with the creation of the centre, for Makariev, science was at the service of the ‘socialist construction’ in Karelia.⁹

Obviously, the understanding of science as something that should be at the service of the ‘construction of socialism’ was not a local phenomenon but a typical feature of the Stalinist experience. For the Bolsheviks, in a society governed by the dynamics of class antagonism nothing could exist outside this logic and science was no exception. The science served the classes, and the Bolshevik task was none other than to conquer science and put it at the service of the proletariat. The political changes in the USSR at the end of the 1920s progressively changed this view. In the five plenaries of the VKP(b) Central Committee between April 1928 and November 1929, which concluded with the political victory of the Stalinists over various forms of opposition, more than an economic model was at stake. The replacement of the NEP by the planned economy was accompanied by a new way of understanding the rhythms in which the USSR had to move towards a classless society.

⁸ Svetlana N. Filimonchik, *Razvitie nauki v Sovetskoii Karelii v 1920–1930-e gg.* (Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2014), 36; Svetlana N. Filimonchik, “Rol' nauchno-issledovatel'skikh institutov Karelii v razvitiĭ gumanitarnykh nauk v 1930-e gody” *Trudy Kareliiskogo nauchnogo tsentra RAN* 4 (2010): 104, <http://illportal.krc.karelia.ru/publ.php?id=5673&plang=r> (accessed December 12, 2020).

⁹ Stepan A. Makariev, “Nauka — na sluzhbu sotsialisticheskomu stroitel'stvu” *Sovetskaia Kareliia*, 8–10 (1931): 23–24

At this point, the ‘socialist construction,’ a term used since the late 1910s, takes on a deeper and more immediate meaning. As evidenced by Stalin’s speech on the twelfth anniversary of the October Revolution, a ‘socialist offensive’ against ‘capitalist elements’ had begun in the USSR. The country was advancing ‘at full steam’ towards socialism, leaving behind the ‘old Russian backwardness.’¹⁰ It is evident that what Stalin announced was his own programme of modernisation, but beyond that the ‘socialist construction’ contained more elements. It was the political myth of Stalinism, codified in the form of a story years later in the famous Short Course, which legitimized Stalin’s ‘revolution from above’ since it would be reciprocated by society. During the ‘construction of socialism,’ which the Soviet leaders defined as a historical period, science would have the function of satisfying the needs of the moment. What we observe in the case of Karelia is the local adaptation of that same idea. With the construction of the KNII, the leadership of the Party and the republic in Karelia tried to solve the challenges of such a socio-economic transformation with the peculiarities of the region.

If we study the first activities of the institute, we will observe the central points of this process in the republic. Its economy was mainly based on the forestry and wood industry, driven by the production objectives of the First Five-Year Plan.¹¹ Therefore, the work of the forestry and wood industry section was strategic for the institute’s leaders. Before the establishment of the institute, there was already scientific work in this field, more specifically in the *KareLLes* trust, so its group of researchers was incorporated into the institute and became the forestry and wood industry section of the centre.

Its early research can be classified into three areas. First, the section began to recognise Karelian forest resources in order to locate exploitable forests. Secondly, it studied the ideal forms for their exploitation and the subsequent logistics for the transport of the exploited material. Finally, but just as important as the previous ones, the section focused on studying the forms of work in the exploitation of these resources¹². As with other industries during Stalinism, the exploitation of resources was as important as the way in which this exploitation was done. The ‘construction of socialism’ involved, to use Marxist terms, substituting capitalist relations of production for socialist ones. In this way, the forestry and wood industry section sought to discover this new ‘socialist’ form of producing wood.

Even though it was an independent institute, collaboration with specialists from Moscow and Leningrad was common in the work of this section, generally because of the lack of specialists in the region. These scientists, along with those of the institute

¹⁰ Iosif V. Stalin, *Sochineniia*, vol. 12 (Moscow: Gosudarstvennoie izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1954), 118, 135.

¹¹ Nick Baron, *Soviet Karelia. Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920–1939* (London: Routledge, 2007), 99.

¹² Makariev, “Nauka — na sluzhbu sotsialisticheskomu stroitel'stvu,” 24–25.

itself, demonstrated interests that did not fit the immediate needs of the regime. A clear example is the creation of the Kivach nature reserve as part of the forestry section in 1931. This was a 4,000-hectare reserve that was the subject of debate among specialists. Some were in favor of combining the protection of its species with a rational use of its resources, while others supported eliminating all economic activity within the reserve. Finally, in 1934 it won the position favorable to protecting the space by combining it with research on its species.¹³

The first research activities of the section of ‘natural productive forces’ were focused on other natural resources of Karelia. As in the case of the forestry and wood industry section, the economy was given priority in those early works. On the one hand, the section studied the potential sources of energy in the republic, such as hydroelectric power or wind energy. Work was also done to recognise the mineral resources and the flora and fauna of the region. To start these works, the section was equipped with considerable means, for example, a meteorological station, a laboratory of construction materials, another botanical laboratory or a dendrological nursery that would start working in 1932.

In addition, between 1931 and 1932, the section collaborated with research groups independent of the KNII, for example, with the Karelian Fishery Research Station, created by the Ichthyological Institute of Scientific Research of Leningrad, in reconnaissance studies for fishing in Lake Onega. It also carried out studies on fishing in the White Sea with the Karelian branch of the State Oceanographic Institute (GOIN), where the studies on the construction of collective fish farms are noteworthy. Finally, the section of natural productive forces also collaborated with the Borodinskaia Biological Station in Konchezero and the Onega expedition of the State Hydrological Institute (GGI) in diverse studies of recognition of the territory and the hydric resources of Karelia.¹⁴

Returning to the concept of the ‘socialist construction’ and the Stalinist principle that put science at the mercy of this project, the agricultural section of the KNII played a significant role in this ‘socialist offensive’ in the Karelian countryside. Between 1930 and 1931, collectivisation and dekulakisation (the repressive campaign against the *kulaks*, i. e. prosperous peasants) radically transformed all aspects of reality in the countryside. NEP agriculture, still governed in part by the rules of a highly regulated market, was annihilated and in its place a new ‘socialist’ agriculture based on state and collective farms was built. The aim of the agricultural section of KNII was to face the new challenges related to these new ways of economic organisation.

In the work plan for the years 1931 and 1932, the section was divided into five sectors. The first sector was meant to contribute to the organisation of ‘socialist’ livestock farming on a large scale. To this end, it carried out various studies and research

¹³ Filimonchik, *Razvitiie nauki v Sovetskoj Karelii*, 38.

¹⁴ Makariev, “Nauka — na sluzhbu sotsialisticheskomu stroitel’stvu,” 25–28.

on the viability, growth prospects and rationalisation of this new form of livestock farming. The second sector focused on the study of forage. On the one hand, it began to work on a programme of fodder production for the Second Five-Year Plan, within the hay plan. It also looked for the best types of fodder for livestock and tried to implement mechanised processes to introduce this fodder in collective farms. The third sector of the agriculture section was dedicated to the study of feeding and breeding of livestock. As did the second sector, it also carried out studies on forage, however, its main priority was breeding. For example, it researched livestock breeding to improve species and developed artificial insemination programmes. The fourth sector dealt with livestock hygiene. Finally, the section's plan specified a sector working on 'kolkhoz construction and horticulture.' The mission of this sector was perhaps the least concrete. On the one hand, according to the plan, it was to organise the greenhouses on the territory of Karelia. However, on the other hand, it was also specified that the section should participate in the 'class struggle in the construction of kolkhozes.' Finally, as in the case of the forestry and wood industry section, this sector of the agriculture section also participated in the research of new forms of work organisation.¹⁵

The socio-economic section of the KNII was also tasked with contributing to the specific aspects of economic construction, however, the section had to deal with more varied issues. It should also be noted that, partly because of the difficulty in creating a section that responded to all sorts of issues related to the economy, the section was the last to start working. At the time of the institute's creation, it was proposed to divide it into seven sectors: the industry and transport sector, the agricultural economy sector, the planning sector, the economic accounting sector, the rationalisation sector, the 'construction of soviets' sector and finally, the sector for labor and its regulation. With the establishment of the agricultural section, the sector of agricultural economy ceased to be considered part of the socio-economic section and the former took over its functions.

The names of the sectors well illustrate the first tasks of this section. Primarily, all efforts were focused on improving the functioning of Karelia's economy in the Second Five-Year Plan. However, the section for 'constructing the soviets' stands out, about which we unfortunately do not have much information. In the words of deputy director Makariev, this sector was to 'contribute to the movement of the soviets and kolkhozes,' deepen Karelisation and study 'differentiated labor management through the soviets.'¹⁶ Presumably, this was a fundamental part of the Stalinist idea of 'constructing socialism,' since it studied the core of a new way of organising society, as well as its starting point.

¹⁵ NA KNT's RAN, f. 1, op. 3, d. 4, fol. 86–89.

¹⁶ Makariev, "Nauka — na sluzhbu sotsialisticheskomu stroitel'stvu," 28–29.

Finally, the first activities of the sections for the social sciences also organised their activities based on the idea of ‘constructing socialism.’ However, the collaboration of these disciplines in that idea was different. In the case of history, the historical-revolutionary section aimed at the study of the Bolshevik Revolution and the Civil War. In 1931, for example, the Central Committee of the Party accepted Maxim Gorky’s proposal to write a *History of the Civil War*. The research institutes of the republics collaborated on this project and began to work on the publication of other monographs on the same subject. This was the case of the historical-revolutionary section of the KNII that in 1932 published *The History of the Civil War in Karelia*. For these early section works, the KNII hired Finnish communists Eero Haapalainen and Lauri Letonmäki, both veterans of the losing side in the Finnish Civil War.¹⁷

The last section, that of ethnography and linguistics, aimed at studying the cultures and folklore of the peoples of Karelia within the frames of four main disciplines: ethnography, linguistics, archaeology and anthropology. It was one of the sections that carried out more expeditions during the first two years of activity of the centre. In ethnographic matters, several expeditions were carried out to the regions of the republic in order to compile the stories and traditional songs of their peoples. In linguistics, a key point for the institute’s leadership, which described language as the ‘sharpest weapon of the class struggle,’ the expeditions were carried out to compile the linguistic wealth of Karelia. During these years, the archaeologists of the centre focused their efforts in classifying the results of the excavations of previous years, so that the excavations were paralysed. Finally, the anthropological sector had the purpose of collaborating with the other sections of the KNII to analyse the social changes in the republic.¹⁸

In conclusion, between 1930 and 1932 we observe the creation and the start of the first academic research institute in Karelia. Its different branches had the task of expanding academic knowledge in the autonomous republic, however, for all of them science was not an end, but rather a means. The end was the ‘construction of socialism,’ for what each section had a particular aspect to contribute. Evidently, the specialists of the centre sometimes had an agenda different from the priorities of the republican and central leaders. During these years, despite the ‘Academic Trial’ of the years 1929 and 1930, the specialists of the centre had the possibility of having initiative at work. However, progressively this freedom was reduced considerably.

¹⁷ Filimonchik, *Razvitie nauki v Sovetskoj Karelii*, 42–43; Filimonchik, “Rol’ nauchno-issledovatel’skikh institutov Karelii,” 106.

¹⁸ Makariev, “Nauka — na sluzhbu sotsialisticheskomu stroitel’stvu,” 30; Filimonchik, *Razvitie nauki v Sovetskoj Karelii*, 47–48.

The role of the KNII at the beginning of the Second Five-Year Plan

On April 13, 1932 the First Session of the Karelian Research Institute was opened in the city of Petrozavodsk. The event, in the format of a conference, brought together the scholars of the centre to discuss the new priorities of the institute in view of the Second Five-Year Plan which was being drawn up at that time. In all, 43 reports summarising the results of the first research results and the prospects for the next five years of the new economic plan were presented. The session had a considerable impact in Karelia. The main newspaper in the republic, *Krasnaia Kareliia*, reported on its discussions and published some of its most notable reports. It also echoed, for example, the words of Gustav Rovio, the first secretary of the Karelian Regional Party Committee, who praised the economic growth of his region and wished that the institute would be able to 'raise scientific thinking to the appropriate height' in the coming years.¹⁹

Reflecting on the significance of this meeting, Deputy Director Makariiev explained that the event was a response to the 'crucial moment' in the 'socialist construction.' As the basis for this construction, science in the new economic plan needed to respond to new practical problems and these, in turn, needed to be reflected in the institute's future research plans. The task of the First Session of the KNII was, therefore, to agree on new lines of research for this new stage of the 'socialist construction.' Makariiev also stressed the political importance of the meeting. In his view, the correct application of the 'national policy' had enabled Karelia to develop 'its full potential' by triggering stimulating economic growth. This growth required a boost to the scientific work of the KNII, which had to improve its organisation and planning.²⁰

In this way, the objective of the First Session of the KNII was to adapt the academic work in the republic to the demands of the Second Five-Year Plan. This plan emphasised the role of heavy industry, which received most of the planned investments, even in Karelia, where investments in heavy industry exceeded those in the forestry and timber industry. The plan was also characterized by the acceleration of the pace of industrialisation and its unattainable production quotas, which had to be revised downwards on more than one occasion.²¹

During the first two years of the Second Five-Year Plan, there was considerable growth in the KNII. It acquired infrastructure and at the same time increased its capacity to carry out academic research. In 1933, the previously independent experimental biological stations of Petrozavodsk and Loukhi were incorporated into the centre. In addition, the Karelian Fishery Research Station, with which the institute worked jointly

¹⁹ "Otkrylas' pervaya sessiya Nauchno-issledovatel'skogo instituta" *Krasnaia Kareliia*, April 15, 1932: 1; *Krasnaia Kareliia*, April 16, 1932: 3–4.

²⁰ Stepan A. Makariiev, "1-ia sessiya Karel'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta" *Sovetskaia Kareliia*, 3–4 (1932): 20.

²¹ Baron, *Soviet Karelia*, 157–159.

during the first two years of activity, also became part of KNII as a ‘self-dependent subdivision.’²²

The research plans of the sections also show the qualitative growth of the KNII. As agreed in the First Session, in order to put science at the service of the ‘socialist construction,’ to use Gylling’s words,²³ between 1933 and 1934 researches reached a higher degree of specialisation compared to the first two years of the institute. The research topics of the agricultural section, for example, show a deeper insight in comparison with the first two years. While the 1932 plan included the need to study different aspects of fodder, the 1933 and 1934 plans specified more specific research, such as the study of mineral nutrition of livestock and experiments on the processing of fodder by microbiological processes. The greater political and economic demands of the new phase of the ‘construction of socialism’ are also reflected in the work of this section, more specifically, in the sector responsible for studying the organisation of labor and the construction of kolkhozes. Bearing in mind that the construction of socialism was not only about construction and economic development, but also involved the radical and complete transformation of reality, this sector had to deal with the functioning of the new form of producing goods. To this end, the plans for these two years provided for the section to participate in improving the new socialist agriculture by identifying the practices of work in brigades, implementing the method of ‘piecework’ and seeking an increase in the production and income of the collective farms. By 1933, their goals were to reach ten percent of all Karelian kolkhozes.²⁴

Compared to its early work on the classification and organisation of forest resources, between 1933 and 1934 the forestry section of the KNII began to explore the full potential of Karelian forest resources. As we have already noted, although Karelia was recognised for its specialisation in forestry, the Second Five-Year Plan had allocated more capital to heavy industry. The forestry section, in addition to delving into the timber industry, also studied the use of wood in other industries. For example, the 1933 thematic work plan included a study of the properties of Karelian wood for use in the chemical industry.²⁵

In the case of the social sciences, the influence of the Second Five-Year Plan on research plans was not so pronounced. During these two years, the section of ethnography and linguistics continued the projects to compile the folklore of the peoples of Karelia by carrying out expeditions through their territory. In addition, it began to compile a Karelian-Finnish-Russian dictionary and produced a compilation of Karelian-Finnish grammar. Taking into account the linguistic implications

²² Filimonchik, *Razvitiie nauki v Sovetskoii Karelii*, 38.

²³ Edvard Gylling, “Sotsialisticheskoe stroitel’stvo i nauchno-issledovatel’skaia rabota v Karelii” *Karelo-Murmanskii krai*, 3–4 (1932): 8.

²⁴ NA KNTs RAN, f. 1, op. 3, d. 49, fol. 42, 47; *ibid.*, f. 1, op. 3, d. 95, fol. 9–10.

²⁵ *Ibid.*, f. 1, op. 3, d. 49, fol. 41.

of Kareliisation in the education of the republic, which meant that most of the teaching was given in Finnish,²⁶ the section also developed a methodological guide for the improvement of the Finnish language in schools.²⁷

The historical-revolutionary section continued the works related to the Civil War in Karelia. In order to compile the biographies of the participants, in 1934 questionnaires were sent to the districts of the republic, receiving 600 answers in total. As it happened with his initiative to write the history of the Civil War, Gorky's proposal to undertake the elaboration of the history of factories in the USSR also had its effect among the researchers of this section. The 1934 plan included a study of the metallurgical factories in Karelia and another one of the sawmills and the ski factory in Petrozavodsk. Finally, this plan also included the project of collecting materials on banditry in Karelia and the study of the revolutionary movement in Finland.²⁸

In short, 1933 and 1934 were years of adaptation. The First Session of the Karelian Research Institute reiterated the function of science in the service of 'constructing socialism,' the same idea with which the KNII was formed. However, during the Second Five-Year Plan, the demand on science was greater. On the one hand, the KNII had the ever-increasing task of transferring scientific knowledge to Karelian economy to boost its growth. On the other hand, it also had to participate in the creation of new forms of economic and social organisation in the republic.

1935: the year of the real break

Despite the recent death of Sergei Kirov in December 1934, 1935 began as a year of triumphalism in Soviet Karelia. The local press praised the economic growth of the republic, its socialist industrialization and the growth of its kolkhozes.²⁹ All this euphoria was projected in the Tenth All-Karelian Congress of Soviets, celebrated in January of that year with evident samples of optimism. Moreover, hopes for socialism as a system that would solve the misfortunes of the old capitalist world were also combined with celebrations for two anniversaries of extraordinary importance in the hegemonic agenda that was imposed since the arrival of the 'Red Finns' to the region.

²⁶ Aleksandra I. Afanas'eva, "Sozdanie sovetskoi natsional'noi avtonomii i nekotorye voprosy iazykovogo stroitel'stva v Karelii (1920–1940 gg.)" *Voprosy istorii Evropeiskogo Severa*, (Petrozavodsk: Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet, 1987): 57; Svetlana N. Filimonchik, "Provedenie shkol'nykh reform v Karelii v 1920–30-e gody" *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniia*, 9 (2013): 172–178, www.vstu.ru/uploadiblok/files/izvestiya/archive/6/2013-09.pdf (accessed December 12, 2020).

²⁷ NA KNT's RAN, f. 1, op. 3, d. 95, fol. 10.

²⁸ Ibid., f. 1, op. 3, d. 95, fol. 10; Filimonchik, *Razvitie nauki v Sovetskoi Karelii*, 46.

²⁹ For example: *Krasnaia Kareliia*, January 5, 1935: 2.

On the one hand, February 1935 marked the 100th anniversary of the publication of the Finnish epic *Kalevala* by Elias Lönnrot. The work is a fundamental piece of Finnish romantic nationalism, which places in Karelia the origin and essence of the immutable idea of the Finnishness. On the other hand, in July the fifteenth anniversary of Karelia's autonomy was celebrated, without a doubt the most important one between the two. The public celebrations of these two anniversaries vertebrated the development of events in the year 1935 that, finally, would trigger the beginning of the lamentably famous tragedy of 1937 and 1938.

Throughout 1935, the KNII was at the same time an actor, a witness and a battlefield in the events and radical changes that the autonomous republic lived through. By then, the institute was already a settled institution, with 109 employees compared to 10 in its first year.³⁰ As for the scholarly aspect, the year began with a plan suited to the particularity of the date. The ethnography and linguistics section had the leading role; most of its programmed activities were related to the centenary of the *Kalevala*. The main area of research was the study of the origin of Lönnrot's work and its different uses at that time. The results of these studies were to be published in the form of articles. In addition, in connection with the February celebrations, the section also planned a collection of materials by Lönnrot and a Finnish ethnographer Matthias Castrén in Finnish and Russian to commemorate the anniversary.³¹

Other sections of the institute did not include specific activities related to anniversaries in their plan. Thus, no section of KNII planned any work related to the fifteenth anniversary of autonomy. The historical-revolutionary section, for example, followed the trend of 1933 and 1934, continuing its study of banditry in Karelia and collecting autobiographies of Civil War participants. In addition, it incorporated into the plan two new topics — the history of Sovkhoz No. 2 and of the commune *Säde* ('Sun Ray' in Finnish), populated by Canadian immigrants who arrived after the world economic crisis of 1929.³²

Beyond the activities included in the annual thematic plan, the KNII participated in various ways in the celebration of the anniversaries. The centenary of the publication of the *Kalevala* was celebrated between February 28 and March 6, 1935, a week full of cultural events where the press invited the citizens of Karelia to learn about the centenary epic. The activities and their contents were organised practically in their entirety by the institute. The week started with an extended meeting of the KNII management devoted to the research on Lönnrot's work and held at the Palace of National Culture in Petrozavodsk. Invited to the meeting were members of the regional

³⁰ Filimonchik, "Rol' nauchno-issledovatel'skikh institutov Karelii," 104.

³¹ NA KNT's RAN, f. 1, op. 3, d. 133, fol. 67–68.

³² Ibid., fol. 68–69.

government, the Party, trade unions, personalities of the Karelian theater and literature, a representative of the Academy of Sciences of the USSR and various representatives of other republics.

In the same place, open to the public, an exhibition divided into five panels was inaugurated. The first panel was dedicated to the creation of the *Kalevala* from the point of view of literature. The second presented the scientific research work of the KNII on this subject. The third panel presented the legacy of the *Kalevala* in the visual arts. The fourth, entitled 'The *Kalevala* in the service of the Finnish bourgeoisie and Finnish fascism,' presented Finland's 'uses' of this work. Finally, the fifth panel was dedicated to the 'old and new Karelia' exalting the Bolshevik national policy: socialist in content, national in form. Furthermore, in order to ensure the success of the exhibition and to spread its message to the whole population, the goal of the celebrations, the Society of Proletarian Tourism organised excursions to Petrozavodsk for the inhabitants of Karelia. These activities were accompanied by the publication of the collection of materials planned by the KNII, which included the contributions of the researchers of the centre, as well as materials gathered and published by Lönnrot.³³

In July, public celebrations were back in Karelia, this time for the fifteenth anniversary of its autonomy. While the centenary of the *Kalevala* took place in a form of a cultural week with propagandistic and commemorative purposes, the anniversary of the foundation of Karelian autonomy was a classic Stalinist mass celebration with regional particularities. In May of the previous year, the organising committee was formed with seven members, among them Stepan Makariev as the secretary of the governmental committee. The task of the body was to plan and organise all aspects of the July 1935 festivities, which would ultimately have to be accepted by the Karelian Central Executive Committee.³⁴

Among the never-ending list of activities organised by this commission, the KNII occupied a significant place providing content to the celebration. The centre's director, Gylling, who was also the chairman of the Karelian Sovnarkom, deputy director Makariev and other centre researchers such as Haapalainen, actively participated in writing and publishing anniversary propaganda materials. Although not included in the annual thematic plan of the historical-revolutionary section, a collection of historical archival documents on the revolutionary movement in Karelia since 1900 was also published. On the other hand, researchers Petrov and Sokolov arranged for the publication of a special anniversary volume on the work of the KNII.³⁵ The Karelian Fishery Research

³³ Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliia (NARK), f. P-3, op. 3, d. 358, fol. 18; *Krasnaia Kareliia*, February 28, 1935: 4.

³⁴ NARK, f. R-689, op. 5, d. 37, fol. 1.

³⁵ Ibid., f. R-689, op. 5, d. 37, fol. 7–8.

Station, despite being included in the KNII discipline, also published its own collection of works to celebrate the date.³⁶

In this way, the KNII participated in the public celebrations organised by the republican leaders. Through these events, the ‘Red Finns’ did not only intend to celebrate them as anniversaries, but also to use them as social practices that would create new realities and subjectivities. The celebration was just another instrument for the construction of a new society with new ideas and values. The ‘successful application of the nationality policy of Lenin and Stalin’ was one of the great slogans repeated in these acts, since it was in fact the main guarantor of the political legitimacy of the republican leadership in the face of the state powers and the main bulwark of the political autonomy that Lenin had granted fifteen years earlier. Holding such acts was, therefore, one of the few ways in which the regional powers could defend their position against Stalin’s political office in the mid-1930s.

The political events that occurred in Karelia from August 1935 onwards, however, call into question the effectiveness of these techniques and procedures. In the midst of a rain of criticism and accusations of bad political leadership by the high instances of power, especially by the leader of the Party in Leningrad, Andrei Zhdanov, at the end of that month Gustav Rovio was removed from his position at the head of the Party in the republic. The same happened to Gylling, who on October 31 would also be deposed from his position as Chairman of Sovnarkom.³⁷ This ‘coup,’ executed with Stalin’s personal permission, was a break in the history of Karelia and the first step towards the mass terror of 1937 and 1938.³⁸

Political restructuring quickly reached other spheres of society and, because of its significance, the KNII was one of the first to suffer from it. Gylling’s dismissal was not limited to his position as Chairman in the Sovnarkom, but he was also relieved of his seat in the KNII government as well as his entire leadership, Makariev included. On October 15, 1935, the institute’s new leadership, with Vladislav Iakovlevich Nikandrov as director and Nikolai Osipovich Sokolov as deputy director, organised a meeting to discuss the past, present and future of the institute. Makariev was a guest. The minutes of the meeting revealed the deeply critical views of the new leadership on the activities of the past, some of which were shared by Makariev at the meeting of the Regional Party Committee in June of that year before his dismissal.³⁹

The Stalinist concept of the ‘construction of socialism’ was at the heart of these criticisms. According to the new direction, the institute’s annual thematic plans did not

³⁶ Ibid., f. R-689, op. 5, d. 37, fol. 31.

³⁷ Irina Takala, “Delo Giullinga — Rovio” in Anatolij Tsygankov (ed.) *Ikb nazывali KR* (Petrozavodsk: Kareliia, 1992), 45–46.

³⁸ Oleg Khlevniuk *et al.*, *Stalin i Kaganovich: Perepiska 1931–1936 gg* (Moscow: ROSSPEN, 2001), 617.

³⁹ Titov and Savvateev, *Karel’skii nauchnyi tseñtr*, 14.

correspond to the 'growing demand' for the 'socialist construction,' since they did not address its 'fundamental tasks.' These tasks were, for example, the mechanisation of agriculture, the development of industry, the study of the history of Karelia and the 'questions of the class struggle' in relation to language policy. The criticism was not limited to the old direction, it was also extensive to the scientists who formed the centre, who were accused of not being prepared, both quantitatively and qualitatively, to fulfill the objectives set. The historical-revolutionary section was especially reprimanded at the meeting. It was stated that their work and their choice of themes were not the right ones and that the section needed a serious correction. They cited as an example their work on banditry in Karelia, which was considered 'politically illiterate.' In other sections, the tone of criticism was softer, although all highlighted the alleged shortcomings.⁴⁰

From this meeting, the history of the institute changed radically. The new direction, with the trust of the new republican rulers, was born out of the denial of the work previously done. It should also be noted that the concrete work of the researchers, as well as their freedom, was also progressively modified. During the year 1935 we find the first cases of censorship within the academic works. The researcher Mashezerskii, for example, who participated in the works on the Civil War in Karelia, was accused of 'political myopia' and his works in the magazine *Sovetskaia Kareliia* were censored.⁴¹

In Karelia, 1935, the year of the real break, embodied the main paradoxes, dynamics and contradictions of Stalinism. The triumphalism and public celebrations of the first half of the year ended with the dismissal of the 'Red Finns' and the arrival of new leaders of whom Moscow and Leningrad were confident. The KNII experienced these events first-hand, first by organising and participating in the celebrations and later by becoming a territory that the new regional elites wanted to control and dominate. The arguments used to put an end to the old leadership of the centre do not correspond to reality. The thematic plans of the old management, to which they refer in the October meeting, also aimed at meeting the needs of the 'socialist construction' with concrete practical activities. This shows the ambiguous and subjective nature of the concept 'socialist construction,' which was far from being a defined programme.

New leadership, reorganisation and dissolution of the KNII (1936–37)

It is not easy to determine, at least in terms of academic activities, how the new leadership of the centre understood scientific research in relation to the 'construction of socialism.' This is mainly due to the paucity of documentation about the period and the few months of the leadership's tenure before the institute's reorganisation and practical decomposition in January 1937. In fact, 1936 was the year of preparation for that reorganisation, the main priority of the new republican leadership in academic

⁴⁰ NA KNT's RAN, f. 1, op. 3, d. 126, fol. 27–33.

⁴¹ Filimonchik, "Rol' nauchno-issledovatel'skikh institutov Karelii," 107.

matters. Moreover, the growing repressive climate in the republic from 1935 onwards may lead us to magnify the role played by scientific research during this period.

While during 1935 and 1936 the repression throughout the USSR was mainly political, directed at members of the upper spheres of power, in Karelia the terror was extensive to the population, preempting the years 1937 and 1938. From 1935, for example, we observe the operation against the Resettlement Administration, the body in charge of coordinating the arrival of Finnish political immigrants from the United States and Canada, which put Karelia's ethnic minorities in the regime's sights.⁴²

In the field of academia, this period was characterised by the growing importance of history within the Stalinist imaginary. In order to promote 'Soviet patriotism,' from the mid-1930s the regime made it a priority to pay attention to the teaching of this discipline in schools throughout the country. In 1934, the Union Sovnarkom issued a decree *On the teaching of civil history (grazhdanskaia istoriia) in the schools of the USSR*. The order explained the importance of teaching history in a 'more entertaining' and less abstract way. The decree *On history textbooks* of January 1936 is another example of these efforts. The Sovnarkom organised a commission to review, improve, and if necessary, rework the country's textbooks in a battle to control the 'historical front.'⁴³

The new leadership of the KNII was aware of the growing importance that history had acquired within the 'cultural construction' and to a great extent, for that reason, the historical-revolutionary section was the most reprimanded at the October 1935 meeting. Under the new mandate, the thematic plans reflect the desire to write a general history of Karelia from the period of feudalism to the Civil War for the first time since the founding of the centre. The project foresaw the publication of an essay divided into five major chapters by 1938. The first chapter was dedicated to the emergence of feudalism in Karelia. The second covered the eighteenth and nineteenth centuries, the time of Karelia as 'a colony of feudal serfs' of Russia. The third chapter, also chronological, focused on the second half of the nineteenth century. The fourth chapter was thematic and studied the nationality and colonial policy of the tsarism, as well as the 'aspirations of the Finnish bourgeoisie' during the 20th century. Finally, the last chapter was dedicated to the First World War, the October Revolution and the Civil War in Karelia. Compared to the thematic plans of the old management, the new plans also included the study of the history of the factories in Karelia. The 1937 plan, for example, mentioned an investigation of the Onega factory, founded in the 18th century and

⁴² Alexey Golubev and Irina Takala, *The Search for a Socialist El Dorado. Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s* (East Lansing: Michigan State University Press, 2014), 126.

⁴³ *Krasnaia Kareliia*, January 28, 1936: 1; *Sobranie zakonov i rasporyazhenii raboche-krest'yanskogo pravitel'stva Soiuzna Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik za 1934 g.* (Moscow: Upravlenie delami Soveta ministrov SSSR, 1948), 368.

restructured with the arrival of the Bolsheviks to power, and another one about the history of 'one of the wood factories' of Karelia.⁴⁴

In general, the activities of the ethnography and linguistics section did not undergo major changes with the new direction. The section continued with a broad thematic plan where the various aspects of the folklore, traditions and languages of the peoples of Karelia were covered. The research group dedicated to the languages was the one that registered more changes. While the Finnish language was the protagonist between 1931 and 1935, with the new direction and the well-known controversy between the Finnish and Karelian languages, the second one was consolidated as the national language of Karelia. Between 1936 and 1938, most of the research in this field was focused on the Karelian language, while Finnish was relegated to the background. In other research groups the differences are practically imperceptible between the old and the new direction. The folklore group continued to collect epics and traditional stories, while the ethnography and linguistics group followed the thread of their previous research.⁴⁵

In short, in the thematic plans of 1936 and 1937 that we have been able to study, two points stand out above others: the project of elaborating a general history of Karelia and the impulse to the Karelian language to the detriment of Finnish. The introduction of these two topics in the research plans responds to political reasons of great priority of the new direction of the centre. The 'coup' of Moscow and Leningrad in 1935 was caused by the great campaign against 'bourgeois nationalism.' The 'Red Finns' were accused of promoting that nationalism by putting the security of the USSR at risk.⁴⁶ It is not by chance, therefore, that one of the chapters of the essay prepared by the KNII with the new leadership dedicated a chapter to this issue. Another of the great accusations was that of exaggerating the 'Finnish' character of Karelia, more specifically, over-representing the Finns in the administration or with the excessive use of Finnish in the public sphere. Therefore, the departure of the old republican leadership implied in turn the progressive decline of the Finnish language as the national language. The incorporation of these two topics in the research plans gives a glimpse of the political significance that the new rulers attributed to the KNII.

After a year of elaboration, the reorganisation of the institute came with a decree of the Sovnarkom of Karelia on January 11, 1937. The decree included a fierce criticism of the history of the centre based on arguments substantially different from those of the October 1935 meeting. The decree pointed out that, despite the intentions of the old leaders to resolve the main issues of the economy and culture, the centre was unable to resolve "a single one" of those issues because of its own structure, which led

⁴⁴ NA KNT's RAN, f. 1, op. 3, d. 222, fol. 2.

⁴⁵ Ibid., f. 1, op. 3, d. 222, fol. 2–4.

⁴⁶ Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI), f. 495, op. 16, d. 72, fol. 4–7.

to the dispersion of its forces. Thus, the Sovnarkom stated that the institute should stop being organised as a complex, since its variety of specializations prevented the centre from being able to devote itself to the problems of Karelian culture. In fact, this assertion implied that the new republican leadership did not count on the KNII except for the study and culture of Karelia, and discarded the previous idea that the KNII could play a central role in the material aspect of the ‘socialist construction.’

The core of the decree was the announcement of the reorganisation of the KNII and its conversion into the Karelian Research Institute of Culture (*Karel'skii nauchno-issledovatel'skii institut kul'tury*), whose activity would be limited to linguistics, history, archaeology, folklore and ethnography. The sections that did not belong to the humanities were handed over to other institutions and departments of the republican government. The agricultural section and its experimental stations, for example, became part of the Karelian Narkomzem (People's Commissariat for Agriculture). Other facilities such as the scientific library and the publishing sector were reorganised and eventually eliminated.⁴⁷

The reorganisation meant the dissolution of the KNII as it was thought by the leadership of the ‘Red Finns’ in the early 1930s. The years 1936 and 1937 show that the new leadership of the centre and the republic was born from the denial of the work of the old leaders, although it cannot be said that they were against the idea of academic research in the service of the ‘socialist construction.’ With the restructuring, a large part of science served in government departments without the intermediation of an institute. Meanwhile, the KNII dedicated itself solely to the cultural sphere, an idea diametrically opposed to the original.

Conclusions

During its six years of existence, between 1931 and 1936, the KNII was the epicentre of science in the Autonomous Soviet Socialist Republic of Karelia. The ‘Red Finns,’ at the head of the republic since the early 1920s, considered that, to face the demands of academic knowledge of the First Five-Year Plan, it was necessary to create an institute that put science ‘at the service of the socialist construction.’ Despite its short life, the history of the centre testifies that this conception of science and research was central to all its activities.

By its own structure, the KNII tried to respond to all the scientific needs of the Stalinist modernisation project in the northern periphery. For this reason, the first activities of the institute were not only focused on the recognition of Karelia's surroundings, but also on the keys to Stalinist modernisation. The distinctive feature of this modernisation was the will to transform all the aspects of the material and ideal

⁴⁷ NA KNTs RAN, f. 1, op. 3, d. 221, fol. 9–10.

reality. According to Leninist thinking, the core of this transformation was a new form of production. The sections of agriculture or forestry, for example, were devoted to studying how to implement these new forms of organising economic activity. On the other hand, the humanities within the KNII were dedicated to the ideal facet of modernisation within the framework of ‘cultural construction.’ The clearest examples are the celebrations of 1935, where the republican government, with the collaboration of the KNII, tried to build new subjectivities, values and ideas through public ceremonies.

The optimism about the capabilities of science in socialist transformation gradually evaporated after 1935. The change in the centre’s direction was accompanied by a profound criticism of the institute's activity since its foundation. According to the new leadership, the institute had not been able to meet the needs of the ‘socialist construction’ in Karelia. However, its early work does not seem to corroborate this statement. The origins of the criticism respond to two main factors. On the one hand, behind the critique lies the denial of the work of a direction vetoed because of its supposed relationship to Finnish nationalism. On the other hand, behind these accusations is the very nature of the ‘socialist construction,’ which far from being a historical period as Stalinism believed, was a political myth of an extraordinarily complex nature.

The myth was based on the belief that the USSR, thanks to the leadership of the Party and accompanied by its proletariat, was heading towards a classless society and the infallible ‘Marxist-Leninist science’ dictated the steps in that transition. The disappointments in that transition process, the poor economic results harvested by Karelia during the Second Five Year Plan,⁴⁸ for example, could not be explained under the Leninist viewpoint in any other way than by the incorrect application of that ‘science.’ In conclusion, the overestimation of the capabilities of science in the process of ‘constructing socialism,’ together with the regime's inability to question its dogmas, condemned the KNII to disappear.

List of secondary sources

Baron, N. *Soviet Karelia: Politics, Planning and Terror in Stalin’s Russia, 1920–1939* / N. Baron. — London : Routledge, 2007. — 352 p.

Golubev, A. *The Search for a Socialist El Dorado : Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s* / A. Golubev, I. Takala. — East Lansing : Michigan State University Press, 2014. — XVIII, 236 p.

Афанасьева, А. И. Создание советской национальной автономии и некоторые вопросы языкового строительства в Советской Карелии (1920–1944 гг.) / А. И. Афанасьева // Вопросы истории Европейского Севера : (история

⁴⁸ Baron, *Soviet Karelia*, 170.

Великого Октября на Северо-Западе России): межвуз. сб. — Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1987. — С. 49–66.

Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сборник документов / отв. ред. К. В. Островитянов. — Ленинград: Наука, 1968. — 419 с.

Перчёнок, Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке / Ф. Ф. Перчёнок // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР / отв. ред. В. А. Куманев. — Москва: Наука, 1995. — С. 201–235.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 / сост.: О. В. Хлевнюк [и др.]. — Москва: РОССПЭН, 2001. — 797 с.

Такала, И. «Дело Гюллинга — Ровио» / И. Такала // Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов / сост. А. М. Цыганков. — Петрозаводск: Карелия, 1992. — С. 34–73.

Титов, А. Ф. Карельский научный центр Российской академии наук: 1946–2016 гг. / А. Ф. Титов, Ю. А. Савватеев. — Петрозаводск: КНЦ РАН, 2016. — 246 с.

Филимончик, С. Н. Роль научно-исследовательских институтов Карелии в развитии гуманитарных наук в 1930-е годы / С. Н. Филимончик // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Сер. «Гуманитарные исследования», вып. 1. — 2010. — № 4. — С. 103–114. — URL: <http://illhportal.krc.karelia.ru/publ.php?id=5673&plang=r> (12.12.2010).

Филимончик, С. Н. Проведение школьных реформ в Карелии в 1920–30-е годы / С. Н. Филимончик // Известия Волгоградского государственного технического университета. Сер. «Проблемы социально-гуманитарного знания». — 2013. — № 9. — С. 172–178. — URL: www.vstu.ru/uploadiblok/files/izvestiya/archive/6/2013-09.pdf (12.12.2020).

Филимончик, С. Н. Развитие науки в Советской Карелии в 1920–1930-е гг. / С. Н. Филимончик. — Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2014. — 75 с.

РУПАСОВ Александр Иванович / RUPASOV Alexander

Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук / St. Petersburg
Institute of History, Russian Academy of Sciences
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
rupasov_ai@mail.ru

**«...МЫ ОТ ВАС ПОЧТИ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЕМ».
«УСПЕХИ» СОВЕТСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ В ЭСТОНИИ В 1939–1940 гг.**

‘...WE GET ALMOST NOTHING FROM YOU.’ ‘SUCCESSSES’ OF THE SOVIET
INTELLIGENCE STATION IN ESTONIA IN 1939–40

Abstract: The article analyses documents of the so-called Tallinn residency (i. e. field station) of the foreign intelligence service of the People’s Commissariat for Internal Affairs of the USSR. These documents have been stored in a collection of the Estonian State Archives in Tallinn. These are mostly correspondence between V. Bochkariov, the chief of residency (the resident) in Tallinn, and P. M. Fitin, the chief of the 5th department of the Head Directorate of State Security of People’s Commissariat for Internal Affairs. Official reports by the resident and the letters by the head of the 5th department allow to get a clear idea of the network that the secret service had created by the autumn 1939 — summer 1940, decipher most of the operational pseudonyms of agents, and estimate the quality of the information obtained as well as possibilities of influencing internal policy in Estonia after the Soviet troops had arrived to its territory.

Ключевые слова / Keywords: Эстония, СССР, разведка, агентурная сеть, информация, 1939–1940 гг. / Estonia, USSR, intelligence, intelligence network, information, 1939–40

За минувшую четверть столетия исследователям стал доступен обширный комплекс документов, позволивший довольно детально проанализировать события и социально-политические процессы на востоке Балтики в начальный период Второй мировой войны. Значительное количество документов было опубликовано, в том числе переписка советских дипломатических миссий в Таллине, Риге и Каунасе, лишённая, правда, явно желательных комментариев¹. В восстановивших в начале 1990-х гг. свою независимость государствах Балтии ограниченность доступа к архивным фондам в Российской Федерации вынуждала исследователей довольствоваться материалами национальных архивов Эстонии, Латвии и Литвы. Половодье публикаций с трудом раздвигало изначально заданные хронологические рамки — 1939–1941 гг. Только в 2004 г. в Эстонии была опубликована пространная монография Магнуса Ильмъярва «Тихое подчинение»² (в том же году в значительно сокращённом варианте опубликованная на английском, что весьма эффективно

¹ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990.

² *Ilmjärvi M.* Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus. 1920. aastate keskraigast anneksioonini. Tallinn, 2004.

отразилось на акцентировке ряда утверждений Илмъярва, а несколькими годами позже также в сокращённом варианте в переводе с английского на русский), охватывавшая весь межвоенный период, но вызывающая сомнения в профессионализме автора. За изданием этой работы последовало появление двух томов эстонских историков «Между миром и войной»³, в которых широко использовались советские материалы, в ряде случаев полностью переведённые на эстонский язык.

На фоне этих изданий выгодно отличается фундаментальное исследование двух других эстонских исследователей — Рейго Розенталя и Марко Тамминга, опубликованное в 2013 г. и посвящённое деятельности в Эстонии структур Коминтерна, советской разведки и эстонской коммунистической партии в межвоенный период, получившее звучащее название «Война до войны»⁴. Ими была проделана кропотливая работа, вызывающая искренне уважение к авторам. Вместе с тем проведение ими исследования было бы весьма затруднено, если бы в Государственном архиве Эстонии (*Eesti Riigiarhiivi Filiaal, Tallinn*) не сохранилась довольно обширная документация в Коллекции дел внешней разведки Комитета государственной безопасности Эстонской Советской Социалистической Республики (*ENSV Riikliku Julgeoleku Komitee välisluure toimikute kollektioon — ERAF 138SM*). Именно эти документы позволили им выявить создававшуюся в 1920–1940 гг. в Эстонии агентурную сеть, расшифровать практически все оперативные псевдонимы («клички»). Однако, они фактически отказались от оценки влияния т. н. мягкой силы на внутриполитические процессы в стране и оценки качества получаемой советской стороной информации, особенно в наиболее интригующий период советско-эстонских отношений — осень 1939 — лето 1940 г. В упомянутой коллекции сохранилось одно дело, в котором отложилась переписка руководства 5 отдела (иностранная разведка) Главного управления государственной безопасности НКВД с сотрудниками резидентуры в Эстонии именно в данный хронологический период («Дело переписки с Таллинской резидентурой»).

Начальником 5 Управления ГУГБ НКВД являлся с конца весны 1939 г. майор государственной безопасности Павел Михайлович Фитин, фигурировавший в переписке под именем «Виктор». Его адресатами были советник полпредства в Таллине Владимир Бочкарёв («Лад»), Валентин Рябов (второй секретарь полпредства, «Рене») и Арсений Исаков (пресс-атташе, «Рур»). Все они прибыли в столицу Эстонии 7 сентября 1939 г., а в конце октября их группа пополнилась шифровальщиком Сергеем Буяновым («Том»), на которого на первых порах

³ Sõja ja rahu vahel. Eesti julgeolekupoliitika 1940. aastani. Tallinn, 2004; Sõja ja rahu vahel. Esimene punane aasta. Okupeeritud Eesti julgeolekupoliitiline olukord sõja alguseni. Tallinn, 2010.

⁴ Rosenthal R., Tamming M. Sõda enne sõda. Nõukogude eriteenistuste tegevusest Eestis kuni 1940. aastani. Tallinn, 2013.

возлагалась «работа по прикрытию» (его, как указывало руководство, «после ознакомления с обстановкой, надо включить в работу резидентуры, поручив ему один из участков нашей работы»). Помимо переписки П. М. Фитина со своими подчиненными в дело были подшиты два документа — рукописный рапорт Бориса Рыбкина (Борис Ярцев, «Кин», бывший второй секретарь полпредства СССР в Финляндии, командированный в Эстонию во время Советско-финляндской войны в феврале 1940 г.) и машинопись этого же рапорта, выполненная в Москве. Помимо этого, в деле сохранились несколько документов центрального аппарата НКВД и Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области. Следует учитывать следующее обстоятельство: сама система переписки сотрудников резидентуры с руководством обусловила тот факт, что в архивное дело в большинстве подшиты не оригиналы документов. Порядок оформления почты руководством предписывался следующий: первый пакет — Ладо, второй — Ладо лично, третий — опечатывается печатями НКВД; оформление почты в Москву: первый пакет — лично Виктору, второй — в Палату мер и весов, третий — в адрес Наркоминдела. Письма должны были присылаться в двух экземплярах, по каждому вопросу отдельными пунктами, приложения к пунктам «конвертировались отдельно», со ссылкой на письмо и пункт. Кроме того, с января 1940 г. часть переписки, а позже и вся переписка осуществлялась на основе фотоматериалов. 9 ноября Бочкарёв сообщил в Москву: «В хозяйстве резидентуры имеются фото принадлежности для организации фотосвязи с Вами. Считаем, что нам необходимо будет наиболее важную часть письма передавать пленкой»⁵. Однако впервые «на плёнке» почта была отправлена в Москву только 9 января 1940 г., в связи с чем Бочкарёв просил руководство «дать подробную оценку» (ему было рекомендовано делать снимки при освещении двух ламп)⁶.

Направленные в Таллин сотрудники, судя по документам, не обладали сколько-нибудь достаточным опытом работы в разведке. Владимир Бочкарёв был выпускником социально-экономического факультета Киевского государственного университета и по окончании аспирантуры в 1936–1938 гг. работал в должности доцента на филологическом факультете университета. После обучения в Центральной школе ГУГБ НКВД в 1938–1939 гг. получил назначение

⁵ Eesti Riigiarhiivi Filiaal, Tallinn (далее — ERAF). 138SM/1/57/. L. 33. На письме сохранилась помета Фитина: «Фотографировать все письма, а не часть. Дать указания». В связи с этим заместитель начальника 9 отделения 5 отдела ГУГБ НКВД Чернотобов направил Фитину служебную записку: «В виду того, что в Таллинской резидентуре фотоаппарат “лейка” пришла в негодность, прошу Вашего разрешения тов. Максимова в выдаче из имеющихся в 5 отделе для указанной резидентуры другого аппарата и 100 метров пленки для фотографирования документов». (Ibid. L. 41). В деле сохранилась расписка «Рура» о том, что им получены «лейка», 300 метров плёнки и две линзы. (Ibid. L. 41).

⁶ Рапорт В. Бочкарёва П. М. Фитину. 9.1.1940: Ibid. L. 99.

в 5 управление ГУГБ. 25-летний Валентин Рябов поступил на службу в НКВД в 1938 г. Арсений Исаков, судя по переписке, оказался совсем не готовым к выполнению возлагавшихся на него задач⁷.

Срочность командирования в Эстонию Бочкарёва, Рябова и Исакова явно была обусловлена резким изменением внешнеполитической ситуации после нападения Германии на Польшу и рядом советских инициатив в отношении с прибалтийскими государствами и Финляндией, за которой последовал ввод частей РККА в Эстонию, Латвию и Литву. Причём спешка была такая, что командируемых не успели в Москве ознакомить с необходимыми материалами, которые частично были пересланы им только 8 октября 1939 г.⁸ В этот же день руководство сформулировало основные задачи резидентуры: с каждой почтой присылать «обзоры о политическом и экономическом положении страны (настроение населения, экономическое состояние, настроение правительственных, промышленных, торговых кругов и интеллигенции)». Документы свидетельствуют, что повышенная секретность, стремление строго соблюдать инструкции «по прикрытию» повлекли неожиданный для руководства результат: от сотрудников резидентуры до начала ноября фактически не поступала требуемая информация. «Ладо» писал в Москву 9 ноября 1939 г.: «Докладываю, что отсутствие своевременной информации и взаимной связи явилось в результате строгого выполнения Вашей инструкции о том, что мне не следует ставить в известность полпреда о характере своей работы. В результате этого полпред только некоторое время спустя после своего возвращения из Москвы (в конце октября) сообщил мне, что у него имеется пакет предназначенный, вероятно, не ему (вторых конвертов он не вскрывал). 1-го ноября он передал второй пакет. Обратиться ко мне раньше он, по-видимому, не решался, поскольку наше поведение здесь исключало какой-либо намек на выполнение каких-либо иных функций в работе кроме официальных... В начале мы были очень обеспокоены отсутствием связи, но в дальнейшем решили, что возможно это вызвано необходимостью стопроцентной страховки в нашей работе в период заключения пакта с Эстонией⁹. При этом Бочкарёв в качестве своего рода

⁷ Бочкарёв сообщал в Москву: «Рур официально никакой работы не ведет и его служебное положение несколько неясное, хотя, к моему удивлению, полпред [Никитин] после нашего приезда сюда официально представил его в МИДе как “своего заместителя по торговой части” ... С начала приезда он изучает эстонские официальные экономические данные и в последнее время данные, которыми располагает торгпредство... Изучение экономических материалов проходит у него не особенно успешно, частично возможно в результате отсутствия достаточного опыта по определению оперативной значимости материалов» (Ibid. L.12).

⁸ Письмо от «Виктора» «Ладо» № 1 от 8.10.1939: Ibid. L. 3. При этом руководство выражало недовольство одним обстоятельством отъезда: «Нас удивляет одно обстоятельство, как это получилось, что Ваши жены остались без средств. Каждый из Вас перед отъездом получил большую сумму денег, а семьям Вы ничего не оставили. В связи с этим мы вынуждены жене Исакова выдать 1000 рублей. Сообщите, как это получилось?»

⁹ Ibid. L. 10.

достижения указывал: «... усиленное н[аружное]н[аблюдение] около полпредства и посещение консульства полицейской подставой свидетельствовало о желании эстонцев определить функции нашей работы. На сегодняшний день в результате принятых нами детально продуманных мер по “безобидности” и “обычности” поведения этот первоначальный интерес заметно понизился, что является одной из предпосылок для дальнейшего разворота вербовочной и агентурной работы»¹⁰.

Что касается требуемой руководством оценки ситуации в Эстонии, то Бочкарёв довольствовался изложением широко известной информации: «Предварительная краткая ситуация сейчас следующая: Накануне заключения пакта в кругах крупных промышленных и торговых кругов намечалась тенденция вывоза отсюда своих капиталов (первым пример подал местный миллионер Пукк) и перевода их в английские банки. После появления нашего самолета над Таллином в этих кругах началась буквальная паника, а правительственные круги пытались распространить слухи о предстоящей “красной резне”. Среди правительства царило явно замешательство, в частности в МИДе бывший заместитель Сельтера Эпик мне сказал, когда я был вызван туда¹¹ по поводу заявления протеста после полета нашего самолета, что “мы все всегда сделаем, мы готовы на всякие уступки”»¹². По вопросу о работе с агентурой, в Москву сообщалось 9 ноября: «По присланной ориентировке проверяем и устанавливаем агентуру. Ввиду отсутствия установщика эта работа несколько затруднена... Наши задачи и подходы направлены сейчас на приобретение крупной и полноценной агентуры, что требует серьезной и продуманной работы»¹³. Иными словами, успехов на этом пути не было. Сохранившиеся рапорты резидентуры позволяют утверждать, что аналитический уровень передаваемой в Москву информации оставлял желать лучшего и в дальнейшем.

И к концу ноября 1939 г. руководство в Москве оставалось неудовлетворенным итогами работы резидентуры. 25 ноября Фитин писал Бочкарёву: «Прошедший период времени дал вам возможность ознакомиться с обстановкой в стране и познакомиться рядом влиятельных общественных политических деятелей и с членами правительства. В дальнейшем Вам необходимо всемерно развивать в этих кругах знакомства. Изучать людей, после чего решительно приступить к вербовочной работе для насаждения агентуры в правительственных

¹⁰ Ibid. L. 11.

¹¹ Бочкарёв замещал находившегося в Москве полпреда Никитина.

¹² Ibid. L. 14. Если утверждения Бочкарёва соответствовали действительности («За время пребывания здесь военной делегации во главе с [командующим Ленинградским военным округом] Мерецковым мне также приходилось выдерживать совершенно тактичную линию, сглаживая в некоторых случаях слишком боевые тенденции отдельных военных товарищей»: Ibid. L. 15), то некоторыми качествами дипломата он обладал.

¹³ Ibid. L. 21.

и общественных кругах. Кроме этого, Вам необходимо продумать вопрос о вербовке крупных фигур из общественного, политического, коммерческого и дипломатического окружения, с последующей переброской их для нашей работы во Францию и Англию»¹⁴. С вербовкой «крупных фигур» у сотрудников резидентуры дело не заладилось.

По прошествии ещё одного месяца В. Бочкарёв в очередной раз получил выволочку от руководства. «Несмотря на то, что мы уже Вам писали о необходимости высылки нам обзоров о политическом и экономическом положении страны, — писал Фитин, — о настроениях правительственных, общественных и торгово-промышленных кругов, мы от Вас почти ничего не получаем. Необходимо также более подробно осветить правительственные и общественные настроения по вопросу о происходящих событиях в Финляндии. Налаживание агентурной работы идет слабо... Предлагаем Вам в ближайшее время представить нам Ваш оперативный план по вербовке новой агентуры из правительственных кругов и крупных общественно-политических деятелей с указанием конкретных практических мероприятий. Это необходимо сделать и по объектам иностранных разведок... Сообщите более подробные данные об антисоветских книгах, имеющих в продаже, кто их автор в каком количестве и как они распродаются, в каких районах»¹⁵. Судя по письмам из Москвы, ситуация в таллинской резидентуре стала вызывать у руководства исключительное раздражение. 13 января Фитин в очередной раз разразился упреками в письме Бочкарёву: «Прошло уже четыре месяца как Вы находитесь в стране Вашего пребывания. Если подытожить результаты Вашей работы, то о них можно сказать очень мало... Ваша работа рассчитана на самотек, нет целеустремленности в работе. Получаемые от Вас информации по стране носят поверхностный характер, и использовать их мы ни в какой мере не можем. Нам совершенно не известен круг Ваших знакомых... не говоря уже о Ваших реальных и практических планах по разработке и вербовке интересующих нас объектов»¹⁶.

3 марта 1940 г. раздражение руководства низкими результатами работы резидентуры выплеснулось в крайне жёсткие формулировки очередного письма из Москвы: «Несмотря на полученное указание от нашего руководителя об активизации работы, Вы до сего времени не сообщили нам, что же практически сделано Вами в выполнении данных Вам указаний. За последнее время мы не получаем от Вас никакой информации. Нас интересует, как Вы работаете с агентурой, что она Вам дает, какие возможности имеет агент и его перспективы

¹⁴ Ibid. L. 34.

¹⁵ Письмо П. М. Фитина В. Бочкарёву («Лад»). 29.12.1939: Ibid. L. 96–97.

¹⁶ Письмо П. М. Фитина В. Бочкарёву («Лад»). 13.1.1940: Ibid. L. 110.

в работе по нашей линии... С момента Вашего отъезда прошло уже шесть месяцев. Если подытожить Вашу работу за этот период времени — можно сказать только, что все работники резидентуры по нашей линии ничего дельного не сделали. Это объясняется тем, что вы все свое внимание сосредоточили на выполнении работы по линии вашего прикрытия и считаете это основной работой. А вопрос развертывания непосредственно нашей работы отодвинули на задний план, дальше так продолжаться не может... В противном случае Вы будете отозваны домой, как не обеспечившие выполнение указаний руководства. Ваша бездеятельность... не дает нам возможности вскрыть все пружины антисоветской работы в стране Вашего пребывания, что лишает нас принять своевременно те или другие меры»¹⁷.

Содержание отложившихся в деле рапортов резидентуры не позволяет не согласиться с мнением руководства 5 отдела ГУГБ. В. Бочкарёв предпочитал обращать внимание руководства на несколько другие темы («... хотя Вы нас и не запрашиваете»), в частности, подробно излагать свои суждения о сотрудниках полпредства и торгпредства. «Рабочая обстановка в полпредстве к моменту нашего прихода явно плохая и нездоровая, — писал он в ноябре 1939 г. — “Вековая” склока, антипартийная по своей сути вражда между торгпредом и полпредом отражалась на всех участках работы. Отсутствовал необходимый здоровый контакт в работе, сотрудники ориентировались на совершенно мелочные ненужные, склочные и вредные по своей сути делишки и вопросишки узко “принципиальные” с бытовой стороны (вопросы “машины”, “дачи”, “мебели” и пр.). Это отнимало много времени и приводило к общей расхлябанности и недисциплинированности. Нас как новых сотрудников вместо деловой ориентировки полпред сначала явно пытался натравить на торгпреда Краснова, парторга Цуканова и на их, как он выразился, “приспешников”»¹⁸. В Москве на это сообщение не отреагировали. Минуло семь месяцев, и в апреле 1940 г. Бочкарёв направил руководству более пространное шестистраничное послание по данному вопросу за подписью всех сотрудников резидентуры. «Наблюдая за выполнением дипломатической работы полпреда, у нас сложилось убеждение в том, что несмотря на чрезвычайно возросший объем вопросов, связанных с реализацией пакта... разрешение всех этих вопросов поставлено на самотек, — писал глава резидентуры. — <...> Внутренняя оперативная работа полпредства предоставлена тому же самотеку, в связи с этим задерживается выполнение текущей работы отдельными сотрудниками... Его отношение и оценку перед вышестоящими организациями работников полпредства мы не можем квалифицировать иначе как грубо клеветническую...

¹⁷ Ibid. L. 169–170.

¹⁸ Рапорт В. Бочкарёва П. М. Фитину. 9.11.1939: Ibid. L. 16.

мы советуем посмотреть дневники полпреда и Вы убедитесь, что его клеветнические измышления распространяются на всех сотрудников полпредства»¹⁹.

Сохранившаяся переписка отражает приоритетные задачи, которые ставились перед таллинской резидентурой руководством 5 отдела ГУГБ. На некоторые из этих задач в научной литературе внимание не обращается. Определённо неожиданностью для советской стороны после ввода войск в Эстонию стало наличие на временных сельскохозяйственных работах более 3500 белорусов из Виленской губернии, т. е. польских граждан. Резидентуре и полпредству, «согласно указаниям центра», пришлось заниматься их эвакуацией на родину, что потребовало принятия ряда мер «по охране от проникновения в их среду нежелательных элементов». К этим мерам относилось визирование паспортов после проверки их и «разговора с каждым белорусом», который проводил лично Валентин Рябов («Рене»). Кроме того, сообщал Бочкарёв, «перед посадкой в вагон мы группируем их по уездам, в каждом вагоне назначается староста, который знает своих людей и наличие чужого человека не пройдет незамеченным. В Валгах у нас оставлен небольшой актив из наиболее политически грамотных людей, которые помимо организационной помощи, проводят элементарную агентурную работу по освещению состава людей»²⁰.

Исключительное внимание руководство требовало от резидентуры проявить в отношении деятельности Национально-трудового союза нового поколения, группы и ячейки которого в Эстонии проявляли большую активность, поддерживали связь с центром НТСНП в Белграде (в одном из писем приводились имена 18 человек, подавляющее большинство которых не по своей воле ушло из жизни в 1940–1941 г. Хотя запрос из центра по этому вопросу был сделан в начале ноября, ответа из резидентуры не последовало. Вторично к этой теме в Москве вернулись в конце февраля 1940 г.: «По нашим данным НТСНП начинает активизировать свою работу, произведена чистка организации от подозрительных элементов, большие надежды возлагаются на возможность работы среди советских войск в Прибалтике. Предполагается использовать контакт населения с красноармейцами, для чего агенты НТСНП под видом местных жителей будут подставляться к красноармейцам и вести среди них работу, причем считают, что работать будет легко, так как сов. Властям будет трудно оградить красноармейцев от общения с населением»²¹. В Москве желали иметь информацию о довольно широком круге лиц, особенно редакторах и корреспондентах газет и журналов. Так, 19 марта 1940 г. от резидентуры потребовали: «Вам необходимо собрать полные

¹⁹ Рапорт В. Бочкарёва, П. М. Фитину. 13.4.1940: Ibid. L. 268–271.

²⁰ Ibid. L. 18.

²¹ Письмо П. М. Фитина В. Бочкарёву. 22.2.1940: Ibid. L. 144.

характеристики на все важнейшие газеты и журналы, издающиеся в Эстонии, включив в характеристики такие данные, как направление газеты, тираж, история издания, значение, кто редактирует и т. д. Наряду с этим необходимо также составить характеристики на редакторов и видных корреспондентов этих газет»²². Помимо этого, руководство ГУГБ НКВД запрашивало и информацию о деятельности евразийцев в Эстонии, которые осуществляли переброску контрреволюционной литературы в СССР. В связи с этим резидентура должна была собрать информацию о некоем Пейне, проживавшем около Нарвы, и Леониде Михайловиче Столбашинском, у которого «в Латгалии были фермы на границе» и который «был связан с местными контрабандистами и переходил с ними границу несколько раз»²³.

Явно неожиданным для таллинской резидентуры был запрос в отношении поэта Игоря Александровича Северянина, но поскольку в то время тот жил в Риге, резидентура не смогла удовлетворить этого интереса руководства.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о крайней озабоченности в Москве воздействием хода Советско-финляндской войны на настроение различных слоев эстонского общества, поскольку в этот период довольно резко, по наблюдениям резидентуры, усилилась работа правительственных и ряда общественных структур по обработке населения в националистическом духе, чему способствовало распространившееся мнение, «что рано или поздно Советский Союз выступит против независимости Эстонии». Бочкарёв сообщал в Москву, например, что «Союз эстонских студенческих обществ широко распространяет сейчас листовки с лозунгами “Будущее Эстонии создано на национализме”. <...> По линии министерства просвещения и пропаганды — стремление ограничить распространение русского языка, советской культуры... Выдвинут лозунг о том, что “от немецкого влияния мы освободились, теперь не нужно допускать русского”. <...> Большая работа проводится министерством пропаганды по обработке населения Печерского края, состоящего преимущественно из русских. Туда посланы специальные агитационные бригады, поскольку там постоянно существует вражда между русским и эстонским населением. <...> Массовым порядком распространяются клеветнические, невероятно фантастические слухи о бойцах и командирах РККА. Большинство лояльно настроенного к нам населения постепенно выселяется из районов баз»²⁴.

Информация, поступающая из резидентуры, первоначально вызывала явное беспокойство. Ещё в январе Бочкарёв в «Практическом плане по работе против

²² Письмо П. М. Фитина В. Бочкарёву. 19.3.1940: Ibid. L. 195.

²³ Ibid. L. 223.

²⁴ Рапорт В. Бочкарёва П. М. Фитину. 12.3.1940: Ibid. L. 178–180.

белофиннов» предлагал «провести немедленную вербовку 30–40 человек из числа эстонцев, финнов и русских, желающих помочь Красной армии. Вербовку провести из предварительно изученного нами консульского приема, бывших в республиканской Испании эстонцев и последующих наводок от завербованных»²⁵. Однако заключение мира с Финляндией породило в Эстонии ту реакцию, которая в Москве не могла не восприниматься с явным облегчением. В конце марта эту реакцию Бочкарёв характеризовал так: «Правительственные круги встретили извещение о мире с большой растерянностью. Лайдонер и Юримаа в узком кругу выражали свое неудовольство и разочарование по поводу капитуляции финнов, считая, что в связи с этим надежды на скорейшее освобождение Эстонии от заключенного с СССР пакта потерпели поражение... Такую же точку зрения выражает открыто руководящий военный состав и “кайцелиты”²⁶ ... Средний состав государственных чиновников, рассматривающий пакт как постоянно утвердившееся явление расценивают заключенный мир положительно»²⁷.

Переписка отражает отчасти те приемы, к которым прибегали для получения информации, при вербовке агентуры. Судя по всему, к прямому подкупу в резидентуре прибегали исключительно редко, прежде всего в силу ограниченных ресурсов. Сотрудник 5 отдела ГУГБ Чернонебов в конце 1939 г. в служебной записке просил одобрить для таллинской резидентуры 1000 руб. на оперативные расходы (икра, водка, папиросы)²⁸. Запрос был удовлетворён, в конце декабря резидентуре были посланы для оперативных нужд четыре банки зернистой икры, 10 литров водки и 35 пачек папирос²⁹. Уже 9 января 1940 г. Бочкарёв информировал руководство о пересылке протоколов заседания 5-й сессии Государственной думы Эстонии по вопросу принятия дополнительного бюджета, которые в прессе не публикуются и которые удалось достать «через генерального секретаря парламента Мадиссо, в результате некоторых водочных подарков»³⁰.

В основном документы о работе таллинской резидентуры касаются большого числа мелких вопросов, как-то: восстановление связей со старой агентурой, выяснение биографических данных по запросам центра (как правило, на основе консульских материалов). Попытки дать характеристику т. н. политической физиономии того или иного деятеля сводились к простейшим констатациям: хитрец, пройдоха, транжира, любит выпить или нет, много курит или нет, тогда как собственно политические взгляды оказывались для адресата рапорта

²⁵ Ibid. L. 100.

²⁶ Kaitsepolitsei (охранная полиция) была учреждена 12 апреля 1920 г.

²⁷ Рапорт В. Бочкарёва П. М. Фитину. 23.3.1940: Ibid. L. 203.

²⁸ Рапорт Чернонебова Фитину. б. д.: Ibid. L. 95.

²⁹ Письмо П. М. Фитина В. Бочкарёву. 29.12.1939: Ibid. L. 98.

³⁰ Ibid. L. 99.

неизвестными. Получаемая в Москве информация из полпредства и торгпредства на этом фоне смотрится значительно более информативной.

Список литературы

Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. Москва : Международные отношения, 1990. — 540 с.

Ilmjärv, M. Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus. 1920. aastate keskpaigast anneksioonini / M. Ilmjärv. — Tallinn : Argo, 2004. — 987 s.

Sõja ja rahu vahel. Eesti julgeolekupoliitika 1940. aastani. Tallinn : MTÜ S-Keskus; 2004. — 565 s.

Sõja ja rahu vahel. Esimene punane aasta. Okupeeritud Eesti julgeolekupoliitiline olukord sõja alguseni. — Tallinn : MTÜ S-Keskus; 2010. — 798 s.

Rosenthal, R., Tamming, M. Sõda enne sõda. Nõukogude eriteenistuste tegevusest Eestis kuni 1940. aastani / R. Rosenthal, M. Tamming. — Tallinn : Kirjastus SE&JS, 2013. — 783 s.

ARMINEN Elina / АРМИНЕН Элина

University of Eastern Finland / Университет Восточной Финляндии

Finland, Joensuu / Финляндия, Йоэнсуу

elina.arminen@uef.fi

ENCOUNTERING THE WILDERNESS AND URBAN LANDSCAPE IN TRAVEL BROCHURES FROM THE EARLY 20TH AND 21ST CENTURIES

ЗНАКОМСТВО С ДИКОЙ ПРИРОДОЙ И ГОРОДСКИМ ЛАНДШАФТОМ В ТУРИСТИЧЕСКИХ БРОШЮРАХ НАЧАЛА XX И XXI ВЕКОВ

Аннотация: В статье прослежена репрезентация и визуализация Карелии в финских туристических брошюрах первой половины XX в., а также на современном веб-сайте *VisitKarelia* (<https://www.visitkarelia.fi/fi>). Визуальный и текстуальный анализ позволил выявить темы, из которых состоит традиция образной репрезентации Карелии, а также установить, какие из этих тем сохранились до сегодняшнего дня, а какие исчезли и почему. В брошюрах 1920–1930-х гг. природные ландшафты Северной Карелии описываются как состоящие из высоких лесистых холмов, скал и озёр. Однако наряду с фотографиями деревень и дикой природы столь же важны были фото, представляющие модернизацию и развитие городов региона. В межвоенный период интерес к туризму в приграничных областях рос не спонтанно, а благодаря экономическим, политическим и идеологическим усилиям. К примеру, Северная Карелия позиционировалась как пограничный регион, что увязывало туризм с задачами обороны. На сайте *VisitKarelia* традиционные элементы оказались наполнены новым содержанием, порождаемым актуальным контекстом сегодняшнего дня. Проведенный анализ прежде всего демонстрирует, что «карельскость», создаваемая туристическими брошюрами, изменчива и текуча.

Keywords / Ключевые слова: Karelia, the 1920s and 1930s, early 21st century, Finnish travel brochures, photos / Карелия, 1920-е и 1930-е гг., начало XXI в., финские туристические брошюры, фото

This article examines the changes and continuities in the imagery of North Karelia in Finnish travel brochures from the early 20th and 21st centuries. The focus of my interest is particularly on the role of the photographs in the brochures. I will analyse how Karelia is represented and visualized in the brochures from the 1920s and 1930s. My particular interest is on what kind of themes are included in the visual tradition of imagining Karelia, which of the themes have remained up to the present day and which themes have disappeared, and why. My hypothesis is that the image of Karelia as constructed by travel brochures includes ideological, economic, and cultural meanings. I will argue that Karelianness of the travel brochures is connected with the changes in human-nature relationships and centre-periphery relationships.

The imagery of Karelia in Finnish travel brochures is an interesting and contradictory case because Karelia is a cross-border region. Administratively, Karelia belongs to both

Russia and Finland. For cultural and historical reasons, it is possible to identify Karelia as one region, and Karelian regional identity is strong on both sides of the border. This article provides knowledge on the geopolitical use of travel advertising and its general role in the process of creating regional identities in the cross-border regions.

The research material includes seven travel brochures published in the 1920s and 1930s, and the website VisitKarelia <https://www.visitkarelia.fi/fi>, which is the official tourist website of North Karelia. All of these sources use photographs for illustration purposes. However, the focus of this article is on the old brochure material, and the VisitKarelia site is used for comparison. The most important brochures for my analysis are *Karjala* ('Karelia', the 11th issue of the series *Matkailijayhdistyksen matkakäsikirja* — 'The Travel Handbook of the Travel Association,' 1925)¹ and *Pohjois-Karjalan matkailuopas* ('North Karelian Travel Guide,' 1935)² because of their regional coverage and specificity. The photographs used as illustrations in the travel brochures are a special research subject. They are a select group of pictures that are supposed to positively crystallise some characteristic aspects of the region. In the old brochures, the role of the photographs is to illustrate the text. However, as visual objects, the photographs often include different and more detailed information, rather than just brief and factual text.

My interest is in the region that was identified in the old travel brochures as North Karelia and Border Karelia. After the Continuous War between Finland and the Soviet Union, some parts of this region, for example, Värtsilä and some villages in the municipalities of Ilomantsi and Tohmajärvi, were annexed by the Soviet Union. These days, the regions that remained part of Finland belong to the North Karelia province. The concepts of North Karelia and Border Karelia have always wavered because the borders between Sweden (including Finland) and Russia, the Autonomous Grand Duchy of Finland and Russia and Finland and the Soviet Union/Russia have changed several times. Also, the regional borders inside Finland have changed. In the interwar years the regions of North Karelia and Border Karelia partially belonged to the Vyborg and Kuopio provinces.

However, travel brochures, guides and posters create a sense of belonging and differences between the regions by restricting some areas, listing the tourist attractions, and proposing routes. The old brochures from North Karelia and Border Karelia, as well as the brochures from Ladoga Karelia, have also created the imagery of Finnish Karelia and the regions it includes. I understand the borders in Karelia, according to David Newman,³ as a socio-cultural process and an institution. The socio-cultural definition of the border highlights that borders direct our action and experience, and the kind of meanings we

¹ *Karjala*. (*Länsi-Karjala lukuunottamatta Viipurin ja Haminan välistä seutua*). Matkailijayhdistyksen matkakäsikirja XI (Helsinki: Suomen matkailijayhdistys, 1925).

² *Pohjois-Karjalan matkailuopas* (Joensuu: Suomen matkailuyhdistyksen paikallisosasto, 1935), <https://www.doria.fi/handle/10024/80847> (accessed December 3, 2020).

³ David Newman, "The Lines That Continue to Separate Us," in Johan Schimanski & Stephen Wolfe (eds) *Border Poetics De-limited* (Hannover : Wehrhahn, 2007), 27–57.

associate with certain places. According to Chiara Brambilla,⁴ the border as a socio-cultural construction is a communicative place: we are negotiating in order to belong to something and separate ourselves from something else.

The Beginning of Commercial Tourism in Finnish Karelia

Tourism for commercial purposes developed rapidly between the First and Second World War in Finland. Some Karelian nature resorts, such as Koli and the Imatra Rapids, have attracted visitors since the early 19th century, but during the 1920s, some remote regions also caught the tourists' attention. The state funded the growing tourism industry. One of the most important operators in Finnish tourism at the time was the Travel Association of Finland, which built youth hostels and hotels in the nature resorts around Finland and published travel brochures and route guides.

As historians Harri Siiskonen⁵ and Petri Raivo⁶ have pointed out, it is symptomatic that the focus of tourism in the 1920s and 1930s was on the east, in the areas of Pechenga and Eastern Karelia, former Russian areas, which were annexed to Finland in the Tartu Peace Treaty of 1920. The Finnish Association of Border Areas (*Suomen Rajaseutuyhdistys*) particularly promoted tourism on the eastern border. The priority of the society was to support the livelihood and well-being of the inhabitants of all Finnish borderlands. The society also maintained youth hostels and published travel guides.

The enthusiasm for tourism in the borderlands and the wilderness did not happen spontaneously, but through economic, political and ideological contributions. The Finnish middle class was more prosperous and it had more leisure time than ever before. The travel connections — railways, roads and shipping — around the country had developed. Hiking, fishing, bathing and exploring new regions were not confined to the upper class but were also available to the middle class. The idea of a healthy outdoor life, which was a popular lifestyle in Germany and Britain, also came to Finland. Outdoor life was supposed to increase both physical and moral strength.⁷

In addition, the idea behind developing tourism in the new borderlands was to strengthen the new borders. Tourism was supposed to increase knowledge of the regions of Eastern Karelia and Pechenga and also increase the motivation of Finnish people to provide military defence in these areas. The idea was also to encourage

⁴ Chiara Brambilla, "Exploring the Critical Potential of the Borderscapes Concept" *Geopolitics* 20: 1 (2015): 14–34.

⁵ Harri Siiskonen, "Matkaoppaiden Karjala maailmansotien välillä," in Antero Heikkinen, Tapio Hämynen & Hannes Sihvo (eds) *Kahden Karjalan välillä, kahden Riikin riitamaalla* (Joensuu: University of Joensuu, 1994), 123–134.

⁶ Petri J. Raivo, "Karjalan kasvot. Näkökulmia Karjalan maisemaan," in Pekka Nevalainen & Hannes Sihvo (eds) *Karjala. Historia, kansa, kulttuuri* (Helsinki: SKS, 1998), 23.

⁷ "Rajaseudun" *matkailunumero* (Helsinki: Suomen rajaseutuyhdistys, 1930), 81, see also Jukka Ikonen, "Nuorisoi isänmaata kiertämässä. Matkailu ja retkeily kasvatuksen palveluksessa 1920- ja 1930-luvuilla Suomessa," MA thesis (University of Jyväskylä, 1998), <https://jyx.jyu.fi/handle/123456789/12121> (accessed December 16, 2020); John Alexander Williams, *Turning to Nature in Germany. Hiking, Nudism, and Conservation 1900–1940* (Stanford: Stanford University Press, 2007).

the inhabitants of these regions to identify with Finland⁸ Tourism was also an effective way of increasing international knowledge of the new-born nation. Hence, the growing tourism in Finnish Karelia was based on the political and national aims of Finland in the eastern border. The eastern border is presented as an attractive and unique tourist resort in the brochure *Jäämerelle Karjalan kaunta!* ("To the Arctic via Carelia"). It advises tourists to explore all attractions from Lake Ladoga to Pechenga on the same trip.

However, commercialisation of tourism in Finnish Karelia between the First and Second World War was a continuation of travels by Finnish Karelianists a few decades previously. The travels by mathematician and politician August Ramsay, folklorist Samuli Paulaharju and photographer I. K. Inha, for example, were expeditions that aimed to map the region and collect ethnographic material. Their photographs, folklore collections and travel books based on the national romantic imagery of Karelia as the home of Finnish folklore and national epic.⁹ Ramsay's *Finland Travel Guide*, which introduced travel routes and attractions in Finland, was a particularly important model for subsequent route guides and travel brochures published by the Travel Association of Finland and the Finnish Association of Border Areas.¹⁰ Many of these travel routes were based on the old trade routes. Thus, the location of the old waterways and trails influenced the subsequent imagery of Karelia and its attractions.

The North Karelian Wilderness

The North Karelian travel brochures from the 1920s and 1930s introduce both nature resorts and urban resorts. The photographs that concretise the North Karelian nature landscapes typically comprise high forest hills, rocks, and lake views. These landscapes are typical of Eastern Finland. In addition, the photographs of the North and Border Karelian landscape show wooded riversides and fast-flowing rapids. Marshes, which are typical landscapes of North Karelia, is not depicted in the travel brochures.

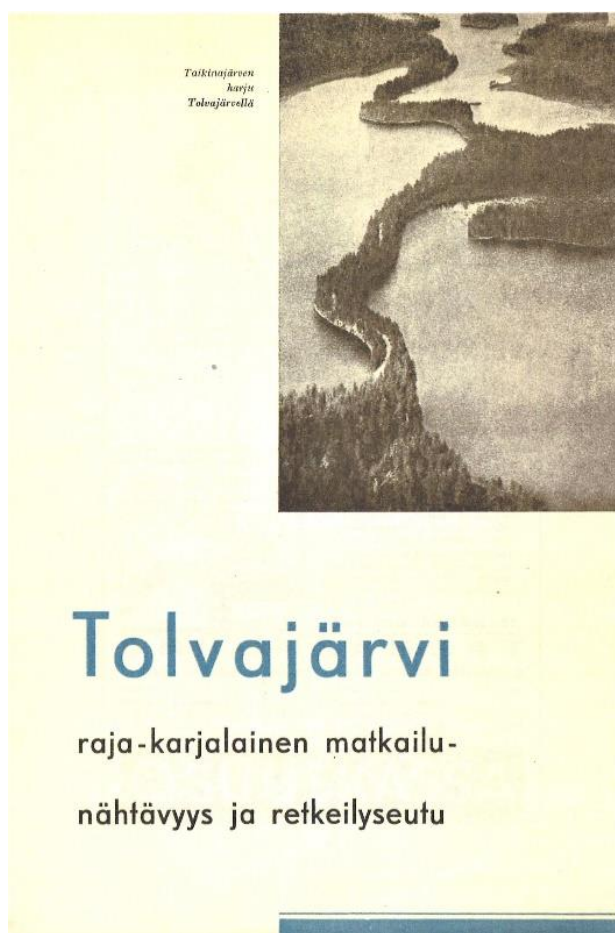
The photographs in the travel brochures depict typical sceneries such as villages, lakesides, fields and special sights. Koli Hill in Lieksa and Tolvajärvi Sandy Ridge in Korpiselkä are good examples of special attractions. Koli has been the most famous Finnish national landscape since Eero Järnefelt painted its rugged rocks and stunning view from the top of the mountain down to Lake Pielinen. In the interwar years, Koli was also a popular national park. The most important attractions in remote Tolvajärvi were the unspoilt wilderness and a beautiful sandy ridge between two lakes. However, in the interwar years, the Finnish Association of Border Areas planned that Tolvajärvi will be as popular tourist resort as Koli and invested a lot of resources for. Koli and Tolvajärvi were the most photographed locations in travel brochures of North Karelia and Border Karelia, indicating the importance and high expectations of Finnish tourism.

⁸ "Rajaseudun" *matkailunumero*, 30–35, see also Raivo, "Karjalan kasvot," 23, Siiskonen, "Matkaoppaiden Karjala maailmansotien välillä," 124, 127.

⁹ Maunu Häyrynen, *Kuivattu maa. Suomen kansallisen maisemakuoston rakentuminen* (Helsinki: SKS, 2005), 172.

¹⁰ Siiskonen, "Matkaoppaiden Karjala maailmansotien välillä," 123.

The photographs not only provide information but also construct the identity of the location and direct the visitor's gaze. The photographs make articulations between the locations and previous images of them. For example, several photographs of Koli have followed the model of Eero Järnefelt's paintings of Koli: The top of the hill is depicted in the foreground of the picture and in the background are lakes and rolling hills.¹¹ The photographs of Tolvajärvi in the brochures replicate the traditional pictures of Punkaharju in Eastern Savonia, one of the first tourist attractions in Finland¹² introduces Tolvajärvi as being 'as good as Punkaharju.' Thus, the images and the visual representations of Punkaharju define how the tourist views this nature resort. The photographs of Tolvajärvi¹³ emphasise the contrast between water, rocks and islands, just like typical pictures of Ladoga or Saimaa. They differ from the typical landscape ideals of North Karelia as a region of forest hills and rapids.

Picture 1. *Tolvajärvi. Rajakarjalainen matkailunähtävyys ja retkeilyseutu* (Helsinki: Suomen rajaseutuyhdistys, 1912–1944), cover.

The National Library of Finland. Digital Collections: <https://www.doria.fi/handle/10024/80879>

¹¹ *Karjala*, 160; *Jäämerelle Karjalan kautta!* (Joensuu: Joensuun kaupungin retkeilylautakunta, [1931]), 1, 12, <https://www.doria.fi/handle/10024/80835> (accessed December 3, 2020).

¹² *Karjala*, 143.

¹³ *Tolvajärvi. Raja-karjalainen matkailunähtävyys ja retkeilyseutu* (Helsinki: Suomen rajaseutuyhdistys, [1912–1944]), <https://www.doria.fi/handle/10024/80879> (accessed December 3, 2020).

The traveller is given the impression that they may reach Karelian villages and the most important nature resorts quite easily by car or ship, or sometimes using trails. However, the remoteness and the undisturbed silence are the main attractions. According to the travel guides, the remoteness and wild nature are typical of the surroundings of the Koitajoki River. The Pamilo Rapids in Eno are mentioned as one of the most stunning resorts in North Karelia, where the visitor can experience ‘the undisturbed peace’ of nature:

Koitajoki taas vuorostaan tunkeutuu suurenmoisen erämaaseudun läpi muodostaen juoksunsa varrella lukuisasti komeita koskia. Näistä Enon pitäjässä sijaitseva Pamilo pitäisi aina suurella tähdellä merkitä Suomen matkailukirjaan. Se on epäilemättä Karjalan valtavin putous. Sen lähiympäristöt ja rantamat ovat jylhän koskemattomia.¹⁴

(Koitajoki River flows through a wonderful wilderness and is often transformed into wonderful rapids. The Pamilo Rapids in Eno parish should always be marked in Finnish travel guides by a big star. It is the greatest waterfall in Karelia and its riversides are rugged and untouched.)

The picture of the Pamilo Rapids allows the viewer to symbolically immerse themselves in the deep forest. The picture depicts only water, rocks and trees, thereby creating the illusion of an endless forest.

Modern technology influences the way in which the travel guide reader views the Karelian landscape, as well the natural obstacles. An aerial photograph is a popular type of picture in travel guides. Its ‘different’ perspective is often underlined in the caption, for example ‘Koli, photographed from the air.’¹⁵ In contrast, lake views are often photographed from a boat. The viewer sees cliffs from the bottom to the top, which emphasises their steepness and ruggedness.

Karelian modernisation

Equally important to photographs of villages and wildernesses are photographs of the modernisation and development of North Karelia and its urban regions. This is obvious, because travel brochures are not only supposed to identify the region and describe its attractions, they are also supposed to describe transport connections, accommodation and shopping opportunities. In his study of the national imagery of Finland, Maunu Häyrynen (2005) states that Karelia, particularly North Karelia, Border Karelia and Ladoga Karelia, has been described as peripheral. However, the *North Karelian Travel Guide* (1935) and *To the Arctic Via Karelia* (1931) have specifically stated that North Karelia, and its towns of Joensuu, Nurmes, Lieksa and Outokumpu, are trying to rid

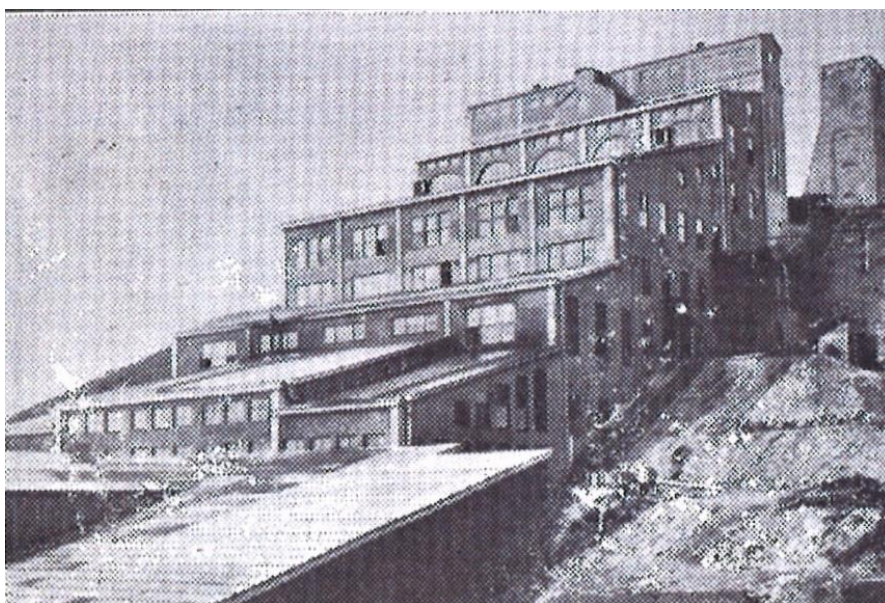
¹⁴ Eliel Vartiainen, *Sortavala, Pohjois-Laatokan saaristo, Raja-Karjala ja Valamo* (Sortavala: Sortavalan kaupunki, 1932), 13, <https://www.doria.fi/handle/10024/80700> (accessed December 3, 2020).

¹⁵ *Pohjois-Karjalan matkailuopas*, 1.

themselves of their reputation of being peripheral by describing the diverse economic life of the region. Economic and cultural modernisation talks about prosperity. The visible modernisation discourse in the guide implies that the assumption of advertisers is that the hypothetical tourist may regard North Karelia as being a poor backcountry. The developing travel industry set for itself the task of changing this image.

A good example is how Outokumpu is introduced in the *North Karelian Travel Guide*: ‘You reach Outokumpu by bus and you will note that there is another kind of richness in North Karelia than forests and rapids.’¹⁶

In addition to ordinary ‘urban’ sights such as churches, statues and city halls, the *North Karelian Travel Guide* introduces a diverse urban environment. A photograph of the enrichment plant of a copper mine symbolises the city of Outokumpu and an aerial photograph of the industrial area (card factory) in Kaltimo shows the centre of Eno. The symbol of Nurmes is the humpbacked bridge of Mikonsalmi, which was completed in 1929 in the functional style. The aerial photograph of Joensuu city shows sawmills, as well as bridges and churches.¹⁷ The *Sortavala* brochure states that the longest bridge in Finland is in Sortavala.¹⁸ In the photo, the bridge is brightly lit and has been photographed at night. In the interwar years, North Karelia was developing rapidly and travel advertising emphasised this image. In addition to the forestry and paper industry, farming was an important occupation in North Karelia, although its importance was not emphasised in the photographs but in the text.

Picture 2. *Pohjois-Karjalan matkailuopas*

(Joensuu: Suomen matkailuyhdistyksen paikallisosasto, 1935), 17.

The National Library of Finland. Digital Collections: <https://www.doria.fi/handle/10024/80847>

¹⁶ *Pohjois-Karjalan matkailuopas*, 20.

¹⁷ *Ibid*, 5, 7, 10.

¹⁸ Vartiainen, *Sortavala Pohjois-Laatokan saaristo, Raja-Karjala ja Valamo*, 2.

The old travel brochures describe the effects of modern industry on nature and changes in the relationship between humans and nature. Advertisers in the 1930s did not hesitate to show the impact of the forest industry in the middle of a photograph of a natural landscape. The *North Karelian Travel Guide* shows Rautavaara, a remote village on the border between North Karelia and North Savonia, as ‘backwoods covered by wide forests and marshes,’ but also mentions that the timber company and sawmill owned two thirds of the region.¹⁹ The picture of Rautavaara shows lumberjacks on a floating log. Another example of the positive or neutral impact of the forest industry on nature is a photograph in the chapter on ‘Sights of North Karelia.’ The picture shows a lake landscape, although in the foreground are signs of a clear-cutting where once was a forest. In this picture of a Karelian forest after modernisation, only the tree stumps remain and logs are seen floating towards the sawmill for further processing.²⁰

In general, tourism for commercial purposes, even if it aims to sell an ‘unspoilt wilderness’ or ‘authentic Karelian culture,’ is associated with modernisation. In the brochure *To the Arctic via Karelia*, among the photographs of wild nature are pictures of the Oravi, Joensuu, Kaltimo and Koli canals. The brochures published by the Travel Association of Finland and the Finnish Association of Border Areas advertise the possibility of enjoying modern comforts in the middle of the North Karelian wilderness. In the international brochure *Talking points on Finland*, Koli is introduced by a photograph showing Koli’s Hotel Ylämaja.²¹ The hotel is pictured amidst forestry hills and the flag of Finland can be seen blowing in the wind. The flag underlines Koli’s significance not only as a North Karelian sight but also as a symbol of Finnishness.

Locals and visitors

Pictures of people are important in travel brochures: they show potential visitors or local inhabitants. Visitors are typically pictured admiring some tourist sight, or spending their time fishing, hiking or boating. The cover picture in the *North Karelian Travel Guide* shows a photo of Koli, which is reminiscent of a painting. However, four tourists are seen posing in the middle of the picture as if they had appeared in a classic landscape painting. The pictures of local people show them working, or a situation associated with local folklore. It is possible to find class distinctions in these pictures: the working pictures show farmers and lumberjacks but not, for example, people in the service industry. In contrast, the pictures of visitors with cars, fine clothes and student’s caps are associated with a bourgeois lifestyle.

¹⁹ Ibid, 12.

²⁰ Ibid, 21.

²¹ *Talking points on Finland* (s. l.: s. n., [1912–1944]), 28, <https://www.doria.fi/handle/10024/81794> (accessed December 3, 2020).

The pictures of Border Karelia, particularly the eastern village of Ilomantsi, emphasise Orthodox Christianity and the vital tradition of folklore songs and handicrafts, which are depicted as ‘authentic’ Karelian culture. *Karjala XI* shows Karelian women performing dirges (*itkevirsi*)²² and *To the Arctic Via Karelia* (1932) shows orthodox churches and chapels, graveyards and decorative architecture. According to Harri Siiskonen, in the interwar years, the Karelianist stereotype of Karelian people was used to promote tourism in the region.²³ Photographs and texts show Border Karelian people and culture as exotic others from the perspective of most Finnish people. As Maunu Häyrynen has mentioned, Karelians are simultaneously regarded as being Finnish and non-Finnish.²⁴ A good example is the introduction to the village of Korpiselkä in the *Sortavala* guide:

*Korpiselän kirkonkylä edustaa oivallisella tavalla raja-karjalaista vaarakylää, mitä näköaloihin tulee. Ne ovat laajoja, yhtenäisyydessään suurpürteisii ja rauhallisia. Samat maisemakuvat uusiutuvat seuraavissakin Tsokin ja Kokkarin vanhoissa runonlaulukylissä, joissa rajakarjalainen väritys alkaa olla huomattavampi. Niinpä Kokkarissa matkailijalle ensikerran esittäytyy tsasouna, rukouskappeli — samanlainen koristeellisempi on sekä Tolvajärvellä että Ägläjärvellä — ja joku aito rajakarjalaistyypinen rakennus.*²⁵

(The village of Korpiselkä is a good example of a Border Karelian village situated in a hilly landscape. The view is wide and peaceful. The landscape is similar to the old rune singers’ villages, where the Border Karelian local colour is more visible. Thus, the visitor will see a *tsasouna*, a village chapel, the first time — there are similar but more decorated churches in Tolvajärvi and Ägläjärvi — and some authentic buildings in the Border Karelian style.)

The phrase ‘Tsasouna, a village chapel’ includes the alienating perspective: Tsasouna is supposed to be an unfamiliar concept to the visitor, and it is therefore necessary to explain it. The distance between the object and the viewer manifests in phrases that express uncertainty. We may be sure that ‘some’ buildings are of authentic Karelian architecture — even if the building’s use is unknown. This kind of exoticising perspective is not visible in the photographs of logs floating in the Koitajoki River in Eno or the Lutheran Church of Tohmajärvi. The travel brochures construct the differences between Border Karelia and North Karelia while they relocate the image of remoteness and periphery in Border Karelia.

²² *Karjala*, 146.

²³ Siiskonen, “Matkaoppaiden Karjala maailmansotien välillä,” 127.

²⁴ Häyrynen, *Kuivettu maa*, 169.

²⁵ Vartiainen, *Sortavala Pohjois-Laatokan saaristo, Raja-Karjala ja Valamo*, 13.

The brochures also underline the challenges of a journey in Border Karelia. The visitor has to take the trouble of visiting the remote villages of Ilomantsi and Korpiselkä, although their efforts are repaid by the stunning sights and exotic culture. A good example of a tough but rewarding journey is a photograph of young students (wearing their student caps) cycling up a hill. (Picture 3)

Picture 3. *Toivajärvi. Rajakarjalainen matkailunähtävyyys ja retkeilyseutu* (Helsinki: Suomen rajaseutuyhdistys, 1912–1944), 4.

The National Library of Finland. Digital Collections: <https://www.doria.fi/handle/10024/8087>

The photograph captures the outdoor lifestyle as a phenomenon of the 1920s and 1930s. A similar feeling is conveyed in the picture from Hautvaara in Suojoki, in which a tiny raft carries a truck and appears to be floating dangerously deep in the water.²⁶ The pictures of a tough journey contrast the image of the good connections in North Karelia, which are otherwise typical for the brochures. However, both images are also important. The pictures of a tough journey show the unique experience of travelling in Karelia, the most stunning views are not accessible to everyone. This image is supposed to attract adventurers who wants to improve their mental and physical health.

In the brochures, Karelia is depicted as being the genuine heart of Finland, and at the same time, as its other.²⁷ Karelianness is associated with authenticity and genuine folk culture, which have disappeared in Finland. Ultimately, however, Finnish travel brochures from the 1920s and 1930s imply that the most difficult border to cross was that between Finland and the Soviet Union. The brochures for North Karelia hardly mention what is on the other side of the border.

²⁶ Ibid, 17.

²⁷ Häyrynen, *Kuivattu maa*, 169.

North Karelian Imagery 2020

If we compare the travel brochures from the 1920s and 1930s with the present VisitKarelia, the official tourist website of North Karelia, we would note that the changes in the travel imagery of North Karelia are huge. However, present-day marketing in North Karelia still utilises the approved attractions and images. North Karelia is advertised primarily by means of its nature resorts. (These days, the marshes, which travel advertising had previously rejected, are now understood as being unique nature environments.) The Finnish website states that ‘Koli is the heart of Finnishness’ and ‘Ilomantsi is the most vital Karelianness.’ The English version of the website states: ‘North Karelia is a place where the Finnish national epic, the Kalevala, was created and it continues to be a source of inspiration of many.’ The mental border between Finnish Karelia and Russian Karelia has become easier to cross: VisitKarelia also advertises a number of events and accommodation options on the Russian side of the border. On the website, Karelianness is a combination of nature, city life and old traditions. The photographs depict brightly lit bridges, as well as the attractions in Koli, Karelian food and the aesthetics of Karelian Orthodox Christianity. However, the traditional elements have been given new meanings in the present-day context.

The photographs of the Outokumpu Copper Mine and the old wooden house blocks in Joensuu, Nurmes and Juuka are good examples of a changing urban environment. Outokumpu still brands itself as a ‘unique mining town’ and the mine is the symbol of the town. In the 1930s, the picture of the mine’s enrichment plant tells us about industrialism and growing prosperity. The VisitKarelia website shows the enrichment plant as a part of artwork, light artist Kari Kola’s *Living Mine* (2012–2011). The photographs of wooden house blocks in North Karelian towns convey the image of a nostalgic little town where it is possible for the visitor to capture the atmosphere of the good old days, as well as engage in leisure activities involving culture, food and physical exercise. Pictures of the folklore band *Setakat* on the VisitKarelia website show present-day rune singing. These pictures suggest that a new identity construction process has taken place in the small industrial towns in the post-industrial age. If the photos of factories illustrated the old travel brochures, contemporary travel advertising in North Karelia constructs a positive image by means of depicting diverse cultural life and possibilities of adventure tourism.

Karelian Orthodox Christianity is a visible and established part of the North Karelian brand. After the Second World War, North Karelia adopted the role as a bearer of the Karelian Orthodox tradition. Karelian evacuees took their tradition to the new settlement areas. However, the culture sector and the tourism industry in North Karelia have also recreated Karelian culture and identity in multiple ways. The VisitKarelia website introduces the Monastery of New Valamo in Heinävesi as being the centre of Finnish

Orthodox Religion. However, the site does not make a visible connection between Karelian culture and Orthodox tradition.

On the VisitKarelia website, the word Karelianness is used to characterise the regional identity of the whole of North Karelia. However, Karelianness it is associated with Ilomantsi and Nurmes in particular. The website describes Karelian style house as being among the most important tourist attractions in both municipalities. ‘Parppein Pirtti’ in Ilomantsi and ‘Bomba House’ in Nurmes are both copies of old Karelian architecture. However, their relationship to Karelian heritage is different. VisitKarelia characterises Ilomantsi as being an ‘authentic Karelian parish’ and ‘Rune Singer’s Village.’ The Ilomantsi website emphasises the vital and continuous tradition. In contrast, Nurmes and Bomba House represent ‘reborn’ Karelian culture. When Nurmes was annexed to Sweden in the 17th century, the Orthodox Karelian inhabitants settled in Russia. Lutherans came to Nurmes from Savo and Kuusamo. Referring to the history of the region, the *North Karelian Travel Guide* describes the revolt by local peasants against the arrendator Simon Affleck (Simo Hurtta) in the 17th century, but not the Orthodox Karelian history of the region.²⁸ However, since the 1970s, the most popular tourist attraction in Nurmes is the Bomba House, which is a copy of a house built by Jegor Bombin in 1855 in Suojärvi. The Original Bomba House had already been mentioned in the *Karjala XI* travel guide as ‘the most extraordinarily decorated building in Suojärvi’.²⁹ To sum up, the Karelianness on the VisitKarelia website comprises traditional food and recognisable visual images, as well as modernised folklore and knowledge of local history. Karelianness is an image that can be moved from one place to another.

Conclusion

Old travel brochures and the present-day tourist website of VisitKarelia highlight both the similarities and the differences between the depicted regions and, in doing so, present diverse Kareliannesses. In the interwar years, North Karelia was depicted as a borderland that associated tourism with defensive tasks. However, the identity of the borderland is not the only identity. In the brochures, North Karelia is also associated with ‘Lake Finland,’ as well with photographs and route suggestions. The old brochures underline the cultural border between North Karelia and Border Karelia. Today, Border Karelian Ilomantsi is part of North Karelia, but the difference remains visible: Ilomantsi still has the image of being at the heart of ‘authentic’ Karelianness.

Even if the Karelianist tradition is important in both past and present-day tourist advertising for North Karelia, they make a difference to this tradition. The brochures from the interwar years depict factories, bridges and canals, as well as Koli, Tolvajärvi and other

²⁸ *Pohjois-Karjalan matkailuopas*, 10.

²⁹ *Karjala*, 141.

nature resorts. VisitKarelia invites potential visitors to choose their own North Karelia from ice fishing, a Karelian pie workshop and a winery tour at the New Valamo Monastery. As highlighted in the analysis, the Karelianness created by travel brochures is movable, fluid, and changing. It is not fixed to any location in Russian or in Finnish Karelia. Rather, it is a state of mind.

List of sources

Primary sources

Jäämerelle Karjalan kautta! — Joensuu : Joensuun kaupungin retkeilylautakunta, [1931]. — [24] s. — The National Library of Finland. Digital Collections. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/80835>. — (03.12.2020).

Karjala : (Länsi-Karjala lukuunottamatta Viipurin ja Haminan välistä seutua). — Helsinki : Suomen matkailijayhdistys, 1925. — 165 s. — (Matkailijayhdistyksen matkakäsikirja XI).

Matkailu- ja ulkoilureittejä rajaseudulla. — Helsinki : Suomen rajaseutuyhdistys, 1935. — 11 s. — The National Library of Finland. Digital Collections. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/80841>. — (03.12.2020).

Pohjois-Karjalan matkailuopas. — Joensuu : Suomen matkailuyhdistyksen paikallisosasto, 1935. — 23 s. — The National Library of Finland. Digital Collections. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/80847>. — (03.12.2020).

“Rajaseudun” matkailunumero. — Helsinki : Suomen rajaseutuyhdistys, 1930. — 132 s.

Rajaseutu-matkailu. — Helsinki : Suomen Rajaseutuyhdistys, [1912–1944]. — 12 s. — The National Library of Finland. Digital Collections. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/80849>. — (03.12.2020).

Talking points on Finland. — s. l. : s. n., [1912–1944]. — 47 p. — The National Library of Finland. Digital Collections. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/81794>. — (03.12.2020).

Tolvajärvi: Raja-karjalainen matkailunähtävyys ja retkeilyseutu. — Helsinki : Suomen rajaseutuyhdistys, [1912–1944]. — 12 s. — The National Library of Finland. Digital Collections. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/80879>. — (03.12.2020).

Vartiainen, E. Sortavala, Pohjois-Laatokan saaristo, Raja-Karjala ja Valamo / E. Vartiainen. — Sortavala : Sortavalan kaupunki, 1932. — 21 s. — The National Library of Finland. Digital Collections. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/80700>. — (03.12.2020).

VisitKarelia [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.visitkarelia.fi/fi>. — (03.12.2020).

Secondary sources

Brambilla, C. Exploring the Critical Potential of the Borderscapes Concept / C. Brambilla // *Geopolitics*. — 2015. — Vol. 20, issue 1. — P. 14–34.

Häyrynen, M. Kuvitettu maa. Suomen kansallisen maisemakuvaston rakentuminen / M. Häyrynen. — Helsinki : SKS, 2005. — 220 s.

Ikonen, J. Nuoriso isänmaata kiertämässä : matkailu ja retkeily kasvatuksen palveluksessa 1920- ja 1930-luvuilla Suomessa / J. Ikonen : Pro gradu. — Jyväskylä : University of Jyväskylä, 1998. — 164 s. — URL: <https://jyx.jyu.fi/handle/123456789/12121>. — (16.12.2020).

Newman, D. The Lines That Continue to Separate Us / D. Newman // *Border Poetics De-limited* / Ed. by Johan Schimanski & Stephen Wolfe. — Hannover : Wehrhahn, 2007. — P. 27–57.

Raivo, P. J. Karjalan kasvot. Näkökulmia Karjalan maisemaan / P. J. Raivo // *Karjala: historia, kansa, kulttuuri* / Ed. by P. Nevalainen, H. Sihvo. — Helsinki : SKS, 1998. — S. 11–27.

Siiskonen, H. Matkaoppaiden Karjala maailmansotien välillä / H. Siiskonen // *Kahden Karjalan välillä, kahden Riikin riitamaalla* / Ed. by A. Heikkinen, T. Hämynen & H. Sihvo. — Joensuu : University of Joensuu, 1994. — S. 123–134.

Williams, J. A. Turning to Nature in Germany : Hiking, Nudism, and Conservation 1900–1940. / J. A. Williams. — Stanford : Stanford University Press, 2007. — 354 p.

КАЗАКОВА Мария Владимировна / KAZAKOVA Maria

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

mvk-2013@bk.ru

**ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ БИЛИНГВАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА
А. И. МИШИНА (О. МИШИН — А. ХИЙРИ) И Р. ТАКАЛА 1970-Х ГОДОВ**

THE MAIN MOTIVES OF THE BILINGUAL CREATIVITY OF A. I. MIŠHIN
(O. MIŠHIN — A. HIIRI) AND R. TAKALA IN THE 1970s

Abstract: The necessity to announce, that Karelian literature has not only Russian and Finno-Ugric contexts but also third — bilingual is connected with the period of national renaissance in 1980–1990. During these decades some writers and poets wrote in two languages: in Russian and mother tongue. A. I. Mišin (Oleg Mišin — Armas Hiiri) and R. Takala were the first writers who contributed to this process. The article analyses the main themes and motives of bilingual creativity of poets in the 1970s, deals with the specificity of the bilingual world-view of both authors. Poets master the versification in their native Finnish language within the framework of already developed themes and plots in Russian-language creativity, but have not lost their relevance, both for the author and for the reader.

Ключевые слова / Keywords: Билингвизм, билингвальное творчество, А. И. Мишин (Олег Мишин — Армас Хийри), Рейё Такала, картина мира / Bilingualism, bilingual creativity, A. I. Mišin (Oleg Mišin – Armas Hiiri), Reijo Takala, world-view

Многонациональная литература Карелии фактически начала складываться в XX веке. У истоков этого процесса стояли финны-иммигранты, приехавшие в Карелию в 20-е и 30-е годы XX века, многие из которых уже имели писательский и журналистский опыт. В этот период художественная словесность края развивалась на двух языках: русском и финском.

Первые опыты билингвального художественного творчества связаны с внедрением карельской и вепсской письменности в 30-е годы XX века, а также с деятельностью ежемесячного журнала «Карелия», который выходил на карельском языке с 1938 по 1940 год.

Согласно данным «Летописи литературной жизни Карелии (1917–1961)»¹, первые художественные произведения на карельском языке вышли в 1934 году, благодаря литературному конкурсу работ на карельском языке, объявленному Госиздатом «Kirja». Премий за лучшие рассказы на карельском языке были удостоены И. Никутьев («*Marfa*» («Марфа»)) и Калле Юссила (А. Кириллов) («*Paraban prikadon prikadiru*» («Бригадир лучшей бригады»)). Последний работал как на карельском, так и на финском языках.

¹ Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961). Петрозаводск, 1963.

За обозначенный период (1934–1940) на двух языках (финском и карельском) писали карелы по национальности Антти Тимонен, Николай Лайне, Фёдор Ивачёв, Леа Хело. После смены общеполитического курса и прекращения публикационной деятельности на карельском языке, писатели-карелы вынуждены были продолжать творить на финском языке, однако, последующие произведения Антти Тимонена, Николая Лайне, Ортъе Степанова, Яакко Ругоева наполнены не только ярко выраженным национальным колоритом, но и во многих из них авторы используют родную карельскую речь в монологах и диалогах своих героев.

На наш взгляд, говорить о полноценном билингвальном художественном творчестве этих авторов ещё не приходится, так как произведения, написанные ими на финском и карельском языках в период с 1934 по 1940 годы, носили эпизодический характер, хотя идея создания произведений на родном карельском языке была воспринята писателями-карелами с энтузиазмом. В послевоенные годы вышеупомянутые авторы уже работали в одном финноязычном контексте, а карельский язык был использован для организации художественной национально-ориентированной действительности.

Вплоть до 1970-х годов в литературе Карелии мы не наблюдаем двуязычных авторов, чье творчество на двух языках носило бы целенаправленный характер. Первыми билингвальную тишину нарушат поэты А. И. Мишин (О. Мишин — А. Хийри) и Р. Такала. Оба начинают свой творческий путь как русскоязычные писатели и, лишь спустя годы, обращаются к родному финскому языку как к языку творчества.

Этот период обусловил появление в литературе Карелии не только монолингвальных литературных контекстов (русского, финского, карельского, вепсского), но и билингвального (в 1970-е годы — это русско-финский контекст, в конце 1980-х — русско-карельский, русско-вепсский билингвальные контексты). Таким образом, 1970-е годы стали важнейшим этапом в развитии многонациональной литературы Карелии как литературы, создаваемой во взаимодействии и взаимопроникновении разных языковых и этнокультурных реалий.

Являясь носителем двух культур, воспринимая окружающую действительность сквозь призму разных мировоззрений, сформированных историей того или иного народа, автор-билингв создает произведение, в котором запечатлена картина мира в его интеркультурном диалоге «через ценностно-мировоззренческие представления, через систему символов, свойственных той или другой культуре»². Задача данной статьи — проследить, как формируется билингвальный образ мира в литературе Карелии в его авторской интерпретации на примере творчества двух поэтов.

² 100 лет литературе Карелии: время, поиски, портреты. Петрозаводск, 2020. С. 268.

Армас Иосифович Мишин (1935–2018), подписывавший свои произведения на русском языке именем Олег Мишин, на финском — Армас Хийри, родился в Ингерманландии (нынешняя территория Ленинградской области) в деревне Пустошка в семье финнов-ингерманландцев. В годы Великой Отечественной войны финское население этого края было эвакуировано в русскоязычную Сибирь, откуда им не разрешили вернуться в родную землю. Так финн-ингерманландец оказался в маленьком карельском городке Пудоже, где, в основном, проживают русские, поэтому родной финский язык был утрачен на долгие годы. Его первые поэтические книги были написаны на русском языке.

Однако, войдя в круг писателей Карелии, молодой литератор сблизился с карельскими поэтами: Т. Сумманеном, выходцем из семьи красных финнов, и Я. Ругоевым, чьей родиной была калевальская земля. И финн, и карел писали на финском языке, статус которого в 1950–1970-е годы XX века в литературной среде был достаточно высок. В 1976 году у Мишина, автора 6 сборников стихов на русском языке («В дорогу»³ (1961), «Голубая улица»⁴ (1963), «Бессонница»⁵ (1966), «Солнечный день»⁶ (1970), «Теплотрасса»⁷ (1972), «Второе зрение»⁸ (1973) выходит в свет первая книга на финском языке «*Ikkunani katsoo maailmaan*»⁹ («Мои окна смотрят в мир»), подписанные именем *Armas Hiiri* (Армас Хийри).

Рейё Вяйневич Такала (1931–1989) родился в Петрозаводске, детство и юность провел в Олонце, далее учился в Петрозаводском музыкальном училище и позже — в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Финн по национальности, он жил и работал в русскоязычной среде, что и повлияло на выбор им языка творчества. Р. Такала заявил о себе как русскоязычный поэт. Уже, будучи автором трех русскоязычных стихотворных сборников «Сердце человека»¹⁰ (1962), «В поисках Сампо»¹¹ (1966), «Теплый дождь»¹² (1973), он пишет стихи на родном финском, на котором в 1979 году и выходит его единственный прижизненный сборник «*Uhutsaari*»¹³ («Ухутсаари») (1979).

Творческий путь А. И. Мишина и Р. В. Такала во многом схож: оба вступают на литературное поприще благодаря русскому языку и культуре, которые долгие годы окружали будущих поэтов. Национальное начало заявляет о себе уже в зрелом

³ Мишин О. И. В дорогу. Петрозаводск, 1961.

⁴ Мишин А. И. Голубая улица: Стихи. Петрозаводск, 1963.

⁵ Мишин А. И. Бессонница: Стихи. Петрозаводск, 1966.

⁶ Мишин О. Солнечный день: Стихи. Петрозаводск, 1970.

⁷ Мишин О. Теплотрасса: Стихи. М., 1972.

⁸ Мишин О. Второе зрение: Стихи. Петрозаводск, 1973.

⁹ Hiiri A. Ikkunani katsoo maailmaan: runoja. Petroskoi, 1976.

¹⁰ Такала Р. В. Сердце человека. Петрозаводск, 1962.

¹¹ Такала Р. В. В поисках Сампо: [Стихотворения]. Петрозаводск, 1966.

¹² Такала Р. В. Теплый дождь. Петрозаводск, 1973.

¹³ Takala R. Uhutsaari: Runokokoelma. Petroskoi, 1979.

возрасте и, аккумулируясь, перерастает в творчество на финском языке. Отметим, что ещё в 1960-е годы оба поэта переводят стихотворения финноязычных авторов (Я. Виртанена, Н. Лайне (Н. Г. Гипшиев), Л. Хело (Т. Гуттари), Т. Сумманена, Я. Ругоева, Э. Лейно) на русский язык, осваивая таким образом особенности стихосложения на родном языке. Являясь родной для обоих поэтов, финноязычная художественная картина мира, по сути, начинает формироваться благодаря вторичной русскоязычной художественной системе, что, соответственно, и обуславливает наличие в билингвальном творчестве поэтов во многом схожих тем, образов и мотивов, но, несмотря на это, их билингвальная лирика имеет свои отличительные особенности, связанные с индивидуально-авторским стилем писателей, с присутствием разных, значимых для авторов национально-маркированных лексических единиц, культурно-исторических реалий.

Критики (Э. Л. Алто¹⁴, Е. Вечтомова¹⁵, А. Г. Гидони¹⁶, Э. Г. Карху¹⁷, Е. И. Маркова¹⁸, Л. Я. Резников¹⁹) отмечают, что Мишин — Хийри привнёс в лирику Карелии принципиально новое «звучание» мгновения жизни. Лирический герой, проходя через сложные коллизии и хитросплетения, взрослея, мудрея, начинает ощущать почву под ногами именно благодаря тому, что он увидел красоту в каждом моменте проявления жизни. Значимость собственного бытия открывается герою посредством прекрасного, запечатленного в тончайшем откровении души, так чутко улавливаемом, осязаемом и даже ощущаемом при соприкосновении с природой.

Белей нейлоновой рубашки
Сверкает снег у пней и троп.
Как будто козырек фуражки
Надвинул на глаза сугроб²⁰.

Э. Л. Алто пишет, что «для современной поэзии Карелии, в том числе финноязычной, отношение к природе как к миру возвышенного, идеального достойного подражания стало традиционным. В русле этой традиции пишет и Мишин»²¹.

¹⁴ Алто Э. Л. История литературы Карелии: В 3 т. СПб., 1997. Т. 2. Финноязычная литература Карелии. С. 164–165.

¹⁵ Вечтомова Е. Отзывчивость [о творчестве Олега Мишина] // Север. 1972. № 2. С. 119–120.

¹⁶ Гидони А. Г. Изнутри озаренный мир: (о стихах Олега Мишина) // Север. 1972. № 5. С. 122–125.

¹⁷ Карху Э. Г. В краю «Калеваль»: (Критический очерк о современной литературе Карелии). М., 1974. С. 120.

¹⁸ История литературы Карелии: в 3 т. Петрозаводск, 2000. Т. 3. С. 371–376.

¹⁹ Резников Л. Я. Необходимость преодоления: (свет и тени лирики Олега Мишина) // Север. 1980. № 5. С. 106–112.

²⁰ Мишин О. Солнечный день. С. 42.

²¹ Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. С. 164.

В билингвальной лирике А. И. Мишина (О. Мишина — А. Хийри) отношения природы и человека раскрываются во всём многообразии возможных взаимоотношений: здесь человек — это и восхищенный созерцатель природы «Порою летней каждый день, / меня в пути встречая, / она мне дарит плеск и звень / и клич гортанных чаек»²², это и трогательный её заступник, воспринимающий природу как своего близкого друга, например, в стихотворении «Synkeän metsän takana» («За мрачным лесом»): «*Kukaties mutkia elämäni / metsäkin ajatteli. / Se kun nyt huokaa vierelläni / kuin ystävä taikka veli*»²³ («Кто знает о поворотах в моей жизни / и лес думает. / Он сейчас вздыхает рядом со мной / как друг или брат»²⁴), это и безразличный обыватель, живущий одним днём и жаждущий безгранично пользоваться её дарами «Я забита щепой и корой. / Я теку чертыхаясь. / Что вы, люди, творите со мной? / Я, река, задыхаюсь»²⁵.

Значительное место в билингвальном творчестве поэтов занимает тема памяти, которая представлена, с одной стороны, важной для обоих писателей темой войны и военного детства, а, с другой — преемственности поколений.

Лирический герой билингвальных стихов поэтов — это и ребенок, чье детство заканчивается тогда, когда начинается война («*ja minä kaipasin aamua / lähteäkseni kiviseen simlaivaan. / Mutta alkoi sota...*»²⁶ («и я ожидал с тоской утро / чтобы отправиться на каменный синий корабль. / Но началась война...»)), и взрослый человек, который смотрит на жизнь и людей вокруг себя сквозь события минувшего, которое не позволяет ему пассивно перед трудностями сегодняшнего дня, например, в стихотворении Р. Такала «*Mukaelma*»: «*Kunnia myös sinulle, merenkäyntäjä, / tavallinen trolari, / joka siivoat / sotien hirvittävät jäljet / meren ja merenreittien kasvoilta*»²⁷ («Слава также тебе, морской пахарь, / обычный траулер, / который убирает / ужасные следы войн / с лица моря и морских путей»)) или в произведении О. Мишина «Под пятьдесят — под шестьдесят»: «И пусть мы, мальчики тех лет, с передним не знакомы краем, но в нас войны остался след...»²⁸.

Лирика Р. Такала, вдохновленная мифопоэтическим наследием карельского народа, имеет особую звуковую палитру: в его стихотворениях музыка звучит в самой жизни:

²² Мишин О. Сквозь ливни и метели: Стихи, поэмы, 1954–2004. Петрозаводск, 2004. С. 162.

²³ Hiiри А. Ikkunani katsoo maailmaan. S. 60.

²⁴ Здесь и далее перевод М. В. Казаковой.

²⁵ Мишин О. Сквозь ливни и метели. С. 310.

²⁶ Takala R. Uhutsaari. S. 6.

²⁷ Ibid. S. 19.

²⁸ Мишин О. Второе зрение. С. 23.

И голову склонив
Над хрупким стебельком,
Услышишь в нем мотив,
Что лишь тебе знаком²⁹.

Передаваемая из поколения в поколение мелодия связывает лирического героя с историей своего народа и является хранителем памяти поколений.

Если фольклорные образы, позаимствованные из эпической поэмы «Калевала», а также карельских и финских народных рун, естественным образом вплетены в полотно поэтических текстов автора 1960-х годов, то в 1970-е годы «фольклорность» его билингвальной поэзии проявляется на уровне отдельных образов, связанных с культурой народа:

<i>Kuulen yllä Kuittijärven</i>	Слышу над Куйттиярви
<i>Kuulut laulut Väinämöisen.</i>	Звучащие песни Вяйнямейнена.
<i>Siellä palaa Pohjantähti,</i>	Там горит Полярная звезда,
<i>Etten joutuis barhaan tieltä.</i>	Чтобы я не заблудился на дороге.
<i>Sieltä maailmalle lähti,</i>	Оттуда ушел в мир,
<i>alun lauluni sai sieltä³⁰.</i>	Там я получил своей песни начало.

Лирический герой данного стихотворного отрывка мыслит себя продолжателем традиций предков, потомком Вяйнямейнена, который, согласно эпической поэме «Калевала», ушел, оставив в наследство свои песни и кантеле. Именно над родным домом горит путеводная звезда, освещающая его жизненный путь. С одной стороны — это символ надежды на возвращение: именно там его всегда ждут, с другой, — это место-исток героя, с которым он связан и черпает силы в борьбе со сложными коллизиями в жизни. Песня Вяйнямейнена становится и песней лирического героя, которая сопровождает его жизненный путь.

Отметим, что если лирический герой А. И. Мишина (О. Мишин — А. Хийри) — странник, путешественник, постоянно находящийся в поиске самого себя, своего дома, наблюдающий мир из окна машины/поезда/дома, то герой Р. Такала — романтик, воспевающий «зябкий листопад»³¹, «бронзовые сосны»³², «лобастый камень»³³, тяжелые облака, пейзажи северного края, за суровыми чертами которых угадывается первозданная красота и истинность бытия, что вкупе с устно-поэтическим наследием его предков и составляет непревзойденное его богатство.

²⁹ Такала Р. В. Теплый дождь. С. 29.

³⁰ Takala R. Uhutsaari. S. 7.

³¹ Такала Р. В. Теплый дождь. С. 17.

³² Там же. С. 25.

³³ Там же. С. 31.

<i>Katsohan, lapseni,</i>	Посмотри же, мой ребенок,
<i>kotoista rantaa,</i>	на родной берег,
<i>tabdon kuin lahjani</i>	хочу как свой подарок
<i>sinulle antaa</i>	тебе отдать
<i>vesien laulut</i>	песни вод
<i>ja salojen sadut,</i>	и сказки леса,
<i>vibreät polut ja</i>	зеленые тропинки и
<i>valkoiset ladut</i> ³⁴ .	белые лыжни.

Полемика билингвального сознания прослеживается и в использовании заимствованной лексики в произведениях, что прежде всего говорит о взаимопроникновении и слиянии двух художественных картин мира. Например, в стихотворении Р. Такала «Сибелиус» поэт не только адресует стихотворение знаменитому финскому композитору Я. Сибелиусу, но и использует финноязычное название Финляндии Суоми, что подчеркивает близость культуры, о которой пишет. Расширяя контекстуальный план русскоязычного стихотворения, автор приобщает читателя к иным культурным реалиям.

Отметим также и стихотворение А. И. Мишина «Здесь начало мое, исток...», в котором писатель использует неродные лексические единицы, тем самым представляя текст с новой смысловой основой.

«Не́ва» — предок мой говорил
и, мотыгу покрепче сжав,
здесь усердно каналы рыл
гнал болотную муть и ржавь.
А вблизи за дворцом дворец
город Пиетари поднимал.³⁵

Заемствованную из финского языка лексику («не́ва» (топкое, болотистое место) и «Пиетари» (Санкт-Петербург)) Мишин использует для объединения родных его сердцу культур (русской и финской), отмечает значимость обеих традиций, подчеркивает преемственность поколений. Возводился Санкт-Петербург силами людей разных национальностей, в том числе и ингерманландских финнов, которые поселились на берегах Невы задолго до его строительства, возделывая и обрабатывая топкую, малоурожайную землю. Несколько раз Санкт-Петербург менял своё название, но для финнов он всегда оставался Пиетари. Для лирического героя имеет

³⁴ Takala R. Uhutsaari. S. 14.

³⁵ Мишин О. Второе зрение. С. 19–20.

значение не название города, а его история, непосредственно связанная с историей своего рода. Ленинград или Пиетари становится своеобразным географически значимым местом, в котором соединяются ингерманландская и русская традиции.

В 1970-е годы оба поэта продолжают осваивать стихосложение на родном финском языке в рамках уже разработанных тем и сюжетов в русскоязычном творчестве, но не потерявших своей актуальности, как для самого автора, так и для читателя. Таким образом тема природы и тема памяти выходят на первый план в билингвальном творчестве А. И. Мишина (О. Мишина — А. Хийри) и Р. Такала, для которых характерна проекция человеческого бытия на природный мир, попытка обрести гармонию в хаосе повседневной действительности через сохранение памяти о прошлом, что позволит осуществить возвращение к своему истоку, связать настоящее и прошлое в единое ментальное поле.

Список литературы

Алто, Э. Л. История литературы Карелии: в 3 т. Т. 2, Финноязычная литература Карелии / Э. Л. Алто. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — 245 с.

Вечтомова, Е. Отзывчивость : [о творчестве Олега Мишина] / Е. Вечтомова // Север. — 1972. — № 2. — С. 119–120.

Гидони, А. Г. Изнутри озаренный мир : (о стихах Олега Мишина) / А. Г. Гидони // Север. — 1972. — № 5. — С. 122–125.

История литературы Карелии: в 3 т. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. — Т. 3. / редкол.: Н. С. Надъярных, Ю. И. Дюжев, Э. Л. Алто и др. — 458 с.

Карху, Э. Г. В краю «Калевалы»: (критический очерк о современной литературе Карелии) / Э. Г. Карху. — Москва : Современник, 1974. — 223 с.

Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Карельский филиал Академии наук СССР, Институт языка, литературы и истории, Государственная публичная библиотека Карельской АССР ; сост.: М. Ф. Пахомова, Н. С. Полищук. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1963. — 510 с.

Мишин, О. И. В дорогу / Олег Мишин. — Петрозаводск : Карелия, 1961. — 97 с.

Мишин, А. И. Голубая улица : стихи / Олег Мишин. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1963. — 90 с.

Мишин, А. И. Бессонница : стихи / Олег Мишин. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1966. — 55 с.

Мишин, О. Солнечный день: стихи / Олег Мишин. — Петрозаводск: Карелия, 1970. — 95 с.

Мишин, О. Теплотрасса : стихи / Олег Мишин. - Москва : Молодая гвардия, 1972. - 48 с.

Мишин, О. Второе зрение: стихи / Олег Мишин. — Петрозаводск: Карелия, 1973. — 71 с.

Такала, Р. В. Сердце человека / Р. Такала : стихи. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1962. — 72 с.

Такала, Р. В. В поисках Сампо : [стихотворения] / Р. Такала. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1966. — 46 с.

Такала, Р. В. Тёплый дождь / Р. Такала : Стихи. — Петрозаводск : Карелия, 1973. — 54 с.

Резников, Л. Я. Необходимость преодоления : (свет и тени лирики Олега Мишина) / Л. Я. Резников // Север. — 1980. — № 5. — С. 106–112.

100 лет литературе Карелии : время, поиски, портреты / Е. И. Маркова, Н. В. Чикина, О. А. Колоколова, М. В. Казакова ; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. — Петрозаводск : Периодика, 2020. — 429 с.

Hiiri, A. Ikkunani katsoo maailmaan: runoja / A. Hiiri. — Petroskoi: Karjala, 1976. — 95 s.

Takala, R. Uhutsaari : runokokoelma / Reijo Takala ; [toim. T. Summanen]. — Petroskoi : Karjala, 1979. — 63 s.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ
SCHOLARLY REPORTS

ШИКАЛОВ Юрий Геннадьевич / SHIKALOV Yuri

Университет Восточной Финляндии / University of Eastern Finland

Финляндия, Йоэнсуу / Finland, Joensuu

yury.shikalov@uef.fi

МЕЖДУ ФИНЛЯНДИЕЙ И ПОМОРЬЕМ: КАРЕЛЫ КЕМСКОГО УЕЗДА В ОПИСАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)

**BETWEEN FINLAND AND POMOR'Е: THE KARELIANS OF THE KEM' DISTRICT
IN THE DESCRIPTIONS OF THE CONTEMPORARIES
(LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES)**

Abstract: The article analyses information about the Karelian population that lived in the Kem district of the Arkhangelsk province. The information is contained in the descriptions of Russian authors of the late 19th — early 20th centuries. The main object of the analysis was the descriptions published in the Arkhangel'sk Diocesan Gazette in the 1900–1910s. Their authors were priests of the Karelian parishes. The territory of the district inhabited by the Karelians was called the White sea Karelia or Arkhangel'sk or Karelia. This territory was bordered to the west by Finland and to the east by Pomor'e. The descriptions note the strong influence of neighboring regions on the life of the White Sea Karelians. There was a certain amount of Finnophobia among the priests. Despite this, they were forced to state that the Finnish influence was more positive for the Karelians. At the same time, the priests were forced to admit that communication with the Russian population of Pomor'e destroyed the 'moral state' of the Karelian parishioners.

Ключевые слова / Keywords: Кемский уезд, Беломорская Карелия, Поморье, Финляндия, описания, священники, карелы, средства существования, быт / The Kem' district, White sea Karelia, Pomor'e, Finland, descriptions, priests, Karelians, means of subsistence, way of life

Между Финляндией и Поморьем

Административная территория, называемая Кемским уездом, находилась на крайнем северо-западе Российской империи, на территории, расположенной между Финляндией и западным побережьем Белого моря. Основное население уезда составляли две этнические группы: карелы и поморы. Граница между ареалами проживания этих групп была довольно четкой. Поморы заселяли Кемское Поморье, т. е. прибрежные приходы, располагавшиеся на узкой полосе вдоль западного берега Белого моря. Карелы же селились в центральной и западной частях уезда. Этот регион был также известен как Беломорская Карелия. Иногда его называли ещё Архангельской Карелией, поскольку административно Кемский уезд входил в состав Архангельской губернии.

Из «грязных лачуг» — в «интеллигенты-европейцы»

Проживавшие в крайне труднодоступных местах северо-западной окраины России, карелы Кемского уезда долгое время не привлекали особого внимания российских исследователей и краеведов. Немногочисленные статьи и заметки об этом регионе, опубликованные в середине XIX в., чаще всего представляли беломорских карел в довольно неприглядном свете. Например, в 1847 г. в «Трудах Императорского вольного экономического общества» появилась статья под названием «Беломорская Карелия», автором которой являлся архангельский краевед Иосиф Августович Богуслав.

Богуслав описывает Беломорскую Карелию следующим образом: «Беломорские Карелы и Улеаборгские Финляндцы обитают в одних широтах, физиономия населяемого ими края одинакова: утесы, горы, лес, озера. <...> Но, невзирая на близкое соседство, на одинаковую природу и одинаковые поэтому средства для материального существования, Карелы и Финляндцы представляют резкую противоположность и в домашнем быту, и в самой цивилизации. <...> Финляндцы живут в опрятных домах, а Карелы — в дымных и грязных лачугах. <...> Финляндцы держат по 20-ти голов крупного скота, много лошадей, овец, кур, свиней; у Карел в общей сложности по три штуки рогатого скота на двор, лошадей по одной штуке, овец — по четыре, кур — по одной на 10 дворов, а коз и свиней не бывало. <...> У Финляндцев огородничество изрядно развито, а у Карел — кроме лесной репы нет никаких огородных овощей. <...> Финляндцы успешно упражняются в сельских ремеслах, у Карел нет никакого ремесла <...> Финляндские женщины хорошие хозяйки. <...> Карелки нерадивы и невежественны во всем, весьма часто впадают в раскол, а о женских рукоделиях понятия не имеют. <...> От Кеми до Керети по Кольскому тракту 170 верст, в другом направлении от дер. Булдырской до Панозера — 200 верст, и на всем этом пространстве, изрядно населенном, нет ни одной православной церкви, зато пустынь и скитов много, из которых пропаганда старых бредней расходится по Карелии и Поморью. <...> Браки часто заключаются по староверским правилам, без священника»¹.

Труды Экономического общества представляли собой весьма солидный научный форум, и можно предположить, что данная статья определенно оказывала влияние на формирование стереотипа Беломорской Карелии. В середине XIX столетия этот стереотип не отличался положительными чертами. В 1861 году в газете «Архангельские губернские ведомости» была опубликована статья под названием «Карелья». В статье говорилось, что населяющие северо-запад

¹ *Богуслав*. Беломорская Карелия // Труды Императорского вольного экономического общества. 1847. № 5. С. 221–224.

Архангельской губернии беломорские карелы «похожи на финнов», однако «от природы робки, вялы и неопрятны». Проживают они в «дымных, тесных и убогих лачугах» нередко вместе со скотом. По сведениям автора статьи, скотоводство в Карелии было «весьма ограничено», и жители содержали лишь «тощих коров, по нескольку овец и оленей». Основными же занятиями жителей Беломорской Карелии назывались охота и рыболовство, и отмечалось, что карелы «считают богатым того, у которого есть годовой запас хлеба, смешанного с сосновой корой»².

Бедность и отсталость карельского населения Кемского уезда подчеркивалась и в научных трудах того времени. Так этнограф Александра Ефименко в своем труде об обычаях «лопарей, корелов и самоедов» Архангельской губернии отмечала низкий уровень жизни и развития беломорских карел: «В умственном отношении Карелы стоят тоже довольно низко; грамотных между ними очень мало, особенно в волостях, отдаленных от Поморья, да и невозможен никакой шаг вперед в умственном развитии, пока не изменятся к лучшему обстоятельства, обуславливающие их настоящее экономическое положение»³.

В начале XX столетия описания карельского населения Кемского уезда приобретают несколько иной характер. Сложившийся стереотип о «дикости» карел подвергается критике. Всё чаще отмечается, что местное население обитает в удобных и чистых домах, одевается на европейский манер, говорит не только на своем родном языке, но и на финском, русском, а то и шведском. Так, учитель и краевед Иван Оленев, заведовавший в 1891–1899 гг. образцовым сельским училищем в деревне Кимасозеро Кемского уезда, писал: «Карелы, заброшенные по глухим углам Архангельской и Олонецкой губерний, для многих представляются грубыми, неопрятными полудикарями. Но на самом деле, это — большое заблуждение. Если сравнить карела, особенно живущего близ границы Финляндии, с русским крестьянином северных или даже некоторых средних губерний, то первый выглядит несравненно интеллигентнее костромича или вологжанина». Оленев много ездил по Беломорской Карелии и за десять лет проживания среди карел прекрасно ознакомился с их бытом и нравами. Он видел их гостеприимными, дружелюбными, трудолюбивыми, с развитым чувством собственного достоинства, но упоминал при этом и некоторые отрицательные черты их характера, а именно скрытность, хитрость и ложь «во имя наживы». Учитель отмечал и склонность карел к щегольству:

² Карелы // Архангельские губернские ведомости. 1861. №23.

³ Ефименко А. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. Т. 1. (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 8). С. 95.

«он (карел) старается завести получше одежду, которую вообще любит пощеголять»⁴.

Оленеву вторит анонимный автор, опубликовавший статью об архангельских карелах в Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера (далее — ИАОИРС) в 1913 году: «Отличаясь от русских практичностью и трудолюбием, карелы при неблагоприятных условиях сумели устроить свою жизнь лучше русских средней Руси»⁵. В том же номере журнала была опубликована статья Н. Руотси «О Карелии», в которой автор превозносит «натуру» карел, называя её «богато одаренной от природы», и приписывая карелам «все симпатичные черты, присущие только истинно культурному человеку». По мнению этого автора, карелы, «отмытые от сажи пожаров», представляются настоящими «интеллигентами-европейцами»⁶. Священник Мелентьев, посетивший Карелию в начале XX в., писал о ямщике, перебравшемся в Архангельскую Карелию из центральной России, который говорил, что в его родных краях живут «грязно и тесно, а у карел дома просторные, по несколько комнат и скотина отдельно». По словам ямщика, жизнь в Карелии была, несомненно, лучше, чем в центральной России⁷.

Несомненно, что в конце XIX столетия в Беломорской Карелии произошли значительные перемены в жизни крестьян, и связаны они были прежде всего с изменениями в трудовой деятельности карел. В конце XIX — начале XX в. благосостояние карельского населения Кемского уезда становится всё более зависимым от Финляндии и Поморья. Подсечное земледелие, широко развитое в Беломорской Карелии и приносившее крестьянам неплохие урожаи, было запрещено в конце 1850-х годов. Попытки заменить его полевым земледелием не принесли желаемых результатов, и карелы были вынуждены искать альтернативные источники средств существования⁸.

Эти источники нашлись за пределами Беломорской Карелии. После Крымской войны среди карел, населявших западные и центральные регионы Кемского уезда, получает широкое распространение разносная торговля в Финляндии. В период с 1871 по 1913 г. жителям уезда было выдано 35 000 паспортов, что говорило о большом числе «коробейников», ходивших торговать в Финляндию и в Швецию. К концу XIX столетия в западных приходах Беломорской Карелии практически

⁴ Оленев И. По Карелии // Литературное приложение к журналу «Нива» на 1902 год. 1902. № 9. С. 445–446.

⁵ Ан. В-ов. Нужды Карелии // ИАОИРС. 1913. №3. С. 117.

⁶ Руотси Н. Личность карела // ИАОИРС. 1913. №3. С. 103–106.

⁷ Мелентьев В. Карельские сюжеты // ИАОИРС. 1910. №3 С. 15.

⁸ Камкин Н. Архангельские Корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. 1880. Т. XVI. №4. С. 651–673; Голубцов Н. Архангельские Карелы // Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. С. 25.

не осталось семей, в которых кто-либо из мужчин не занимался разносной торговлей⁹.

В свою очередь население восточных приходов Беломорской Карелии находит источники средств существования за восточной границей региона. Карелы из селений, располагавшихся недалеко от границы с Поморьем, всё чаще уходят на рыбные промыслы вместе с поморами. В конце XIX — начале XX в. становища Мурманского берега были знакомы многим карельским мужчинам и подросткам из Пильдозерского, Маслозерского, Шузерского и других восточных приходов Беломорской Карелии. Помимо этого, в конце XIX столетия на западном побережье Белого моря начинает развиваться деревообрабатывающая промышленность. Первый лесопильный завод был построен в поморском селении Сорока в 1869 г., а в 1909 г. в Кемском Поморье действовало шесть лесопильных заводов¹⁰. Заготовка и транспортировка леса для этих заводов давала карелам восточных и центральных регионов Кемского уезда дополнительную возможность заработка в зимнее и весеннее время года.

Трезвость на западе, пьянство на востоке

Разносная торговля, заготовка леса и рыболовецкие промыслы заставляли мужское население карельских деревень много месяцев в году проживать в условиях, которые значительно отличались от привычной домашней жизни. Отхожие промыслы подвергали участвовавших в них карел влияниям чужих этносов, и таким образом эти влияния затем распространялись и в карельских селах. На западе Беломорской Карелии усиливалось влияние финской культуры, а в восточных регионах Карелии наблюдалось усиление влияния Поморья. Это подтверждают и описания приходов уезда, составленные местными священниками в конце XIX — начале XX в.

В конце XIX — начале XX в. «Архангельские епархиальные ведомости» (далее — АЕВ) дважды публиковали подробную информацию о приходах Кемского уезда. Первый раз это было сделано в 1896 г., когда в №№ 11–17 «Ведомостей», выпедших в свет в июне — сентябре, было опубликовано «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии». Эти описание практически не содержало сведений о жизни местных крестьян, основное внимание в нём было уделено приходским причтам, церковным строениям и условиям работы церковнослужителей¹¹.

⁹ Vuoristo S. Tietoja laukkurien lukumäärästä // Karjalan heimo. 2006. № 3–4. С. 42–43; Naakka-Korbonen M. Halpa hinta pitkä mitta. Helsinki, 1988. С. 78.

¹⁰ Памятная книжка Архангельской губернии на 1909 год. Архангельск, 1909. С. 105–106.

¹¹ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии. Выпуск III. Уезды: Онежский, Кемский и Кольский // АЕВ. 1896. №№11–17.

Во второй раз «Архангельские епархиальные ведомости» обратились к подробным описаниям приходов Кемского уезда начале XX в. В этот раз описания не были сведены в единый комплекс, а публиковались разрозненно в номерах журнала, выходивших в 1900–1910-х годах. Большая часть описаний карельских приходов уезда была опубликована в номерах, выпущенных в 1908 г. Заметно, что священники получили определенные наставления по составлению описаний. Все они были написаны примерно в одном ключе и содержали сведения о быте карел, их занятиях, условиях проживания, грамотности, религиозности и о чертах их характера или «натуре». Из этих описаний заметно, как тесные контакты с финнами и поморами, длившиеся много месяцев в году, накладывали отпечаток на жизнь карельских семей.

Примером экспансии финской культуры в Беломорской Карелии может служить описание Юшкозерского прихода, сделанное в 1912 г.: «С наступлением осени, многие [местные карелы] уходят в Финляндию для торговли вразнос. Этот отхожий промысел является у карел почти единственным источником добывания средств... Все лица, занимающиеся этим, живут безбедно, даже, можно сказать, зажиточно; к тому же этот отхожий промысел легок и заманчив, ибо нередко из наемного разносчика карел делается самостоятельным хозяином в торговле. <...> Никакие ремесла среди населения не развиты... <...> Несмотря на все неблагоприятные экономические условия жизни, степень зажиточности населения можно назвать средней.

<...> Дома карел деревянные, одноэтажные. Старые построены глаголем, новые же строятся пятистенными и принимают вид более русский. <...> В праздники одеваются довольно прилично: триковая или суконная тройка, пальто или шуба, штiblеты, калоши, чистая рубашка («фантазия»), часы, шляпа или шапка — вот обычный костюм карел. Карелки носят сарафаны и кофты (преимущественно яркого цвета). <...>

Как и все карелы, прихожане — народ сметливый, но малоразвитый, и в тоже время обладающий изумительной способностью к изучению языков. [Примечание: Через год проживания в Финляндии почти каждый карел вполне усваивает финский язык и отчасти шведский. Побывав в Америке, карел скоро привыкает говорить по-английски. Учащиеся на второй год обучения (дома слышат только родную речь) удовлетворительно для инородцев начинают объясняться по-русски...] <...>

К порокам, заметным среди прихожан, следует отнести сквернословие и табакокурение; незаконные сожительства очень редки¹².

Описанию Юшкозерского прихода вторит описание прихода «столицы» Беломорской Карелии, села Ухты, составленное священником Иоанном Чирковым:

¹² *Священник П. П. Юшкозерский приход // АЕВ. 1912. №5. С. 127, 129, 130 133, 136.*

«Финский язык понимают лишь те из карел, которые ходили или ходят в Финляндию. <...> Ухтинцы трезвы, пьяного карела увидеть на улице большая редкость. Винной торговли во всей Карелии нет, благодаря ходатайству местных жителей. <...> Внутренность избы отличается чистотою. Одеваются ухтяне щеголевато, мужчины в городской пиджачный, иногда и сюртучный костюм, пальто или шуба меховые и барашковые шапки. Сапоги носят финские без подошв... камаши, а зимою, кроме того, и валенки. <...> Девицы одевают белые накрахмаленные рубашки, кашемировые сарафаны и фартуки всевозможных ярких цветов. Башмаки всегда с галошами. В последнее время распространяется финский обычай носить черные, или кашемировые или сатиновые, платья. В отношении трудолюбия об ухтянах приходится говорить отрицательно; все они нетрудолюбивы, женщины же и девицы в зимнее время гуляют из избы в избы и занимаются пересудами. В летнее время они также не затруднены работами. <...> Молодежь любит погулять, устраивают беседы и вечеринки, танцуют под звуки немудрой норвежской гармонии и песен. Песни поют русские и финские»¹³.

Замечания святых отцов об «отсутствии ремесел» и недостаточности «трудолюбия» в среде карел можно объяснить тем, что в начале XX столетия земледелие и ремесла уже не имели большого значения в жизни карел западных и центральных регионов Кемского уезда. Можно сказать, что в этих регионах натуральная система хозяйствования сменилась на товарно-денежную. Карелам было надежнее закупать хлеб на заработанные торговлей деньги, чем выращивать его на скудных землях. Денег хватало и на строительство новых домов, и на покупку «городской» одежды. Отход карел от земледелия и патриархальной крестьянской жизни, а также усиление влияния Финляндии естественно раздражали русских священников, видевших в этом угрозу для падения авторитета православной церкви в регионе.

На характер описаний влияло и то, что контингент священнослужителей в Кемском уезде отличался некоторым своеобразием. Затерянные в глухих лесах приходы Беломорской Карелии служили своего рода местом ссылки для нерадивых служителей церкви. Так, например, в 1896 г. из 16 служивших здесь священников лишь половина имела за плечами полный курс духовной семинарии или училища, другая половина была из числа уволенных из духовных учебных заведений на разных этапах обучения¹⁴. Иными словами, это были священники из «недоучек», наверняка попадавшие в карельские приходы отнюдь не по велению души и сердца.

¹³ Священник Иоанн Чирков. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // АЕВ. 1908. №7. С. 204–212.

¹⁴ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии // АЕВ. 1896. №№11–15.

Не удивительно, что в описаниях приходов священники жаловались на жизнь, писали о негативном отношении к церкви со стороны карельского населения, описывали трудности путешествий, дурное состояние церквей и причтовых домов и вообще всячески старались подчеркнуть свое бедственное положение.

Негативное отношение к карельскому населению особенно замечено в описаниях карельских приходов Кемского уезда, подписанных инициалом *N* и опубликованных в 1908–1910-х гг. Этим инициалом подписаны пять из семи описаний приходов, расположенных в западной и центральной частях Кемского уезда, а именно приходы Логоваракский, Ладвозерский, Войницкий, Кестенгский и Тихтозерский. *N* составил и описание небольшого Подужемского прихода, располагавшегося на востоке уезда и граничившего с Кемским приходом. Судя по стилю, все они были написаны одним и тем же автором.

Во всех описаниях западных приходов Кемского уезда, написанных анонимным автором *N*, подчеркивалось, что карелы живут бедно и грязно, в тесных избах «с тараканами и блохами», но при этом любят одеваться щегольски, «навешивают» часы на финский манер и многие говорят по-фински. По мнению *N*, карелы соседствующих с Финляндией приходов отличались трезвостью, но любили «погулять» при каждом подходящем случае.

Вот, например, как описывает *N* быт и поведение карел Логоваракского прихода, располагавшегося в центре уезда, на южном берегу Топозера: «Домашняя обстановка карел довольно бедна. <...> В праздник карелы любят нарядиться: мужчины одеваются даже довольно щеголевато в суконные и триковые пиджаки, брюки, жилеты, добавляя воротнички, манишки, манжеты, поярковые шляпы, камашки, калоши, и почти каждый навешивает карманные часы, а женщины одеваются в гарусные, ситцевые и даже шелковые сарафаны, фартуки и кофты <...> Большая часть заработков карел уходит на наряды, что еще больше увеличивает бедность их... Имея знания для улучшения своего хозяйства, карелы меньше будут заниматься отхожим промыслом в Финляндии, где не только нравственно развращаются, но и физически, заражая других пропагандой неверия и принося домой заразные венерические болезни, которые есть в каждой почти семье того дома, из которого ходят торговать в Финляндию. <...> Местные карелы отличаются трезвостью, так как винная лавка находится за 140 верст»¹⁵.

Если сравнить сведения, представленные *N* со сведениями, представленными священниками Ухтинского и Юшкозерского приходов, то отличия наблюдаются,

¹⁵ *N*. Логоваракский приход // АЕВ. 1910. №№1–4.

главным образом, только в описаниях домов. В остальном священники были единого мнения о быте беломорских карел. Основные характеристики этого быта и «натуры» карел по описаниям священников приводятся в таблице и на схеме.

Таблица 1. Основные черты быта и характера карельских крестьян Кемского уезда по описаниям приходских священников начала XX в.¹⁶

Западные и центральные приходы	Восточные приходы
Основные занятия	
Торговля в Финляндии, заготовка и сплав леса для лесопильных заводов	Рыболовные промыслы на Мурманском берегу, лесозаготовки, рыбная ловля в озерах и реках, заготовка и сплав леса
Условия проживания	
Старые избы бедные, грязные. Новые дома богатые, строятся по финским и русским образцам	Избы бедные, грязные, с тараканами
Грамотность	
Русский язык знают плохо, владеют финским и шведским	Владеют карельским и русским языками. Неграмотность и невежество
Трезвость	
Жизнь трезвая (объясняются тем, что нет торговли спиртным)	Пьянство, сквернословие, драки, карточные игры
Черты характера	
Сметливы, доброжелательны, ленивы, любят погулять	Ленивы, бесхозяйственны, грубы
Одежда	
Одеваются щеголевато, по финской моде	Одеваются по городской моде

Из таблицы видно, что жизнь и «натура» карел в восточных приходах Беломорской Карелии отличалась от образа жизни и характера карельских крестьян, проживавших в западных и центральных регионах Кемского уезда. Несомненно, что отличия эти были связаны с влиянием на карельское общество ближайших соседей карел, финнов и поморов, усилившимся в конце XIX столетия.

¹⁶ АЕВ. 1904–1912 гг.

Карелы восточных регионов уезда проводили много времени с поморами, но, судя по описаниям, их сосуществование отнюдь не отличалось взаимным доверием и дружелюбием. Так священник Пильдозерского прихода писал о плохом отношении карел к русскому населению: «При сношениях карелов с русскими особенно проявляются со стороны их хитрость, лесть, неискренность и лицемерье»¹⁷. Поморы, в свою очередь, тоже относились к карелам крайне недоверчиво в конце XIX столетия. Об этом писала в 1970-х годах Татьяна Бернштам, занимавшаяся исследованием поморской культуры. По мнению Бернштам даже невзирая на то, что в родословной многих поморских семей имелись связи с карелами, взаимоотношения между поморами и карелами лишь ухудшались. Поморы опасались, что карельское «нашествие» ухудшит их благосостояние и возможности для заработков¹⁸.

Помимо денег карелы приносили с собой с рыболовецких становищ на Мурмане пьянство, картежные игры, сквернословие и склонность решать проблемы при помощи кулаков. Вот как, например, описывал священник Иоанн Чирков «религиозно-нравственное» и бытовое состояние Шуезерского прихода, располагавшегося в непосредственной близости от поморского берега, в нескольких десятках километров от уездного города Кемь: «Порок пьянства занимает первое место среди шуезер. На мурманских промыслах нередко любители выпивки оставляют все свои скудные заработки в тамошних винных лавках. <...> Нельзя сказать, чтобы воровство было очень распространено среди шуезер, но все-таки помещения свои не лишне запирают на замок. Доверия друг к другу не имеют никакого и стараются при всяком удобном случае обмануть соседа. <...> Молодежь во всем подражает городским нарядам — одеваются в пальто, пиджак, сапоги с галошами, манишки с галстуками. Женщины носят сарафаны»¹⁹.

Упомянутый выше анонимный автор *N* также открыто отмечал дурное влияние Мурманна на карел Подужемского прихода: «Нужно указать на одно неблагоприятное условие, которое способствует грубости и пьянству среди здешних карел и парализует те добрые влияния, которые идут от церкви и школы. Жизнь подужемских карел за последнее время сложилась так, что они все более и более стали отлучаться на отхожие промыслы. Между прочим, на Мурман»²⁰. А священник Надвоицкого прихода обвинял в падении нравов местного карельского населения работы на лесозаготовках: «Нравственность у молодых людей испорчена: поют

¹⁷ С. Н. П. Пильдозерский приход Кемского уезда в религиозно-бытовом отношении // АЕВ. 1904. №1. С. 28.

¹⁸ Бернштам Т. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 69–72.

¹⁹ Священник Иоанн Чирков. Шуезерский приход Кемского у. в религиозно-нравственном и бытовом отношении // АЕВ. 1907. №5. С. 145–146.

²⁰ N. Подужемский приход Кемского у. в религиозно-нравственном отношении // АЕВ. 1908. №6. С. 168–169.

похабные песни, сквернословят, развивается пьянство, картежная игра, а в “беседах” (“бесёды” — посиделки. — Ю. Ш.) драки с ножами. Вредно влияет на нравственность то обстоятельство, что с самой ранней весны и до поздней осени крестьяне уходят на сплав леса»²¹.

Представленные цитаты, краткое содержание которых нашло отражение в таблице, показывают, насколько пагубно влияли на «морально-нравственное состояние» карельского населения восточных регионов Беломорской Карелии работы на рыбных промыслах и лесозаготовках. Влияние этих работ было особенно заметно среди молодежи. Приобретенные на Мурмане дурные привычки, в свою очередь, влияли на отношение к карелам жителей Кемского Поморья. Несмотря на «обрусение» карел восточных регионов Кемского уезда, граница между карельским и поморским населением уезда лишь усиливалась, тогда как граница между финнами и беломорскими карелами всё больше стиралась. Священники признавали, что финское влияние оказывало благоприятное воздействие на жизненные условия и поведение карел в быту, но при этом отмечали, что это влияние разрушало и без того слабую связь беломорских карел с русской православной церковью.

Выводы

Подводя краткие итоги, можно отметить, что в описаниях приходов Беломорской Карелии, составленных священниками Кемского уезда, довольно четко прослеживается разница во влиянии Финляндии и Поморья на карельское население этих приходов. Хотя отношение православной церкви и российской администрации вообще к усиливавшемуся влиянию Финляндии на карельское население было крайне отрицательным, авторы описаний были вынуждены констатировать, что общение с финнами и шведами приносило в жизнь беломорских карел многие положительные черты. В их число входили знание языков, грамотность, «сметливость» в торговле и стремление устроить свои жилища «на финский манер». Работы на Мурмане и по заготовке леса, в свою очередь, оказывали в основном дурное влияние. С рыбацких становищ и лесопильных заводов в Беломорскую Карелию распространялось пьянство, сквернословие, драки, лень и недоверие к русским. В свою очередь среди русского населения уезда росло недоверие к карелам, вызванное приобретенными ими дурными привычками. В конце XIX — начале XX столетия долгое время существовавший стереотип «полудиких» карел заменили новые стереотипы. На западе уезда это был одетый по финской моде торговец-«коробейник», а на востоке — хитрый и ленивый пьяница.

²¹ Священник А. Я-в. Надвоицкий приход. // АЕВ. 1907. №23. С. 802.

Список литературы

Бернштам, Т. Поморы. Формирование группы и система хозяйства / Т. Бернштам. — Ленинград : Наука (Ленинградское отделение), 1978. — 176 с.

Naakka-Korhonen, M. Halpa hinta pitkä mitta / M. Naakka-Korhonen. — Helsinki : SKS 1988. — 294 s.

Vuoristo, S. Tietoja laukkurien lukumäärästä / S. Vuoristo // Karjalan heimo. — 2006. — № 3–4. — S. 42–43.

РУНТОВА Анастасия Николаевна / RUNTOVA Anastasia
Тверской государственной университет / Tver State University
Россия, Тверь / Russia, Tver'
runt.na@mail.ru

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ КАРЕЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА (ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ)

AN ATTEMPT AT CREATING THE KARELIAN WRITING SYSTEM IN THE 1930s
(THE TVER' REGION)

Abstract: The first printed works in the written Karelian language appeared in the 19th century but only after the Revolution the process of creating literary language for the Karelians living in the Tver' region began, and it took place in line with language policy of the ruling Party. The language building process started in 1930 in Moscow region (Tver' governorate was part of it): a Latin-based alphabet was developed; the newspaper *Kolhozoin puoleh* was published, teaching and learning materials to teach Karelian language to children and adults were published; courses and conferences for teachers from Karelian areas were held; in the Department of Language and Literature of the Pedagogical Institute was opened a Karelian section; the Karelian language was taught in the working man's college of the Likhoslavl and Vyshny Volochek Pedagogical Technical Schools, etc. In 1937, a process of transferring the Karelian language from the Latin alphabet into Cyrillic and creation of a single literary language for all the Karelians of the Kalinin region and Karelian ASSR began. However, in 1939, due to political changes 'Karelistation' stopped. For many years, the Karelian remained the language of communication at home.

Ключевые слова / Keywords: Карельский язык, карельская письменность, история карельского языка, тверские карелы / Karelian language, Karelian writing system, history of the Karelian language, Tver' Karelians

Историю карельской письменности на базе тверского диалекта можно условно разделить на три периода: 1) XIX век; 2) 30-е годы XX века; 3) 90-е годы прошлого века¹. Найденные в Великом Новгороде берестяные грамоты на карельском языке, показывают, что уже в XIII веке при необходимости карелы, владеющие русской грамотой, могли делать записи на родном языке используя буквы кириллицы.

В XIX веке появляются важнейшие памятники карельской письменности: «Евангелие от Матфея» (1820) в переводе учителя Новоторжского духовного училища Матвея Андреевича Золотинского и священника Введенской церкви села Козлова Вышневолоцкого уезда (сейчас Спировский район) Григория Ефимовича Введенского, а также рукописный перевод «Евангелия от Марка»².

¹ Громова А. Г. Особенности развития карельской письменности на толмачевском говоре тверского диалекта // Тверские карелы: история, язык, культура. Тверь, 2011. С. 42–54.

² Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х гг. прошлого века // Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. 39. Прибалтийско-финское языкознание. 1963. С. 70–79.

Первым учебным пособием стал букварь, составленный Анастасией Александровной Толмачевской «Родное карельское: карельско-русский букварь для легчайшего обучения грамоте карельских детей» (1887), а также ряд других печатных и рукописных документов на карельском языке: «Карельская исповедь»³, «Сон Богородицы»⁴, «Карельские заговоры, приметы и заплочки», собранные Марией Васильевной Михайловской и изданные под редакцией Н. Н. Поппе⁵ в 1924 г.

Все эти памятники были созданы на основе кириллицы с добавлением букв, передающих особенности фонетики карельского языка. Однако не было единых правил орфографии, т. к. отсутствовали словари и не была разработана грамматика и другие нормы письменного языка. Лишь после революции и установления советской власти началось изучение карельского языка и его нормирование. На этом периоде остановимся подробнее.

В 1921 г. на X съезде были сформулированы задачи ленинской национально-языковой политики по ликвидации национального неравенства⁶, которые заключались в разработке письменности для бесписьменных языков, организации системы образования и административного управления республиками и автономиями на родном языке. Однако данный процесс требовал не только материальных вложений, но большого числа научных специалистов по языкам, фактически никогда не исследованным. Алфавиты начали разрабатывать на латинской основе, даже для тех языков, которые использовали арабскую и кириллическую системы письма. В том числе готовился проект для латинизации русского алфавита, чтобы приблизить его к европейским языкам и сделать интернациональным. Конечно, языковое строительство ставило главную цель: на родном языке пропагандировать идеи и политику партии (индустриализацию, коллективизацию и т. д.) национальным меньшинствам.

Почти 10 лет потребовалось, чтобы начать карелизацию в Тверской губернии⁷. Первое что необходимо было сделать для реализации планов по созданию письменного языка — это найти научные кадры, которые смогли бы собрать языковой материал, разработать новый алфавит на латинской основе (согласно

³ Полевая А. В. Вклад ТУАК в сохранение культурного наследия тверских карел // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2017. № 4. С. 126.

⁴ Государственный архив Тверской области (далее — ГАТО). Р-1367. Оп. 1. Д. 24. Л. 8–9.

⁵ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград, 1924. Т. 5. Вып. 2. С. 611–330.

⁶ Исаев М. И. О языках народов СССР. М., 1978.

⁷ Далее: 1929–1935 — Московская область; 1935–1990 — Калининская; с 1990 — Тверская.

решениям органов власти), единые грамматические правила для передачи устной речи, написали бы научные, учебные и методические пособия, а также смогли подготовить специалистов, владеющих не только устным, но и письменным языком: педагогов, журналистов, переводчиков и т. д.

Большую роль в подготовительной работе к карелизации сыграли исследовательские экспедиции, которые проводились как центральными, так и местными научными учреждениями. Так с 1921 по 1925 г. в Тверском крае работала Верхневолжская этнологическая экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры (в 1924–1925 гг. совместно с Этнографическим отделом Русского музея) под руководством профессора Давида Алексеевича Золотарёва⁸.

В 1925 и 1926 годах Тверской пединститут при поддержке Ассоциации по изучению производительных сил Тверской губернии при Губплане провёл две Верхнемоложские экспедиции под руководством Анатолия Николаевича Вершинского и Юрия Матвеевича Соколова. На исследуемых этими экспедициями территориях проживало карельское население края, сведения о котором были собраны, в дальнейшем обработаны и частично опубликованы⁹. Были выявлены районы компактного проживания карел, создан перечень карельских селений (Вершинский А. Н.¹⁰), описаны особенности костюма (Маслова Гали Семеновна¹¹), записан фольклор и т. д. Для сбора материала привлекались местные учителя и студенты-карелы из Педагогического института.

В 20-х гг. изучением финно-угорских языков (в том числе и карельского) начинает заниматься Дмитрий Владимирович Бубрих, который принял активное участие в языковом строительстве, выступал на конференциях и съездах по вопросам языка, публиковал статьи в центральных и местных изданиях, разрабатывал грамматику карельского языка¹².

Уже 1928 г. в Тверском педагогическом институте были написаны две студенческие дипломные работы по истории и языку карелов. Первая — Беякова Ивана Петровича «История карел Тверской губернии» под руководством

⁸ Золотарев Д. А. Население Тверского края. Тверь, 1929. 24 с.; *он же*. Карелы СССР. Л., 1930.

⁹ Верхне-Моложская экспедиция 1925 г // Известия Тверского педагогического института. Тверь. 1926. Вып. 1; Вторая Верхне-Моложская экспедиция // Известия Тверского педагогического института. Тверь. 1926. Вып. 2; Цыков В. В. Этнографические экспедиции в тверском крае в 20-е годы // Историк и время: к 80-летию М. М. Фрейденберга. Тверь, 2004. С. 137–142; Котлярская Л. А. Из истории тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944). Тверь, 1990.

¹⁰ Вершинский А. Н. Список карельских селений Московской области. М., 1932.; *Он же*. Библиография карел Московской области. М., 1931.

¹¹ Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951.

¹² Бубрих Д. В. Какой язык положить в основу просвещения тверских карел // Революция и национальность. Л., 1931. № 2–3. С. 132–136; *Он же*. Какой язык тверским карелам? Л., 1931; *Он же*. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1937.

А. Н. Вершинского и вторая — Антоновой-Милорадовой Александры Алексеевны «Материалы для карельско-русского словаря» под руководством Н. М. Каринского, которую одобрили профессора Д. В. Бубрих и Николай Николаевич Поппе¹³. Эти выпускники стали в дальнейшем основателями карельской секции и преподавателями родного языка в Пединституте.

Спустя год после окончания института (1929) Милорадова поступила в аспирантуру в Научно-исследовательский институт народов советского Востока на Секцию языка, где продолжила исследования карельского языка. Ею были подготовлены доклады «О литературном языке для тверских карел» (1931 г.), «Проблема карельского алфавита» (1932 г.)¹⁴, «Терминологическое строительство у карел Калининской области», «Диалекты ленинградских карел»¹⁵ и др.

В 1930 году начался бурный процесс карелизации в Московской области, поэтому необходимо было в кратчайший срок организовать обучение на родном языке в школах и педтехникумах, а для этого требовалось издать огромное количество учебной литературы и подготовить около 400 учителей, знающих карельский язык, нужны были периодические издания.

Несмотря на то, что карельский язык к этому времени имел памятники письменности на основе кириллицы, Милорадовой было поручено составить новый латинизированный алфавит, что она и сделала под руководством профессора Николая Феофановича Яковлева (председатель Технографической комиссии Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА), занимавшегося разработкой алфавитов для бесписьменных языков)¹⁶. Милорадова, на тот момент, в Тверском крае была единственным квалифицированным специалистом по языку, поэтому ещё будучи аспиранткой МООНО (Московский областной отдел народного образования) привлекал её к общественной работе. Милорадову назначили инспектором для карельских школ и за летние каникулы она приняла участие в конференциях и методических совещаниях по карельскому вопросу и составлению программы для курсов по переквалификации учителей, а также читала лекции на этих курсах, где знакомила слушателей с новым алфавитом и составленным ею первым букварем¹⁷.

24 февраля 1931 г. вышел первый номер карельской газеты «*Kolhozoin puoleh*» («За колхозы») и эту дату стали считали днём рождения карельской письменности. Первым редактором газеты был Алексей Антонович Беяков — активный участник

¹³ ГАТО. Р-1213 Оп. 1. Д. 135. Л. 4; Дипломные работы // Известия Тверского педагогического института. Вып. 5. Тверь. 1929. С. 215–236.

¹⁴ ГАТО. Р-1213 Оп. 3. Д. 20. Л. 20.

¹⁵ Архив РАН. Ф. 677. Оп. 5. Д. 134.

¹⁶ Архив РАН. Ф. 677. Оп. 5. Д. 133. Л. 3–5.

¹⁷ ГАТО. Р-1213 Оп. 3. Д. 20. Л. 18.

всех совещаний и конференций по карельским вопросам, автор, переводчик и редактор учебных пособий для школ, родной брат Александра Антоновича Беякова (ученик Бубриха, сотрудник КарНЦ). Газета выходила с периодичностью один раз в пять дней, статьи печатали на карельском и русском языках. Основные темы: коллективизация, организация и работа колхозов, международные политические вопросы (финские и итальянские фашисты), карелизация (вопросы языка, подготовка учителей и школ к обучению на родном языке) и культурное строительство в районах (работа изб-читален, клубов, самодеятельности), освещались и новости из Карелии. С первых номеров в газете печатали алфавит и примеры карельских слов, а с № 31 выходило бесплатное приложение с материалами для обучения чтению и письму, т. е. газета служила ещё и учебным пособием.

Язык статей отличается большим количеством неологизмов, отражающих историческую действительность тех лет. Эта лексика, заимствованная из русского языка, дается в карельских текстах почти без изменений, она лишь адаптируется к законам карельской фонетики и грамматики. Например, заголовок: «*Kylvö lähenöy. Šuurenamma pelvahan kylvännän. Priimikkä vьzova kolhozan “Krasnaja Niva”. Rešieteljno vedäkkiä nostuplenijua kulakkoloih*» («Сев приближается. Увеличим посевы льна. Принимайте вызов колхоза “Красная Новь”. Решительно ведите наступление на кулачество»)¹⁸.

Редакция газеты находилась в Москве при издательстве Мособлисполкома, а к началу 1932 г. переехала в город Лихославль. Вторым редактором газеты стал Василий Иванович Иванов, а А. А. Беяков остался главным редактором карельского отделения издательства Мособлисполкома и Центриздата, а позже Учпедгиза.

Важное значение имел выпуск литературы на родном языке, и в первую очередь учебной для школ и ликбезов. Подробно о работе издательства можно узнать из документов, хранящихся в архиве А. А. Беякова¹⁹. Он пишет, что было много проблем. Первая — нехватка квалифицированных кадров из карел, на подготовку которых требовалось время. Эту проблему решали тем, что привлекали студентов и грамотных карел для перевода текстов. Например, в личном деле студента карельской группы Пединститута Зиновьева Арсения Николаевича сохранилось заявление с просьбой оставить его в городе на время сельскохозяйственной практики, т. к. ему необходимо перевести для карельского издательства две книги²⁰.

¹⁸ Kolhozojn puoleh. 06.03.1931. № 2. С. 1.

¹⁹ ГАТО. Р-1367 Оп. 1. Д. 24 (Создание и ликвидация карельской письменности. 1980) и Д. 36 (Итоги и перспективы издания карельской литературы: доклад на совещании карельских работников в г. Лихославле. 1932).

²⁰ ГАТО. Р-1213. Оп. 12. Д. 428. Л. 1.

Ещё одна важная проблема — орфографическое единообразие. Авторы, владеющие разговорной формой языка, на письме использовали различные способы написания, т. к. грамматическая и орфографическая система письменного языка находились в процессе разработки (Беляков).

Существовали и технические проблемы при производстве литературы (плохая бумага, качество печати), бюрократические проволочки, очень частое изменение учебных программ, которое требовало внесения изменений в уже подготовленные к печати издания — все это замедляло выпуск продукции и ухудшало её качество²¹.

В феврале 1932 г. в Лихославле два дня торжественно отмечали первую годовщину газеты и карельской письменности. На заседании выступали ученые из Москвы и Ленинграда (профессора Д. В. Бубрих и Н. Ф. Яковлев), главные редактор газеты и издательства В. И. Иванов и А. А. Беляков. Праздничный концерт был дан артистами Большого академического театра оперы и балета. На специально залитом к этому дню катке провели физкультурные соревнования. Запускали фейерверки²². Однако газета просуществовала совсем не долго и в 1933 г. её выпуск прекратился.

Важным в процессе карелизации была организация обучения на родном языке. Для этого были нужны не только учебные пособия, но и учителя для всех типов учебных заведений (школ 1 и 2 ступеней, Школ крестьянской/ колхозной молодежи, ФЗУ, техникумов). В газете «*Kolhozojn puoleh*» за март и апрель 1930 г. опубликована информация, что все дети карелы с 1932 года должны будут учиться на родном языке, но подготовленных учителей по восьми карельским районам насчитали всего 159 человек, а требовалось минимум 450. Для решения этой проблемы были организованы краткосрочные курсы при Вышневолоцком педтехникуме (106 человек), Спировской 10-летке (40), Бежецком педтехникуме (30), Весьегонской 10-летке (53), в ближайшее время должны были открыться курсы в Максатихе (40), Лихославле (48), Рамешках (28)²³.

Однако переквалификация учителей не решала проблему с кадрами, поэтому 1931 г. был открыт Лихославльский карельский педагогический техникум со школьным, дошкольным и политпросвет-отделениями и карельская группа в Вышневолоцком педтехникуме. Они должны были подготовить учителей для школ 1 ступени, а также потенциальных студентов для вузов.

²¹ ГАТО. Р-1367. Оп. 1, Д. 36. Л. 25–28.

²² ГАТО. Р-1367. Оп. 1, Д. 24 и 36.

²³ *Смирнов*. Немедленно взяться за подготовку кадров // *Kolhozojn puoleh*. 20.03.1931. № 4. С. 4; *Пулин А.* Сдвиг есть, но этого мало // *Kolhozojn puoleh*. 21.04.1931. № 8. С. 2.

В этом же году открылась карельская группа на 10–15 студентов и двух аспирантов в Ленинградском историко-лингвистическом институте на цикле финно-угорских языков и литератур²⁴, о чём сообщил в газете Д. В. Бубрих.

Ещё 1927 г. Тверской пединститут обращался в Наркомпрос с просьбой о разрешении открыть Кафедру кареловедения при Отделении языка и литературы. Это ходатайство было поддержано Губернским комитетом Ассоциации по изучению производственных сил Тверской губернии и Губоно, однако Главпрофобр отказал²⁵, поэтому карельская секция в Пединституте была создана лишь в 1931 г.

Многое о работе секции узнаём из документа, составленного по итогам её обследования инспектором Управления подготовки учителей (УПУ) Наркомпроса РСФСР т. Гамаловым и завотделом нацмен Мособлисполкома т. Качановым в конце 1933 г. Так они сообщают о проблеме комплектования группы. Причины: 1) мало желающих; 2) слабая подготовка и вследствие этого большой отсев. Так, из 18 человек, поступивших в 1931 г. до 3 курса дошли 8; из 19 человек, поступивших в 1932 г. до 2 курса доучились 10 студентов. На 1933/34 учебный год набор провален, т. к. никто из абитуриентов не смог пройти вступительных испытаний.

Студентам карельской секции необходимо было, кроме предметов по карельскому языку, освоить в полном объеме курс Отделения языка и литературы, а для этого требовалась хорошая подготовка.

Были проблемы и со спецпредметами: отсутствовали программы, не было учебной и художественной литературы. Например, на карельскую литературу было отведено 50 часов, но вся литература заключалась в нескольких изданных учебниках. Не учитывали подход к преподаванию, например, к методике русского языка, который должен был изучаться в карельских школах как иностранный, а не родной, соответственно и приемы необходимы другие.

Мало было подготовленных преподавателей. Руководила секцией и вела карельский язык, его историю и общий курс языкознания А. А. Милорадова (два года), но в 1933/34 учебном году из-за материальных проблем она хотела уйти из института и согласилась читать лишь Историю карельского языка (105 ч.) на 3 курсе и Карельский язык (86 ч.) на 2 курсе. Практические занятия по языку проводил Беляков Иван Петрович (окончил социально-историческое отделение Тверского пединститута). Чекеев Василий Степанович (д. Шуя Рамешковского р-на) вёл педологию и методику преподавания карельского языка, оба работали

²⁴ Бубрих Д. Подготовим научные кадры из трудящихся карел // *Kolhozojn puoleh*. 19.05.1931. № 12. С. 4.

²⁵ ГАТО. Р-1213. Оп. 1. Д. 257. Л. 15.

в институте по совместительству, историю карел читал профессор Анатолий Николаевич Вершинский²⁶.

Интересный факт, что некоторые из студентов перевелись в Пединститут с Рабфака г. Петрозаводска. В делах студентов Смородова Василия Власьевича и Кудякова Сергея Яковлевича есть заявления о переводе и у обоих по причине трудностей с финским языком, который был обязательным предметом на нацрабфаке²⁷.

В 1934 г. Пединститут выпустил первых студентов, окончивших карельскую секцию (дипломные работы: *Кузьмин Яков Васильевич* «Склонение в карельском языке и его отличия от склонения в русском языке»; *Рунтов Борис Иванович* «Простые предложения в карельском языке»; *Смирнов Ф. П. (А?)* «Глаголы в карельском языке» в архиве института не сохранились). Все выпускники получили специальность преподавателя карельского языка и литературы и русского языка и литературы в карельских школах повышенной ступени и были распределены МООНО в карельские районы. Например, Зиновьева Арсения Николаевича направили преподавателем в Лихославльский педтехникум.

Необходимость в специалистах существовала не только в Московской области, но и в Карелии. В архиве сохранился документ из Наркомпроса АКССР от 17.05.1934 г. с просьба прислать выпускников Пединститута в Карельскую АССР, т. к. там имеется острая нехватка преподавателей в повышенные школы и техникумы и с резолюцией, отказывающей в просьбе²⁸.

К сожалению, за 1935/36 и 1936/37 учебные года сведений о карельских группах в архиве Пединститута не найдены, скорее всего секция не работала из-за указанных выше трудностей. Хотя в списках студентов различных отделений (факультетов) карелы указаны.

В 1931 г. карельский язык также преподавался на дневном Педрабфаке, о чём также есть информация в Выводах комиссии по обследованию института (Гамалов и Качанов). Всего в трёх группах учились 72 человека. На первом курсе карельский язык (150 ч.) вёл студент Борис Иванович Рунтов²⁹, на 2 и 3 курсах (143 и 95 ч.) Иван Петрович Беляков. Однако в архивных делах по Тверскому Педрафаки в ответе на запрос из Наркомпроса РСФСР о карельских группах есть информация, что в 1931/32 и 1932/33 учебных годах преподавание карельского языка начиналось со второго курса (на первом курсе были общие предметы)³⁰.

²⁶ ГАТО. Р-1213. Оп. 1. Д. 446. Л. 88–90.

²⁷ ГАТО. Р-1213. Оп. 12. Д. 446. Л. 1; ГАТО. Р-1213. Оп. 12. Д. 433, Л. 1, 2.

²⁸ ГАТО. Р-1213. Оп. 1. Д. 446. Л. 18.

²⁹ ГАТО. Р-1213. Оп. 19–18. Д. 2. Л. 24 (Приказ о зачислении на работу Рунтова Б. И.).

³⁰ ГАТО. Р-1213. Оп. 19–18. Д. 13. Л. 29, 30.

Большие надежды на дальнейшее развитие карельского языка были связаны с созданием Карельского национального округа в 1937 г., в который вошли Лихославльский, Новокарельский (Толмачевский), Рамешковский, Максатихинский и Козловский (Спировский) районы.

С 25 июля 1937 г. стала выходить газета «Karielan tožj» на русском и карельском языках, редактором которой был И. Лебедев.

Возобновилось преподавание карельского языка в Калининском пединституте. Заведующим Кафедры кареловедения стал Беляков Алексей Антонович. Сюда планировали пригласить читать лекции профессора Д. В. Бубриха. В плане научной работы огромный список для подготовки изданий по карельскому языку, истории, географии и т. д. В том числе защита докторской диссертации по истории тверских карел А. Н. Вершинского³¹.

К этому времени остро встал вопрос о создании единого литературного языка для карел Калининской области и Карельской АССР, создание которого началось под руководством Д. В. Бубриха. Это была трудная задача, т. к., в силу исторических причин, карельский народ территориально разделен и проживает в Карелии и в Тверской области. Язык делится на диалекты, имеющие фонетические, лексические и грамматические отличия. Необходимо было учесть все спорные вопросы и создать литературный язык, который стал бы объединяющим для носителей различных диалектов³².

В это время, в связи с общими тенденциями в советской языковой политике и по просьбам карел, начался перевод уже сформировавшейся латинизированной карельской письменности на кириллицу. Это замедлило выпуск учебной литературы, вновь стала необходима выработка общих правил по передаче устной речи с помощью русской азбуки с добавлением букв, передающих особенности фонетики. Все уже изданные и используемые в учебных заведениях пособия надо было переиздать причём в Петрозаводске, т. к. карельское отделение Учпедгиза в Москве было закрыто.

Все это требовало времени, которого, как оказалось, не было. Приближался 1938 г. По сфабрикованному делу о «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации» была арестована большая часть карельской интеллигенции: учителя, ученые, переводчики, партийные руководители округа³³. К концу 1939 г. почти все арестованные по этому делу были признаны невиновными и выпущены на свободу.

³¹ ГАТО. Р-1213. Оп. 1. Д. 582, л. 1, 4–5, 6 об.

³² Архив РАН. Ф. 677. Оп. 6. 304 л. (Проекты алфавитов и единой орфографии, запросы НКП РСФСР, Стенограммы заседаний); Архив КарНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 30. 454 л.

³³ Карельское «дело» / Авт.-сост. В. Виноградов. Тверь, 1991.

Однако развитие карельского языка было прекращено: карельские школы реорганизованы в советские, Лихославльский педтехникум и Карельское отделение Пединститута закрыты, округ ликвидирован.

На долгие годы о карелах Калининской области было забыто, язык продолжал существовать как обиходный, домашний лишь в селах и деревнях, у населения которых появилось устойчивое мнение, что родной язык не нужен, детям лучше знать русский, чтобы можно было учиться и работать в городе.

Список литературы

Бубрих, Д. В. Грамматика карельского языка / Д. В. Бубрих. — Петрозаводск : [б. и.], 1937. — 80 с.

Бубрих, Д. В. Какой язык положить в основу просвещения тверских карел / Д. В. Бубрих // Революция и национальности. — 1931. — № 2–3. — С. 132–136.

Бубрих, Д. В. Какой язык тверским карелам? / Д. В. Бубрих. — Ленинград : ЛОИКФУН, 1931. — 8 с.

Вершинский, А. Н. Библиография карел Московской области / А. Н. Вершинский. — Москва : [б. и.], 1931. — 31 с.

Вершинский, А. Н. Список карельских селений Московской области / А. Н. Вершинский. — Москва : Тип. изд-ва «Пролетарская правда», 1932. — 22 с.

Громова, Л. Г. Особенности развития карельской письменности на толмачевском говоре тверского диалекта / Л. Г. Громова // Тверские карелы: история, язык, культура. — Тверь : ТГУ 2011. — С. 42–54.

Золотарев, Д. А. Карелы СССР / Д. А. Золотарев. — Ленинград : Изд-во Акад. наук, 1930. — 124 с.

Золотарев, Д. А. Население Тверского края / Д. А. Золотарев, А. Н. Вершинский. Тверь : [б. и.], 1929. 24 с.

Исаев, М. И. О языках народов СССР. Москва, 1978. 222 с.

Котлярская, Л. А. Из истории тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944) / Л. А. Котлярская, М. М. Фрейденберг. — Тверь : ТГУ, 1990. — 160 с.

Макаров, Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х гг. прошлого века // Труды Карельского филиала АН СССР. — Вып. 39. Прибалтийско-финское языкознание. — 1963. — С. 70–79.

Маслова, Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел / Г. С. Маслова. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — 139 с.

Михайловская, М. В. Корельские заговоры, приметы и заплачки / М. В. Михайловская // Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград. — 1924. — Т. 5. — Вып. 2. — С. 611–330.

Полевая, А. В. Вклад ТУАК в сохранение культурного наследия тверских карел / А. В. Полевая // Вестник ТвГУ. Серия «История». — 2017. — № 4. С. 121–129.

Головкин А. Н. Рождение карельской письменности / А. Н. Головкин. — Тверь : ЧуДо, 2000. — 91 с.

Цыков, В. В. Этнографические экспедиции в тверском крае в 20-е годы / В. В. Цыков // Историк и время : к 80-летию М. М. Фрейденберга : сборник научных трудов. — Тверь : ТГУ, 2004. — С. 137–142.

ЕВСЕЕВА Екатерина Владимировна / ESEEVA Ekaterina

Национальный архив Республики Карелия / National Archives of the Republic of Karelia

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

cassandra14@mail.ru

**ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО КАРЕЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА В КАРЕЛИИ В 1937–1939 ГГ. (НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)**

**ATTEMPTING AT CREATING A UNIFIED KARELIAN LANGUAGE IN 1937–39
(BASED ON THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVES
OF THE REPUBLIC OF KARELIA)**

Abstract: The history of creating a unified Karelian language started with the activities of Tver' Karelians who inhabited the Kalinin district in 1930th, but in the Autonomous Soviet Socialist Republic of Karelia the local government saw no need for such measures as the Finnish language was considered to be a substitute for the native Karelians. After the dismissal of the so-called Red Finns from the Karelian government the authorities started creating a unified Karelian literary language. This work began in 1937 with the First All-Karelian linguistic conference and subsequent publishing of the first edition of a textbook on the Karelian language. At the same time Karelian educational institutions trained many specialists able of using Karelian within their professional fields and the necessity of enlargement of publications in native language grew stronger. The language was also widely introduced among teachers in Karelian schools and colleges. Nevertheless, the Soviet-Finnish War put an end to all the endeavours for developing local language policies and soon the second wave of a so-called Finnicization started in Karelia.

Ключевые слова / Keywords: Карельский литературный язык, Д. В. Бубрих, КАССР, архив, языковая политика / The Karelian literary language, D. V. Bubrikh, the Autonomous Soviet Socialist Republic of Karelia, archives, language policy

С приходом к власти большевиков национальная политика государства изменилась: новое руководство страны предлагало, например, использовать языки местных народов в образовании, судопроизводстве, что в свою очередь требовало создание письменности для многих бесписьменных языков бывшей Российской империи.

Уже в 1920-е гг. вопрос о втором государственном языке в Карелии рассматривался не только как внутривластный, но и в контексте взаимоотношений с Финляндией. Э. А. Гюллинг в 1922 г. на одном из совещаний в докладе по национальному вопросу подчеркивал, что основные мероприятия в этой сфере необходимо проводить с учетом влияния соседнего государства¹. А. Ф. Нуортева считал, что карельского самосознания нет, отрицательно относился

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 61. Л. 19–20.

к идее создания карельской письменности². В. М. Куджиев в 1921 г. на Пятой объединённой конференции РКП(б) Олонецкой губернии и КТК заявлял, что карелы подлежат русификации или финнизации в зависимости от места жительства, так как карелы не нация, у них нет своей культуры и своего языка³.

В начале 1930-х гг. позиция центральной власти в отношении карельского языка стала более жёсткой: по результатам заседания Президиума Совета Национальностей в Москве в апреле 1931 г., на котором позицию руководства КАССР представлял Г. С. Ровио, было принято постановление «О языке карел в Союзе ССР»⁴. Перед карельским руководством вновь поставили задачу создания карельской письменности, но это требование было проигнорировано. Впоследствии Г. С. Ровио утверждал, что языковая политика «красных» финнов одобрялась И. В. Сталиным, поэтому их протест на это постановление поддержало Политбюро⁵.

На IV Пленуме Карельского областного комитета ВКП(б) на заседании 20 августа 1935 г. вновь был поднят вопрос о языках в Карелии. Председатель КарЦИКа Н. В. Архипов выступал за введение во всех школах русского языка, так как выпускники национальных финских школ не имеют возможности поступать в учебные заведения, например, в Ленинграде. Член обкома П. А. Хюппенен утверждал, что установки на создание литературного карельского языка нет, а только — «к поднятию этого наречия до уровня финского языка»⁶.

В данной статье на основе документов Национального архива Республики Карелия будет рассмотрен процесс создания карельского литературного языка в КАССР в период с 1937 по 1939 гг. Прежде всего внимание будет уделено событиям и политическим процессам того времени, и лишь отчасти будут освещены дискуссии лингвистов о составе и строении нового языка. Рассмотрим сферы применения карельского языка и, по возможности, реакцию населения.

В Карелии работу по созданию литературного карельского языка начали весной 1937 г. В докладной записке секретаря карельского обкома ВКП(б) П. А. Ирклиса на имя секретаря ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Жданова «О создании карельского литературного языка и о языке преподавания в карельских школах» предлагалось постепенно переводить преподавание в карельских школах на родной язык, в первую очередь в южных и среднекарельских районах. При этом сам факт перевода карельских школ в предыдущий период на финский как язык преподавания рассматривалось как «правильное решение ЦК ВКП(б)», в котором было допущен «ряд извращений», в первую очередь — не учитывалось несогласие местного населения, в т. ч. вепсского, с данными мероприятиями. В целом, по мнению П. А. Ирклиса, позиция финского руководства КАССР по языковому вопросу стала одним из недочетов в управлении республикой. В работе по созданию единого

² НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 61. Л. 20 об.

³ НА РК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 14. Л. 36–37.

⁴ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 8. Д. 1/4. Л. 5; Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 59/488 а. Л. 1–6.

⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 250. Л. 119–120.

⁶ Там же. Л. 49, 79.

литературного карельского языка предлагалось использовать опыт Калининской (ныне Тверской) области, потому что язык тверских карелов «мало чем отличается от языка карелов южной и средней части Карелии»⁷.

21–22 августа 1937 г. была проведена Первая всекарельская лингвистическая конференция. В Национальном архиве Республики Карелия хранятся документы об её организации и проведении, а также тексты выступлений. Эта конференция считается одним из ключевых событий в процессе создания нового языка.

Главной её целью, по мнению организаторов, стало выявление возможности разработки единого для всех групп карелов языка. Предлагалось снова обсудить вопросы алфавита, лексики и грамматики, основываясь на опыте Калининской области⁸.

Ключевым докладом стало выступление Д. В. Бубриха. По его мнению, при всех различиях наречий карельского языка, основой для создания единого литературного должно было стать их единство в лексике. И не одно из наречий не должно быть определяющим в этой работе, даже если на одном из них говорит большая часть карелов. Д. В. Бубрих считал, что сразу же можно будет перевести работу школы, радио, местных властей на новый язык, делая «льготы» только поэтам, поскольку им в своём творчестве сложно оторваться от какого-либо наречия⁹.

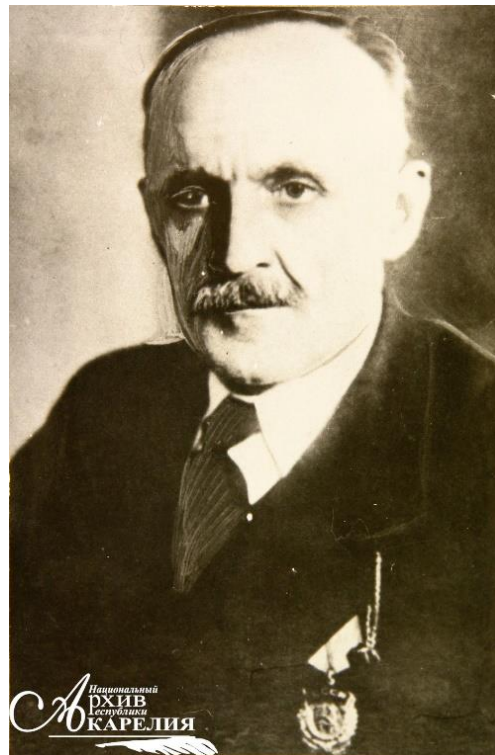

Фото 1. Д. В. Бубрих.

Место, дата и автор съемки не установлены.

⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 277. Л. 2–7, 9.

⁸ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 5. Д. 14/81. Л. 34–36.

⁹ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 5. Д. 14/81. Л. 59–119.

На конференции особые споры вызвал вопрос современной политической и общественной терминологии (или, как определяли выступающие, интернациональных слов). М. М. Хямяляйнен, делавший доклад по этой теме, выступал за активное использование заимствований из русского языка, даже при наличии аналогов на карельском, так как последние не всегда отражают «классово-социальное содержание», например, «рабочий» — «руадая» (перевод дан по тексту документа). Стремление перевести все слова М. М. Хямяляйнен назвал «национализмом в области языка». Одновременно он выступал критически к заимствованиям из финского¹⁰. Но у ряда участников эта позиция вызвала возмущение и обвинение М. М. Хямяляйнена в том, что он просто использует «исковерканные» русские слова, а не занимается созданием лексики карельского языка¹¹. Один из участников конференции указал на невозможность приступить к работе в школе на языке без грамматики, которая ещё не разработана¹².

Официально представители Карельского округа Калининской области не присутствовали на конференции, так как не успели подготовиться к ней, но позже приехал А. А. Беляков, один из разработчиков грамматики для тверских карелов, и ещё несколько человек¹³.

В состав документов по Первой всекарельской лингвистической конференции входит макет грамматики Н. А. Анисимова. Он участвовал в написании учебников и словарей, а также в разработке правил правописания карельского языка, стал автором программы для начальной школы.

Ещё в январе 1937 г. Научно-исследовательский институт по постановлению СНК КАССР преобразовали в Научно-исследовательский институт культуры (НИИК), главной целью которого стала разработка карельского литературного языка¹⁴. При этом разработчики столкнулись с рядом трудностей. Например, группа Д. В. Бубриха из 13 человек, а также 35 корреспондентов на местах занимались сбором материала для диалектического атласа карельского языка, что, по мнению директора Научно-исследовательского института культуры Н. Г. Грибкова, существенно затормозило работу по созданию литературного языка. Кроме того, он считал, Д. В. Бубрих и М. М. Хямяляйнен ставили вопросы о различиях между диалектами, преувеличивая сложности в создании нового языка¹⁵. Но главный проблемой в разработке языка директор НИИК назвал отсутствие

¹⁰ Там же. Л. 122–150.

¹¹ Там же. Л. 155.

¹² НА РК. Ф. Р-689. Оп. 5. Д. 14/8. Л. 169.

¹³ Там же. Л. 56, 142, 144, 149.

¹⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 165. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 3–4.

квалифицированных работников в институте и невозможность его комплектования из-за низких ставок, соизмеримых со ставками учителей¹⁶.

29 декабря 1937 г. при Президиуме КарЦИКа была создана Терминологическая комиссия, в которую вошли 14 человек из Обкома ВКП(б), Наркомпроса, Союза писателей, Педучилища и Пединститута, Института культуры, Каргосиздата, КарЦИКа, Тунгудского РК ВКП(б), в том числе Д. В. Бубрих, Ф. П. Ивачёв, П. Е. Савельев, Н. Г. Грибков, М. М. Хямяляйнен¹⁷. К ноябрю 1938 г. было выпущено пять бюллетеней¹⁸.

10 февраля 1938 г. приказом Народного комиссариата просвещения РСФСР был утвержден проект основных правил правописания единого карельского литературного языка с внесенными в него поправками. Одновременно в КАССР и Калининской области создавались терминологическая комиссия и единая комиссия по редактированию учебников¹⁹. Проект был опубликован, например, в газете «Большевик Калеваль» в ряде номеров за февраль 1938 г. Но уже через год, 7 июля 1939 г., СНК КАССР утвердил новую редакцию правил²⁰. При этом на заседании СНК, на котором принимались новые правила, особо подчеркивалось, что предыдущий вариант правил разрабатывался на основе финского языка. В результате новая языковая норма касалась только Карелии и не распространялась на Калининскую область.

Разработка новых правил шла в период арестов лингвистов: весной 1938 г. был заключен под стражу Д. В. Бубрих, а затем М. М. Хямяляйнен, Н. Г. Грибков, ответственный редактор газеты «Советская Карелия» А. Е. Савельев и др. Впоследствии дело против них было прекращено. Отражением этой ситуации стала дискуссия, проходившая на совещании редакторов карельского языка Каргосиздата 23 ноября 1938 г. Её участники отмечали, что тексты на новом языке не понятны карелам, что в предыдущей редакции правил было много заимствований из финского языка. Один из редакторов Каргосиздата М. Н. Евсеев подчеркивал, что правила были насильственно навязаны Н. Г. Грибковым, А. А. Беляковым и др., и согласие с ними было вынужденным²¹.

В Калининской области был разработан алфавит на основе латиницы, но Каробком ВКП(б) выступил за кириллический алфавит, потому что это облегчило бы переход от преподавания на карельском языке к русскому, а также

¹⁶ Там же. Л. 5–6.

¹⁷ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 15. Д. 7/15. Л. 304.

¹⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 149. Л. 37.

¹⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 162. Л. 13.

²⁰ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 6. Д. 17/53. Л. 88–89.

²¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 149. Л. 39–41.

способствовало бы распространению нового языка среди карелов Южной и Средней Карелии, «грамотных по-русски»²².

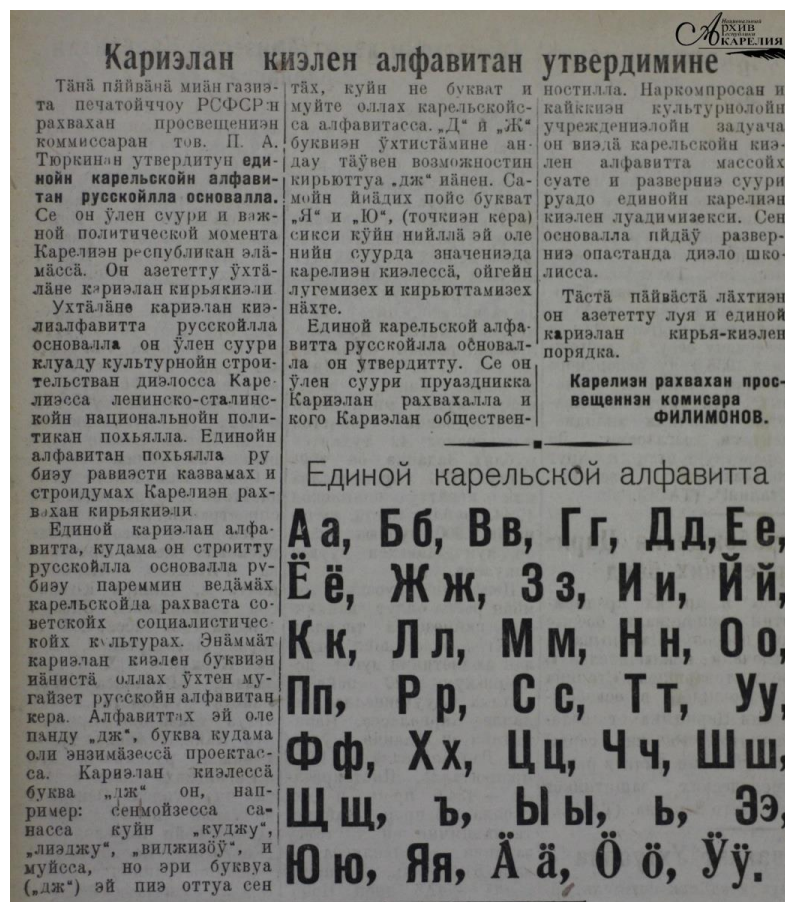

Фото 2. Утвержденный алфавит карельского языка, опубликованный в газете «Большевик Калеваль» 6 января 1938 г.

Одним из важнейших шагов по введению нового языка стало создание текста Конституции КАССР на карельском языке. 15 апреля 1937 г. президиум Центрального исполнительного комитета КАССР принял постановление об утверждении проекта новой конституции, согласно которому он должен был быть опубликован на карельском, финском и русском языках²³. По-видимому, автором карельского перевода стал Ф. П. Ивачёв, поскольку именно он писал ответ на замечания Д. В. Бубриха и проводил окончательное редактирование текста²⁴. В этих двух документах, отзыве Д. В. Бубриха и ответе на замечания Ф. П. Ивачёва, просматриваются, в том числе и споры о языке: о его грамматических и лексических особенностях. И уже в октябре 1937 г. во время выборов в Верховный Совет СССР должны были использоваться избирательные документы на карельском языке: списки избирателей, протоколы участковых комиссий и приложения к ним²⁵.

²² НА РК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 277. Л. 9, 10.

²³ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 15. Д. 7/15. Л. 127.

²⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 278. Л. 110–118. НА РК. Ф. Р-689. Оп. 5. Д. 14/81. Л. 14–23, 25–33.

²⁵ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 15. Д. 7/15. Л. 289–290, 293.

30 июля 1938 г. Президиум Верховного Совета КАССР принял изменения в Конституцию КАССР 1937 г., согласно которым карельский язык применялся при судопроизводстве, на нём публиковались местные республиканские законы, а также надписи на карельском языке появились на гербе и флаге КАССР, а финский язык полностью уходил из употребления в данных сферах²⁶. Одновременно он перестал быть языком преподавания, и учителей финского языка увольняли или переводили на другие должности: учителями других предметов или направляли на работу в местные РОНО²⁷. По-видимому, публикация законов на карельском языке не осуществлялась, поскольку 26 февраля 1939 г. Президиум Верховного совета Карельской АССР вновь рассматривал этот вопрос на заседании и признал необходимость публикации в специальном органе законов и указов на обоих языках²⁸. На сегодняшний день в фондах архива не выявлено текстов законодательных актов 1937–1939 гг. на карельском языке, кроме Конституции КАССР 1937 г.

Встал вопрос об обеспечении школ учителями карельского языка. К весне 1938 г. в Карельском государственном педагогическом институте была организована кафедра карельского языка и создано Карельское отделение Учительского института²⁹. В Учительском институте обучались два года. В 1938 г. состоялся выпуск преподавателей карельского языка в Педагогическом институте. Курс вели Н. А. Анисимов и А. А. Беляков. Н. А. Анисимов в силу загруженности работой над учебником карельского языка не мог вести больше четырёх часов в неделю, а на карельском отделении учительского института отказывался работать, так как не было грамматики, но на IV курсе педагогического института вели основы карельского языка³⁰. В результате программа курсов карельского языка и его методики не выполнялась³¹.

В июне 1939 г. 15 выпускников учительского института были направлены в школы как учителя карельского языка, а Яков Васильевич Ругоев должен был остаться в Педагогическом институте ассистентом карельского языка³².

Карельский язык ввели в программу Петрозаводского педагогического училища, который также начал подготовку учителей. Основными педагогами стали К. Ф. Степашева (карельский язык во всех классах и методика преподавания) и И. С. Беляев (методика преподавания), но училище на протяжении трех учебных годов (с 1937 по 1940 гг.) подавало заявки на педагогов карельского языка³³. Согласно отчету училища за 1938/39 учебный год, первоначально часть студентов-карелов «скептически» отнеслись к новому литературному языку, но после изменений правил

²⁶ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 2. Д. 37/426. Л. 1–50.

²⁷ Там же.

²⁸ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 15. Д. 8/18. Л. 9.

²⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 164. Л. 4.

³⁰ НА РК. Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 14/124. Л. 1 об.

³¹ Там же. Л. 6.

³² НА РК. Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 16/153. Л. 29–30.

³³ НА РК. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 2/31. Л. 148 об–149, 153. Д. 2/33. Л. 44; НА РК. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 2/30. Л. 19; НА РК. Ф. Р-630. Оп. 2. Д. 51/566. Л. 43–44.

правописания стали его «охотно изучать». Только один из студентов после поездки на практику в с. Подужемье Кемского района отказался от обучения и вернулся к нему после «большой разъяснительной работы»³⁴. В планах на вторую четверть 1937/38 учебного года была поставлена поездка в Лихославское карельское педагогическое училище для ознакомления с его работой и заключения договора по соц. соревнованию³⁵.

Педагогическое училище не только ввело карельский язык как предмет обучения, несмотря на отсутствие учебных программ, но и обязало преподавателей принимать меры по искоренению «финнизации», например, через активных учащихся, проживающих в интернате, собирались «проверить в быту учащихся, как фактически у учеников-карелов изживаются в речи остатки насильственной их финнизации, как учащиеся читают газеты, в том числе газету «Советская Карелия»³⁶. В планах училища стояло систематическое пополнение библиотеки карельской литературой, проведение бесед о карельском языке, издание стенгазеты, выпуск сборника песен³⁷. Макет карельского букваря украсил колонну техникума на демонстрации по случаю празднования двадцатилетия Социалистической революции, ряд лозунгов был продублирован на карельском языке³⁸.

Фото 3. Колонна студентов Педагогического училища на праздничной демонстрации. Крайний слева — И. С. Беляев. г. Петрозаводск. [7 ноября] 1937 г. Автор съемки Г. А. Анкудинов.

³⁴ НА РК. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 2/33. Л. 9.

³⁵ НА РК. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 2/30. Л. 19.

³⁶ Там же. Л. 22–23.

³⁷ Там же. Л. 21, 45.

³⁸ НА РК. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 2/30. Л. 42–77; Д. 2/31. Л. 3, 13.

Кроме того, К. Ф. Степашева сделала доклад в Пряжинской и Святозерской школах о проекте правил правописания карельского литературного языка, подготовила к печати «прописи» и выступала рецензентом ряда учебников и сказок, подготовила программы для начальной школы (1938/39 учебный год)³⁹.

На 1938/39 учебный год по школам Карелии требовалось 119 учителей карельского языка⁴⁰. За лето 1939 г. на курсах подготовки и переподготовки учителей, организуемых при Институте усовершенствования учителей, должны были пройти обучение 50 учителей карельского языка и 60 учителей-предметников на карельском языке (очные и заочные курсы)⁴¹. В начале 1939 г. в институте было два методиста по карельскому языку: А. П. Созонова и А. А. Галактионова⁴².

Для нового учебного предмета требовалось большое количество учебников. Если ещё в 1937 г. учебники на финском языке должны были издаваться⁴³, то уже на следующий год Карельское государственное издательство полностью свернуло издание литературы на финском языке, а из 261 наименований, запланированных к выпуску, 180 было на карельском. При этом, большую часть карельской литературы составили учебники (45 наименований), социально-политическая (37), художественная (26) и детская литература (55)⁴⁴. Но реализация плана шла с большим запозданием, так как вовремя не сдавались рукописи в печать, ощущалась «острая» нехватка редакторов карельского языка, не хватало шрифтов, появилась необходимость обучать новый персонал (в первую очередь карелов), нанятых после увольнения финнов, и возникали другие технические трудности. Но изданная литература оставалась на складе: в докладной записке «О результатах обследования «Каргосиздата» [автор не указан] отмечалось, что за первое полугодие 1938 г. не реализовано литературы на 100 тыс. рублей, в том числе брошюра «Письмо тов. Иванова и ответ тов. Сталина»⁴⁵.

На 10 сентября 1939 г. были выпущены учебники и методические материалы (сборники упражнений, прописи и др.) по карельскому языку для 1–6 классов⁴⁶, а также учебники по ряду предметов на карельском языке. При подготовке учебников привлекались учителя⁴⁷. Кроме того, большое внимание уделялось изданию литературы, и прежде всего произведений партийных лидеров. Например, в 1938 г.

³⁹ НА РК. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 2/33. Л. 40, 43.

⁴⁰ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 2. Д. 51/566. Л. 52.

⁴¹ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 3. Д. 3/35. Л. 25.

⁴² НА РК. Ф. Р-630. Оп. 2. Д. 57/615. Л. 60.

⁴³ НА РК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 277. Л. 11.

⁴⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 149. Л. 1–2, 5–6.

⁴⁵ Там же. Л. 6–8, 10, 15.

⁴⁶ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 2. Д. 57/615. Л. 72, 74.

⁴⁷ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 2. Д. 46/514. Л. 34.

подготовили перевод «Краткого курса истории ВКП(б)», который был опубликован в «Советской Карелии» в ряде номеров с октября по декабрь 1938 г.

Вместо финской газеты «Пунайнен Карьяла» стала выходить карельская «Советская Карелия» и выпускаться журнал «Карелия»⁴⁸. Тираж «Советской Карелии» на 1 января 1938 г. составил двенадцать тысяч экземпляров, но уже в марте по решению ЦК ВКП(б) был снижен до десяти тысяч⁴⁹. Анализируя работу редакции газеты «Советская Карелия» в апреле 1938 г., когда она должна была стать ежедневной, ответственный редактор П. Е. Савельев отмечал, что «язык газеты чрезвычайно труден для читателя», так как принятая грамматика существенно отличается от разговорного языка, особенно от языка южных районов, и ближе к финской и при этом сами сотрудники редакции не совершенствуются в изучении общего карельского языка. П. Е. Савельев считал, что сотрудники газеты должны проводить работу по развитию языка, его терминологии. Сложности вызывала и печать газеты: наборщики и корректоры не знали карельского языка⁵⁰.

Фото 4. Книги и газеты на карельском языке. 1938 г. Место и автор съемки не установлены.

Печать учебной и художественной литературы, издание газеты «Советская Карелия» на карельском языке потребовали дополнительного оборудования и материалов для типографии им. Анохина: необходимы были в первую очередь новые шрифты, дополнительные поставки бумаги⁵¹.

⁴⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 149. Л. 2.

⁴⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 146. Л. 10, 17.

⁵⁰ Там же. Л. 22–23.

⁵¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 146. Л. 6, 10–12.

Карельский областной комитет ВКП(б) поставил перед Каргосиздатом задачу издать в 1939 г. «лучшие образцы творчества карельского народа», в том числе песенный и былинный фольклор, посвященный вождям партии и правительства, на карельском и русском языках⁵².

В 1937 г. Национальный театр был переименован в Карельский государственный национальный театр и, согласно отчетам, его работа переведена на карельский язык, что потребовало дополнительного финансирования⁵³. Сведений о том, какие постановки шли на новом для труппы языке, в отчетах театра нет. По результатам 1937 г. творческая работа театра признана неудовлетворительной и перед ним поставлена задача на следующий год «максимально обслужить карельское население»⁵⁴. 7 февраля 1938 г. было созвано совещание по вопросу о карельской пьесе, на котором присутствовали видные деятели того времени: композитор А. В. Пергамент, председатель Радиокomiteта С. В. Колосенок, председатель Карельского Союза советских писателей Я. Виртанен, управляющий Каргосиздатом Н. Ф. Бабич, художественный руководитель бывшего Карельского государственного национального театра С. Котсолайнен и другие. Главными вопросами стало написание оригинальных пьес и перевод классических и современных советских произведений, главной сложностью вновь названо отсутствие квалифицированных переводчиков и редакторов. В качестве основы для оригинальных работ предложили взять сюжеты из истории Карелии, её фольклора⁵⁵.

В 1940 г. вновь изменилась политическая ситуация: с началом советско-финляндской войны и созданием Карело-Финской ССР появилась необходимость в финском языке как втором государственном. Одним из обоснований для введения финского языка стало то, что он являлся сложившимся литературным языком, понятным для карельского населения. На X Пленуме Обкома ВКП(б) 23 апреля 1940 г. было предложено ввести преподавание на финском языке в созданном университете и в школах⁵⁶, начать выпуск газеты, перевести делопроизводство на финский язык. При этом подчеркивалось, что все работы будут проводиться на совершенно другой основе, отличной от принципов «буржуазных националистов»⁵⁷. Все работы по созданию карельской письменности и разработке единого литературного языка были прекращены.

⁵² НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 146. Л. 35.

⁵³ НА РК. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 3/19. Л. 59, 92.

⁵⁴ Там же. Л. 56.

⁵⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 155. Л. 1–3.

⁵⁶ Использование карельского языка допускалось в некоторых случаях в начальной школе.

⁵⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 423. Л. 51–56.

НИКИФОРОВА Людмила Александровна / NIKIFOROVA Ludmila
Музей изобразительных искусств Республики Карелия / The Museum of Fine Arts
of the Republic of Karelia
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
nikiforova1903@mail.ru

**ИЗВЕСТНЫЙ ВЕПС МАРТЕМЬЯН МАРТЬЯНОВ: ОХОТА НА МЕДВЕДЯ
И НЕ ТОЛЬКО... (ПО ДАННЫМ МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ, МЕМУАРНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)**

A FAMOUS VEPSIAN MARTEM'IAN MART'IANOV: BEAR HUNTING
AND MORE... (ACCORDING TO LOCAL PRESS, MEMOIRS AND ARCHIVAL
SOURCES)

Abstract: A Vepsian Martem'ian Petrovich Mart'ianov from Shimozer'e is a well-known bear hunter, a foreman in the district and church warden, a philanthropist and a very respected person in the district. He visited the Caucasus mountain ranges and relict forests of Belovezhskaia Pushcha in his life, provided hunters with more than two thousand bears. He was a member of the ranger service of the Grand Duke Nikolai Nikolaevich Jr. about ten years, attended the coronation of Emperor Nicholas II, got two silver medals, one of which was from the Grand Duchy of Mecklenburg-Schwerin. Information about Martem'ian Mart'ianov can be found in the works of such famous hunters and memoirists as the ranger of the Highest Court Mikhail Vladimirovich Andreevskii and the public figure and engineer Nikolai Nikolaevich Iznar. The newspaper *Olonetskie gubernskie vedomosti* often contains notes by the Lodeinoe Pole district police chief Egor Kharlampievich Odintsov, devoted to the hunts with the participation of Martem'ian Mart'ianov. Archival sources include, first, the track record of the churchwarden Martem'ian Mart'ianov, containing information about his personal donations to the Church of the Sign of the Blessed Virgin of the Shimozero Parish and the awards he received. The revised tales of the Lodeinoe Pole district, confessional sheets and metric books of the Shimozero parish, stored in the National Archives of the Republic of Karelia and in the Central State Historical Archive of St. Petersburg helped to reveal the Mart'ianov's lineage.

Ключевые слова / Keywords: Олонецкая губерния, Шимозерье, Мартьянов, медвежья охота, вепсы, Николай Николаевич Младший / The Olonets Governorate, Shimozer'e, Vepsians, Mart'ianov, bear hunting, Nikolai Nikolaevich Jr.

«Каждому охотнику известно, каким целебным средством для его души и тела служит охота, какие нравственные и духовные элементы в ней заключаются. Но ни одна охота у нас на Руси не требует такой затраты, такого напряжения физических и моральных сил, как охота на медведя. Эта охота более, чем всякая другая, закаляет тело охотника, изоощряет его чувства, вырабатывает выносливость, находчивость, приучает побеждать препятствия».

(Николай Мельницкий)¹

Охота была одним из самых важных занятий местного населения Олонецкой губернии. Губернский статистический комитет регулярно собирал и публиковал разные сведения об охоте и охотниках. Например, по исследованиям, проведенным чиновниками Статистического комитета, на 1876 г. в губернии насчитывалось до 9 тысяч охотников. Ежегодно добывалось до 3,95 тыс. зверей и 5,95 тыс. птиц. По данным, к примеру, 1891 г. за год в губернии было добыто 124,4 тысячи зверей (из них медведей — 329). В 1903 г., только в одном уезде губернии — Петрозаводском — числилось 611 охотников на зверя, а добыто было в уезде — 52 медведя². Сообщалось на страницах «Олонецких губернских ведомостей» и об уроне, который наносили медведи крестьянским хозяйствам. Так, в 1875 году в газете был приведен отчет подобных бедствий за трехлетний период (1871–1873 гг.), подсчитаны поголовья погибшего от медведя скота и учтен финансовый ущерб на общую сумму 48650 рублей³.

Уезд	Лошади (голов)	Коровы (голов)	Мелкий скот (голов)
Петрозаводский	233	386	77
Олонецкий	198	449	393
Лодейнопольский	61	171	78
Вытегорский	133	220	154
Каргопольский	158	275	317

¹ Мельницкий Н. А. Медведь и медвежья охота // Охота на медведя. На берлоге, облава, на овсах, с лайками. М., 1997. С. 133.

² Мошина Т. А. Из истории охраны природы в Карелии. «Охрана природы — это нравственный долг перед родиной, человечеством и наукой» // Зеленый лист. Карельская экологическая газета. 1999. № 13–14. URL: <http://sampo.ru/~zelist/about/history.html>. (07.03.2020)

³ Олонецкие губернские ведомости (далее — ОГВ). 1875. №14 (от 19 февраля 1875 года).

Пудожский	146	282	294
Повенецкий	80	123	87
Итого голов	1014	1910	1400
Всего рублей ущерба	25 350	19 100	4 200
	48 650 рублей		

Уездные земства в качестве поощрения крестьян-охотников к истреблению медведей назначали денежные премии за каждое убитое животное, однако данных об итогах такой деятельности в газете не имеется, о чём и сообщили в конце статистической заметки.

Помимо различных отчетов на страницах «Олонецких губернских ведомостей» появляются и отдельные статьи про случаи на охоте.

В первую очередь, сведения в газету поступали об успехах местных охотников. В январе 1885 г. сообщали о начале зимнего сезона охоты. В Юксовской и Шапшинской волостях охотники-любители убили трех медведей, два из которых были громадных размеров. Фамилии в заметке сокращены, но можно предположить, что это были петрозаводчанин Александр Фёдорович Лопато и олонецкий купец Фёдор Иванович Богатенков. С охотниками любителями находились ещё пять охотников-медвежатников. На этой охоте произошел курьезный случай. Медведя нашли в берлоге, пытались его выгнать, один из обходчиков снял лыжи и полез наверх, где и провалился в снег по плечи. Остальные посмеялись над ним, пока тот не закричал, что что-то шевелится под ногами. Оказалось, что он провалился в берлогу и стоял прямо на медведе. Медведь испугался, выскочил на охотников и тут же был убит. Второй медведь был особо примечателен: весом более 14 пудов (228 кг) и известный как «седой бес». Это был старый седой уже медведь, который держал в страхе всю округу. Местные жители были несказанно рады смерти «седого беса»⁴.

В 1889 г. известным охотникам из Тивдии братьям Михаилу и Григорию Исаковым, у которых на счету к тому времени уже было 22 медведя, удалось завалить действительно огромного зверя: медведя весом 25 пудов (407 кг)⁵.

Не все охоты были удачны. В том же 1889 г. в газете довольно подробно описали трагический случай, как охотники Петрозаводского уезда Петров и Васильев караулили медведя у намеченной падали, а зверь неожиданно вскочил и подмял Петрова под себя. Его товарищ Васильев рассказывал потом, что даже не успел тот и крикнуть, как что-то захрустело в зубах медведя. Напарник убежал за подмогой, а когда они вернулись, увидели печальную картину: охотник был ещё жив, но с прокушенной головой. Его погрузили на носилки, однако по прибытию в деревню бедняга скончался. Корреспондент с грустью завершает эту историю:

⁴ ОГВ. 1885. № 8 (от 26 января 1885 г.).

⁵ ОГВ. 1889. № 73 (от 23 сентября 1889 г.).

«Так закончился жизненный путь охотника, убившего на своем веку около 30 медведей»⁶.

Трагикомическая ситуация случилась в Олонецком уезде. Трое местных жителей оказались попутчиками в дороге. И издалека увидели на опушке не крупного медведя. У одного из мужчин был топор, другие взяли по колу, и пошли на медведя. Зверь, увидев такую агрессию, бросился на охотников. И его быстро закололи и зарубили. Интересно было написано в заметке, что «взрослые мужики и трезвые идут в первый раз на медведя и не струсил». Потом эти храбрые мужики разделились. Один потащил медведя домой, другие пошли по своим делам, сговорившись, что завтра будут тушу продавать. Предложили купить медведя владельцу местной фабрики Юлию Юльевичу Тейфелю. Сговорились, Тейфель согласился. Но как выяснилось в дальнейшем, продавали горе-охотники не медведя, а собаку самого Тейфеля. Собака, видимо, была большая, черная и мохнатая. Мужики были хоть и трезвые, но крупную собаку приняли за медведя. Тейфель, к слову, заявил в полицию⁷.

Сведения о знаменитом шимозерском охотнике Мартемьяне Петровиче Мартьянове впервые появляются также в публикациях на страницах «Олонецких губернских ведомостей». Автором этих сообщений был Егор Харлампиевич Одинцов. Как занял Одинцов в 1880 г. пост станового пристава в Лодейнопольском уезде, а с 1883 г. стал помощником Лодейнопольского уездного исправника⁸, так начинают появляться заметки и корреспонденции о славных охотах в Шимозерском крае. И в маленьких сообщениях, и в больших статьях Одинцова мы читаем о предприимчивых крестьянах-охотниках Шимозерской волости, самым известным из которых и был, пожалуй, Мартемьян Петрович Мартьянов.

Сведения о родословии Мартемьяна Петровича содержатся в метрических книгах Знаменской церкви Шимозерского погоста. Семья проживала в деревне Никитинской Шимозерской волости Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии. Будущий знаменитый охотник Мартемьян родился 06 февраля 1851 года⁹ у Паршиных Петра Мартемьяновича (1821–1896) и Грикерию Фёдоровны (мать его была родом из деревни Григорьевская (Миначева) Пяезерского общества). Проследив родословие семьи по метрическим книгам, приходим к выводу, что Мартьяновыми становится именно это поколение семьи — сам Мартемьян и его двоюродные братья. Хотя на протяжении XIX века они именуются то Паршиными, то Мартьяновыми, а вот в начале XX века фамилия Мартьяновы уже окончательно

⁶ ОГВ. 1889. № 44 (от 14 июня 1889 г.).

⁷ ОГВ. 1909. №30 (от 14 марта 1909 г.).

⁸ Подробнее см.: *Мошина Т. А.* Егор Харлампиевич Одинцов — полицейский, общественный деятель и краевед // Музей истории МВД по Республике Карелия: бюллетень. 2018. Вып. 9. С. 23–28.

⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 2250. Оп. 1. Д. 72. Лл. 696об.–697. (Метрическая книга церкви Знамения Божией Матери Шимозерского прихода. 1851).

закрепляется за тремя ветвями потомков Мартемьяна Пармоновича Паршина (1771 — после 1852) — родного деда нашего охотника.

Мартемьян Петрович, как мы узнаём из более поздних документов, был грамотным, но нигде не учился. В записях 1882 г. у Михаила Андреевского мы читаем: «славный парень этот Мартемьян Петров, которого и дед, да и еще молодец старик отец тоже старинный медвежатник. Мартемьян страстный охотник в душе: будучи еще ребенком, он без ружья избегал тут все кругом и около, и знает места иногда лучше всех местных жителей»¹⁰.

Из сообщения Одинцова мы узнаём, что Мартемьян, начиная примерно с 1876 г. (т. е. с возраста 25 лет), ведет свою, как бы мы сейчас сказали, «предпринимательскую деятельность». А именно, как сообщалось в «Олонецких губернских ведомостях» в 1886 г., «Мартьян Петров в течение 10 последних зим представил в распоряжение различных охотников 310 медведей, которые все и были ими убиты, и сам лично убил до 80 медведей, из коих большая часть была взята на рогатину»¹¹.

Фото 1. В доме Мартьянова. 1907. Инв. № БОКМ 6623/1. Из фондов Белозерского областного краеведческого музея. На фотографии (слева направо): Н. Н. Изнар-старший, А. Ф. Винницкий, Н. Н. Изнар-младший, А. П. Скараманга, М. П. Мартьянов, дочь его Е. М. Мартьянова, жена его О. А. Мартьянова, неизвестная женщина.

¹⁰ Андреевский М. В. Охотничьи записки и дневники егермейстера М. В. Андреевского. М., 1909. С. 187.

¹¹ ОГВ. 1886. № 9. (от 1 февраля 1886 г.).

Охота приносит неплохой доход семейству. К этому времени Мартемьян был уже несколько лет женат. Венчание состоялось 30 января 1874 г.¹² Жена Ольга Антоновна Гришина, 1850 г. рождения, происходила из деревни Бабинской из весьма примечательной семьи. В 1889 г. у её родного брата Николая Антоновича Гришина родился сын Алексей¹³, воспитанником которого при крещении был Мартемьян Петрович. Алексей Николаевич Гришин (1889–1943), ещё один знаменитый уроженец Шимозерского края, окончил Олонецкую духовную семинарию, Петербургскую духовную академию и после долгого служения стал Архиепископом Сергием. На Соборе Епископов Русской Православной Церкви 8 сентября 1943 г. он был избран постоянным членом Священного Синода при Патриархе¹⁴.

Возвращаясь к главному занятию в жизни Мартемьяна Мартьянова — медвежьей охоте, нужно отметить, что принимали на охоту шимозёры как своих земляков — охотников из Олонецкой губернии, так и гостей из Санкт-Петербурга.

И самым знатным по происхождению, несомненно, был на охоте великий князь Николай Николаевич Младший, о чём нужно рассказать особо, тем более что эта охота круто изменила жизнь самого Мартьянова.

В Национальном архиве Республики Карелия нашёлся интересный документ¹⁵ — рапорт Лодейнопольского исправника Олонецкому губернатору в 1882 г. о том, что в Шимозеро в нынешнюю зиму крестьянами обойдено до 50 медведей. Исправник в письме спрашивал, не знает ли губернатор в Петербурге желающего поохотиться. Губернатор направил сведения в Петербург, и ответ пришел из министерства императорского двора о том, что великий князь Николай Николаевич Младший¹⁶ изъявил желание отправиться на место охоты 2 марта и просит оставить за собой право охоты на означенных медведей. Почти две недели продолжалась великокняжеская охота, и были добыты 26 из 50 приготовленных медведей.

События этой охоты очень подробно описаны егермейстером Николая Николаевича Младшего — Михаилом Владимировичем Андреевским в книге

¹² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 66. Л. 846об.–847. (Метрическая книга церкви Знамения Божией Матери Шимозерского прихода. 1874).

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1239. Л. 56об.–57. (Метрическая книга церкви Знамения Божией Матери Шимозерского прихода. 1889).

¹⁴ Подробнее см.: Архиепископ Сергей (Гришин). Некролог // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 3. С. 13–17.

¹⁵ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 1. Оп. 17. Д. 18/20. Л. 1–9. (Дело по отношению Канцелярии Министерства императорского двора о намерении великого князя Николая Николаевича Младшего прибыть на охоту в Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии. 1882).

¹⁶ Великий князь Николай Николаевич Младший (1856–1929), первый сын Великого князя Николая Николаевича Старшего, внук императора Николая I. В 1882 году служил в Лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку.

«Охотничьи записки и дневники», изданной в Петербурге в 1909 г. Немало страниц книги посвящено Шимозерью и местным крестьянам, особенно Мартемьяну Петровичу. Судя по тексту, он совсем не робел рядом с членом императорской фамилии, князьями да графами. Ходил всегда во главе их небольшого отряда, принимал решения по действиям на охоте.

Есть и рассказ, когда Николай Николаевич Младший, Михаил Андреевский и Мартемьян Петрович, можно сказать, плечом к плечу стояли против разъяренного зверя. Медведь в тот раз внезапно вскочил из берлоги, великий князь выстрелил, но только ранил его. Собака вцепилась в медведя и между ними завязалась драка. Спасая собаку, Мартемьян ударил медведя в бок рогатиной, медведь оставил собаку, хватил, чуть не сломав, рогатину, бросился на смелого охотника и упал уже после меткого выстрела Андреевского¹⁷.

Фото 2. Около берлоги. Медведь весит 12 пудов. А. Ф. Винницкий, М. П. Мартьянов, А. М. Сохин. 1907. Инв. № БОКМ 6623/7. Из фондов Белозерского областного краеведческого музея.

Охота проходила на лыжах, и Андреевский подробно описывает сами лыжи, способы и особенности бега на них: «Лыжи здесь совершенно иного устройства,

¹⁷ Андреевский М. В. Охотничьи записки и дневники... С. 188.

нежели наши. Длинные и узкие — на манер финских, где стоит нога, сделана площадка, обитая берестой, чтобы под ноги не прилипал снег. Носок держится в сыромятном ремне, устроенном таким образом, чтобы его можно было суживать и расставлять по мере надобности. Затем из крученого прута сделана завязка, которая обхватывает ногу выше пятки, проходя сквозь площадку, на которой стоишь, чрез дыру у ремня, и служит для того, чтобы удобнее было поворачивать лыжу; на середине её, т. е. на подъем ноги, стороны стягивает другой прутиковый шнур, служащий для того, чтобы можно было на лыжах пятиться»¹⁸. Столичные гости были восхищены умением шимозёров ходить на лыжах. Автор записок не скрывает свои впечатления от увиденного: «Тут мы все полюбовались, с какою ловкостью и легкостью, даже можно сказать, — грацией, ходит на лыжах старик Федор Васильев; он спускался с горы полным ходом, огибая коряги и легко переступая через попадавшиеся ему на пути ломины»¹⁹. Как известно, старику Васильеву было тогда 65 лет.

Ходить приходилось на лыжах всем участникам охоты. И вся компания по очереди возила или на кушаках, или за подмышки великого князя. Уставали, торопились, падали и, так как лыжи были привязаны к обуви, то с большим трудом поднимались. Андреевский пишет об этом неудобстве и приводит слова Мартемьяна о необходимости лыжи привязывать: «При быстрой ходьбе иначе нельзя, т. к. при спуске с гор можно упасть головой вниз, тогда надо делать кукельбандт — перекинуть ноги с привязанными лыжами через себя, словом, произвести весьма трудную штуку, которая если не удастся, то можно просто задохнуться в снегу»²⁰.

Мартемьян среди прочих проявил себя лучшим лыжником. Андреевский вспоминает об испытании шимозёров, которое он им устроил после одной из охот. Поставили два флага, путь вокруг них получился верста (1066,8 м). В лыжной гонке вызвались участвовать 11 человек. «Первый приз взял Мартемьян, далеко оставивший всех позади — ему дано 3 серебряных рубля... Многие попадали и не дошли, часть оберегала лыжи. Досадовали старик Федор Васильев, упавший на горе, и Пётр, отец Мартемьяна, у которого оборвались лыжи два раза. Версту пробежали в 4 минуты»²¹. Бежали они не по проторенной лыжне или готовой трассе, а по пересеченной местности, и результат показали весьма хороший — скорость между отличным любителем и спортсменом-профессионалом.

¹⁸ Там же. С. 185.

¹⁹ Там же. С. 197.

²⁰ Там же. С. 196.

²¹ Там же. С. 217.

После этой удачной охоты Николай Николаевич Младший взял Мартемьяна в свою егерскую службу, платил ему 30 рублей в месяц, а также дополнительно по 5 рублей за каждого пойманного медведя. Следуя за егермейстером Андреевским, Мартемьян принимал участие в охотах Великого князя Владимира Александровича (родного брата императора Александра III), графа Павла Андреевича Шувалова, герцога Евгения Максимилиановича Лихтенбергского и других знатных персон²².

В марте 1886 г. Мартемьян едет в Кубанскую область сопровождать на охоте Великих князей Петра Николаевича и Георгия Михайловича. На Кубани охотники жили в палатках. Палатка у Андреевского была знатная, большая, удобная, непромокаемая. В ней нашлось место и Мартемьяна²³. Далее охота переместилась к предгорьям Кавказа. «Тут уже добрались мы до снегов», — пишет Андреевский, — «Мартемьян Петров ужасно восхищался и дивился горам и снегу на них, так как впервые видел горы, которых у него Олонецкой губ. нет»²⁴.

В 1886 г. в периоды между охотами Мартемьян жил в Петербурге в доме Андреевского. Михаил Владимирович был высокого мнения о нём: «С этим редким охотником и надежным, хорошим человеком много поохотились мы, перебивав не только в трущобах Беловежской пуши, Олонецких и Новгородских, но забирались под ледяные маковки дивного Кавказа и переваливали главный хребет его. Об охотах с ним в более объевропеченных местностях России я уже и не упоминаю. Он же сделал мне рогатины; он и обучил меня владеть ими и пристрастил к этой несравненной охоте»²⁵.

Итак, служба Мартемьяна Петровича Мартьянова при егермейстере великого князя продолжалась около 10 лет с 1882 г. по начало 1890-х. Но в это время он успевал и дома в Шимозере принимать гостей-охотников.

Охоту англичан 1885 г. в Шимозерской волости потом много лет вспоминали в рассказах местные жители. Охотились тогда секретарь посольства Великобритании И. Бодфелей и лондонский фабрикант Д. Тримрос, советник посольства Торнтон и граф Губерт. На охоте этими двумя компаниями было убито в общей сложности 22 медведя. Охотники, имея при себе фотоаппарат, воспроизводили съемки различных видов охоты. Позже Е. Х. Одинцов, который был членом Олонецкого губернского Статистического комитета, передал в музей Комитета «фотографический снимок с охоты на медведя», состоявшейся в Шимозерской

²² Там же. С. 384.

²³ Там же. С. 483.

²⁴ Там же. С. 491.

²⁵ Там же. С. 531–532.

волости»²⁶. Ни эту фотографию, ни какие-либо другие фотографии Торнтон нам, однако, обнаружить не удалось.

Заграничные гости остались, по-видимому, очень довольны ходом охоты, так как заказали местному охотнику Мартемьяну Петровичу обойти для них и на будущую зиму медведей, оставив для этого довольно крупный задаток.

И 1887 г. тоже был богат на именитых гостей. Во время одной охоты меткий выстрел Графа Уварова уложил огромного медведя на месте. Этого медведя признали местные жители как «хорошего знакомца», который вредил крестьянским хозяйствам много лет. Когда его внесли в деревню, жители кричали по-вепски «тойнепол» («леший»)»²⁷.

В охоте знатных гостей в Шимозерье принимал участие и родной брат Мартемьяна — Гаврила Петрович Мартьянов (1857–?). В 1890 году в Шимозерскую волость из Лондона приезжал охотиться Фредерик Глин, 4-й барон Вулвертон. Как сообщалось в газете, что время было выбрано неудачно, зима в её начале (декабрь) была малоснежной, берлоги неглубоки и медведи просыпались при приближении обходчиков, уходили на новые места. Решили ловить облавой. Две ходки оказались неудачны, медведи были слегка ранены и уходили от охотников. Лишь с третьего раза удалось уложить на месте потревоженного зверя. На радостях лорд Вулвертон выставил ведро вина в деревне прямо на улице, сам англичанин с бокалом виски вышел к народу и сказал тост за государя императора, за представителей администрации Олонецкой губернии и за всех её крестьян. Громкое «ура» было ответом, шапки полетели в воздух. Ответный тост за здоровье лорда тоже был встречен публикой с ликованием. Потом Вулвертон забросал крестьян мелкой монетой, которую они долго искали в затоптанном снегу. После этого успеха английский лорд вместе с крестьянином Гаврилой Мартьяновым убил ещё трех молодых медведей и довольным отбыл на родину²⁸.

Из газетных публикаций мы узнаём и ещё об одном попроце Мартемьяна Петровича Мартьянова. С 1894 г. в «Олонецких губернских ведомостях» появляются сообщения об объявлении губернатором благодарности Шимозерскому волостному старшине Мартьянову за успешное поступление окладных денежных сборов. Сведения публикуются неоднократно²⁹. Волостным старшиной он был несколько лет. Мартемьян был яростным противником алкоголя. В бытность его волостным

²⁶ ОГВ. 1886. №31 (от 30 апреля 1886 г.).

²⁷ ОГВ. 1887. №24 (от 28 марта 1887 г.).

²⁸ ОГВ. 1890. №5 (от 17 января 1890 г.).

²⁹ ОГВ. 1894. №53 (от 16 июля 1894 г.); ОГВ. 1895. №55 (от 22 июля 1895 г.) и др.

старшиной в Шимозерской волости закрыли казенную винную лавку. И он сокрушался, что невозможно бороться с тайной продажей алкоголя из крестьянских домов³⁰.

Чтобы открыть ещё одну страницу в судьбе М. П. Мартьянова, обратимся к книге 1907 г. «Медвежьи охоты в Олонецкой губернии» Николая Николаевича Изнара. Именно в ней мы находим описание дома Мартемьяна, который «ничем не отличался снаружи от типичной двухэтажной избы богатых крестьян олонекких деревень. Вся разница заключалась лишь в том, что нижний этаж с верхним соединялся внутреннею лестницею и можно было попадать из одного этажа в другой, не выходя в сени. Кроме того, на стенах были обои, чего в других избах мы не встречали. В красном углу стоял киот, по обеим сторонам которого на стенах висели лубочные картинки духовного содержания. Тут же висело в рамке меню обеда, данного в Москве в коронационные дни волостным старшинам, фотографии Высочайших Особ и портреты семьи Мартемьяна»³¹. И, действительно, как волостной старшина Мартемьян Петрович Мартьянов был избран для участия в коронации императора Николая II и побывал на знаменитом обеде волостных старшин в Петровском дворце в Москве³².

Как известно, всем находившимся на торжествах коронации волостным старшинам были пожалованы серебряные медали на станицлавовой ленте для ношения на груди с изображением на одной стороне портрета Николая II, а на другой — надписи: «Коронован в Москве 14.05.1896 года». Помимо этого, Мартемьян в 1896 г. был награжден серебряной медалью от герцога Мекленбург-Шверинского³³. За что Мартемьян получил эту медаль, остается пока загадкой, но известно, что Андреевский был в свите Мекленбург-Шверинского герцога, к тому же страстного охотника. Видимо, медаль — благодарность за удачную охоту.

В 1897 г. Мартьянов Мартемьян Петрович был избран от Шимозерской волости в гласные Лодейнопольского уездного собрания на трехлетний срок³⁴. На этом его участие в выборных делах не заканчивается. В 1905 г. император Николай II учредил Государственную думу. По всей стране разворачивается большая работа по избранию выборщиков. В Национальном архиве Республики

³⁰ Изнар Н. Н. Медвежьи охоты в Олонецкой губернии // Охотничьи просторы: литературно-художественный альманах. Реутов, 2006. Кн. 1 (47). С. 4–28; Кн. 2 (48). С. 4–32. URL: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1707&Itemid=99999999 (07.03.2020).

³¹ Изнар Н. Н. Медвежьи охоты в Олонецкой губернии.

³² ОГВ. 1896. №6 (от 24 января 1896 г.); ОГВ. 1896. №29 (от 24 апреля 1896 г.).

³³ ЦГИА СПб. Ф. 1835. Оп.1. Д. 43. (Послужной список церковного старосты).

³⁴ ОГВ. 1897. №52 (от 9 июля 1897 г.).

Карелия удалось найти документы об этих событиях в Лодейнопольском уезде. На уездный съезд Мартьянов был выдвинут волостным сходом, который состоялся 22 февраля 1906 г. Присутствовало 52 человека, голосовали за двоих кандидатов: Иван Борисов из Фоминско-Мошниковской деревни получил 46 голосов «за» и шесть «против», а Мартемьян Петрович получил 51 избирательный шар и 1 неизбирательный шар³⁵. Позже его кандидатура на уездном съезде была выбрана и для участия в губернском съезде выборщиков в I Государственную думу³⁶.

В 1907 г. Мартемьян вновь участвовал в работе съезда уездных выборщиков. Однако, избираться он особого желания не имел. По мнению его товарищей по охоте 1907 г. это было связано с тем, что «ему не хочется бросать своих дел здесь, тем более теперь, когда он с каждым годом увеличивает размер своей торговой и подрядческой деятельности. В прошлом году, летом, он с подряда вёрст двадцать земских дорог построил, а зимою открыл булочную в Шимозере»³⁷.

Действительно по Спискам торгово-промышленных заведений Лодейнопольского уезда у него в деревне Никитинская были кожевня, пекарня и лавка³⁸. Пекарня была открыта в 1906 г. Муку закупали в Рыбинске, масло в Тихвине. Выпекали ситники, крендели, французские булки, пряники. Сбывали продукцию в лавках в деревне Никитинской и в Белозерского уезда селе Борисово Новгородской губернии. Из описания пекарни: «Пекарня с одной печью. Работают зимой. Число рабочих дней в году — 150. За один рабочий день выпекают муки объемом один с четвертью мешок по 6 пудов [122 кг муки в день]. Работники пекарни: по найму на 150 дней из Новгородской губернии (кирилловские) три человека — 70, 14 и 10 лет. Получали они соответственно 35, 17 и 5 рублей. Помимо этого, хозяин предоставлял кров и стол». Оборудование пекарни также было переписано: «лотки — 2, лопаты — 2, формы — 6, кочерги — 2, доски — 12, черпучка — 1, столы — 2, ларь — 1, котел чугунный четырехведерный — 1»³⁹.

И всё-таки охота была главным делом Мартемьяна. К началу прошлого века дело было поставлено на широкую ногу. Когда наступала осень, и охотники находили берлоги, они или письменно, или при свиданиях с Мартемьяном Мартьяновым или его двумя сыновьями, предлагали купить данную берлогу. Мартемьян составляет подробный список берлог, со внесением в этот список всех

³⁵ НА РК Ф. 1. Оп. 68. Д. 1/9. Л. 23–24.

³⁶ НА РК Ф.1 Оп. 68. Д. 1/8. Л. 34–41; НАРК Ф. 1. Оп. 68. Д. 1/10. Л. 18.

³⁷ *Извир Н. Н.* Медвежьи охоты в Олонецкой губернии.

³⁸ НА РК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 41/346. Л.14. (Списки торгово-промышленных заведений Лодейнопольского уезда. 1913).

³⁹ НА РК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 61/543. Л. 49. (Сведения о пекарнях, бараночных и кондитерских. 1916).

сведений и заключённых условиях, располагая при этом берлоги в географическом порядке. Список этот передавался Леонарду Францевичу Винницкому, который уже искал желающих охотиться⁴⁰. Эти сведения мы узнаём из книги Н. Н. Изнара, которая повествует о памятной охоте 1907 г.

В тот раз охотилась весьма колоритная компания: русский француз Изнар-старший с сыном Николаем, бранящийся по-немецки поляк Винницкий, французский грек с острова Корфу Скараманга Амвросий Пандеевич, сопровождал их вепсский мужик Мартемьян Мартьянов. Книга изобилует удивительными историями, бытовыми подробностями и охотничьими байками. Николай Николаевич Изнар считал, про Мартемьяна можно бы написать целую книгу, если записывать все его рассказы. Он уверял, что им за время долголетних охот было выставлено более двух тысяч медведей. И это не фантазия, не «охотничий рассказ», а чистая правда⁴¹.

Мартемьян Петрович был старшим в этом этнически пестром отряде, давал приказания в форме, не терпящей возражений. Винницкий величал его «начальством». Особое положение Мартьянова подчеркивалось и в момент выезда на охоту. В веренице саней, вытянувшейся по дороге, его сани были следующими за санями «хозяев медведя», которые показывали дорогу и ехали первыми. Мартемьян в полулежачем положении на красной кумачовой подушке возглавлял всю кавалькаду охотников. И в охоте был всегда на переднем плане, но понимал, что главная его задача организовать удовольствие гостей — убить медведя: «Я зря не выстрелю и господам охоты не испорчу», — говорил он Винницкому⁴².

Следующая страница нашего повествования о жизни охотника Мартьянова раскрывает нам ещё один вид его деятельности. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранится послужной список церковного старосты Знаменской церкви Шимозерского прихода⁴³. Мартемьян Петрович Мартьянов был в должности церковного старосты с 1908 по 1913 г. В документе подробно перечислены собственные его пожертвования в церковь на общую сумму более 1000 рублей:

— две пары полных священнических и дьяконических облачений на 90 рублей,

⁴⁰ Изнар Н. Н. Медвежьи охоты в Олонецкой губернии.

⁴¹ Изнар Н. Н. Медвежьи охоты в Олонецкой губернии.

⁴² Там же.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 1835. Оп. 1. Д. 43. (Послужной список церковного старосты).

— на ремонт часовни святителя Николая Мирликийского в с. Линжезера и устройства иконостаса в ней — 160 рублей,

— на позолоту иконостаса в храме Знамени Пресвятой Богородицы — 600 рублей,

— на новое позолоченное паникадило и киот стоячий к иконе Пресвятой Богородицы — 400 рублей.

Фото 3. Шимозерский приход: церковь Иконы Божией Матери Знамение (1808, каменная) и церковь Георгия Победоносца (1800, деревянная). 1963.

Из личного архива Н. Ф. Омшева.

Как записано в Послужном списке наград за эти пожертвования он не имел, а при выходе с должности по слабости своего здоровья получил письменную благодарность от прихожан и причта за труды и личные жертвы в пользу церкви.

Последние найденные сведения о Мартемьяне находятся в документах Переписи населения 1920 г.⁴⁴ Мартьянову Мартемьяну Петровичу уже 70 лет. Жена его Ольга Антоновна тоже жива. Судя по переписи, двое взрослых сыновей со своими семьями живут с отцом и матерью в одном большом доме. Главой семьи и домохозяйном записан Мартемьян Петрович.

Старшему сыну Николаю Мартемьяновичу (1882–?) старик Мартьянов передал егерское дело. К Николаю на охоту приезжали известные советские политические деятели — Народный комиссар юстиции Николай Васильевич Крыленко (в октябре 1920 — декабре 1922 г. заведующий управлением охоты) и народный

⁴⁴ НА РК. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 31/294. Л.101. (Личный листок переписи населения. 1920).

комиссар внутренних дел Алексей Иванович Рыков⁴⁵. Младший сын Пётр Мартемьянович (1886–?) во всём поддерживал старшего брата. Дочь Елена Мартемьяновна (1888–?) вышла замуж за сына бывшего церковного старосты Якова Семеновича Кручинина в деревню Яковлевская⁴⁶.

К сожалению, сведений о дате смерти Мартемьяна Петровича и о дальнейшей судьбе прямых потомков этой семьи обнаружено не было.

Н. Н. Изнар писал: «К чести Мартемьяна надо сказать, что он отнюдь не был похож на столь обычный в нашей деревне тип мироеда и кулака. Он не занимался раздачей денег в рост или продажей втридорога дрянного товара нуждающемуся населению с тем, чтобы его закабалить, а всегда приходил на помощь этому населению, кому деньгами, кому лесом, кому поможет скотину купить. Зато и пользовался он популярностью и уважением среди крестьян нескольких волостей»⁴⁷.

Образ Мартемьяна Петровича Мартьянова до сих пор жив в народной памяти выходцев из Шимозерья. Неслучайно именно его персона была выбрана доктором филологических наук Ниной Григорьевной Зайцевой для создания образа главного героя вепсского эпоса «Вирантанас» — Вира, прародителя многих ныне живущих вепсов⁴⁸.

Список литературы

Зайцева Н. Г. Вепскоязычный эпос «Вирантанас» — опыт реконструкции / Н. Г. Зайцева // Краеведческие чтения: материалы VII научной конференции (14–15 февраля 2013 г.). — Петрозаводск : Национальная библиотека Республики Карелия, 2014. — С. 15–21. — URL: <http://library.karelia.ru/files/3952.pdf>. — (07.03.2020).

Мошина Т. А. Из истории охраны природы в Карелии. «Охрана природы — это нравственный долг перед родиной, человечеством и наукой» / Т. А. Мошина // Зеленый лист. Карельская экологическая газета. — 1999. — №. 13–14. [Электронный ресурс] URL: <http://sampo.ru/~zellist/about/history.html>. — (07.03.2020)

Охота на медведя. На берлоге, облава, на овсах, с лайками: сб. ст. / [составитель Королев В. В.]. — Москва : «Издательство Рученькина», Москва : «ПТП ЭРА», Минск : «Современное слово», 1997. — 352 с.

Севрин Д. Е. Вытегорская любительская охота // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2005. [Электронный ресурс] URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/3vy/teg/ra/index.htm>. — (07.03.2020).

⁴⁵ Севрин Д. Е. Вытегорская любительская охота // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2005. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/3vy/teg/ra/index.htm> (07.03.2020).

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2208. Лл. 139об.–140. (Метрическая книга церкви Знамения Божией Матери Шимозерского прихода. 1909).

⁴⁷ Изнар Н. Н. Медвежьих охоты в Олонецкой губернии.

⁴⁸ Зайцева Н. Г. Вепскоязычный эпос «Вирантанас» — опыт реконструкции // Краеведческие чтения: материалы VII научной конференции (14–15 февраля 2013 г.). Петрозаводск, [2013]. С. 15–21. URL: <http://library.karelia.ru/files/3952.pdf> (07.03.2020).

БЛАНДОВ Алексей Александрович / BLANDOV Alexei

Негосударственное общеобразовательное учреждение «Частная школа Взмах» /
Private school *Vzмах*

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

var_87@inbox.ru

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ГРУППЫ КАРЕЛ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАРЕЛИИ:
ИСТОРИЯ АССИМИЛЯЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

**LITTLE-KNOWN GROUPS OF THE KARELIANS OUTSIDE THE KARELIAN
REPUBLIC. HISTORY OF ASSIMILATION AND CURRENT STATE**

Abstract. The article, which is based on the archival materials and field research, discusses the history and current condition of the Karelian groups that appeared in the 17th century outside their ethnic homeland — in the Novgorod, Tver', Vologda, Kaluga and Vladimir regions of Russia.

Ключевые слова / Keywords: Новгородские карелы, валдайские карелы, тверские карелы, дёржанские карелы, вышневолоцкие карелы, медыньские карелы / Novgorod Karelians, Valdai Karelians, Tver' Karelians, Medyn' Karelians

До революции карелы являлись одним из наиболее многочисленных финно-угорских народов России. Они проживали на территории целого ряда губерний и образовывали порой довольно изолированные друг от друга этнотерриториальные группы. Многие из этих групп никогда не становились объектами специальных исследований, а современная информация о них практически отсутствует.

В частности, вплоть до недавнего времени не имелось достоверных сведений о так называемых новгородских карелах. Проживая с XVII в. в границах нескольких уездов Новгородской губернии, они сформировали четыре этнографические группы, за которыми в литературе закрепились наименования тихвинских, валдайских, боровичских и крестецких карел. Последние в действительности представляли собой два отдельных анклава по 15–25 деревень в каждом. Насколько позволяют предполагать имеющиеся материалы, тихвинские карелы довольно рано обособились, а остальные группы на протяжении длительного времени поддерживали друг с другом более или менее тесные связи, что хорошо прослеживается по документам второй половины XVII–XVIII в.

Об истории и современном состоянии новгородских (прежде всего валдайских) карел имеется несколько специальных работ¹. Дабы не повторяться, отметим лишь,

¹ См., например: Бландов А. А. Валдайские карелы в XVII–начале XVIII веков // Финно-угроведение. 2014. № 2. С. 20–30; *Он же* «Нас все карелякам звали, а мы карельского языка не знаем»: субэтническая группа валдайских карел в XX и начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2014. № 4. С. 78–83; *Он же*. Переселение карелов на Новгородские земли в XVII в.: новые документы // Рябининские чтения–2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 24–26.

что все наши попытки найти в Новгородской области носителей карельского языка не увенчались успехом. На сегодняшний момент можно уверенно констатировать полную языковую ассимиляцию боровичских, крестецких и валдайских карел.

Впрочем, процесс обрусения карел Новгородской губернии протекал неравномерно. Раньше всего язык был утрачен в центральной части Крестецкого уезда и в некоторых периферийных деревнях, а позже всего (в 1990-х гг.) — в ряде поселений к югу от Валдая. До сегодняшнего дня там можно встретить людей, слышущих знатоками карельского языка, но на деле помнящих лишь отдельные карельские слова и выражения. В большинстве же новгородских деревень карельский язык перестал служить средством общения в первой половине или середине XX в. *«Кареляки-то уж потом не стали говорить, вот сперва шолтали, а потом отвыкли. Размнодилась молодежь, а что они будут шолтать? А старики умерли. Моя матка тоже, она мало и по-русски знала, всё шолтала. Батька нисколько не знал — русский, а матка всё время шолтала. Вот придет, я иной раз, это она: “Ханна, Ханна, садись хэ, это, шарви со мной рокки”, — это садись щей хлебать, вот это я понимала. Они давно умершие. Тут, пожалуй, ты и не найдешь кареляков»,* — так охарактеризовала современное положение дел жительница одной из карельских деревень Демянского района Новгородской области².

В чём причина неравномерности процесса обрусения — не совсем ясно. О. М. Фишман убедительно показала, что для некоторых локальных карельских общностей ведущим стабилизирующим фактором являлась их принадлежность к старообрядчеству³. Однако на постэтничном новгородском материале такую зависимость выявить не удастся. Во всяком случае, радикальные старообрядцы-карелы, проживавшие в Крестецком уезде по рекам Мсте и Хубе, утратили свой язык одними из первых — к началу XX в. Сегодня абсолютное большинство их потомков вообще ничего не слышали о карелах. Воспоминания об иноэтничном прошлом сохраняются лишь в нескольких деревнях в западной части анклава:

Инф. 1: Вообще-то, наша деревня знали, знали этих, карелы эти. Да, Люба, как, мы же как, наши предки-то карелы, да?

Инф. 2: Это Катерина ж сослала сюда осваивать, сослала сюда осваивать земли.

Инф. 1: Вот Люба говорит, что Катерина сюда сослала.

Инф. 2: Ну это я слышала, слышала, да, что карелы. Тут у нас и названия карельские: Ломага, Ебага, Гадалики, Гондики, не так что ли?⁴

² Полевые материалы автора (далее — ПМА). Новгородская обл., Демянский р-н, д. Климово, 2014 г.

³ Фишман О. М. Символизация локальной культуры: старообрядческие группы тихвинских и тверских карел // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV междунар. научн. конф. «Рябининские чтения–2003». Петрозаводск, 2003. С. 260–262.

⁴ ПМА. Новгородская обл., Маловишерский р-н, д. Горнецкое, 2019 г.

Неодинаковую степень сохранности языка можно наблюдать и среди тверских карел, также не представлявших собой единый массив поселений. Например, наиболее близкая к новгородским карелам этнографическая группа вышневолоцких карел (фактически включавшая в себя два отдельных анклава), по всей видимости, уже утратила свой язык. В ходе полевых исследований 2019 г. нам удалось встретить в Вышневолоцком районе Тверской области нескольких людей, известных в округе как карелы, часто с соответствующими отметками в свидетельствах о рождении. Но на проверку никто из них по-карельски уже не разговаривает. Конечно, надежда найти карелоговорящих людей в этом районе пока остается. Но в целом, нужно признать, что языковая ассимиляция вышневолоцких карел в основном завершилась: *«Вот мои, мой отец и мать — они тоже карелы. Они между собой по-карельски разговаривали, между собой, вот, а детей карельскому языку не учили. Я так-то понимал чуть-чуть, когда они между собой разговаривали, я понимал, о чём они говорят, что говорят, а сам слова не запомнил, и это, и сам не говорю на карельском языке. Так это ж было давно, раньше»⁵.*

Рассказывая о вышневолоцких карелах, нельзя не упомянуть о тяготевших к ним карелах Осташковского уезда Тверской губернии. Они проживали компактно как минимум в четырех деревнях вдоль реки Цны⁶ (сегодня это Фировский район Тверской области), сохраняя язык вплоть до 1970-х гг.: *«Вот старфики, которые там совсем древние, девятисотых годов, ну они многие разговаривали на карельском. А потом следующее поколение, вот, допустим, уже такое: тридцатых годов, сороковых годов, они уже не разговаривали. Там уже всё перемешалось, всё уже, они так, отдельные слова, я уже не слышал, чтобы там разговаривали»⁷.*

Исторически территория карельского расселения в Новгородских и Тверских пределах не ограничивалась названными выше районами. В XVII в. довольно значительная группа карельских беженцев переселилась на юг от озера Ильмень в Старорусский уезд⁸. Эти карелы быстро обрусели, уже в XIX в. не упоминались в источниках и, как показали наши полевые исследования, проводившиеся в южных районах Новгородской области, не оставили о себе вообще никакой памяти.

Очевидно, отдельные карельские поселения существовали и за пределами указанных анклавов. Об этом свидетельствуют названия таких деревень как Карельское Пестово на востоке Новгородской области и Сельцо Карельское на севере Тверской. В окрестностях последней карелы действительно упоминаются в документах XVII в.⁹ Но в целом об их истории пока известно немного.

⁵ ПМА. Тверская обл., Вышневолоцкий р-н, д. Башково, 2019 г.

⁶ Научный архив Русского географического общества (далее — Архив РГО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 195. Л. 45; Д. 243. Карг. 636–639.

⁷ ПМА. Тверская обл., Фировский р-н, д. Пухтина Гора, 2019 г.

⁸ Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. С. 67.

⁹ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПбИИ РАН). Ф. 181. Оп. 1. Д. 1175. Л. 8; Оп. 2. Д. 244. Л. 38–43.

Больше мы знаем о карелах, поселившихся в XVII в. на землях Кирилло-Белозерского монастыря, на самой границе Новгородской и Вологодской губерний¹⁰. Судя по дневниковым записям А. М. Шёгрена, в 1820-х гг. в одной из деревень Кирилловского уезда ещё можно было найти стариков, говоривших по-карельски. Но всего через несколько десятилетий язык здесь был полностью утрачен, хотя жителей некоторых населенных пунктов в целом ряде волостей продолжали именовать карелами¹¹.

В XX в. положение дел изменилось, и, как показали наши исследования, лишь небольшая группа из 5–6 деревень в Кирилловском районе Вологодской области по-прежнему обобщенно именовалась Корелой:

Соб.: А вот какие деревни Корелой назывались?

Инф.: Вот все наши деревни, наши, наши пять деревень. А там дальше Волок идет, Волоком называлось.

Соб.: А Корела почему, что значит вообще?

Инф.: А Бог его знает чего, знаю, что Корела называли. Там Цыпино, тут Корела¹².

В ходе краткосрочных исследований мы не смогли выявить многочисленные реликты карельского языка в данном микрорегионе. Лишь в д. Вазеринцы были отмечены единичные карельские топонимы.

Кроме того, выяснилось, что Корелой называют также окрестности с. Ёрга в Череповецком районе Вологодской области. Нами была даже предпринята поездка в расположенную относительно недалеко оттуда д. Карельская Мушняя, но, увы, обнаружить там какие-либо следы карельского прошлого не удалось. Необычное название деревни объясняется её жителями с помощью традиционного фольклорного мотива об иноземном нашествии, где в качестве интервентов неожиданно выступают карелы. Согласно преданию, они дошли до д. Мушняя, но не смогли продвинуться дальше.

Еще раньше, чем карелы Вологодской области, обрусела другая изолированная карельская группа, известная на территории Медынского уезда Калужской губернии с 1660-х гг.¹³ К середине XIX столетия представители этой группы не говорили на карельском языке, хотя сохраняли самоназвание карелы¹⁴. Даже в 1940-х гг. карелами

¹⁰ Дмитриева З. В. «Карельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2003. С. 81–90.

¹¹ Архив РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 7 об.; Д. 162. Л. 9 об.; Д. 177. Л. 4 об., 19; Кёппен П. О третьем издании Этнографической карты Европейской России // Вестник Имп. РГО за 1856 год. Кн. 2. СПб., 1856. С. 92–94.

¹² ПМА. Вологодская обл., Кирилловский р-н, д. Демидово, 2018 г.

¹³ [Холмогоров Г. П. Материалы для истории церквей Калужской епархии] // Калужская старина. 1911. Т. 6. С. 29.

¹⁴ Архив РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 38; Д. 167. Л. 2–2 об.; Кёппен П. О третьем издании Этнографической карты... С. 92.

называли себя жители по меньшей мере 40 деревень в Износковском районе Калужской области¹⁵.

Но за прошедшие с тех пор годы ситуация несколько поменялась. На памяти наших информантов прозвище карелы уверенно употреблялось лишь по отношению к жителям д. Хвоци. Применительно к соседним населенным пунктам прозвище употреблялось реже, а в большинстве деревень района оно и вовсе забыто. В ходе полевых исследований никаких очевидных карельских следов в топонимии и местных говорах обнаружить не удалось. Карельское происхождение могут иметь разве что названия блюд: *шульчины*, *шкальчины* и *карюльки*. Примечательно, что умение их готовить приписывается именно карелам: «У них вот, карел — она вот с этого, вот моя тетка-то вот эта, которая в Морозове — вот уже вот я, когда была, вот они там шульчины какие-то пекли, сканчины какие-то. А у нас вот, у нас в Каменке в деревне, у нас драники были, а вот шульчины какие-то я не знаю, мамка никогда не пекла»¹⁶.

П. И. Кёппен ошибочно полагал, что в Медынский уезд карелы были перевезены из соседней Смоленской губернии¹⁷. Однако более правдоподобной представляется версия, согласно которой карелы прибыли сюда с юга современной Тверской области, где до сегодняшнего дня сохраняется малочисленная группа зубцовских (или, как их чаще называют, дёржанских) карел. Действительно, есть сведения, что сами дёржанские карелы считали жителей Медынского уезда своими родственниками и даже ездили к ним в гости в давние времена¹⁸.

Как бы то ни было, к XIX столетию медынские карелы полностью обрусели, а дёржанские, несмотря на свою немногочисленность и близость к Москве, всё же сумели сохранить язык и идентичность. По нашим данным, в 2018 г. в трех деревнях Зубцовского района Тверской области оставалось около пяти носителей карельского языка. Таким образом, предположения ряда исследователей о полной утрате дёржанского говора¹⁹ пока не подтвердились.

На сегодняшний день история дёржанских карел практически не изучена. Больше известно о карелах, осевших во второй половине XVII в. на территории соседнего Микулинского стана Тверского уезда (сегодня это пограничье Тверской

¹⁵ Маслова Г. С. Медынские «карель» (отчет о рекогносцировочной поездке) // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1947. Т. 2. С. 54.

¹⁶ ПМА. Калужская обл., Износковский р-н, д. Большое Семеновское, 2019 г.

¹⁷ Архив РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 38; Д. 167. Л. 2–2 об.; Кёппен П. О третьем издании Этнографической карты... С. 92.

¹⁸ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XLIII: Тверская губ. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. С. XXVIII.

¹⁹ См., например: Новак И. П. Фонетическая адаптация русских заимствований в тверском наречии карельского языка // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2015. № 3. С. 173.

и Московской областей)²⁰. Есть мнение, что данная группа обрусела не позже XVIII в.²¹ Но по данным П. И. Кёппена, в XIX столетии там ещё оставались по меньшей мере три деревни с карельским населением²². В наши дни память об этом утрачена. В ходе рекогносцировочных исследований 2019 г. лишь один информант упомянул, что среди его предков были люди, относившиеся к какой-то другой народности: *«У меня бабушка говорила... сейчас... как же народность-то... финно-угорские племена что ли, что-то такое вот. Вот она всё время говорила, что здесь вот, мы оттуда родом, как бы вот финно-угорская вот ветвь»*²³.

По документам XVII в. известно о карельских поселениях и ближе к Москве, в окрестностях города Клин²⁴. Сегодня, однако, никаких следов карельского прошлого там не обнаруживается — ни в фольклоре, ни в лексике, ни в материальной культуре.

Несомненно, карельские поселения были и в более восточных районах России. На карте Владимирской области в Юрьев-Польском районе можно найти село Карельская Слобода. Примечательны предания, объясняющие это название. Карелы предстают в них как аборигены края, вытесненные татарскими интервентами, либо как пришлое население, проигранное помещиками в карты. Такие фольклорные сюжеты, кстати, известны и в других регионах со смешанным русско-карельским населением. Приведём в качестве примеров несколько записанных нами текстов:

*«Говорят так, что карелы здесь остановились, только в каком году, я не знаю, ну говорили, что карелы здесь остановились и вот жили. А когда татары-то шли, их угнали, и вот как-то мы здесь очутились. [Соб.: А кто эти карелы-то?] А кто их знает, их нет, я их не знаю, это до нас было время. Вот знаю, что татары шли вот там по ту сторону, и туда они шли на Юрьев-Польской. [Соб.: А откуда?] Вот это я не... Ну они шли, знаете как, они шли от Суздаля. Ведь тогда война, говорили, была, конечно, меня не было, наверное, я этого не помню, ну вот тут-то ну этот луг называли Селищю, и там всё могилы были, вот теперь всё ходят проверяют, ищут всё золото-то»*²⁵.

*«Ну вообще, говорят, что якобы в свое время кто-то там, какой помещик проиграл там каких-то людей, вот эти карелы здесь поселились, была карельская вот эта слобода»*²⁶.

²⁰ Савинова А. П., Степанова Ю. В. Карельская диаспора южных районов Тверского Поволжья: история формирования и историческая судьба // Carelica. 2018. № 1. С. 26–37.

²¹ Савинова А. П., Степанова Ю. В. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // Carelica. 2014. № 2. С. 69.

²² Архив РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 243. Карт. 622–624.

²³ ПМА. Тверская обл., Зубцовский р-н, д. Шепелево, 2019 г.

²⁴ Жербин А. С. Переселение карел в Россию... С. 67; Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1672. Л. 1; Д. 2000. Л. 96; Д. 2003. Л. 1; Д. 2010. Л. 69; Д. 4475. Л. 19.

²⁵ ПМА. Владимирская обл., Юрьев-Польский р-н, с. Карельская Слобода, 2019 г.

²⁶ Там же.

Рискнём предположить, что обрусение карел Владимирской губернии произошло довольно рано, возможно, до XIX в. Во всяком случае, в краеведческой литературе того времени упоминания о карелах в окрестностях Юрьев-Польского и Суздаля отсутствуют.

На карте России есть ещё ряд населённых пунктов, наименования которых позволяют предположить их карельское прошлое. Например, нам доводилось работать вблизи д. Корелино, что недалеко от Рязани. Жители связывают это название с фамилией местного помещика, что, вероятнее всего, ошибочно. Хотя фамилия такая действительно существует. Например, она очень распространена в ряде поселений на юго-востоке Пермского края. Всегда ли она связана с карельскими корнями её носителей — неясно. Но, что примечательно, среди самих карел (в том числе Тверской области) она встречается редко.

Массовая миграция карел, вызванная русско-шведскими войнами XVII в., привела к существенным изменениям этнической структуры населения европейской части России и формированию новых этно-территориальных групп карел за пределами их исторической родины. Находясь в иноэтничном окружении, такие изолированные группы постепенно обрусели, и сегодня они лишь отдельными элементами культуры отличаются от соседнего русского населения. Например, среди бывших новгородских карел сохраняются воспоминания о карельском празднике *дне кегри*, а на кладбищах ещё недавно можно было встретить т. н. *карсикко* — деревья с обрубленными сучьями, игравшие важную роль в карельской поминальной обрядности. Утратив язык, потомки карел нередко сохраняют самоназвание или коллективное прозвище *кореляки/карелы/корела*. Впрочем, через некоторое время забывается и оно.

Список литературы

Бландов, А. А. Валдайские карелы в XVII — начале XVIII веков / А. А. Бландов // Финно-угроведение. — 2014. — № 2. — С. 20–30.

Бландов, А. А. «Нас все корелякам звали, а мы карельского языка не знаем»: субэтническая группа валдайских карел в XX и начале XXI в. / А. А. Бландов // Финно-угорский мир. — 2014. — № 4. — С. 78–83.

Бландов, А. А. Переселение карелов на Новгородские земли в XVII в.: новые документы / А. А. Бландов // Рябининские чтения–2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. — С. 24–26.

Дмитриева, З. В. «Корельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке / З. В. Дмитриева // Кириллов: Краеведческий альманах. — Вологда, 2003. — Вып. 5. — С. 81–90.

Жербин, А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке / А. С. Жербин. — Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1956. — 79 с.

Маслова, Г. С. Медыньские «карель» (отчет о рекогносцировочной поездке) / Г. С. Маслова // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1947. — Т. 2. — С. 54.

Новак, И. П. Фонетическая адаптация русских заимствований в тверском наречии карельского языка / И. П. Новак // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». — 2015. — № 3. — С. 172–181.

Савинова, А. И., Степанова, Ю. В. Карельская диаспора южных районов Тверского Поволжья: история формирования и историческая судьба / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // Carelica. — 2018. — № 1. — С. 26–37.

Савинова, А. И., Степанова, Ю. В. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // Carelica. — 2014. — № 2. — С. 57–74.

Фишман, О. М. Символизация локальной культуры: старообрядческие группы тихвинских и тверских карел / О. М. Фишман // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV междунар. научн. конф. «Рябининские чтения–2003». — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. — С. 260–262.

СУХОВ Андрей Олегович / SUKHOV Andrei

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

s.andreysuhov@gmail.com

ПРИБЛИЖЕНИЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К КУЛЬТУРЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАРЕЛИИ СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

THE INTRODUCTION OF FUTURE TEACHERS TO THE CULTURE OF INDIGENOUS PEOPLE LIVING IN KARELIA BY THE TOOLS OF THEATRE PEDAGOGY

Abstract: The author describes the possibilities of theatre pedagogy and ethnopedagogy's tools combined usage in the systems of primary and higher education as a synopsis of theatre pedagogy and ethnopedagogy's basics. Showing the example of teaching the discipline *Theatrical and ethnopedagogical activity in primary school* the author presents the experience of organizing theatrical and ethnopedagogical activity of future teachers, who are also introduced to the culture of the indigenous peoples living in Republic of Karelia. There are highlighted the aspects of the mutual using theatre pedagogy and ethnopedagogy's tools (theatricalisation, dramatization; tongue twisters, proverbs, sayings, fairy tales, legends, customs, rituals, epics) in order to acquaint the younger generations with the whole complex of ethnocultural creativity through theatre art.

Ключевые слова / Keywords: Театральная педагогика, интеграция, этнопедагогика, театральная деятельность, этнопедагогическая деятельность, народная культура, педагогическое мастерство / Theatre pedagogy, integration, ethnopedagogy, theatrical activity, ethnopedagogical activity, folk culture, multicultural education, pedagogical skills

Известно, этнопедагогика как самостоятельное направление педагогической мысли начала своё развитие благодаря деятельности Г. Н. Волкова. Исследователь считал, что «воспитание в этнопедагогике определяется через пример и любовь, а человек — через любовное воспитание, лелеяние»¹, способствующие его нравственному развитию.

Так, именно нравственность выступает «фундаментом, объединяющим традиционные ценности педагогических культур разных народов»², что становится особенно актуальным для народов Российской Федерации — одной из самых многонациональных стран мира, — стремящихся к мирному сосуществованию, несмотря на религиозные, социальные, культурные различия. Как поясняет

¹ Волков Г. Н. Этнопедагогика как педагогика национального спасения. 2004. № 1. С. 194–198. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopedagogika-kak-pedagogika-natsionalnogo-spaseniya> (18.12.2020).

² Мухтарова Ш. М. Методологическое обоснование этнопедагогической направленности этнического компонента в содержании высшего педагогического образования // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2017. № 2 (94). С. 140–149. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskoe-obosnovanie-etnopedagogicheskoy-napravlennosti-etnicheskogo-komponenta-v-soderzhanii-vysshego-pedagogicheskogo> (18.12.2020).

Ш. М. Мухтарова, «в духовно-нравственном здоровье общества, народа и личности огромная роль принадлежит средствам национальной культуры, существенными элементами которой являются фольклор, музыка, декоративно-прикладное искусство»³, а также театр, представляющий с древнейших времён не только способ познания действительности, но и действенное средство воспитания, изучение которого выделилось в такое направление педагогики как «театральная педагогика». Свои истоки она, как и этнопедагогическое учение, берёт в первобытном обществе, когда обучение подрастающих поколений происходило в виде обрядов, организованных для передачи традиционных ценностей и знаний племени. Тогда «в обряде драматизация переплеталась с ритмичной пластикой и возгласами, звуками шумовых и ударных инструментов, хоровым исполнением сакральных формул»⁴.

Сегодня подобный метод воспитания продолжает активно использоваться в рамках этнопедагогической деятельности, которая «направлена на трансляцию этнокультурных ценностей, способствует развитию духовно-нравственной связи поколений путём передачи от старших поколений младшим этнической культуры»⁵. Формы и методы такой деятельности многовариативны: педагоги «организуют культурно-досуговую деятельность, в частности развлечения с элементами спортивных состязаний (а также тематические классные часы, экскурсии, походы — *прим. авт.*), привлекают детей к процессу создания национальной одежды для праздника или инсценировки народной сказки»⁶. В таком случае средства народной культуры («колыбельные песни...; пословицы и поговорки; <...> обряды, обычаи, ритуалы; сказки, легенды, сказания, эпос...»⁷) представляют собой основу для постановки театрализованного представления, в ходе подготовки которого молодые поколения получают возможность ознакомиться с культурным творчеством той или иной национальности. Однако перед осуществлением постановочного процесса, важно удостовериться в профессиональной готовности учителей и преподавателей реализовать подобную деятельность, что определяет

³ Мухтарова Ш. М. Методологическое обоснование этнопедагогической направленности... С. 145.

⁴ Машевская С. М. Эволюция идей школьного театра. М., 2012. С. 7.

⁵ Харитонова Ф. П. Анализ педагогических явлений в этнопедагогической деятельности педагога в поликультурном образовательном пространстве // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2013. № 1 (77). Ч. 1. Серия «Гуманитарные и педагогические науки». С. 200–205. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-pedagogicheskikh-yavleniy-v-etnopedagogicheskoy-deyatelnosti-pedagoga-v-polikulturnom-obrazovatelnom-prostranstve> (18.12.2020).

⁶ Кондрашова Н. В. Этнопедагогическая деятельность дошкольных образовательных учреждений в поликультурных регионах России / Н. В. Кондрашова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 2 (февраль). С. 1–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopedagogicheskaya-deyatelnost-doshkolnyh-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-v-polikulturnyh-regionah-rossii> (18.12.2020).

⁷ Снопина Т. К. Общность этнопедагогик разных народов России // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 4. С. 244–247. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschnost-etnopedagogik-raznyh-narodov-rossii> (18.12.2020).

необходимость их предварительного обучения основам организации театральной и этнопедагогической деятельности.

Продемонстрировать процесс подготовки будущих педагогов в указанных областях можно на примере авторской дисциплины «Театральная и этнопедагогическая деятельность в начальной школе», разработанной с применением таких средств театральной педагогики, как драматизация и театрализация.

Главными задачами дисциплины являются приобщение будущих педагогов к культурам коренных народов Республики Карелия (карелов, вепсов, а также финнов как исторически сформировавшейся народности на территории Карелии), развитие творческих способностей воображения, внимания, педагогической эмпатии и интуиции, умений работать в команде.

В рамках дисциплины обучающиеся изучают историю театральной педагогики и этнопедагогики, сущность этнопедагогической деятельности, средства театральной педагогики, применимые в русле национально-культурного воспитания подрастающих поколений в Республике Карелия (узнают о культуре карелов, вепсов, финнов). По мере освоения теоретических основ курса будущие педагоги переходят к практическим занятиям. Они посвящены начальному процессу организации театрально-творческой деятельности педагога: подготовке сценария представления для учащихся младших классов с драматическими элементами.

В первую очередь обучающимся необходимо определиться с темой представления, которая по возможности должна объединять разные национальные культуры. В качестве примера преподаватель может предложить будущим учителям идею подготовки сценария праздника Рождества, включающего проведение традиционных игр, песен, танцев вепсов, карелов и финнов, а также элементы драматизации, которые связывали бы друг с другом творческие номера. Так, обучающиеся могут использовать фольклорных персонажей: животных, а также образы Красавицы Насто, старухи Лоухи, лесного духа Хийси и др., — в качестве инструментов, способных разнообразить сценическое действие, дополнить костюмированный праздник и связать части постановки единым сюжетом.

В результате работы за первый семестр студенты создают сценарий театрализованного представления, включающий характеристику используемых в нём компонентов национальной культуры коренных народов Республики Карелия.

В следующем семестре обучающимся необходимо создать драматургическую мини-пьесу по мотивам карело-финского эпоса «Калевала». Для этого преподаватель формирует две постановочные группы, каждая из которых выбирает одну или несколько рун в качестве основы будущего драматургического произведения, после чего ставит перед студентами следующие задачи:

- выделить главные темы рун, актуализировав этнические составляющие;
- составить общепсихологические портреты героев и второстепенных персонажей, задействованных в будущей постановке;
- определить цель и задачи театральной и этнопедагогической деятельности (образовательную, развивающую и воспитательную).

Так, составив общепсихологические портреты главных и второстепенных героев, персонажей, будущие педагоги пишут текст мини-пьесы, согласно упрощенной композиции художественного произведения: завязка — кульминация — развязка (не прибегая к профессиональному разбору действия создаваемой ими пьесы: то есть они не выделяют исходное, главное, итоговое события и т. п.). Когда текст, расписанный по репликам действующих лиц, готов, группы обучающихся приступают к этюдной работе: передают друг другу части созданного в результате коллективного труда текста и разыгрывают описанное в нём действие в сценическом пространстве. Такая процедура показывает обучающимся, смогли ли они придать художественному тексту драматургическую форму, легко ли он разыгрывается потенциальными актёрами и даёт возможность проанализировать свою работу, а при надобности внести необходимые коррективы. Более того, этюды подсказывают форму реализации текста в действии: будущие педагоги намечают примерные мизансцены, входы-выходы актёров, расположение декораций, возможное использование музыкального сопровождения, которые должны соответствовать национальной культуре народов Карелии. Здесь следует отметить, что главной целью второй стадии обучения по дисциплине «Театральная и этнопедагогическая деятельность в начальной школе» является не профессиональная постановка спектакля и обработка его художественной основы, а раскрытие творческого потенциала будущих педагогов (а в перспективе и их учащихся), раскрепощение, снятие физических и ментальных зажимов, развитие навыка импровизации, важного для овладения педагогическим мастерством учителя. Наряду с этим максимально достигается приобщение будущих педагогов к национальной культуре коренных народов Карелии. Поэтому от обучающихся не требуется, к примеру, создание натуральных декораций, их можно заменить цветными баннерами, сделанными вручную, или табличками с надписями на языках коренных народов. То же касается реквизита и костюмов: могут быть задействованы лишь отдельные элементы, с назначением которых будущие педагоги обязаны предварительно ознакомиться.

Итогом работы во втором семестре обучения дисциплине должна стать театральная постановка и оформленное обучающимися педагогическое портфолио, включающее общепсихологические портреты героев и текст драматургической обработки рун эпоса «Калевала» с указанием действующих лиц, мизансценический

и декорационный планы, музыкальные партитуры, эскизы элементов реквизита и костюмов с подробным описанием их значения в культуре народов Карелии.

Таким образом, дисциплина «Театральная и этнопедагогическая деятельность в начальной школе» располагает значительными возможностями взаимодополняющего использования средств театральной педагогики и этнопедагогики, благодаря чему происходит непосредственное и живое приобщение будущих педагогов к национальным культурам коренных народов и исторически сложившихся народностей Республики Карелия.

Список литературы

Волков, Г. Н. Этнопедагогика как педагогика национального спасения / Г. Н. Волков. — 2004. — № 1. — С. 194–198. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopedagogika-kak-pedagogika-natsionalnogo-spaseniya>. — (18.12.2020).

Кондрашова, Н. В. Этнопедагогическая деятельность дошкольных образовательных учреждений в поликультурных регионах России / Н. В. Кондрашова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — № 2 (февраль). — С. 1–7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopedagogicheskaya-deyatelnost-doshkolnyh-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-v-polikulturnyh-regionah-rossii>. — (18.12.2020).

Машевская, С. М. Эволюция идей школьного театра / С. М. Машевская. — Москва : ВЦХТ («Я вхожу в мир искусств»), 2012. — 160 с.

Мухтарова, Ш. М. Методологическое обоснование этнопедагогической направленности этнического компонента в содержании высшего педагогического образования / Ш. М. Мухтарова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. — 2017. — № 2 (94). — С. 140–149. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskoe-obosnovanie-etnopedagogicheskoy-napravlennosti-etnicheskogo-komponenta-v-soderzhanii-vysshego-pedagogicheskogo>. — (18.12.2020).

Снопова, Т. К. Общность этнопедагогов разных народов России / Т. К. Снопова // Сибирский педагогический журнал. — 2008. — № 4. — С. 244–247. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschnost-etnopedagogik-raznyh-narodov-rossii>. — (18.12.2020).

Харитонова, Ф. П. Анализ педагогических явлений в этнопедагогической деятельности педагога в поликультурном образовательном пространстве / Ф. П. Харитонова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. — 2013. — № 1 (77). — Ч. 1. Серия «Гуманитарные и педагогические науки». — С. 200–205. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-pedagogicheskikh-yavleniy-v-etnopedagogicheskoy-deyatelnosti-pedagoga-v-polikulturnom-obrazovatelnom-prostranstve>. — (18.12.2020).

ЛИТВИН Юлия Валерьевна / LITVIN Yulia

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН / Institute of Linguistics,
Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
litvinjulia@yandex.ru

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ КЛЕМЕНТЬЕВ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ В КАРЕЛИИ*

EVGENY IVANOVICH KLEMENT'EV AND THE FORMATION
OF ETHNOSOCIOLOGY IN KARELIA

Abstract: The paper examines the milestones in life and academic career of Evgeny Klement'ev — the founder of ethnosociology in Karelia, senior researcher at the Ethnology Sector of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Scientific Center, (Russian Academy of Sciences). Special attention is paid to his personality. The paper is based on an unpublished interview, as well as on E. Klement'ev's own publications.

Ключевые слова / Keywords: Научная биография, история науки, этносоциология, Карелия / scientific biography, history of science, ethnosociology, Karelia

Детские и юношеские годы

Евгений Иванович Клементьев (05.07.1938–25.12.2017) родился в карельской семье в д. Ондозеро (кар. Ontajärvi) Муезерского района. В семье было шестеро детей (Евгений Иванович родился пятым). Трое детей умерли до начала Великой Отечественной войны, ещё одна девочка — во время войны. В живых остались Евгений Иванович и его сестра. Отец был отправлен на фронт и не вернулся. Семье сообщили, что он пропал без вести. Уже после войны узнали, что отец погиб в 1941 г. Детей воспитывали мама, бабушка и дедушка. Мама Евгения Ивановича, закончив лишь два класса, отличалась активностью в трудовой и общественной жизни, например, несколько раз избиралась депутатом Ондозерского сельского совета. Кстати, воспоминания матери учёного — Анны Ивановны Клементьевой, в 1967 г. записал известный карельский этнограф Ю. Ю. Сурхаско. Запись хранится в Научном архиве КарНЦ РАН¹.

Детские воспоминания Евгения Ивановича во многом определялись сельским ритмом и образом жизни. Так, на вопрос о методах воспитания, он вспоминал о сенокосной поре, в которой обязательно участвовали подростки. Однако и до 13–

* Исследование выполнено в рамках госзадания КарНЦ РАН.

Выражаю благодарность сотруднице Научного архива КарНЦ РАН Г. В. Фофановой за предоставленные архивные материалы из личного дела Е. И. Клементьева.

¹ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее — НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 50. Д. 2. В архиве также хранится небольшая запись о годах эвакуации, сделанная самим Е. И. Клементьевым (НА КарНЦ РАН. Р. VI. Оп. 2. б/н. Т. 1. Л. 66–67).

14 лет существовали работы. Например, все дети колхозников отработывали 30 дней на предприятии: будущий учёный, в частности, участвовал в бороновании.

Дух общинности и крепкие родственные связи — так характеризовал деревенскую жизнь Евгений Иванович. Причём в эту фразу вкладывались не только традиционная взаимопомощь (помочи), но и социальный контроль над поведением членов общины.

Навыки ручного труда, полученные в детстве, не растерялись за время научной карьеры. Позже, в зрелые годы, на вопрос о хобби Евгений Иванович отвечал: *«Дайте мне нитку — я свяжу сетку, поставлю, поймаю рыбу и сварю уху; дайте мне полотно от косы — я посажу косу, накошу сена и поставлю стог»*².

С 1 по 4 классы Евгений Иванович учился в школе родной деревни Ондозеро, затем — в Ругозере. Дети жили в интернате при школе, на каникулы они приезжали домой. Несмотря на то, что за школьниками отправляли сани, мальчики нередко шли 35 км рядом с повозкой — пешком или на лыжах. Смеясь, Евгений Иванович так описывал себя в детстве и рассказывал об уже тогда проявившейся склонности к гуманитарным наукам: *«Я бы клоп-клопом и очень хиленький — мать не пустила учиться в Ругозеро [с 1 класса]... Учился я очень хорошо... А 10 класс закончил уже, скажем так, посредственно. Некоторые предметы я не любил, особенно химию, не шел мне этот предмет! Но зато мне шли гуманитарные науки. Я никогда вне школы не учил стихи — мне достаточно было перемен»*³.

После 10 класса председатель ондозерского колхоза дал направление на бухгалтерские курсы, после которых Евгений Иванович вернулся в Ондозеро и год отработал в колхозе в должности заведующего хозяйством вместе с матерью.

Конец 1950-х — 1960-е гг. — бум развития лесной промышленности в Карелии. В 1957 г. будущий учёный поступил в лесотехникум г. Петрозаводска. *«Конечно, денег не хватало, — рассказывал он о тех годах, — поскольку все мы были из деревни. Я проучился два с половиной года и ни разу не завтракал... Да всё хорошо было — молодёжь ведь!»*⁴ После 2,5-летнего обучения у Евгений Ивановича появились водительские права тракториста, он освоил специальности вальщика леса, чокеровщика⁵ и сучкоруба. Получив распределение в Тикшезерский леспромхоз, специалист отказался туда ехать. Он аргументировал это тем, что через полгода должен был получить повестку на службу в армию, а оставшаяся в Ондозере мать нуждалась в поддержке. Аргументы посчитали резонными, и с 1 марта 1960 г.

² Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (далее — ФА ИЯЛИ). № 3803/1. Интервью Е. И. Клементьева (записала Ю. В. Литвин, ИЯЛИ, 2015 г.).

³ ФА ИЯЛИ № 3803/1.

⁴ Там же.

⁵ Чокеровщик леса — работник, в задачи которого входило подцеплять к трактору срубленные деревья специальным приспособлением (чокером) для их последующей транспортировки.

Евгений Иванович начал работу разметчиком в Ругозерском леспромхозе, который располагался ближе к дому. Весной (май) он участвовал в сплавных работах, после — свозил сплавленный лес на точку сбора (штабелевка леса). *«Заработки были дикие, — рассказывал он — за декаду работы в лесной промышленности после техникума, т. е. за десять дней, я получил 1652 рубля!»*⁶ Действительно, оживление лесной промышленности и энергетики в крае в послевоенные годы требовали значительного числа рабочих кадров. Временный характер большей части работ также повышал уровень сезонной оплаты труда.

В сентябре 1960 г. Евгений Иванович получил повестку в армию, три года отслужил оператором-высотомером — сначала в г. Кеми, затем в районе п. Пинега Архангельской области, где уже сам руководил группой новобранцев.

Научная карьера

В 1963 г. поступил на исторический факультет Петрозаводского государственного университета. Из-за сокращения срока обучения с пяти до четырёх лет, Евгений Иванович вспоминал о большом напряжении во время сессий, когда приходилось сдавать по восемь экзаменов. Научным руководителем Е. И. Клементьева был Рудольф Васильевич Филиппов — историк, доктор наук, признанный в стране специалист по народническому движению⁷.

В 1967 г. окончил университет и, по собственному признанию, «готовился стать учителем». Два молодых специалиста с высшим образованием: Евгений Иванович — учитель истории, и его супруга Роза Филипповна Клементьева (Яськова)⁸ — врач, должны были отправиться по распределению в г. Беломорск. Однако и здесь, как в случае с распределением в леспромхоз, произошел сбой, а для карельской науки — удача. В этот же год Карелия получила два места в аспирантуру для обучения в новом секторе конкретно-социологических исследований при Институте этнографии АН СССР в Москве. Евгений Иванович не сразу дал согласие: *«Я женатый человек, я должен с научным руководителем Рудольфом Васильевичем переговорить»*, — объяснял он директору Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Карельского филиала Академии наук СССР Марии Николаевне Власовой, через которую и узнал о возможности поступления в аспирантуру⁹. Отметим, что немаловажная роль в продвижении молодого специалиста, поддержке и ходатайстве за него принадлежала М. Н. Власовой, с которой он, вероятно, познакомился во время

⁶ ФА ИЯЛИ № 3803/1.

⁷ Клементьев Е. И. Этносоциология в Карелии. Петрозаводск, 2015. С. 11.

⁸ Клементьева (Яськова) Роза Филипповна родилась в 1933 г. в д. Супосальма Муезерского р-на, работала врачом поликлиники в г. Петрозаводске.

⁹ ФА ИЯЛИ № 3803/1.

прохождения летней полевой практики в 1967 г. в качестве лаборанта (поездка состоялась под руководством сотрудников ИЯЛИ и известных этнографов Р. Ф. Тароевой и Ю. Ю. Сурхаско).

Сложность в учёбе во время аспирантуры заключалась в том, что поступившие по направлению «Этносоциология» молодые люди имели за плечами пять лет курса этнографии, многие окончили Московский государственный университет. У карельского аспиранта было всего 30 часов этнографии на 1 курсе университета. В этой связи первые годы учёбы проходили в постоянном чтении научной этнографической литературы. Помимо работ по этнологии, молодой аспирант много времени проводил за изучением книг по общей психологии и проблемам самосознания.

Обучение проходило под руководством Юрия Варгановича Арутюняна — известного этносоциолога, впоследствии доктора исторических наук, профессора и члена-корреспондента РАН. Годы аспирантуры и дальнейшие научные изыскания полно освещены в книге Е. И. Клементьева «Этносоциология в Карелии» (2015). Ограничимся лишь некоторыми фактами, о которых неоднократно вспоминал учёный в общении со своими коллегами, а также иллюстрирующими специфику науки того времени. Годы аспирантуры Евгений Иванович описывает как очень активные — новое направление утверждалось и развивалось благодаря еженедельным семинарам в Институте этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН), участию в конференциях, полевым выездам. Например, во время экспедиции в Молдавию (1972 г.) Евгений Иванович вспоминал с какими сложностями приходилось сталкиваться полевику-этносоциологу. Поскольку анкета по этносоциологии предполагала ряд вопросов по национальным темам, затрагивала политические аспекты, многие отказывались отвечать. Приходилось срочно искать новых респондентов для сохранения выборки. Похожая ситуация имела место позже: в одном из сел Карелии женщина отказалась от беседы, мотивируя это тем, что в 1930-е гг. тоже задавали «разные вопросы», а потом «мужики пропадали»¹⁰.

Другой любопытный случай предшествовал первому самостоятельному полемому сезону Евгения Ивановича в 1969 г. Поскольку вопросники по этносоциологическому обследованию объёмны, за помощью в печати не менее 1250 экземпляров он обратился к дирекции ИЯЛИ. Директор М. Н. Власова написала просьбу на имя ректора университета, где находился цех оперативной печати. Там сообщили, что заявку поставят в очередь. Однако время было дóрого,

¹⁰ Клементьев Е. И. Этносоциология в Карелии. С. 35, 39; ФА ИЯЛИ № 3803/1.

и у студентов, которые вошли в состав полевого отряда, скоро должна была начаться этнографическая практика. Евгений Иванович обратился в цех напрямую. Сотрудники цеха не отказали, но нужна была бумага. Этносоциолог возвратился в Институт. Бумага была, однако в типографии им. П. Анохина. Дело за «малым» — получить доверенность от директора ИЯЛИ, приехать в типографию, отвезти часть бумаги в Институт, часть в университет для печати. А после «превратить» листы в анкеты¹¹.

Важно отметить, что новая на тот период наука этносоциология вначале была встречена несколько настороженно. Постепенно отношение менялось, во многом благодаря усилиям основоположника российской этносоциологии Ю. В. Арутюняна. Учёный, в частности, подчеркивал, что этносоциология не претендует занять место какой-либо из наук, но предлагают новые подходы и инструменты, благодаря которым как этнография, так и социология обогатят друг друга. Синтез методов этнографии, социологии, психологии и статистики дали возможность шире и глубже исследовать этноязыковые и этнокультурные процессы различных групп. Массовые этносоциологические обследования — визитная карточка этносоциологии. Однако технических средств для анализа данных было немного, непросто было и раздобыть программное обеспечение. Для обработки данных этносоциологических обследований Евгений Иванович два раза ездил в эстонский Институт технической кибернетики к математику Антсу Вырку, с которым подружился в годы учёбы в аспирантуре. В Эстонии Карельский научный центр приобрел пакет программ («Статистика») для анализа массива данных¹².

Ещё будучи аспирантом, в 1970 г. Евгений Иванович приступил к работе в должности младшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР)». Учёный вспоминает, что должен был защищаться в 1971 г. По неназванным ему причинам защита была перенесена на год. Однако известно, что при проверке автореферата органами цензуры, часть материалов была вычеркнута, в связи, как считалось тогда, с политизированностью некоторых выводов. Например, был полностью снят блок про демографию. Тем не менее *«задача была в том, чтобы опубликовать результаты. А затем люди разберутся, что к чему»*, — рассказывал он в интервью.

¹¹ Клементьев Е. И. Этносоциология в Карелии. С. 25.

¹² Там же. С. 42–43.

Фото 1.

На курсах финского языка (Е. И. Клементьев второй слева), г. Лаппеенранта, Финляндия, 1977 г.

С 1974 по 1979 гг. находился в должностях учёного секретаря, с 1980 г. — старшего научного сотрудника сектора фольклора и этнографии, а в 1983–1990 гг. возглавлял сектор этносоциологии и этнографии (с 1990 г. сектор этнологии).

Фото 2.

Сотрудники сектора этнологии, вторая половина 1990-х гг. Первый ряд (слева направо): А. А. Лапин, Н. А. Шибанова, В. П. Кузнецова, И. Ю. Винокурова. Второй ряд (слева направо): К. Раутио, Е. И. Клементьев, К. К. Логинов

За годы работы в ИЯЛИ, он вместе с Александром Алексеевичем Кожановым, сотрудниками ИЯЛИ участвовал в многочисленных экспедиционных выездах, наиболее крупные из которых были первая экспедиция 1969 г. (почти три месяца), выезды 1972 и 1979 гг. Когда его ученик и соратник, Александр Алексеевич Кожанов спрашивал, как учёного принимали в деревнях, тот отвечал: «Я к своим иду. Это дается опытом и знаниями... и той средой, в которой ты формировался»¹³. Евгений Иванович формировался в сельской среде. Он с теплотой вспоминал, что приезжая в карельскую деревню, никогда не возникало вопросов «где я буду обедать или ужинать?» или «где я буду спать?». Обязательно приглашали на ночлег или советовали к кому обратиться. Без чашки чая никогда не отпускали: «такова уж эта веками сложившаяся добрая карельская традиция»¹⁴.

Существовали политические препятствия для полноценного и всестороннего представления результатов этносоциологических обследований в 1970–1980-е гг. В этой связи акцент был сделан на исторические аспекты социальных явлений. Так, в 1988 г. вышла первая из двух книг «Сельская среда и население. 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки» (в соавторстве с А. А. Кожановым). Вторая часть исследования была опубликована в 2000 г.

Фото 3.

Слева направо: Е. И. Клементьев, З. И. Строгальщикова, В. Н. Бирин, ИЯЛИ, конец 1980-х гг.

¹³ ФА ИЯЛИ № 3803/1.

¹⁴ Клементьев Е. И. Этносоциология в Карелии. С. 29.

Период конца 1980-х — начала 1990-х гг. стал временем надежд, связан с оживлением национальных движений в республике, расширением возможностей участия в международных проектах. Е. И. Клементьев вспоминал об этой полосе: *«когда наступила перестройка, то я понял, что могу писать то, что думаю, а не то, чего от меня ждут»*¹⁵. Надежды общественности и учёных были связаны со школой, которая должна была стать «важнейшим условием воспроизводства двуязычия в карельской среде». Этносоциолог большое внимание уделял вопросу роли национальной школы в сохранении родных языков.

Однако, по наблюдению Евгения Ивановича, уже с середины 1990-х гг. стал ощущаться спад в развитии национального движения и «национальной школы». Среди причин этносоциолог называл: слабость законодательной базы; небольшое число часов, которое отводилось на обучение карельскому и вепсскому языкам; слабая языковая преемственность в семье; следствие миграционных процессов, языковой политики, ликвидации «неперспективных деревень» в прошлом и т. д. Он не снимал ответственности и с учёных, например, упоминал о декларативном характере рекомендаций, которые давали научно-практические конференции: *«не припомню ни одного случая, чтобы организаторы [научно-практических конференций] докладывали об исполнении принятых ранее решений»*¹⁶.

Вклад учёного в карельскую этносоциологию и перспективы научного направления

С 1979 г. Клементьев участвовал в разработке нескольких программ переписей населения, организовывал их проведение на территории Республики Карелия. В его окружении сформировался целый отряд хорошо подготовленных анкетеров, которых он готовил перед каждым выходом «в поле». В межпереписные периоды Евгений Иванович являлся инициатором проведения многочисленных этносоциологических обследований, итоги которых позволяли составить представление о положении коренных народов Карелии, особенностях языковой ситуации, динамике этнической идентичности¹⁷.

Прогнозы Евгения Ивановича строились на основе глубокого анализа разнообразного материала (данных статистики, СМИ, официальных документов, решений и резолюций съездов и т. д.) и нередко оправдывались. Научная база, лежащая в основе его исследований, позволила органам государственной власти в области национальной политики формировать обоснованное мнение

¹⁵ ФА ИЯЛИ № 3803/1.

¹⁶ Клементьев Е. И. Этносоциология в Карелии. С. 59, 60–70.

¹⁷ Ушел из жизни карельский ученый Евгений Клементьев (подготовлено С. Э. Яловицкой — зав. сектором истории, зам. директора ИЯЛИ КарНЦ РАН) // Интернет-журнал «Лицей» [Электронный ресурс]. URL: <https://gazeta-licey.ru/science/64183-ushyol-iz-zhizni-karelskiy-uchyoniy-evgeniy-klementev> (27.06.2020).

об этнодемографической и этносоциальной процессах в Карелии. Не случайно имя учёного можно было встретить в различных государственных комиссиях по вопросам межнациональных отношений и урегулирования межэтнических конфликтов¹⁸. Помимо собственного богатого опыта — экспедиционного и аналитического, «этнодемографический» кругозор Евгения Ивановича расширился благодаря участию в многолетнем проекте «Сеть этнологического мониторинга»¹⁹. С 1994 г. этносоциолог анализировал огромный массив данных, сравнивая его с ситуацией в других регионах.

Фото 4.

Семинар Сети этнологического мониторинга Е. И. Клементьев в центре, третий ряд), Хорватия, 1998 г.

Перспективы развития этносоциологии в Карелии учёный видел прежде всего в обучении последователей. Его первыми учениками, затем коллегами стали Александр Алексеевич Кожанов и Виктор Николаевич Бирин. Одна из причин невысокой «популярности» данной специальности среди студентов, заключалась в высоких требованиях — *«нужно самому искать материал, систематизировать, обрабатывать, анализировать»*²⁰. Также Евгений Иванович подчеркивал значимость независимости исследователя-этносоциолога.

¹⁸ Там же.

¹⁹ О проекте см.: Сеть этнологического мониторинга [Электронный ресурс]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya/set_etnolo1.html (21.08.2020).

²⁰ ФА ИЯЛИ. № 3803/1.

Фото 5.

Слева направо: А. А. Кожанов, Е. И. Клементьев. Петрозаводск, 2008 или 2009 г.

В последние годы исследователь много усилий посвящал систематизации того материала, который был накоплен в течение научной жизни. Важным делом он считал создание библиографического справочника по увековечиванию памяти людей, внесших вклад в культурно-языковое наследие карелов. К сожалению, эта работа осталась незавершённой. Он так описывал обращение к теме в 2016 г.: *«Я просто взял тему, которая мне по душе. Я хочу оставить память о людях»*. Этот научный поворот к описанию портретов и жизни людей, внесших вклад в культурные и языковые процессы региона, на самом деле не случаен. «Гуманитарный сдвиг» сегодня во многом обусловлен обращением к микропроцессам и биографиям конкретный людей.

Евгения Ивановича отличала научная скрупулезность и аккуратность в сборе и анализе материала, вдумчивость и принципиальность в его интерпретации, упорство в представлении «скучных цифр» так, чтобы они «заговорили» о реальных жизненных процессах.

Награды и звания:

27.03.1974 г. — Почетная грамота Президиума АН СССР. На основании постановления Президиума АН СССР «О юбилейных мероприятиях в связи с 250-летием АН СССР».

1988 г. — Почетная грамота Президиума Верховного Совета Карельской АССР за значительный вклад в фундаментальные и прикладные исследования

общественно-политических, социально-экономических и этнических процессов и проблем в Республике Карелия, а также за активное участие в разработке законопроектов, связанных с сохранением национальных языков Карелии.

1995 г. — Почетная грамота Республики Карелия.

2008 г. — Почетное звание Заслуженного деятеля науки Республики Карелия.

2013 г. — Почетная грамота РАН.

Основные публикации Е. И. Клементьева:

Сельская среда и население Карелии. 1945–1960. Историко-социологические очерки. Ленинград: Наука, 1988 (в соавт. с А. А. Кожановым).

Карелы. Этнографический очерк / науч. ред. В. Д. Рягоев. Петрозаводск: Карелия, 1991.

Республика Карелия. Модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 1998.

Сельская среда и население Карелии. 1960–1980-е годы. Историко-социологические очерки. Петрозаводск, 2000 (в соавт. с А. А. Кожановым).

Сегозерье в XX веке: социально-экономические и этнические аспекты системы расселения // Деревня Юккогуба и ее округа / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2001.

Карелия: штрихи к этнополитическому портрету (история и современность) // Этнопанорама. 2002. № 1. С. 48–59.

Прибалтийско-финские народы России. Серия «Народы и культуры» / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2004.

Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост.: В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005.

Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007.

Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду / Сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009.

Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов, финнов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013.

Мы — карелы // Карелы: осмысление исторического опыта. Anusenlinnu. 2014. С. 15–25.

Этносоциология в Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2015.

Успение Пресвятой Богородицы в Ондозере // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. С. 157–165.

Карельское национальное движение. Сборник материалов и документов. Часть 3. Радикальное крыло (1990–1993) / Сост. Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Отв. ред. З. И. Строгальщикова, С. Э. Яловицына. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2018.

Список литературы

Клементьев, Е. И. Этносоциология в Карелии / Е. И. Клементьев. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. — 208 с.

ПУБЛИКАЦИИ
PUBLICATIONS

ПЕТРОВ Павел Владимирович / PETROV Pavel

Государственный музей-заповедник «Петергоф» / Peterhof Museum-Reserve
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
kbf1939@rambler.ru

**«...СВЕДЕНИЯ ЗАСЛУЖИВАЮТ ДОВЕРИЯ»: О РАБОТЕ
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА КРАСНОЗНАМЁННОГО
БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ
ВОЙНЫ 1939–1940 ГОДОВ**

**‘...THE INFORMATION IS TRUSTWORTHY.’ ON THE ACTIVITY
OF THE INTELLIGENCE DEPARTMENT OF THE RED BANNER BALTIC
FLEET DURING THE SOVIET-FINNISH WAR OF 1939–40**

Abstract: The activities of the Intelligence Department have become one of the important factors that affected the level of preparation of the Red Banner Baltic Fleet for the war with Finland. Numerous shortcomings in the activities of Soviet naval intelligence, laid down in peacetime, clearly manifested themselves during the hostilities of the Soviet-Finnish war in the winter of 1939–40. Inaccurate data on the location of Finnish coastal batteries and other objects led to unsuccessful combat operations by surface ships and submarines of the Baltic Fleet at the initial stage of the war. The hastily organised work of the Reconnaissance Department of the Red Banner Baltic Fleet began to give results already directly during hostilities and contributed to an increase in the efficiency of the fleet's combat activities. The documents presented in the publication talk about the work of radio intelligence, aerial photo reconnaissance, agent, and military intelligence of the Red Banner Baltic Fleet during the Soviet-Finnish war.

Ключевые слова / Keywords: Краснознамённый Балтийский флот, штаб флота, разведывательный отдел, донесение, разведывательная сводка, береговая батарея, военнопленные / The Red Banner Baltic Fleet, fleet headquarters, Intelligence Department, report, intelligence summary, coastal battery, prisoners of war

О том, что Краснознамённый Балтийский флот (КБФ) в период войны с Финляндией зимой 1939–1940 годов не сумел решить многих боевых задач, поставленных перед ним согласно оперативному плану, известно уже достаточно хорошо. Одной из основных причин этого, безусловно, стала плохая работа Разведывательного отдела КБФ. Большинство сведений о противнике, предоставленных морской разведкой накануне и во время войны с Финляндией, оказывались устаревшими или не соответствовавшими действительности. Кроме того, по многим вопросам, относившимся к состоянию Вооружённых сил Финляндии, вообще не оказалось надёжных разведывательных данных.

Еще в ходе проведения оперативно-тактических игр и учений по боевому управлению КБФ в марте — апреле 1939 года выяснилось, что вопросы организации разведки, предварительного изучения театра военных действий и вооруженных сил

вероятного противника не получили должного внимания ни со стороны начальника Разведывательного отдела КБФ, ни со стороны командиров соединений и штаба КБФ. В документации игр не присутствовали планы разведки и другие документы, характеризующие действия по добыванию сведений о противнике. Отдельные задачи по разведке ставились преимущественно авиации и подводным лодкам, но общей системы разведки и разработки разведывательных операций не было¹. По мнению начальника Главного морского штаба ВМФ флагмана флота 2-го ранга А. М. Галлера, организация военно-морской разведки была неудовлетворительной. Это, в свою очередь, приводило к «отсутствию целеустремлённости и непрерывности в процессе изучения сил вероятного противника». А в результате многочисленных учения, игры и групповые занятия с участием командно-начальствующего состава проходили в весьма упрощённой обстановке, без серьёзного анализа возможностей противника². Ситуация осложнялась и тем, что руководство войсковой разведкой со стороны флота, примерно с конца 1920-х годов, отсутствовало. Всё это, как заметил А. М. Галлер, «в значительной степени тормозит оперативно-тактическую подготовку командного и начальствующего состава и приводит (сплошь и рядом) на учениях, играх и иных занятиях к неправильным решениям и действиям командиров».

Недостатки в работе Разведывательного отдела КБФ объяснялись тем, что в течение долгих предвоенных лет сбором информации в отношении Финляндии он занимался меньше всего, так как основные усилия разведорганов сосредотачивались на крупных капиталистических государствах Европы, располагавших значительными флотами (Великобритания, Германия, Франция, Италия). Незначительные флоты «лимитрофов» интересовали командование КБФ в последнюю очередь, ибо им в грядущей войне отводилась совсем незначительная роль. Большая часть данных по финским ВМС оказалась либо неверной, либо плохо проверенной, да и возможности их получения, по выражению начальника Штаба КБФ капитан 1-го ранга Ю. А. Пантелеева, «всей системой работы РО за прошлые годы сведены были к минимуму»³. Частично эта ситуация была вызвана тем обстоятельством, что Разведотдел флота с 1935 года организационно не входил в состав Штаба КБФ и был подчинен непосредственно Военному совету флота, поэтому в своей работе он отделился от органов руководства флотом и его текущих потребностей.

¹ Белокопытов К. Н. Боевое управление при подготовке и проведении блокады побережья противника, десантных операций по занятию островов и действий ОССБ зимой на льду. Б./м., 1942. (Библиотека Военно-морской академии им. адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, № В 84940). С. 15.

² Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 485. Л. 45.

³ Там же. Д. 638. Л. 3.

Сведения о финских ВМС, собранные советской морской разведкой, носили весьма общий и зачастую неточный характер. В качестве примера можно рассмотреть разведывательный бюллетень о военно-морских силах предполагаемых противников СССР на Балтийском море на 1939 г. В нем о финских ВМФ и береговой обороне было сказано совсем немного. Имелись лишь сведения о тактико-технических характеристиках наиболее крупных боевых кораблей (броненосцы береговой обороны, сторожевые корабли, тральщики, подводные лодки)⁴, заимствованные, скорее всего, из разных справочников. Сведения по береговой обороне Финляндии носили крайне недостоверный характер. Так, сообщалось, что в укрепрайоне Хельсинки имеется два 305-мм орудия, хотя на самом деле их там было четыре (была упущена батарея на о-ве Куйвассаари), что в укрепрайоне Ханко есть четыре 234-мм орудия (на самом деле батарея Руссарэ имела шесть орудий), что в укрепрайоне Виипури располагается восемь 254-мм орудий (реально их было всего шесть), и при этом ничего не говорилось о двухорудийной 305-мм батарее на мысе Ристиниеми⁵. Многие финские береговые батареи вообще остались неизвестными для нашей разведки (Кирккомансаари, Лильхару, Мустамаа, Кукио и пр.), а на известные батареи имелись совершенно неверные данные, которые пришлось уточнять уже в ходе военных действий путём проведения операций по их выявлению.

Чтобы пояснить эту ситуацию, следует сделать небольшой экскурс в предвоенный период. Лишь 19 июня 1939 г. начальник Штаба Краснознаменного Балтийского флота капитан 1-го ранга А. П. Шергин дал начальнику Разведывательного отдела КБФ капитану 2-го ранга А.А. Филипповскому задание — разузнать следующие данные о противнике: 1) дислокацию и движение в море флотов Германии, Польши, Швеции и Финляндии; 2) наличие вооружения и воинских гарнизонов на островах Финского залива, особенно в восточной части; 3) сухопутные карты островов Суурсаари, Суур-Тютярсари, Лавенсаари, Сейскаари и подробное описание мест высадки десанта на них; 4) время и место минных и сетевых постановок в Финском, Рижском и Ботническом заливах; 5) план борьбы противника с нашими лодками; 6) узлы движения торговых судов противника в Балтийском море и пр.⁶ Если начальник Штаба КБФ запросил эти данные только 19 июня, когда международная обстановка была уже достаточно напряженной, то это означает, что либо необходимых сведений в Разведотделе до этого просто не было, либо же начальник Штаба флота слишком поздно озаботился этим вопросом.

⁴ Там же. Д. 450. Л. 38–39.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Д. 451. Л. 1–2.

Несмотря на приказание А. П. Шергина, Разведывательный отдел КБФ не смог достать более или менее достоверных сведений о характере неприятельской береговой обороны. 16 ноября 1939 г. уже новый начальник штаба КБФ капитан 1-го ранга Ю. А. Пантелеев был вынужден повторить Разведывательному отделу флота предыдущее задание — достать информацию об оборонительных сооружениях и наличии гарнизонов на островах в восточной части Финского залива, о всех передвижениях боевых кораблей Финляндии и Швеции, о наличии вооружения на фортах Пумала и Ино⁷ и т.д. Судя по имеющимся сведениям, к началу войны с Финляндией эти разведанные так и не были получены. В результате начальник Штаба КБФ уже 20 декабря 1939 г., то есть в ходе войны (!), был вынужден вновь повторить предвоенные требования к Разведывательному отделу флота.

Любопытно, что только 21 декабря 1939 г. для начальника Штаба флота были подготовлены сведения о распределении финских ледоколов по портам на Финском и Ботническом заливах, а на следующий день были получены первые (!) аэрофотоснимки неприятельских батарей на о-ве Биеркэ (Койвистонсаари), но из-за плохой обработки они «не представили ценности»⁸. И лишь 23 декабря, «по данным аэрофотосъемки, на о. Биеркэ установлена батарея 4-х орудийного состава», из-за чего был сделан ложный вывод, что «данные сходятся со справочными»⁹. На самом же деле ещё два орудия 254-мм финской батареи Сааренпя остались для нас неизвестными. Только к 28 декабря было выяснено точное местонахождение батарей Макилуото, Тиуринсаари, Пуккио, Сааренпя, а на следующий день представители РО КБФ впервые были посланы на лидеры «Минск» и «Ленинград» для участия в разведке боем финских батарей на о-вах Биеркэ и Тиуринсаари¹⁰. Удивительно, что все предыдущие набеговые операции КБФ, по разведке боем финских батарей, почему-то обходились без них. Постепенно морская разведка накапливала материалы и по другим вопросам. Например, 4 января 1940 г. из Разведотдела флота в оперативный отдел Штаба КБФ были направлены описания 18 портов Финляндии, а также были изданы «Краткие сведения о белофинской армии». Кроме того, были установлены координаты береговых батарей Равансаари, Куйвассаари, Катайялуото, Кустанмиекка, Хармая и Сантахамина, а также составлена карта секторов обстрела и местоположения батарей Береговой обороны Финляндии¹¹.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Ф. Р-1883. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–4.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 5об.–6.

¹¹ Там же. Л. 7–8.

Несмотря на некоторые улучшения в работе Разведывательного отдела КБФ, высшее руководство ВМФ оставалось недовольным его деятельностью. Так, например, 27 декабря 1939 г. начальник 1-го (Разведывательного) управления Наркомата ВМФ капитан 1-го ранга Н. И. Зуйков в своей директиве № 42074сс передал начальнику Разведотдела КБФ капитану 2-го ранга А. А. Филипповскому мнение наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова по этому поводу: «Опыт боевых действий на море показал, что наша разведка работала и продолжает еще работать плохо»¹². Причём было специально указано, что эта оценка «особенно относится к работе разведывательного отдела КБФ». Как считал Зуйков, в основе всех недостатков был тот факт, что Разведывательный отдел «оторвался от флота, замкнулся в себя», а «нужды и требования флота в работе разведотдела учитывались в совершенно недостаточной степени»¹³. Начальник Разведывательного отдела КБФ, по мнению Н. И. Зуйкова, не был в курсе проводимых флотом операций и участия в их разработке, в части разведывательной, не принимал. Относительно сведений о противнике, собранных ещё в мирное время, было замечено, что они «оказались неверными», а «получаемый материал принимался на веру и проверке не подвергался». Общій вывод о работе разведки КБФ был сделан следующий: «...материала, нужного для ведения операций, вообще не оказалось. Все это свидетельствует о том, что глубокой работы по разведке противника не было...»¹⁴.

Кроме того, сам театр военных действий, несмотря на приказ командующего Краснознаменным Балтийским флотом от 25 октября 1939 г., командным составом был изучен очень плохо. Материалы по изучению театра, находившиеся в разведорганах, в большинстве своём, были недостаточны. Отсутствовала вовсе практика плавания в шхерах. Рижский и Ботнический заливы почти не были изучены нашими командирами: в этих районах наши корабли не плавали. Отсутствовали подробные карты шхерных районов и Ботнического залива, не было даже лоции Ботники¹⁵. Характерно, что карт и лоций тех районов театра военных действий, где вероятность действий флота была очевидной, не было вообще, а на некоторые районы имелись только иностранные лоции и карты, лежавшие годами в Разведотделе флота непереверждёнными¹⁶. Например, немецкая лоция Ботнического залива, составленная в 1939-м году, была издана только 1 мая 1940 г., т. е. уже после окончания войны¹⁷. Объясняя несерьёзный характер подготовки

¹² Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 762. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 4–5.

¹⁵ Там же. Д. 499. Л. 3.

¹⁶ Там же. Д. 502. Л. 23.

¹⁷ Казаков С. П., Закатов В. А., Ушалов П. П. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Калининград, 1997. С. 129.

к войне не только разведывательных органов, но и всего флота в целом, один из командиров КБФ на совещании справедливо заметил: «Фактически готовились не воевать, а пугать противника»¹⁸.

Публикуемые ниже документы — исторический журнал Разведывательного отдела КБФ, тетрадь разведывательных донесений оперативного дежурного Штаба КБФ, инструкция по опросу пленных, опросный лист военнопленного, выдержки из разведывательных сводок с показаниями финских пленных, донесения о проведенных разведывательных рейдах, извлечённые из Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), фондов Р-952 (Ладожская военная флотилия), Р-1883 (Разведывательный отдел КБФ), Р-1884 (Штаб Зимней обороны КБФ) и Р-1159 (Островной морской оборонительный район КБФ), имеют самое непосредственное отношение к работе Разведывательного отдела КБФ и войсковых разведчиков во время советско-финляндской войны. Здесь стоит отметить, что работа с пленными в ходе боевых действий с Финляндией дала советской разведке не очень много полезной информации о противнике. Дело в том, что финских военнослужащих было взято в плен совсем немного, да к тому же среди них было крайне мало офицеров. В связи с этим, командованию Краснознаменного Балтийского флота приходилось больше рассчитывать на радиоразведку, аэрофоторазведку и войсковую разведку. На основе представленных документов, конечно же, невозможно получить абсолютно полной картины действий разведки Краснознаменного Балтийского флота, но, тем не менее, они дают представление о самых различных сторонах её деятельности как накануне, так и в период войны.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 542. Л. 71.

Документы

№ 1

27 ноября 19[39] г.

№ Р/0408

г. Кронштадт

Команд[ованию] Ладужской флотилией

При этом препровождается Инструкция по опросу пленных, перебежчиков, выловленных с тонущих кораблей и раненых, в количестве «5» экз. с № 13 по № 17 включительно.

Помощник начальника отделения РО¹⁹ КБФ

Лейтенант

/Зайков²⁰/

Для командиров соедин[ений], частей и кораблей.

«Секретно»

Экз. № 13

«Утверждаю»

Командующий КБФ

Флагман 2 ранга

/Трибуц²¹/

Член Военного Совета

Бригадный комиссар

/Яковенко²²/

¹⁹ Разведывательный отдел.

²⁰ Зайков Александр Дмитриевич (р. 1914). Капитан 2 ранга. В период Советско-финляндской войны — лейтенант, помощник начальника отделения РО КБФ. В 1941–1942 гг. — старший командир по информации 2-го отделения РО КБФ, в 1943–1945 гг. — начальник 1-го отделения 13-го отдела Разведывательного управления Главного Морского штаба ВМФ.

²¹ Трибуц Владимир Филиппович (1900–1977). Советский флотоводец, военно-морской историк. Адмирал (1943). В Советском ВМФ с 1918 г. Окончил военно-фельдшерскую школу (1917), Военно-морское училище им. М. В. Фрунзе (1926) и Военно-морскую академию (1932). Участник Гражданской, советско-финляндской и Великой Отечественной войн. В 1926–29 гг. был старшим вахтенным начальником линкора «Парижская коммуна», в 1932–35 гг. — старшим помощником командира ЛК «Марат», а в 1935–37 гг. — командиром эсминца «Яков Свердлов» Краснознаменного Балтийского флота. В 1936–1938 гг. — начальник 1-го отдела штаба, а с 13.02.1938 по 30.04.1939 г. — начальник штаба КБФ. С 30.04.1939 г. по 05.1947 г. был командующим КБФ. В 1947–1948 гг. — заместитель Главнокомандующего войсками Дальнего Востока по ВМФ. С 1949 по 1957 гг. — начальник Гидрографического управления ВМФ, начальник кафедры, факультета Военной академии Генштаба. В 1957–1960 гг. был адмиралом-инспектором ВМФ

ИНСТРУКЦИЯ

По опросу пленных, перебежчиков,
выловленных с тонущих кораблей и раненых

1. С целью добывания сведений о противнике командиры соединений, кораблей и частей должны стремиться к захвату пленных.
2. У задержанных отбираются все документы, оружие, пояс, режущие и колющие предметы.
3. Командир каждого корабля, части обязан при захвате пленных произвести первичный опрос, по вопросам непосредственно интересующим его по задаче.
4. Все действия по опросу и содержанию пленных, перебежчиков согласовываются с представителем ОО²³ НКВД.
5. Опрос нужно производить немедленно после захвата пленных.
6. При опросе пленного, перебежчика ни в коем случае не задавать прямых вопросов, вскрывающих планы и намерения наших частей и кораблей.
7. Опрос пленных должен производиться отдельно с рядовым, младшим офицером и офицером.
8. Опрос производят одновременно не более двух командиров. В присутствии опрашиваемого лучше не делать записей, особенно при первом опросе.
9. С пленными следует обращаться вежливо, но строго и настойчиво добиваться ответов на вопросы.
10. Офицеры, младшие офицеры и рядовой состав по возможности содержится раздельно.

Главной инспекции МО СССР. С 1961 г. — в отставке. С 1972 г. — доктор исторических наук. Автор более 200 военно-исторических работ

²² Яковенко Марк Григорьевич (1907–1963). Политработник ВМФ. Вице-адмирал (1951). Окончил курсы политруков в Севастополе (1931), Высшие военно-политические курсы (1939), Военно-политическую академию им. В. И. Ленина (1952). В 1934–35 гг. служил военкомом 66-го зенитного артдивизиона 2-й бригады ПВО, в 1935–38 гг. — военкомом отдельного дивизиона, а в 1938 г. — военкомом Бригады торпедных катеров Тихоокеанского флота. С 13.06.1939 г. по 18.07.1941 г. являлся членом Военного Совета КБФ. Впоследствии был военкомом Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова, военкомом Отряда учебных кораблей на р. Волга (1941–1942), заместителем начальника Технического управления ВМФ по политчасти (1942–43), членом Военного совета Краснознаменной Амурской военной флотилии (1943–48). С 1950 г. являлся заместителем по политчасти Главного управления боевой подготовки МГШ, членом Военного совета СФ (1950–1952), заместителем по политчасти начальника Военно-морского строительного управления МО СССР (1952–56). С 1956 г. в запасе.

²³ Особый отдел.

11. При опросе задержанных осторожно подходить к оценке сообщаемых ими сведений, особенно это касается дезертиров и перебежчиков, среди которых будут специально засланные разведчики.

12. О наиболее важных сведениях немедленно сообщать в Штаб флота, особенно о местах минных полей, готовящемся вылете самолётов, позициях подлодок и др.

13. По окончании первичного опроса опрошенный под охраной направляется в ОО НКВД Ораниенбаума, одновременно сообщается об этом начальнику Развед[ывательного] Отдела, которому пересылается копия первичного опроса и отобранные документы.

Начальник Штаба КБФ
Капитан 1 ранга
/Пантелеев²⁴/

Военком Штаба КБФ
Полковой комиссар
/Сидоров²⁵/

РГА ВМФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 12. Л. 31–32. Подлинник.

²⁴ Пантелеев Юрий Александрович (1901–1983). Адмирал (1953). В Советском ВМФ с 1918 г. Окончил Курсы усовершенствования командного состава (1925) и Военно-морскую академию (1933). С 1925 по 1930 гг. служил на Черноморском флоте в качестве старшего помощника эсминца «Шаумян» (1925–26), старшего штурмана крейсера «Червона Украина» (1926–28), помощника начальника отдела боевой подготовки штаба Морских сил Черного моря (1928–30). После окончания академии работал в Управлении Морских сил РККА, затем – начальником штаба Северной военной флотилии (1933–1934), начальником штаба и командиром 2-й бригады подводных лодок ЧФ (1935–1938). В 1939 г. — заместитель председателя Постоянной приемной комиссии при НКВМФ. С 26.10.1939 г. по 29.09.1941 г. был начальником штаба КБФ. С октября 1941 г. по 1943 г. — командующий Морской обороной Ленинграда и Озёрного района, одновременно — командир Ленинградской ВМБ. С апреля 1942 г. по май 1943 г. и с декабря 1943 г. по июнь 1944 г. — помощник начальника ГМШ. В 1943 г. командовал Волжской военной флотилией, а с июня 1944 г. — Беломорской военной флотилией. В 1947–1948 гг. — заместитель начальника ГШ ВМС, в 1948–1951 гг. — начальник Военно-морской академии. В 1951–1956 гг. — командующий 5-м флотом. В 1956–60 гг. был начальником ВМА кораблестроения и вооружения, а в 1960–1967 гг. — начальником ВМА.

²⁵ Сидоров Прокопий Пантелеймонович (р. 1905). Политработник, полковой комиссар. С июля 1938 по октябрь 1939 г. — военный комиссар Штаба ТОФ, с октября 1939 г. по август 1941 г. — комиссар Штаба КБФ. С августа по 14 сентября 1941 г. — комиссар Отряда заграждения КБФ. Находился под следствием органов НКВД, был осужден судом Военного Трибунала с лишением специального звания. С января по июнь 1942 года красноармеец П. П. Сидоров служил в команде бронепоезда «Балтиец» КБФ, с июня 1942 по январь 1943 гг. — командир роты военного порта Кобона Краснознаменной Ладужской флотилии. С 19 января по 3 сентября 1943 г. — слушатель Училища ускоренной подготовки командиров штабов ВМФ. С 3 сентября 1943 г. по 18 апреля 1944 г. капитан 2-го ранга П. П. Сидоров работает в должности заместителя начальника 10-го Отдела Разведывательного управления Главного морского штаба ВМФ. С 18 апреля 1944 года по апрель 1945 г. — начальник Разведывательного отдела Штаба Беломорской флотилии Северного флота, с апреля 1945 по апрель 1948 г. — начальник разведывательного отделения Беломорского оборонительного района, с апреля 1948 по июнь 1950 г. — начальник 2-го отделения 2-го отдела Штаба, начальник разведки — заместитель начальника Штаба по разведке Беломорской флотилии.

№ 2

Исторический журнал Разведывательного Отдела КБФ (Информационное отделение)

(30.11.1939 г. — 15.03.1940 г.)²⁶

30.XI.39 г.

Получен боевой приказ о начале военных действий против финских белобандитов.

По соединениям КБФ дана подробная разведобстановка на морском и сухопутном фронте.

Получено приказание от ...²⁷ разведсводки давать 4 раза шифровкой в адрес: НГМШ²⁸; НШ ЛВО²⁹...

19.XII.39 г.

Из Ленинграда прибыл НРО³⁰ КБФ.

20.XII.39 г.

Составлен план разведки в масштабе флота.

21.XII.39 г.

Для НШ КБФ подготовлены сведения о распределении финских ледоколов по портам на Финском и Ботническом заливах.

21.XII.39 г.

Получены аэрофотоснимки батареи на о. Биёркэ³¹.

22.XII.39 г.

Получены аэрофотоснимки остр. Биёркэ, 5 маршрутов. Ввиду плохой обработки, не представляют ценности.

23.XII.39 г.

По данным аэрофоторазведки, на о. Биёркэ установлена батарея 4-х орудийного состава. Ш=60°15'45", Д=28°42'15". Данные сходятся со справочными. На о. Пуккио установлена крупнокалиберная батарея³², место сходится со справочными данными. Ш=60°26'50", Д=27°47'35".

²⁶ Публикуется с сокращениями.

²⁷ Не указано.

²⁸ Начальник Главного морского штаба.

²⁹ Начальник Штаба Ленинградского военного округа

³⁰ Имеется в виду начальник Разведывательного отдела КБФ капитан 2-го ранга А.А. Филипповский (1905–1966).

³¹ Имеется в виду финская 6-ти орудийная 254-мм береговая батарея Сааренпя на о-ве Койвистонсаари (Биеркэ).

³² Имеется в виду финская 2-х орудийная 203-мм береговая батарея на о-ве Пуккио.

23.XII.39 г.

Для уточнения некоторых деталей на аэрофотоснимке, из ВВС КБФ приехал Начальник аэрофотослужбы ВВС КБФ.

23.XII.39 г.

Начали подготовку материала с подробным описанием острова Биёркэ.

24.XII.39 г.

Аэрофотоснимки о. Биёркэ отправлены кап. 3 ранга – НО 2³³.

25.XII.39 г.

Получена шифровка от Нач. 1-го Управления³⁴, предупреждающая о налете авиации противника на Ленинград и помощи Финляндии от Скандинавских стран.

26.XII.39 г.

Ст. лейтенант, ездивший в 8 АБ³⁵ для организации полетов на аэрофоторазведку — вернулся. Начатая работа не окончена по причине вызова ст. лейтенанта. Для оказания помощи отделению по информации, прибыл из Ленинграда лейтенант.

Ввиду плохого отношения к донесениям из частей, пропустили факт потопления одной КЛ³⁶ и ТР³⁷ противника.

27.XII.39 г.

Из Москвы прибыл Зам. Нач. 1-го Управления НКВМФ.

Для участия в операции по установлению точного местонахождения батареи Сааренпя³⁸, выслал лейтенанта Рассоленко³⁹.

По данным аэрофотосъемки, выяснено точное местонахождение батарей: Макилуото, Сааренпя, Тиуринсаари, Пуккио.

28.XII.39 г.

Командующий ОЛС⁴⁰ запросил координаты батарей и служеб. зданий на о. Руссарэ.

Получены аэрофотоснимки оо. Биёркэ, р-а Хумалийоки, Тиуринсаари, Макилуото.

29.XII.39 г.

Дан ответ Ком-ру ОЛС и Зам. Ком. Флота – «Координаты должны быть определены войсковой разведкой, Вашей авиацией, которую нужно проводить до начала операции».

На ЛД «МН»⁴¹, ЛД «ЛГ»⁴² посланы представители РО, т. к. эти корабли идут на разведку батарей боем (оо. Биёркэ, Тиуринсаари).

³³ Имеется в виду начальник 2-го отдела Штаба КБФ капитан 3-го ранга Н. В. Фалин.

³⁴ Имеется в виду начальник 1-го управления (разведывательного) Наркомата военно-морского флота СССР капитан 1-го ранга Н. И. Зуйков (1901–1942).

³⁵ Авиационная бригада.

³⁶ Канонерская лодка.

³⁷ Транспорт.

³⁸ Имеется в виду 254-мм финская береговая батарея на о-ве Койвистонсаари (Биеркэ).

³⁹ Рассоленко Роман Евдокимович (1914–1942). Капитан-лейтенант. С 1933 г. на службе в ВМФ. В 1941–1942 гг. — старший командир по информации РО КБФ.

⁴⁰ Отряд лёгких сил.

1.01.1940 г.

Командующему и НШ КБФ передано описание вооружения Аландских островов 1918 г. и финский партизанский учебник на русском языке.

2.01.40 г.

Из ВВС получен снимок с результатами бомбометания г. Котка. Разрушено бензохранилище в 2-х точках и ж/д полотно.

4.01.40 г.

Описания 18 портов Финляндии передали в 1-й Отдел⁴³ ШКБФ.

Получено донесение ст. лейтенанта Добрускина⁴⁴ «Результаты допроса гражданина о береговой артиллерии в р-не Виипури⁴⁵». Материал подшит в объект 2 А.⁴⁶ полка.

Выпустили описание белофинской армии «Краткие сведения о белофинской армии» (4 экз.).

Получено донесение от ст. лейтенанта РО ЛВО о вооружении ледокола «Войма» (донесение временно вложено в объект Хельсинки).

По донесению ст. лейтенанта Шибасева, установлены точки батарей:

о. Равансаари — Ш=60°38'5; Д=28°34'7;

Хармая — Ш=60°6,3; Д=24°08,6;

Куйвассаари — Ш=60°6,2; Д=25°1,1;

Катаялуото — Ш=60°06; Д=24°55,1;

Кустаанмиекка — Ш=60°8,4; Д=24°59,5;

Сантахамина — Ш=60°8,3; Д=25°3,8.

4.I.40 г.

Получено приказание от Нач. I упр. о принятии мер к выявлению вооружения финских ледоколов.

5.I.40 г.

Для организации войсковой разведки, при Зам. Ком. КБФ⁴⁷ (Галлин) выехал ст. лейтенант Добрускин.

⁴¹ Лидер «Минск».

⁴² Лидер «Ленинград».

⁴³ Имеется в виду Оперативный отдел Штаба КБФ.

⁴⁴ Добрускин Ханан Ефимович (1912–1977). Капитан 1 ранга. В период советско-финляндской войны – старший лейтенант, помощник начальника морского погранично-разведывательного пункта РО КБФ (с августа 1938 по февраль 1940 гг.). Участвовал в трех разведывательных операциях в прифронтовой тыл противника (на острова в Финском и Выборгском заливах). В феврале — мае 1940 г. — командир разведывательной части 2-го отделения штаба Балтийской ВМБ КБФ, в мае 1940 — феврале 1943 гг. командир МПС №1 РО штаба КБФ, в феврале 1943 — марте 1944 гг. — начальник 1-го отделения (агентурного) РО Штаба КБФ, в апреле 1944 — феврале 1946 гг. — заместитель начальника РО Штаба КБФ, в феврале 1946 — августе 1949 гг. — начальник РО Штаба Юго-Балтийского флота, в августе 1949 — декабре 1952 гг. — заместитель начальника Штаба по разведке 4-го ВМФ. Служил в ВМФ до декабря 1960 года.

⁴⁵ Выборг.

⁴⁶ Артиллерийский.

11.01.40 г.

Для Штаба СБ составлена карта секторов обстрела и местоположений БО⁴⁸ Финляндии. Передана лично ст. лейт. Величко⁴⁹.

Посланы в Штаб СБ данные о ледовой обстановке — пунктов Хамина — Котка, напечатанный в нашей типографии материал «Аландские острова» (краткое описание).

14.01.40 г.

В Штаб ВВС КБФ отослано 20 фотоснимков.

15.01.40 г.

Проработаны среди ком-ров Информ. отделения РО КБФ директива и приказ ВС КБФ о войсковой разведке, а также приказ по РО КБФ — о наложении взыскания на лейт. Зотова и улучшении составления документов (разведсводок) командирами РО КБФ.

17.01.40 г.

Заведен учет в виде таблицы «Помощь иностр. государств Финляндии».

21.01

Сделан альбом фотовидов городов и портов Финляндии.

(18.01)

Отослан в Штаб Фронта план (фото) г. Виипури.

24.01

Отправлено в адрес Нач. Походного штаба (Таллин) 27 фотоснимков военно-промышленных объектов Финляндии, а также в адрес Начальника Штаба ВВС КБФ 22 фотоснимка.

25.01

Отослано К-ру Берегового Отряда сопровождения — калька расположения батарей Хумалийоки и Сааренпя, 5 фотоснимков орудий и планшет аэрофотосъемки батареи Сааренпя.

26.01

Отослано Нач-ку Генерального Штаба РККА и Нач-ку 1 Управления НКВМФ по одному экземпляру планшета аэрофотосъемки р-на Котка–Никслаhti (3 участка).

28.01

Закончена работа по приведению в порядок материала по Швеции, по портам. Состоялось совещание начальников отделов Штаба КБФ в присутствии

⁴⁷ Имеется в виду заместитель командующего КБФ капитан 1-го ранга В. А. Алафузов (1901–1966).

⁴⁸ Береговая оборона.

⁴⁹ Имеется в виду начальник 2-го отделения Штаба Зимней обороны КБФ старший лейтенант А. Е. Величко.

членов Военного Совета по вопросу «обобщение накопленного опыта по высадке ДЕС.⁵⁰». От РО присутствовали Нач. РО, Военком РО и Пом. Нач. РО.

3.02

Нач. Шт. Сев.-Зап. Фронта отсмотрел 3 планшета аэрофотосъемки района Котка–Никслахти. Сделана карта с описанием мест высадки ДЕС. на финском побережье.

...По требованию Нач. Штаба — отослан материал ин. прессы о потоплении финнами советской подлодки.

7.02

Составлен материал и передан лично представителю РО СЗФ⁵¹ лейтенанту Баухову — карты БО — Р/1108 и Р/1109, карта постов наблюдения и связи на Финском заливе, сухопутная карта р-на Виипури–Котка с нанесенной на ней береговой обороной этого района, описание береговых батарей этого района, описание зенитной артиллерии (их месторасположение, калибр, число), карта расположения аэродромной сети прибалтийских государств.

9.02

Схема расположения БО на о-ве Эре — Ком-ру ЛК⁵² «Марат».

13.02

Отослано ком-ру БОС⁵³ фотопланшет Ost'овой части з-ва Хумалийоки. Нач. РО Шт. СЗФ отослана карта Ладожского озера, с нанесенной БО и ПВО⁵⁴.

14.02

Отослан план разведки Штаба КБФ, Зам. Нач. РО КБФ в Ленинград и Нач. 1 Упр. РКВМФ отослано Нач. 1 Упр. РКВМФ — отчет о проделанной работе РО КБФ.

17.02

Отослано в 4 адреса фотопланшет р-на м. Ристиниеми–Мухулахти.

18.02

Отосланы аэрофотоснимки БО Нач. Штаба Северо-Западного фронта.

19.02

Составлена и разослана итоговая разведсводка № 9.

Начальникам штабов В.-М. Балтийской Базы и ОЛС отосланы аэрофотоснимки БО Финляндии.

⁵⁰ Десант.

⁵¹ Северо-Западный фронт.

⁵² Линкор.

⁵³ Береговой отряд сопровождения.

⁵⁴ Противовоздушная оборона.

Нач-ку ГМШ, Нач-ку Ген. Штаба и Нач-ку Штаба СЗФ и Нач-ку 1 Упр. РКВМФ отосланы сфотографированные площади – район зап. части мыса Ристиниеми и дер. Вякярви.

26.02

Составлен доклад Нач. Штаба КБФ о поездке в Штаб 7-й Армии и организации центра при Штабе ВВС КБФ — аэрофотосъемка и дешифрование.

В РО Штаба 7-й Армии отослан подробный план г. Виипури, с нанесенными военно-промышленными объектами.

РГА ВМФ. Ф. Р-1883. Оп. 1. Д. 5. Л. 1об.–14. Подлинник.

№ 3

Тетрадь разведывательных донесений оперативного дежурного Штаба КБФ⁵⁵
(9.07.39 г. — 15.01.40 г.)

...5.12.39 г.

По показаниям пленных с захваченного финского транспорта, фарватеры Ганге⁵⁶ минированы в 4–5 милях от порта. По тем же показаниям пленных, коммерческим судам запрещено ходить мористее шхер от Хельсинки до Ганге. Финляндия объявила с 4 декабря с/г выход в Хельсинки опасным для всех судов. Фарватер Гангеудд минирован в 5 миль от порта. ПЛ⁵⁷ «Саукко» в р-не Кальбоден-грунд...

...5.12.39 г.

Финнами поставлены мины в прибрежных водах Аландского архипелага, к западу от $\Delta=21^{\circ}20'Ost$ и к югу от $\Pi=60^{\circ}25'N$.

6.12.39 г.

Шведами выставлено минное поле в пунктах: $\Pi=60^{\circ}21'N$, $\Delta=19^{\circ}18'Ost$; $\Pi=60^{\circ}15'$, $\Delta=19^{\circ}06'Ost$.

...7.12.39 г.

Граница минного поля, выставленного Швецией: 1. $\Pi=60^{\circ}15'N$, $\Delta=18^{\circ}52'Ost$; 2. $\Pi=60^{\circ}21'N$, $\Delta=19^{\circ}08'Ost$; 3. $\Pi=60^{\circ}15'N$, $\Delta=19^{\circ}06'8Ost$; 4. $\Pi=60^{\circ}25'N$, $\Delta=19^{\circ}00'Ost$...

⁵⁵ Публикуются выдержки.

⁵⁶ Ханко.

⁵⁷ Подводная лодка.

...15.12.39 г.

Шведские маяки в Ботническом заливе потушены. Во время прохода проливом, обнаружены 2 шведских миноносца, 2 самолета и 6 катеров морской охраны. Снабжение Финляндии идет вдоль северного берега Аландского архипелага...

...18.12.39 г.

ПА «С-1» — 10 декабря атаковано в зоне блокады Раумо торпедами 3 больших транспорта, под германским флагом. Название, знаки закрашены. С наступлением темноты, видели с креном погружающиеся⁵⁸. После, транспорта проходили только шхерами. Действия в Ботническом заливе возможны, льда нет.

Шведы конвоируют транспорта путем к м-ку Меркет курсом около 20°, оставляя м-к Стурброттен к NW, далее — только шхерами.

Транспортов идет много, у пл. м-ка Кваркен охрана — 2 шведских ММ⁵⁹, до 8 СК⁶⁰ и самолетов. Плавающие маяки сняты. Маяки финские и шведские не горят...

...23.12.39 г.

ББО⁶¹ «Вяйнемайнен» сообщил на ББО «Илмаринен»: «Мы идем и станем на якорь — отогреться».

ББО «Вяйнемайнен» сообщает на «Илмаринен»: «Мы сейчас придем на встречу Вам по выполнению охраны» (1 БРО⁶²)...

...29.12.39 г.

Обнаружена радиосвязь финской аэродромной радиостанции Вааза со Шведской аэродромной радиостанцией Стокгольма. Связываются эти радиостанции по договоренности...

...В ближайшие дни ожидается прибытие Хапаранда–Торнео 42 вагона имущества для Финляндии. По данным, требующим проверки, в Финляндии 5 тысяч шведов.

Повсеместно усилена охрана военных объектов, вход в гавань Стокгольма по пропускам; где заканчивается погрузка 2-х финских пароходов.

Участки Торнео–Рованиemi продолжают оставаться главной коммуникацией северного фронта...

РГА ВМФ. Ф. Р-1883. Оп. 1. Д. 4. Л. 50–51, 54, 58, 91, 100, 119, 143, 145.
Подлинник.

⁵⁸ 10 декабря 1939 г. советская подлодка «С-1» потопила возле порта Раума артиллерийским огнём немецкий транспорт «Volheim».

⁵⁹ Миноносцы.

⁶⁰ Сторожевые катера.

⁶¹ Броненосец береговой обороны.

⁶² 1-й береговой радиоотряд.

№ 4

Из разведсводки № 83 РО КБФ на 12.00 05.12.39 г.

ПОКАЗАНИЯ ПЛЕННЫХ

Из опроса задержанных⁶³ установлено наличие огневых бетонированных артиллерийских точек и арт[иллерийских] укреплений в следующих пунктах:

Мыс СЕЙВИСТО /координаты: 60 12 сев. Широты, 29 02 вост. долготы/, расположена 1 батарея неустановленного калибра.

Остров БИОРКЕ⁶⁴, расположена батарея, неустановленного калибра, причём все огневые точки бетонированны.

Остров ТОРСААРИ, имеется одна батарея, неустановленного калибра.

Остров ПИТКОПАС, расположена батарея, неустановленного калибра.

Остров ПУККИОНСААРИ, созданы бетонирован[ные] укрепления и расположена 1 батарея неустановленного калибра.

Остров МУСТАМА, расположена батарея, все арт[иллерийские] огневые точки бетонированны, батарея 12 дюйм[ового] калибра.

Остров КИРКОМАНСААРИ, имеется укреплённое сооружение и батарея артиллерии, неустановленного кал[ибра].

Остров КУТСАЛО, имеются артиллерийские огневые точки.

Остров РАНКО, имеется арт[иллерийская] батарея 12 дм. калибра, все точки бетонированны.

Остров КАУНИСААРИ, имеется арт[иллерийская] батарея, неустановленного калибра.

На берегу залива ХМЕЛЕЦКИЙ, расположена арт[иллерийская] батарея неустановленного калибра.

На полуострове КОЙВИСТО, расположена арт[иллерийская] батарея, неустановленного калибра.

ВЫВОД: Несмотря на то, что данные сведения подтверждаются двумя показаниями, всё же полного доверия они не заслуживают.

РГА ВМФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 12. Л. 50–51. Копия.

⁶³ В период с 30 ноября по 3 декабря 1939 г. в ходе операции Отряда особого назначения КБФ по захвату островов Сейскаари, Лавенсаари, Суурсаари, Суур- и Пиен-Тютярсаари, в восточной части Финского залива, были взяты в плен финские полицейские: начальник морской полиции Лайно и рядовой морской полиции Невало Уно. Публикуемые выдержки из разведывательных сводок №№ 83 и 84 составлены на основе их показаний.

⁶⁴ Здесь и далее координаты опущены.

№ 5

Из разведсводки № 84 РО КБФ на 12.00 07.12.39 г.

ДАнные ПЛЕННЫХ

1. Подтверждается наличие морского аэродрома в Туркинсаари. Количество и типы самолётов неизвестны.

2. Город Котка получает электроэнергию от электростанции, расположенной на реке Кюмийоки /у деревни Аньяло или Ингеройнен/. Электроэнергия подается прямой воздушной проводкой. Котка с материка соединена двумя мостами. Железнодорожный — железной конструкции длиной 25 метров и автогужетранспортный длиной 25 метров, шириной 8 метров. Последний находится на расстоянии 20–10 метров от ж.д. моста. Западнее мостов расположен гидроаэродром, количество и тип самолётов неизвестны.

Радиостанция расположена в 7 км на север от Котки в одиноком доме, который находится на окраине большой деревни.

3. Проволочная, телефонная связь с островом Гогланд прервана в 2-х км от Гогланда 3 года тому назад.

4. Наличие аэродрома и самолётов в Утти подтверждается.

5. Суперфосфатный завод расположен на юго-западной оконечности о. Котка. Количество рабочих 150 человек.

Справка: сведения заслуживают доверия.

6. Военный аэродром в г. Хельсинки дислоцируется северо-восточнее города, в 9 км. Количество самолётов не установлено.

Справка: сведения требуют проверки.

7. На о. Пукионсаари кроме арт[иллерийской] батареи имеются зенитные пулемёты, количество и калибр не установлены.

Справка: сведения заслуживают доверия.

8. Подтверждается наличие арт[иллерийских] батарей на сл[едующих] островах: Биорке, Сейвисте, Пукионсаари, Мустама, Ранко, Киркомансаари.

Справка: сведения заслуживают доверия.

9. В г. Лаппенранта расквартирована отдельная кав[алерийская] бригада 2-х полкового состава. В мирное время [она] насчитывала около 1000 сабель. Кав[алерийские] эскадроны имели на вооружении винтовки, ручные пулемёты и пашки. Большинство военнослужащих шведской национальности, а командный

состав исключительно шведы. Бригадой командовал генерал-майор Палмаруд⁶⁵ по национальности швед.

Справка: сведения заслуживают доверия.

10. На о. Гогланд в летнее время штабом военно-морского флота [Финляндии] на 3–4 месяца выбрасывалась разведывательная группа в числе 12–14 человек [из] низших чинов, которые проводили исключительно изучение военно-морских сил, плавающих в Финском заливе, главным образом военно-морского флота СССР. Все разведчики были шведы. Для пересылки сведений услугами радио [они] не пользовались, а пересылают исключительно почтой.

Военнопленный Невало Уно 1912 г. рожд., родился в семье крестьянина-середняка Беенринборгской⁶⁶ губернии /Ботнический залив/, служил рядовым полицейским на катере «Веста» при восточном р-не морской полиции г. Котка. В показаниях говорит следующее: финские газеты и члены шюцкора распространяют самую неприкрытую ложь о Советском Союзе, а именно: [финнам] попавшим в плен к русским выкалывают глаза, срезают ногти и впоследствии расстреливают. В СССР если рабочий имеет два костюма, второй немедленно отбирают большевики. Запрещено совершенно ношение часов, если у кого[-то они] появляются, большевики немедленно отбирают /финны имеют пристрастие к [ручным] часам и в первую очередь стараются приобрести часы/. Русских рисуют как самых злых собак. Такое понятие о Советской России у большинства населения, лишь некоторая часть рабочих знает правду о Советском Союзе. Народ хотел заключения договора с СССР, но правительство обмануло народ, заявляя, что переговоры будут продолжаться, правительство боялось заключения договора. Это облегчило финскому народу знать больше правды о СССР.

Передо мной раскрылась истина, я вижу здесь прекрасных людей, вежливых, тактичных, вижу заботу о военнопленных. Находясь среди командного состава и рядового состава, я не могу понять, кто старше, кто младше [по званию] все как один. А в Финляндии, как только [человек] вылезает в маленький чин, так к нему не подходит близко. Учиться рабочие и крестьяне могут только в начальной школе и то не все, а дальше им двери закрыты независимо от способностей, а дети богачей с пустыми головами, но крупными деньгами в кармане не заканчивают обучения и становятся к рулю правления страной.

Начальник морской полиции острова Сейскар Лайно, прослуживший 20 лет в полиции, сын таможенного мелкого чиновника, заявил: я до сего времени по данным финской прессы представлял ужасы, издевательства над арестованными

⁶⁵ Правильно — Полмротч.

⁶⁶ Правильное название — Бьёрнеборгская губерния.

ГПУ, этого и ожидал, когда меня задержали. Сейчас [я] убедился в гуманизме советских людей.

РГА ВМФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 12. Л. 29-30. Копия.

№ 6

РАЗВЕДСВОДКА № 7

ШТАБА КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

Г. КРОНШТАДТ

НА 01-05.1940 г.⁶⁷

КАРТЫ: 1:50000, 1569-39 г., 1476-39 г.,
1492-39 г.

...05.02.

...ИЗ ОПРОСА ВОЕННОПЛЕННОГО.

1. На о-ве Куйвасаари находится 4-х орудийная батарея открытого типа старого русского образца, калибром в 10 дм. Ее координаты: Ш-60°06'03"; Д-25°01'03". Пушки расположены по прямой линии и занимают расстояние около 100 метров. Дальность стрельбы 18 км. В 0-12 метрах от крайней правой пушки находится командный пункт. Возле каждого орудия помещается погреб. Казармы находятся в 200 м к северу от батареи. Имеется небольшая электростанция и один прожектор. В северной оконечности острова имеется небольшая пристань, от которой идёт узкоколейка к батарее. На этом же острове в точке: Ш-60°06'01"; Д-25°01'05" находится 76 мм батарея, расположенная на скале. На о. Куйвасаари 3–4 года тому назад были установлены 2 пушки 12 дм калибра, привезенные с форта Ино.

Кроме того, береговая артиллерия имеется на островах:

Остров Рюссянкар /Рюсчар/ — 3 орудия 10 дм;

Остров Катайялуото /Стура Эншер/ 4 орудия 10 дм;

Остров Виллинки 4 орудия 10 дм;

Остров Хармая 3 орудия 6 дм;

⁶⁷ Пропущен месяц. Должно быть: 01–05.02.1940 г.

Остров Сантахамина 4 орудия 6 дм;
Остров Исосаари 2 – 4-х орудийные батареи 10 дм;
Остров Койвусаари 4 орудия 10 дм.

РГА ВМФ. Ф. Р-1884. Оп. 1. Д. 5. Л. 24. Копия.

№ 7

НКВМФ СССР

КРАСНОЗНАМЕННЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ ШТАБ ОСТРОВНОГО УКРЕПРАЙОНА

«23» Февраля 1940

№ 1/0071

Командующему Краснознаменным Балтийским Флотом

ДОКЛАД

19-го февраля 1940 г. в 16 часов штабом Островного укрепленного района для обеспечения группы лейтенанта Емельянченко, выполнявшей задание по разведке Разведывательного Отдела КБФ, было отправлено два отделения в составе младшего командира Владимирова, политрука Басманова и 8 бойцов от 1-го ОССБ. Отправленные были обеспечены вооружением и на двое суток питанием.

Обеспечение вышло по курсу N на 15° и по плану лейтенанта Емельянченко должно было, достигнув определенного места, залечь в снегу и ожидать сбора здесь ранее вышедших 4-х разведчиков группы лейтенанта Емельянченко.

По истечении времени, которое было определено для прохождения до назначенного места, обеспечение обнаружило с восточной стороны незнакомые скалы и, подойдя к ним ближе, определило остров, расположенный по направлению SN. Как позже установлено, это был остров Рейскари.

Подойдя к острову на расстояние 2 км., обеспечение залегло в снегу и тогда заметило на снегу лыжные следы финского происхождения (следы пьекс), идущие с острова.

По приказанию лейтенанта Емельянченко, из группы обеспечения было выделено два дозора, по два человека в каждом, которые направились на остров по лыжным следам с западной стороны. На острове дозоры обнаружили многочисленные лыжные следы и, сойдясь вместе, повернули обратно к исходному пункту на льду для доклада руководителю группы разведки. Лейтенант Емельянченко, выслушав донесение, предложил одному из бойцов отправиться с ним обратно на остров, чтобы показать обнаруженные следы, а всей остальной группе обеспечения отправиться в обход острова, с южной страны.

Обеспечение, выполнив приказание, подошло с южной стороны и войдя на остров, неожиданно для себя оказалось перед замаскированным станковым пулеметом и ручным пулеметом Suomi, открывшим по группе стрельбу разрывными пулями.

Лейтенант Емельянченко, войдя на остров с другой, западной стороны, оказался перед тем же пулеметом Suomi. Пистолет ТТ, которым был вооружен лейтенант Емельянченко, дал осечки, оставались еще ручные гранаты.

Бросив в пулеметное гнездо две ручные гранаты, лейтенант Емельянченко соединился с группой обеспечения и вместе с ней стал уходить с острова в южном направлении, обстреливаемый и преследуемый белофиннами.

Еще до начала пулеметного обстрела пулеметчик № 2 т. Великанов обратился к лейтенанту Емельянченко за разрешением вернуться к исходному пункту и получив разрешение, отправился с острова в том направлении, откуда обеспечение пришло, т. е. на W.

Вся группа обеспечения вместе с лейтенантом Емельянченко, за исключением красноармейца Великанова, благополучно вернулась на о. Гогланд в 9.00 часов 20.02.40 г. Тов. Великанов до настоящего времени на остров Гогланд не вернулся и об его судьбе ничего не известно. Высланная штабом ОУР'а 20.02 и 21.02 разведка на розыски не вернувшихся возвратилась без результатов, кроме этого, не вернулось и 4 человека, подчиненных Емельянченко.

Докладывая о вышеизложенном, с своей стороны считаю, что высланная от 1-го ОССБ группа не выполнила поставленные ей задачи и потеряла бойца 1-го ОССБ тов. Великанова потому, что была использована представителем Р.О. КБФ лейтенантом Емельянченко не как группа обеспечения ранее высланной разведки, а как активная разведка, для чего она не была предназначена.

Прошу установить, можно ли лейтенанту Емельянченко разрешить производить такие ответственные операции, какие ставит перед ним штаб КБФ. Мое мнение, что Емельянченко не подготовлен.

КОМЕНДАНТ ОУР'а
ПОЛКОВНИК:
/БОЛЬШАКОВ/

ВОЕНКОМ ОУР'а
БАТ. КОМИССАР:
/ТЮРИН/

НАЧ. ШТАБА ОУР'а
МАЙОР:
/КУЗЬМИН/

РГА ВМФ. Ф. Р-1159. Оп. 2. Д. 8. Л. 5–6. Копия.

№ 8

РАЗВЕДСВОДКА № 11

Штаба Краснознаменного Балтийского Флота г. Кронштадт
На 24-29.02.1940 г.

Карты: 1:50000, 1569-39, 1476-39, 1492-39

...25.02

...V. ПО ДАННЫМ ОПРОСА ПЛЕННЫХ.

1. На о-ве Лаксэрэн в точке Ш-60°08,1' норд; Д-25°03,8' ост имеется ангар, недалеко от него расположен морской аэродром.

2. На о-ве Сантахамина, на запад и восток от точки Ш-60°08,6' приготовлены 4 штыревых основания для установки, предположительно, 6-ти дюймовой батареи.

3. В з-д «Крейтон Вулкан»⁶⁸ /правый берег/, в результате бомбардировки нашей авиации, попадание одной бомбы. Расположенную рядом в канатную фабрику попадание двух бомб. В з-д «Крейтон Вулкан» /левый берег/ прямое попадание в токарный цех. Разрушено много портовых складов в р-не трамвайного кольца. Разрушен мост Туомпо-Кирко через реку Аура-иоки. Много бомб попало в казармы, расположенные на горе Карполайстенмяки.

ПРИМЕЧАНИЕ: данные пунктов 1 и 2 — за ноябрь 1939 года. Пункт 3-й — за январь 1940 года. Все данные требуют проверки, и уточнения.

РГА ВМФ. Ф. Р-1884. Оп. 1. Д. 5. Л. 53. Копия.

№ 9

Заключение о разведке 6.03.40 о-вов Луппи–Рейскери.

Цель разведки: разведка боем о-вов Луппи и Рейскери.

Задача разведки выполнена. О-в Луппи осмотрен со всех сторон. Ни вооружения, ни людей на острове не обнаружено, только лыжные следы, по-

⁶⁸ Имеется в виду судостроительный и механический завод «Вулкан» в г. Турку.

видимому, от лыжного отряда, и телефонный провод, идущий с о-ва Луппи вдоль островов Пекко–Торни и к о-ву Рейскери.

Разведка обстреляна артогнем с о-ва Рейскери, по-видимому, 76мм трехорудийная батарея.

На о-ве Луппин–Сеискари — пулемет и 25 человек вооруженных белофиннов. Разведка трижды атакована самолетами противника.

Ранено 2 бойца. Раненого кр-ца Анисимова из зоны обстрела вытащил на спине политрук Филимонов.

Начальник 4-го отделения
интендант 3 ранга ...⁶⁹

РГА ВМФ. Ф. Р-1159. Оп. 2. Д. 8. Л. 9. Подлинник.

№ 10

Заключение о разведке 6/7.03.40.

Цель — разведка боем о-ва Рейскери; проверка разведки о-ва Луппи.

Начальник — мл. лейтенант Мерк, политрук.

Задача полностью разведкой не выполнена. До о-ва Рейскери разведка не дошла, о-в Луппи тоже не проверен. Разведка добыла некоторые данные о противнике на о-ве Луппин–Суискери (усиленный взвод), между Луппин–Суискери и о-вом Пекко (4 машины или передки от 76мм орудий).

На разведку произвели налет самолеты противника; ранен кр-ц Козлов.

Разведка обнаружила на льду и доставила на о-в Гогланд боезапасы, вещи снаряжения и обмундирование, брошенные во время операции 4.03.40⁷⁰.

Начальник 4-го отделения
интендант 3 ранга ...⁷¹

РГА ВМФ. Ф. Р-1159. Оп. 2. Д. 8. Л. 20. Подлинник.

⁶⁹ Подпись неразборчива.

⁷⁰ Имеется в виду отвлекающая операция частей советской морской пехоты, проведенная 4–5 марта 1940 года силами Зимней обороны КБФ в составе 1-го, 3-го и 4-го батальонов Отдельной специальной стрелковой бригады, особого батальона моряков и 50-го, 111-го и 112-го стрелковых батальонов в районе — мыс Ристиниеми–остров Киускери–остров Хувари–остров Кильписаари. Данная боевая операция должна была отвлечь внимание финского командования от района Выборгского залива, через который переправлялись части РККА.

⁷¹ Подпись неразборчива.

№ 11

Заключение о разведке 8/9.03.40.

Цель разведки — разведка боем о-ва Хаапасаари с разведкой предварительно о-ва Кайде.

Начальник разведки — ст. лейтенант Мальчиков.

Политрук — тов. Филимонов.

Задача разведкой выполнена. Небольшой отряд роты разведки во главе с политруком Филимоновым, политруком Усвятцевым (пом. политрука Жуй, старшина Поташев) вошла на о-в Кайде и, обнаружив посреди острова лагерную палатку с людьми, бросила в нее 5 ручных гранат. Один из выбежавших из палатки белофинских солдат был захвачен разведкой в плен и приведен на Гогланд. Разведка была обстреляна пулеметами с деревьев, и сама обстреляла остров из ручных пулеметов. Потерь разведка не имела.

Разведка могла бы выполнить задачу еще успешнее, если бы остров Кайде был окружен взводом разведки. Это не было выполнено, так как взвод в целом на остров не пошел, а командир взвода т. Коренной проявил трусость и стал убеждать политрука тов. Филимонова, что на остров идти не нужно.

Недочеты в работе разведки:

1) гидрограф лейт. Зябрев провел разведку дальше, чем нужно, до о-ва Кирумкари или Кутукари, и разведке пришлось возвращаться обратно к о-ву Кайде; только благодаря тому, что был запас времени, разведка подошла к о-ву Кайде еще до рассвета, к 6 ч.

2) подвода с инструментом гидрографа двигалась очень медленно и задерживала движение всей роты.

3) за счет разведки, выставленной на расстоянии 4 км от взвода разведки, не мог активно поддержать разведку, вступившую в бой с противником.

4) рация работала неудовлетворительно.

Начальник 4-го отделения

интендант 3 ранга ...⁷²

РГА ВМФ. Ф. Р-1159. Оп. 2. Д. 8. Л. 36–36об. Подлинник.

⁷² Подпись неразборчива.

№ 12

Заключение о разведке 9/10.0340

План № 1/0105.

Цель разведки — разведка боем о-ва Аскери.

Начальник разведки — мл. лейтенант Мерк (50 ОСБ).

Политрук — т. Цингауз.

Боевое охранение — от 1 ОССБ — командир роты мл. лейт. Лешенко.

Политрук — т. Зоринов.

Задача разведкой не выполнена, разведка о-ва Аскери не произведена.

Рота боевого охранения расположилась не на 12 км. от о-ва Гогланда, как это было указано в плане, а всего на 9 км.; отделения лыжников должны были продвинуться еще на 3 км вперед, что также выполнено не было, т. об. разведка не была обеспечена боевым охранением с левого фланга и план в этой части не был выполнен; начальник разведки не использовал своего положения начальника.

Рота разведки развернулась на 12 км. от Гогланда в 24.00, начале 01.00; радио-связь не работала около часа, когда же связь была восстановлена, разведка не могла добиться от роты боевого охранения места ее расположения.

Разведка двинулась дальше и не имея за собой роты боевого охранения, отошла на 7 км. от Гогланда и развернулась на расстоянии 2 км от цели разведки — о-ва Аскери.

Первый стрелковый взвод был отправлен в разведку на о-в Аскери, но когда он отошел всего на 1 км. от роты, разведкой было получено по рации приказание майора Рослова отойти в исходное положение, на о-в Гогланд, что и было разведкой выполнено.

Результаты разведки:

а) у о-ва Аскери разведка освещалась прожектором (по-видимому, передвижным);

б) на о-ве Аскери в южной его части обнаружено 5–6 домов;

в) с о-ва Аскери было пущено 2 ракеты;

г) разведкой на пути найдено и доставлено на о-в Гогланд: 3 коробки от ручного пулемета, запасные части от ручного пулемета, 1 каска и около 2-х км. телефонного кабеля.

Начальник 4-го отделения

Интендант 3 ранга ...⁷³

РГА ВМФ. Ф. Р-1159. Оп. 2. Д. 8. Л. 43–43об. Подлинник.

⁷³ Подпись неразборчива.

№ 13

РАЗВЕДСВОДКА № 13

Штаба Краснознаменного Балтийского Флота г. Кронштадт
На 06-11.03.40 г.

Карты: 1:50000, 1569-39 г., 1476-39 г.,
1492-39 г.
...10.03.

...IV. ПО ДАННЫМ ОПРОСА ПЛЕННЫХ.

1. Вооружение островов состоит:
а/ на о-ве Куйвасаари — IV–254 мм
б/ на о-ве Исосаари — IV – 254 мм и IV–152 мм
в/ на о-ве Катаялуото — IV–254 мм
г/ на о-ве Хармая — IV–152 мм, пленный слышал, что их, якобы, сняли.
2. На мысе Лепинниemi пленный видел пушку, предположительно, 12 дм, считает, что там установлена батарея.
3. На полуострове Сатаманиemi IV-152 мм /сведения 2 и 3 пунктов относятся к концу февраля 1940 г./...

РГА ВМФ. Ф. Р-1884. Оп. 1. Д. 5. Л. 73. Копия.

№ 14

Разведсводка № 1

Штаба ОУР'а на 10.00 10.03.40 года.

По данным нашей разведки за 6-9 марта 1940 года на ближайших к острову ГОГЛАНДУ финских островах крупных вооруженных сил белофиннов не сосредоточено. На о-ве ЛУППИ — ни артиллерии, ни огневых точек, ни вооруженных сил противника не обнаружено; имеются следы лыжного отряда.

На отсрове ЛУПИН-СУНСКЕРИ — имеется пулеметная точка и взвод щюцкоров; на о-ве РЕЙСКЕРИ — 3-х орудийная батарея 76мм и пулеметная точка; на о-вах АСКЕРИ, ТОРНИ и КАЙДЕ пулеметные точки; на о-ве

ВАНХАЙКЮЛЭМАА 6-ти дюймовая четырехорудийная батарея и посадочная площадка для самолетов, на о-вах ХААПАСААРИ и КУУСЕНКЕРИ — 76мм батареи.

На ближайших мелких островах имеются боевые охранения, составляемые белофиннами в составе отделений — взводов, отряды лыжников.

По показанию военнопленного, на ХААПАСААРИ расположен батальон, на острова АСКЕРИ, КОЙДЕ и др. высылаются для охранения отдельные взводы. Батальон вооружен новыми шведскими винтовками и автоматами.

На острове ХААПАСААРИ находятся наблюдательные пункты.

Начальник Штаба ОУР'а

Майор: /Кузьмин/

Начальник 4-го Отделения Штаба ОУР'а

Интендант 3-го ранга: /Селиванов/

РГА ВМФ. Ф. Р-1159. Оп. 2. Д. 8. Л. 49. Копия.

№ 15

Краснознаменный Балтийский флот

Штаб Островного укреп. Района

10 марта 1940 г.

№ 1/0107

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОМУ ОТДЕЛУ ШТАБА КБФ

КОПИЯ КОМАНДИРУ ЗИМНЕЙ ОБОРОНЫ

Препровождается при этом опросный лист на военнопленного ХОНГАНЕН АЛВАР, захваченного нашей разведкой 9.03.40 г. на о-ве КОЙДЕ, отобранные у него личные вещи, с описью.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое.

Начальник Штаба ОУР'а

Майор:

/Кузьмин/

с подлинным верно: Зав. Делопр. 1-го Отд. Шт. ОУР'а

/Иванов/

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ ВОЕННОПЛЕННОГО

Фамилия, имя, отчество, официальное положение, откуда родом, должность, чин или звание, национальность, партийность, мобилизован или доброволец, время службы в армии и с какого времени в боях.	Хонганен Алвар /отец Кео/; 1916 года рождения, рабочий родом из местечка Нокя. Рядовой Равило-батальона (самокатного), финн, призван по мобилизации с 13 октября 1939 года. На этом участке (Хапасари) две недели. Прибыл с острова Кемия (р-н Турку).
Какой части (опрашивать до установления высшего соединения (части), известного пленному).	Равило-батальон — две роты 4 отделения. К-р батальона — майор Равило. К-р роты — фендрик Кантониemi. К-ры взвода — «» — Маттила — «» — Пехема
Расположение части (занимаемые районы или пункты), что находится на фронте, что в резерве, где и с кем фланги (сведения отметить по карте), задачи.	Батальон расположен на Хапасари. Отдельные взводы несут охранение на островах Аскери, Койдэ и др. к ю. от Хапасари. На о. Рейскарри стоят другие части. Какие я не знаю. Кто справа и слева не знаю. На Кильмансари ⁷⁴ есть артил. и войска, но какие не знаю.
Дальнейшие вопросы заполняются производящим опрос.	Смена дежурных отделений производится в 18 час и заступают на трое суток. Наблюд. пункты находятся на о Хапасари. Батальон вооружен новыми шведскими винтовками и автоматами.
Подпись производящего опрос.	

Настроение у солдат плохое. Ждут конца войны. Все твердо уверены, что конец Маннергейма близок. Кормят плохо: как пример указал чем кормят.

7 часов выдают чай, сахар и галеты

10 часов — «» — овсяную кашу без масла

5 часов — «» — овсяная каша, картошка и немного молока

⁷⁴ Вероятно, остров Кильписари.

Он воевать в армии финской не хочет, но если разрешат поступить в народную армию — то он воевать будет.

Жена его уроженка Карелии по имени Елена Романова в 1917 году вместе со своей сестрой осталась на границе с Финляндией. Женился на ней недавно в декабре м-це, [во] время отпуска из армии.

Жена работает на резиновой фабрике в Нокия. Зарабатывает меньше 200 марок.

Опрос производил

Майор

/Кузьмин/

9.03.40

РГА ВМФ. Ф. Р-1159. Оп. 2. Д. 8. Л. 44–45об. Копия.

№ 16

Письмо финского военнопленного А. Хонканена

Уваж[аемые] братья! Вы пост[упайте] так же, как и я, и переход[ите] сюда и освоб[ождайте] ф[инскую] зем[лю] и нар[ода], чтобы народ не терпел нужды. Бросайте оруж[ие] и след[уйте] к Кр[асной] А[рмии] и тем освоб[ождайте] наше отеч[ество] от ига, потому что здесь отн[ошение] гораз[до] лучше...⁷⁵

Один из Вашей партии, попавший сюда.

Хонканен

РГА ВМФ. Ф. Р-1159. Оп. 2. Д. 8. Л. 48. Подлинник.

Список литературы

Очерки из истории Балтийского флота / [подгот. Амусин Б. М. и др.]. — Калининград: Гос. изд.-полигр. предприятие «Янтар. Сказ», 1997. — 218 с.

⁷⁵ Далее неразборчиво.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич / GOLUBEV Alexey

Хьюстонский университет, Исторический факультет / University of Houston,
Department of History

США, Хьюстон / United States, Houston

avgolubev@uh.edu

РЕЦ. НА КН.: Davidov V. Long Night at the Vepsian Museum: The Forest Folk of Northern Russia and the Struggle for Cultural Survival. Toronto: University of Toronto Press, 2017. 130 p.

REVIEW OF: Veronica Davidov. *Long Night at the Vepsian Museum: The Forest Folk of Northern Russia and the Struggle for Cultural Survival* (Toronto: University of Toronto Press, 2017), 130 p.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, вепсы, Шёлтозеро, экологическая антропология, культурное возрождение / Karelia, Vepsians, Sheltozero, environmental anthropology, cultural revival

В 2017 г. в издательстве университета Торонто вышла монография под заглавием «Долгая ночь в вепском музее: Лесной народ русского Севера и борьба за культурное выживание»¹, представляющая собой антропологическое исследование прионежских вепсов в их отношениях с историей, окружающей средой, государством и столичными бизнес-кругами. Её автор — Вероника Давидов, ассоциированный профессор (*Associate Professor*) университета Монмаут в США; её первая книга была посвящена взаимосвязи экотуризма и культуры в эквадорской Амазонии. Интерес к вепсам, как пишет автор во введении монографии, был вызван фактически полным отсутствием антропологических исследований о них на английском языке (pp. xiii–xiv). Рецензируемая книга призвана заполнить эту лауну, поэтому её существенная часть представляет собой обзор истории и культуры вепсов на основе русскоязычной литературы — в первую очередь, это первые две главы, «История и память» и «Вепские космологии», и отчасти третья глава «Елей ресницы и голубые глаза озер» (разделы про историю экотуризма и горных разработок в Карелии). В то же время книга основана и на полевой работе, проведенной автором весной и летом 2011 г. среди прионежских вепсов, и вторая часть — главы 4 и 5 — представляет собой оригинальное антропологическое исследование, посвященное изменившимся хозяйственным отношениям в вепской части Прионежского района Карелии и историческим нарративам среди вепской интеллигенции (главы «Плохие хозяева» и «Длинная ночь музеев», соответственно). Монография вводит историю и культуру прионежских вепсов в проблематику англоязычных социальных наук, и в этом её несомненная значимость. Однако

¹ *Davidov V. Long Night at the Vepsian Museum: The Forest Folk of Northern Russia and the Struggle for Cultural Survival. Toronto, 2017.*

сочетание двух жанров (обзор новой для англоязычной антропологии темы и оригинальное антропологическое исследование) в совокупности с небольшим объемом рецензируемой книги (предисловие, введение, пять глав и заключение занимают 122 страницы) приводит к тому, что заявленная задача — «написать этнографию вепского опыта» (р. xiv) — оказывается выполненной лишь фрагментарно. Если для англоязычных читателей вся книга представляет собой новую информацию, то для русскоязычных читателей наибольший интерес вызовет анализ местного исторического нарратива и взаимоотношения прионежских вепсов с новой ресурсной экономикой в Карелии.

Давидов начинает книгу с обзора культуры и истории прионежских вепсов, уделяя особое внимание их традиционным формам хозяйствования, роли в модернизационных проектах российского и советского государств (в первую очередь, в горной промышленности), советской национальной политике, коллективизации, финской оккупации и недолговечному существованию Вепской национальной волости. Нетрудно заметить, что в этой схеме не нашлось места для послевоенного периода за исключением краткого упоминания о политике ликвидации «неперспективных» населенных пунктов (р. 30–31), да и опыт социально-экономической трансформации, последовавший за распадом СССР (то, что в научной литературе раскрывается через понятие «постсоциализм»), рассматривается лишь в узком контексте национальной мобилизации. Между тем и период «развитого» («позднего») социализма, и особенно постсоветский период образуют исторический контекст для тех культурных форм и процессов, которые исследует Давидов. Ниже я вернусь к их важности для понимания современного вепского сообщества; здесь же необходимо сделать несколько замечаний о Шёлтозерском вепском этнографическом музее им. Р. П. Лони́на.

Шёлтозерский музей играет центральную роль в монографии, что отражено как в её названии, так и структуре. С одной стороны, музей является одним из объектов исследования, через который Давидов раскрывает свою исследовательскую проблему: формирование и сохранение этнической идентичности («культурное выживание») среди прионежских вепсов. С другой стороны, концепции истории и культуры вепсов, которые лежат в основе коллекций Шёлтозерского музея, оказывают несомненное влияние на исследовательский нарратив и организацию материала книги. Когда Р. П. Лонин начал формирование коллекции предметов вепской культуры, которая позднее легла в основание музея, его внимание привлекали, в первую очередь, артефакты традиционной материальной и духовной культуры вепсов. Они и сейчас остаются центральной частью музейной экспозиции. В то же время этот подход оставлял без внимания более современную — советскую и постсоветскую — культуру. Из экспозиций

Шёлтозерского музея можно много узнать о жизни вепсов в XIX и начале XX в., но почти ничего — о быте, работе и культуре вепсского сообщества во второй половине XX в. Это вполне закономерно, ведь целью краеведческого музея является показать, что делает местную культуру или регион уникальными и отличными от других культур и регионов, а вторая половина XX в. в СССР, в том числе и сельских районах Прионежья, характеризовалась интенсивной миграцией, распространением популярной культуры, ростом массового потребления и всевозрастающей ролью русского языка. Однако данный подход таит в себе соблазн искать объяснения современных социальных и культурных изменений в архаических верованиях, пропуская более непосредственный исторический контекст.

Этот подход воспроизводится в «Долгой ночи в вепсском музее», когда Давидов во второй и третьей главах подробно описывает традиционные верования вепсов и их взаимоотношения с «дарами природы» (рекреационные ресурсы, лес и ценные породы камня) в качестве культурно-исторического контекста для понимания форм этнической и культурной мобилизации в современном вепсском сообществе, описанных в четвертой и пятой главах. Так, одно из оригинальных утверждений рассматриваемой книги заключается в том, что народная обрядность и верования, связанные с духами-хозяевами (в частности, идея справедливых контрактных отношений), являются ключом к пониманию принципов, определяющих отношение вепсов к российскому государству и окружающему миру в целом, к их «политической экологии» (pp. 9–10, 50, 72–80). Это утверждение структурно основано на тех же принципах, что экспозиция Шёлтозерского музея, связывающая нынешнюю вепскую идентичность с традиционной культурой. В западной социальной науке есть понятие «сопроизводства» знания². Шёлтозерский музей — это и есть тот самый «сопроизводитель» авторского нарратива об истории и настоящем прионежских вепсов, формирующий как акценты (уникальные аспекты национальной культуры), так и лакуны (модернизационные процессы второй половины XX в.) монографии. В качестве эмпирического подтверждения своего тезиса Давидов указывает, например, на сходство между идеей справедливых контрактных отношений в традиционных вепсских верованиях и критикой современных капиталистических форм хозяйствования, где эти справедливые отношения нарушены. Однако подобная критика «несправедливой» эксплуатации местных природных ресурсов характерна и для других сообществ и регионов России. Например, коллектив финских исследователей недавно описал схожие настроения в Северном Приладожье, отчужденном от Финляндии в 1940 г.

² См., например: States of Knowledge: The Co-production of Science and the Social Order / Ed. by S. Jasanoff. London, 2004.

и вторично в 1944 г. и заселенном переселенцами из разных регионов европейской части СССР. Как следствие, жители Северного Приладожья не имеют общей обрядности и верований, но тем не менее относятся к региону как «своей» территории и оценивают деятельность местных и республиканских властей, а также бизнес-интересы столичных кругов в категориях, удивительно похожих на те, что мы найдём в вепских районах³. Представляется, что в обоих случаях — в Южном Прионежье и в Северном Приладожье — на идею справедливых контрактных отношений между гражданами, с одной стороны, и государством и бизнес-элитами, с другой, основное влияние оказали не столько традиционные верования, сколько общий исторический опыт, а именно социальный контракт советского периода. Давидов фактически полностью игнорирует богатую исследовательскую литературу, возникшую в традиции постсоциалистических исследований, где обсуждается этот вопрос (Нэнси Рис, С. А. Ушакин, Джереми Моррис и многие другие), несмотря на её непосредственное отношение к теме исследования. Невнимательность к укоренности современного вепского общества в социалистических структурах приводит к тому, что данный раздел книги существенно теряет в своём объяснительном потенциале.

Пятая — заключительная — глава книги представляет собой опыт включенного наблюдения автора над проведением Ночи музеев 2011 г. в Шёлтозерском музее и последующей экскурсии группы вепских женщин, работающих в музее или тесно связанных с ним, по близлежащим историческим местам, связанных с вепской культурным наследием. Глава и снятый автором любительский документальный фильм⁴ раскрывает механизмы, посредством которых осуществляется накопление и передача исторического знания об этнической и местной истории. Здесь антропологический метод автора раскрывается в полную силу: глава и фильм фиксируют повседневный уровень бытования исторического знания, речевые и перформативные формы его воспроизведения, его укорененность в историческом ландшафте Прионежья и его гендерный аспект (активистами культурного наследия в Шёлтозере в основном являются женщины). В то же время данная глава оказывается относительно изолированной в общей структуре книги, будучи лишь фрагментарно связанной с материалом предыдущих глав.

Представляется, что указанные недостатки в аналитической и концептуальной логике книги связаны с тем, что разные главы были, очевидно, задуманы или написаны как отдельные статьи и не связаны общей проблематикой. Ограниченный

³ Осипов А. Ю. и др. Коммодификация природы: национальный парк «Ладожские шхеры» // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 113–131.

⁴ Museum Night / Dir. by Veronica Davidov. 2011 // YouTube [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yDIN5UDrFbw> (29.06.2020).

объём исследования не позволяет Давидов дать общую картину жизни вепсского общества, и поэтому два ключевых сюжета, разрабатываемых в монографии — окружающая среда и история — не входят в диалог друг с другом. Так, посвященная экотуризму третья глава начинается с обсуждения Марциальных вод (регион проживания людиковских карел) и шунгита (добываемого в Заонежье); являясь вполне легитимными объектами для экологической истории, эти места мало что дают для понимания истории собственно вепсского края. С другой стороны, в разделах, посвященных истории, лишь вскользь упоминаются культурные формы и механизмы, обеспечивающие передачу экологического знания из поколения в поколение (раз уж один из основных тезисов книги строится на тождественности архаических и современных форм политической экологии). В исторической части исследования также есть ряд неточностей — в частности, строительство Кировской железной дороги не могло быть «одним из ранних советских мегаиндустриальных проектов» (р. 23), поскольку оно было завершено в конце 1916 г., Вознесенье не было ликвидировано после окончания Великой отечественной войны (там же), да и утверждение о «запрете вепсского языка» в 1937 г. (р. 27) звучит излишне категорично — речь идет, очевидно, о выведении из употребления вепсской письменности, однако вепсский язык продолжал употребляться в повседневном общении, поэтому вывод о внутреннем конфликте между «официальной» идентичностью вепсов как советских граждан и их этнической идентичностью представляется необоснованным. Другая досадная ошибка (проникшая, в том числе, в тематический указатель) — в написании слова *sebr* (общество, группа) как *sber*. Наконец, несмотря на центральную роль Шёлтозерского музея в книге, Давидов не проблематизирует тот исторический и культурный контекст — возрождение интереса к краеведению во второй половине XX в. в СССР в котором возник музей и его эпистемологические рамки, хотя исследовательская литература на эту тему показывает, что многие «народные» традиции были фактически заново изобретены энтузиастами краеведения в советский период⁵.

Несмотря на отмеченные недостатки, «Долгая ночь в вепсском музее» является важной публикацией, не в последнюю точку зрения с точки зрения ввода вепсской проблематики в международный научный оборот и насыщения англоязычной литературы знанием о регионе. Несомненную ценность представляет и антропологический подход, при котором опыт изучаемой группы рассматривается в её собственных категориях, а автор постоянно критически оценивает свою собственную исследовательскую позицию. Книга вводит в оборот интересный

⁵ Например, *Kelly C.* The Shock of the Old: Architectural Preservation in Soviet Russia // *Nations and Nationalism*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 88–109; *Golubev A.* “A Wonderful Song of Wood”: Heritage Architecture and the Search for Historical Authenticity in North Russia // *Rethinking Marxism*. 2017. Vol. 29. No. 1. P. 142–172; *Donovan V.* *Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia*. Ithaca, 2019.

материал об экологическом активизме, культурном воображении и историческом воображении среди прионежских вепсов. Наконец, рассматриваемая монография представляет ценность для отечественных (и особенно карельских) исследователей ещё и тем, что показывает, как можно использовать местный материал для того, чтобы говорить о важных темах в современной международной гуманитарной науке.

Список литературы

Осипов, А. Ю. Коммодификация природы: национальный парк «Ладожские шхеры» / А. Ю. Осипов, М. Ляйтээнмяки, О. Илмолахти, Я. Карху // Мир России. — 2019. — Т. 28, № 3. — С. 113–131.

Davidov, V. Long Night at the Vepsian Museum: The Forest Folk of Northern Russia and the Struggle for Cultural Survival / V. Davidov. — Toronto : University of Toronto Press, 2017. — 130 p.

Donovan, V. Chronicles in Stone : Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia / V. Donovan. — Ithaca : Cornell University Press, 2019. — 246 p.

Golubev, A. “A Wonderful Song of Wood” : Heritage Architecture and the Search for Historical Authenticity in North Russia / A. Golubev // Rethinking Marxism. — 2017. — Vol. 29, no. 1. — P. 142–172.

Museum Night / Dir. V. Davidov. 2011 // Youtube [Электронный ресурс]. — 2017. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yDIN5UDrFbw>. — (29.06.2020).

States of Knowledge : The Co-production of Science and the Social Order / ed. by S. Jasanoff. — London : Routledge, 2004. 336 p.

Kelly, C. The Shock of the Old: Architectural Preservation in Soviet Russia / C. Kelly // Nations and Nationalism. — 2018. — Vol. 24, no. 1. — P. 88–109.

ВИХАВАЙНЕН Тимо / VIHAVAINEN Timo

Профессор-эмеритус / Professor Emeritus

Финляндия, Хельсинки / Finland, Helsinki

timo.vihavainen@helsinki.fi

ПОЗОРНЫЙ МИР РОССИИ?

РЕЦ. НА КН.: Смолин А. В. «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб.: Евразия, 2020. 382 с.

THE SHAME PEACE OF RUSSIA?

REVIEW OF: Smolin A. V. «*Novyi Brest*». *Tartuskii mir s Finlandiei 1920 g.* (St. Petersburg: Evraziia, 2020), 382 p.

Ключевые слова / Keywords: Советско-финляндские отношения, Тартуский мирный договор 1920 г., российская историография / Soviet-Finnish relations, the Peace Treaty of Tartu 1920, Russian historiography

Эта книга носит академический характер, но в то же время является откровенно полемической, что видно уже из названия¹.

Тартуский мир никоим образом нельзя всерьёз сравнивать с Брест-Литовским миром, когда Советская Россия, совершенно лишённая боеспособной армии, была вынуждена принять диктат Германии. Тем самым, этот вынужденный мирный договор рвал на части всю старую Российскую империю. Однако по какой-то причине автор книги уже в её названии ставит два упомянутых договора в один ряд.

Тартуский мир, однако, был достигнут в ходе переговоров, на которых обе стороны шли на уступки. Это обстоятельство, в частности, подчеркивали после подписания договора руководители российской делегации П. М. Керженцев и Я. А. Берзин. А. В. Смолин изображает их некомпетентными в отстаивании интересов своей страны неудачниками.

Как известно, В. И. Ленин говорил тогда о необходимости подписания мирных договоров с соседними государствами, в том числе и ценой уступок, а позднее поздравлял себя с тем, что с помощью этих договоров удалось спасти так называемую советскую власть. Таким образом, по его мнению, это был успешный тактический маневр.

Отправной точкой автора рецензируемой книги было изучение того, какие незаслуженные уступки Финляндии — как и в случае Брестского мира с Германией — были сделаны советской стороной при подписании Тартуского мира.

Источниковая база книги довольно однобока, что, по-видимому, объясняется ограниченными языковыми навыками её автора. Источники финского

¹ Смолин А. В. «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб., 2020.

происхождения отсутствуют, равно как и протоколы переговоров, опубликованные на финском языке.

С другой стороны, использованы многочисленные источники из Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), которые также опубликованы в виде приложений. В этом неоспоримая заслуга монографии. Указанные источники также важны с точки зрения рассматриваемой проблемы, поскольку морские границы России составляли довольно существенную часть «геополитических» проблем, с которыми был связан Тартуский мир. Во флотских кругах всегда выражали недовольство новыми границами, и даже говорили о том, что они могут быть временными (с. 290–291).

Так или иначе, источниковая база книги, а также использованная литература очень односторонни, что, как представляется, сильно повлияло на само исследование. Финские исследования по этой теме вообще не упоминаются, а из финноязычных публикаций присутствуют только касающиеся Тартуского мира воспоминания Вяйнё Таннера.

Однако, особенно в последние годы, в Финляндии опубликовано большое количество исследований, посвящённых событиям 1917–1920 гг. К сожалению, весь этот материал был проигнорирован, и в результате общая картина оказалась сильно искажённой. То же можно сказать и в целом о трактовке автором истории Финляндии.

Конечно, он знаком с заключённым весной 1918 г. договором между Советом народных комиссаров и Советом народных уполномоченных Финляндии и высказывает сожаление по поводу недостаточного интернационализма финских социал-демократов. С другой стороны, как представляется, автор не знает, что идея «Великой Финляндии» преобладала среди красных.

Не упоминается в книге и тот существенный факт, что район Петсамо был обещан Финляндии еще в 1864 г. в обмен на территорию вокруг Сестрорецкого оружейного завода. Вместо того чтобы апеллировать к документам изучаемой эпохи, автор смотрит на вещи с точки зрения будущего и утверждает, что желание финнов получить Петсамо было основано на их агрессивных планах использовать его в дальнейшем в качестве опорной точки для создания «Великой Финляндии» (с. 261).

Он также полагает, что знаменитая «Клятва на мече» Маннергейма хорошо показывает, насколько глубоко в стране укоренилась агрессивная идея «Великой Финляндии» (с. 5). Фактически же из-за изменения обстановки ко второй половине 1930-х гг. эта «идея» в целом уже оставалась уделом маргинальных групп. В сферу политики её вернул договор между «правительством Куусинена» и советским правительством 2 декабря 1939 г. Он вызвал шок в Финляндии и лишил «правительство Куусинена» всякого доверия, если оно вообще было.

«Клятва на мече» Маннергейма в 1941 г. также стала политической бомбой, грозившей вызвать политический кризис, поскольку крупнейшая партия страны — социал-демократы, а также Шведская народная партия и некоторые другие не признавали экспансионистскую политику в качестве цели войны.

Анахронизм в аргументации — это, конечно, очень серьёзная методологическая ошибка, и очень жаль, что такие односторонние исследования публикуются по фундаментальным вопросам отношений между нашими странами. Автору стоило бы объединить свои усилия с экспертами в области истории Финляндии. Хотя их число быстро сокращается, в России все ещё есть исследователи, которые могут пользоваться источниками на финском и шведском языках.

Тезисы автора о вынужденной природе Гартуского мира, сравнимого с Брестским, и об агрессии финнов напоминают печально известную книгу В. В. Похлёбкина «СССР — Финляндия: 260 лет отношений. 1713–1973»² (она была впервые опубликована в Финляндии в 1969 г. под названием «Финляндия как враг и друг, 1714–1967»³). Похлёбкин с энтузиазмом утверждал, что финны на Карельском перешейке были лишь частью смешанного народа, который состоял из шведов, немцев, русских и западных карелов... Книга Похлёбкина включена автором в список литературы, хотя конкретно этот тезис и не воспроизводится.

Присутствуют в рецензируемой работе и некоторые ошибки, вызванные небрежностью. Так, говорится, что Финляндии было дано право держать в акватории Петсамо неограниченное количество судов водоизмещением менее 100 000 тонн, но при этом не более 15 судов водоизмещением более 400 000 тонн (с. 263). Конечно, таких крупных кораблей там не было. Их тоннаж преувеличен в тысячи раз.

Несмотря на все недостатки, книга, безусловно, имеет значение и для финнов. Она ещё раз напоминает о том самом по себе известном обстоятельстве, что границы Гартуского мира были «роковым успехом», как позже заявил Паасикиви. Россия, находившаяся в состоянии нестабильности, оказалась в Балтийском регионе в ловушке и не могла быть удовлетворена ситуацией.

Ещё немцы в 1918 г. советовали финнам пойти на компромисс относительно старых территорий страны на Карельском перешейке. Такой подход, конечно же, не устраивал политиков того времени, потому что он не мог бы получить одобрение народа в рамках демократической системы. Кроме того, высшее руководство государства было неспособно понять обстоятельства, выходящие за рамки юридической стороны дела.

² Похлёбкин В. В. СССР — Финляндия: 260 лет отношений. 1713–1973. М., 1975.

³ *Pohlebkkin V. V. Suomi vihollisena ja ystäväenä 1714–1967.* Porvoo, 1969.

В общем, прискорбно, что даже в новых российских исследованиях ключевые фоновые факторы эпохи могут оставаться непонятыми и что описание важных этапов в отношениях наших стран может низводиться до такого пропагандистского уровня.

Поскольку уровень владения финским и шведским языками в России постоянно снижается, следует опасаться, что нехватка квалифицированных исследователей будет только усугубляться. Такая ситуация весьма прискорбна для обеих сторон, и необходимо приложить усилия для её улучшения путём расширения научного взаимодействия и, в частности, публикации на русском языке как можно большего количества финских исследований и документов. В этом отношении в русскоязычной исследовательской литературе на протяжении десятилетий, включая всю советскую эпоху, образовался существенный пробел.

Список литературы

Похлебкин, В. В. СССР — Финляндия : 260 лет отношений. 1713–1973 / В. В. Похлебкин. — Москва : Международные отношения, 1975. — 408 с.

Смолин, А. В. «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. / А. В. Смолин. — Санкт-Петербург : Евразия, 2020. — 382 с.

Pohlekin, V. V. Suomi vihollisena ja ystävänä 1714–1967 / V. V. Pohlekin. — Porvoo : WSOY, 1969. — 401 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
ACADEMIC LIFE

***TERTIA VIGILIA. ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ФИНЛЯНДИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ****
*TERTIA VIGILLA. ON STUDYING THE HISTORY OF FINLAND
IN CONTEMPORARY RUSSIA*

В России интерес к Финляндии имеет давнюю традицию, первые разрозненные сведения об этом крае можно найти уже в русской литературе и публицистике XVIII века. Однако в них Финляндия ещё не являлась предметом самостоятельного исследования, а рассматривалась в контексте русско-шведских отношений, что вполне соответствовало её геополитическому статусу. Собственно Финляндией в России начинают интересоваться в XIX веке, когда она становится составной частью Российской империи. Правда, всегда на первом месте стояла не сама история финского народа, а взаимоотношения России с соседней страной — сначала со Швецией, затем с Финляндией. Отношения эти интерпретировались российскими исследователями весьма разнообразно, трансформируясь порой под влиянием внешних социально-политических обстоятельств в интерпретацию и репрезентацию российско/советско-финляндских конфликтов.

Впрочем, финляндский контекст продолжавшихся почти шесть веков русско-шведских войн, к которым исследователи обращались чаще всего, в большинстве работ обозначался лишь пунктиром. Отечественные авторы вспоминали о нём, как правило, лишь тогда, когда появлялась насущная потребность (социальный, политический заказ) опровергнуть те или иные оценки западной историографии, которые воспринимались как противоречащие национальным интересам. Если такой необходимости не было или событие было слишком далеко удалено по времени, о Финляндии ничего не писали или упоминали вскользь.

Например, специальные исследования о русско-шведских войнах XV–XVI вв. в отечественной историографии практически отсутствуют. Их вспоминают лишь в контексте более важных для России событий — таких, например, как Ливонская война. То, что в финской историографии именуется *Suuri Venäjän sota 1555–1557* (Великая российская война), в отечественных исторических работах, если и упоминается, то лишь как прелюдия к Ливонской войне. При этом о Финляндии, для которой эта война — что видно уже из её названия — была весьма значимой, как правило, не упоминается вовсе. Или с ошибками: П. Майков, например,

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН.

«великой русской войной» называет войну 1495–1497 гг.¹, хотя в финляндской историографии её вспоминают как *Vanha viha* — «Старую вражду».

То же самое можно сказать и о том, что в финляндской историографии именуется *Isoviha* (Великая вражда, или Великое лихолетье) — страшный период оккупации Финляндии русскими войсками в 1714–1721 гг. в период Великой Северной войны. Российская историография занималась этим очень мало, гораздо важнее были сражения на фронтах и последствия войны. Немногочисленные обращения отечественных историков к тому, что происходило в Финляндии, можно назвать вынужденными — все они, как правило, были реакцией на освещение событий в финляндской историографии и опровержением этих трактовок. Отрицание и оправдание жестокостей оккупации мы видим и в дореволюционной (П. Майков, М. Бородкин), и в советской (И. Шаскольский, Ю. Беспятых) историографии, и в постсоветской исторической прозе (А. Широкопад, А. Шкваров)².

Подобное «вынужденное» обращение к истории соседней страны имело порой, как ни странно, и положительный эффект. На рубеже XIX–XX веков был сделан существенный прорыв в изучении истории Финляндии, когда на фоне разрастающегося т. н. финляндского вопроса и в ответ на попытки финляндских публицистов, историков и юристов защитить автономные права княжества в России появляется огромное количество трудов, посвящённых не только современному состоянию этой имперской окраины, но и её истории. За период с 1890 по 1914 г. в стране было издано свыше 300 книг и брошюр, посвящённых Финляндии. В основе большинства из них лежал гранд-нарратив «покорения Финляндии», сформулированный Кесарем Ординым в 1889 г.³, который и сегодня зачастую воспроизводится современными авторами без каких-либо изменений. Финляндский вопрос был проблемой политической, выходившей за рамки академических дебатов, поэтому занимались им не профессиональные историки, а политические деятели, военные, юристы, публицисты. Но их стараниями были написаны и обширные исторические очерки, до сих пор никем не превзойдённые по объёму информации и потому востребованные и современными авторами, не владеющими финским языком.

¹ Майков П. М. Финляндия, ее прошедшее и настоящее. СПб., 1911. С. 47.

² Исключением из правил выглядит статья В. Возрина: Возрин В. Е. Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2005. С. 214–230. URL: http://novist.history.spbu.ru/sborniki_02_2005.html (08.12.2020).

³ Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. СПб., 1889. Т. 1–2.

О возникновении в России самостоятельной научной дисциплины по финляндской истории (исторической финнистики) всё же правомерно говорить лишь применительно к советскому времени. В 1960–1980-е гг. в стране формируются научные школы по финнистике, прежде всего в Петрозаводске и Ленинграде, выходит целый ряд качественных монографий, посвящённых истории Финляндии и российско/советско-финляндским отношениям, публикуются материалы советско-финляндских симпозиумов историков, регулярно проводившихся с 1966 г. Школы эти славились традициями внимательной работы с архивными источниками и хорошим знанием исследований зарубежных, прежде всего финляндских, историков. Правда, отечественная общая история Финляндии в отличие от выпущенных в 1970–1990-е гг. историй Швеции, Норвегии и Дании так и не была издана, хотя к её написанию приступали дважды — в 1960-е и 1980-е годы. Камнем преткновения (и поводом для закрытия проектов со стороны ЦК КПСС) была Советско-финляндская (Зимняя) война 1939–1940 гг. Лишь в 1990-е гг. плотина была прорвана, и с тех пор Зимняя война является одной из самых популярных тем в отечественной историографии.

Подробнее останавливаться на истории становления и развития исторической финнистики здесь смысла нет — существует множество историографических обзоров, освещающих изучение в России истории Скандинавских стран и Финляндии (нордистики, по определению А. С. Кана) в дореволюционное, советское и отчасти в постсоветское время⁴. Знакомясь с обзорами последнего

⁴ *Pohljokkin W. W.* The Development of Scandinavian Studies in Russia up to 1917 // *Scandinavica*. 1962. Vol. 1. P. 89–114; *Сюккяйнен П. П.* Работы карельских исследователей по вопросам истории Финляндии // Скандинавский сборник. Таллин, 1964. Вып. VIII. С. 397–405; *Pohljokkin W. W.* The Development of Scandinavian Studies in the USSR (1917–1965) // *Scandinavica*. 1966. Vol. 1. No. 1. P. 14–40; *Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР // Скандинавский сборник. Таллин, 1968. Вып. XIII. С. 11–34; Таллин, 1969. Вып. XIV. С. 11–20; *Šaskolski I. P.* Suomen historian tutkimus Leningradissa // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1969. Nr. 2; *Жигалов П. П.* Изучение в СССР истории скандинавских стран и Финляндии: анализ и перспективы // Новая и новейшая история. 1971. № 5. С. 39–45; *Шаскольский П. П.* Изучение истории скандинавских стран советскими учеными // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1976. С. 116–133; *Рогинский В. В.* Проблемы новой и новейшей истории скандинавских стран и Финляндии на страницах «Скандинавского сборника» // Новая и новейшая история. 1979. № 5. С. 162–169; *Власова М. Н.* О сотрудничестве советских и финляндских историков (1960–1980-е годы) // Северная Европа. Проблемы новейшей истории. М., 1988. С. 170–177; *Takala I.* Suomen historian tutkimusta Neuvosto-Karjalassa // *Punalippu*. 1988. № 3. S. 170–173; *Такала П. Р.* Русские немарксистские труды по истории Финляндии // Проблемы историографии всеобщей истории. Петрозаводск, 1991. С. 107–114; *Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги // Северная Европа. М., 2003. Вып. 4. С. 5–35; *Вихавайнен Т.* Сотрудничество финских и российских историков до и после Второй мировой войны. Проблемы и направления // Северная Европа. М., 2007. Вып. 6. С. 348–358; *Такала П. Р.* Преподавание и изучение истории стран Северной Европы в Петрозаводском государственном университете // Там же. С. 359–370; *Такала П. Р., Соломеч П. М.* «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 годов // Российская история. 2009. № 3. С. 66–72; *Такала П. Р.*

времени, мы обратили внимание на то, что некоторые из них заканчиваются оптимистичными выводами: в стране создана «прочная основа для продолжения изучения истории Североевропейского региона»⁵, а сложившиеся школы нордистики не только возрождаются, но и вступают «в новую стадию своего совершенствования»⁶. Нам захотелось посмотреть, есть ли в сегодняшней России молодое поколение финнистов, продолжающее традиции сложившихся в советское время научных школ? Какие исследовательские задачи ставятся сегодня, какие темы преобладают? И вообще есть ли в российском научном сообществе интерес к истории соседней страны?

Данные заметки лишь подступы к глубокому научному исследованию вопроса. Но даже первые подходы к теме приводят к отнюдь не оптимистичным выводам.

Нами были проанализированы две базы данных: Электронная библиотека диссертаций disserCat (<https://www.dissercat.com/>) и Национальная библиографическая база данных научного цитирования — электронная библиотека РИНЦ (<https://www.elibrary.ru/defaultx.asp>). Анализировались работы за 2000–2020 гг. Сразу отметим, что эти базы нельзя назвать исчерпывающими, ряд известных нам работ в них отсутствуют. Тем не менее найденный материал вполне адекватно, на наш взгляд, отражает ситуацию, складывающуюся в современной отечественной финнистике.

Основное внимание было уделено диссертационным работам, которые по праву следует считать одной из значимых форм представления новых научных знаний. К электронной библиотеке РИНЦ мы обращались для того, чтобы определить текущую аффилиацию автора диссертации и его публикационную активность после защиты.

В результате поиска по запросу «история Финляндии» в базе данных выпадает около 300 диссертаций. На самом деле, если исключить работы, где это словосочетание употребляется лишь эпизодически в контексте совсем другой темы, остаётся 84 работы (74 кандидатских и 10 докторских), в которых Финляндии

Специализация по истории стран Северной Европы ПетрГУ: итоги и перспективы // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа. Петрозаводск, 2012. С. 21–37; Барышников В. Н. Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге — Ленинграде: XIX–XXI вв. // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время. Ишим, 2012. С. 44–55; Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 172–190; Веригин С. Г., Соломещ И. М., Такала И. Р. Нордистика в Карелии: итоги и перспективы (ПетрГУ) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 4 (58).

⁵ Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.). С. 187.

⁶ Барышников В. Н. Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге — Ленинграде: XIX–XXI вв. С. 51.

уделяется значительное внимание. Из них только 47 (56%) защищены по направлению «Исторические науки и археология».

Другие научные направления диссертационных исследований представлены на рис. 1.

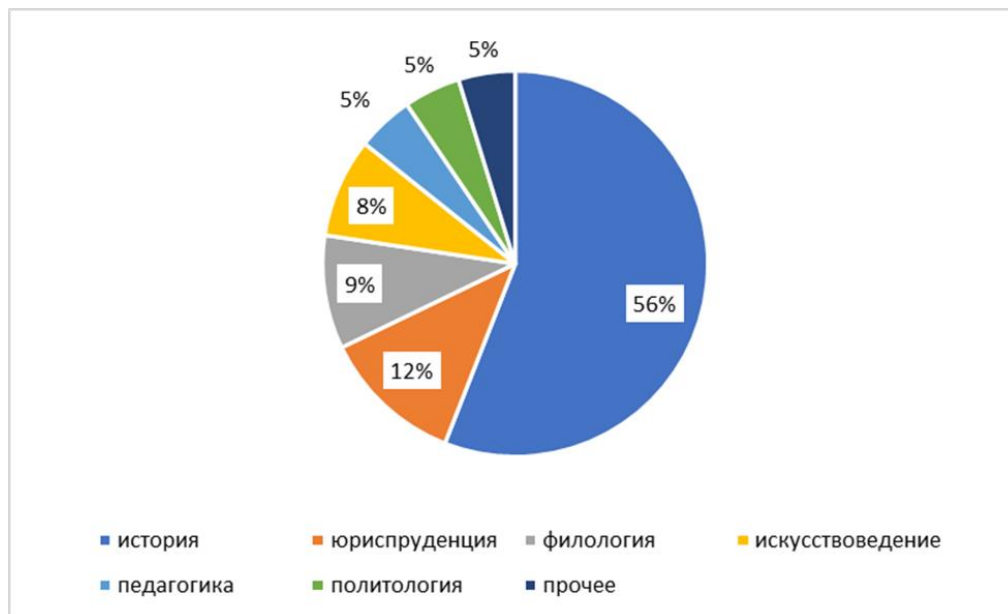

Рисунок 1.

Юристы чаще всего обращались к правовому положению Великого княжества Финляндии в составе Российской империи и современному национальному праву соседней страны. Из восьми диссертаций, защищённых филологами, семь кандидатских выполнены по специальности «Журналистика» и посвящены современным финляндским медиа, что позволяет нам говорить о сложившемся научном направлении на факультете журналистики МГУ под руководством проф. Е. Л. Вартановой. Основные темы семи искусствоведческих диссертаций — музыка, живопись и архитектура Финляндии XIX–XX вв. Три из них (одна кандидатская и две докторские) выполнены сотрудниками Петрозаводской государственной консерватории. Диссертации по педагогике, политологии, социологии, экономике и культурологии посвящены современной финляндской школе, политической системе и имиджу страны, социальной защите, внешнеэкономическим связям и финской православной церкви.

В целом распределение тематики 84 гуманитарных диссертаций представлено на рис. 2.

Следует отметить, что среди других гуманитарных направлений собственно Финляндии, её истории, культуре, современному состоянию посвящено гораздо больше работ, нежели у историков (76%). Среди работ историков абсолютно преобладают диссертации об отношениях между нашими странами (в основном в XX в.) и темы приграничья (89%).

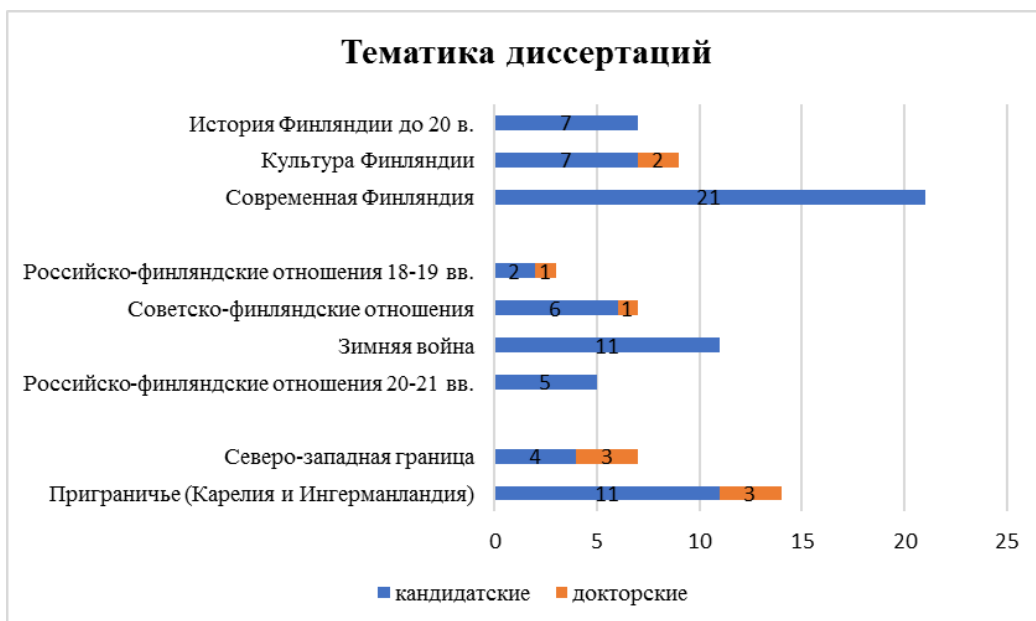

Рисунок 2.

Остановимся подробнее на диссертационных работах, выполненных по направлению «Исторические науки и археология». В 2000–2019 гг. (по 2020 г. база явно не полна, в ней присутствует лишь одна кандидатская диссертация) было защищено 46 диссертаций — 6 докторских и 40 кандидатских. Большая часть из них — почти 72% — были защищены по специальности 07.00.02 Отечественная история (см. рис. 3).

Рисунок 3.

Половина диссертационных работ выполнена в Санкт-Петербурге, ещё 20% в Петрозаводске (рис. 4). В московских вузах было защищено восемь диссертаций,

и по одной в университетах Ярославля, Рязани, Архангельска, Иваново, Казани и Сыктывкара.

Рисунок 4.

Статистика по учреждениям, где писались диссертации, даёт более детальную картину (рис. 5). Она со всей очевидностью демонстрирует приоритет вузов над академическими учреждениями. В институтах всеобщей и отечественной истории, в региональных научных центрах РАН за 20 лет не было защищено ни одной диссертации по истории Финляндии и российско-финляндским отношениям. Исключение составляет Санкт-Петербургский Институт истории РАН, где в 2002 и 2004 гг. было защищено две докторских диссертации (по ингерманландскому вопросу и советско-финляндским отношениям 1920–1930-х гг.).

Рисунок 5.

Среди вузов несомненным лидером является Петрозаводский госуниверситет. Это не случайно, карельская школа финнистики всегда отличалась внимательным отношением к освоению языков страны изучения (финскому и шведскому), хорошими взаимообогащающими связями с коллегами из Финляндии. С гордостью можно отметить, что качество подготовленных в ПетрГУ диссертаций выгодно отличается от многих работ, выполненных в других вузах.

На качестве изученных диссертаций стоит остановиться чуть подробнее.

Как уже отмечалось, историков больше всего интересуют взаимоотношения между нашими странами в XX в. и проблемы приграничья (рис. 6).

Рисунок 6.

При этом целый ряд авторов диссертаций либо не знают финского языка и используют в своих работах лишь переводные исследования, либо просто крайне фрагментарно знакомы с работами зарубежных историков⁷. Особенно это относится

⁷ См.: *Страхова Н. В.* Становление и развитие советско-финляндских отношений, 1917–1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2003; *Жабоедов-Господарец В. П.* Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати: 1905 — февраль 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2016; *Горунович А. Н.* Российско-финляндские отношения в XX — начале XXI века: региональный аспект: на примере Республики Коми: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2011; *Левашко В. О.* Морально-политическое состояние личного состава Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финской войны: 1939–1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2000; *Лазарев А. В.* Советско-финляндская война 1939–1940 гг. и средства массовой информации Ленинграда: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2003; *Федотова Ж. Ю.* Политическое и военное противостояние СССР и Финляндии в 1939–1941 годах: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2009; *Чугунов М. В.* Советско-финские отношения в 1917–1947 гг.: политический и социальный аспекты: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2015; *Севериков В. В.* Эволюция взглядов К. Г. Маннергейма как политика и государственного деятеля Финляндии: 1918–1951: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2005.

к диссертантам-военным (офицеры погранвойск, ФСБ, военных вузов), в их работах ссылок на зарубежные исследования практически нет⁸.

Очень неровно выглядит и работа с архивными материалами: в ряде диссертаций ссылки на архивы носят эпизодический, декоративный характер, демонстрируя скорее неумение (нежелание?) автора работать с архивными документами, нежели стремление ввести в научный оборот что-то новое⁹.

Наконец, в очень многих диссертациях разделы о теоретической и методологической базе исследования носят чисто формальный характер, какая-либо методологическая рефлексия в большинстве работ практически отсутствует.

Следует, к сожалению, констатировать и то, что по истории и культуре Финляндии периодов Средневековья, Нового и Новейшего времени практически не защищено ни одной диссертацией¹⁰. Из четырёх диссертаций, отнесённых нами к собственно истории Финляндии, три выполненные на достаточно высоком уровне работы исследуют лишь вопросы внешних контактов Великого княжества Финляндского, роль Валаамского монастыря в общественно-церковной жизни Финляндии первой половины XX в. и общественно-политическую жизнь Выборга в 1918–1928 гг.¹¹. Четвёртая диссертация «Эволюция взглядов К. Г. Маннергейма как политика и государственного деятеля Финляндии: 1918–1951», защищённая В. В. Севериковым в Московском государственном областном

⁸ См.: *Филиппов Э. М.* Пограничные войска на охране северо-западной границы: Этапы становления и развития, 1918–2000 гг.: дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2000; *Аблаев Ю. М.* Государственная граница Северо-Запада России: История и современность: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2002; *Он же.* История становления и развития государственной границы на Северо-Западе Российской Федерации X–XX вв.: дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2012; *Лабутин П. А.* Военно-политические приоритеты Советского государства на Северо-Западе России в 1918–1926 годах: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2004; *Лебедев Н. Н.* Северо-западная государственная граница России: организация ее охраны, исторические этапы становления и развития пограничных войск: 1918–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2008; *Безуглов С. А.* Опыт боевых действий частей и соединений ВВС Красной Армии в Советско-финляндской войне: 1939–1940: дис. ... канд. ист. наук. Моноино, 2009; *Куйтунен В. В.* Пограничные войска СССР в советско-финляндской войне, ноябрь 1939 — март 1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2002.

⁹ См.: *Жабоедов-Господарец В. П.* Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати; *Аблаев Ю. М.* Государственная граница Северо-Запада России; *Федотова Ж. Ю.* Политическое и военное противостояние СССР и Финляндии в 1939–1941 годах; *Севериков В. В.* Эволюция взглядов К. Г. Маннергейма как политика и государственного деятеля Финляндии.

¹⁰ Нам известно пока лишь одно исключение — кандидатская диссертация М. С. Поповой «Социально-экономический строй и религиозно-мифологические представления населения Финляндии в период раннего средневековья» (Саратов, 2016), выполненная в Воронежском госуниверситете. Но в базе disserCat она отсутствует и поэтому не включена в анализируемые данные. Есть и исключения другого рода. Так и не защитившийся бывший аспирант-филолог МГУ И. В. Макаров издал в 2007 г. очень неплохую монографию о Реформации в Финляндии (*Макаров И. В.* Очерки истории Реформации в Финляндии (1520–1620-е гг.): Формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской реформации. СПб., 2007).

¹¹ *Лемтияйнен А. Е.* Внешние контакты Великого Княжества Финляндского: 1809–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2007; *Шевченко Т. П.* Валаамский монастырь в общественно-церковной жизни Финляндии: 1917–1957: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2010; *Мошник Ю. П.* Общественно-политическая жизнь Выборга в 1918–1928 гг. в составе независимой Финляндии: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2012.

университете в 2005 г., вызывает массу вопросов, а список источников и литературы просто недоумение.

Слабость и неоригинальность многих проанализированных диссертационных работ, по всей видимости, можно объяснить тем, что мотивация их защищавших была обусловлена не научными интересами, а совсем другими соображениями. И это ещё одна, наряду с потерей профессионализма, беда современной исторической науки.

Обратившись к библиотеке РИНЦ, мы выяснили, что из 46 авторов рассмотренных работ 28 (почти 61%!) к теме Финляндии больше не возвращались, многие вообще не писали ничего после защиты. Это относится прежде всего к одиннадцати диссертантам-военным: после защиты продолжали публиковаться только двое из них. Относится это и ко всем защищавшимся в периферийных вузах (кроме ПетрГУ), а также в вузах Москвы: семь из восьми авторов московских диссертаций Финляндией больше не занимались.

Уход из науки защитившейся молодёжи обусловлен и отсутствием работы по специальности в результате «оптимизации» академической науки и вузов. Молодые кандидаты наук вынуждены работать либо в негуманитарных вузах, что возможно лишь в крупных городах, либо искать работу совсем в других сферах. Возвращения в профессию происходят очень редко, а существующие ещё пока в Санкт-Петербурге и Петрозаводске школы по изучению истории Финляндии практически не прирастают новыми кадрами.

Анализ диссертационной активности последних двадцати лет свидетельствует и о падении интереса к финляндской тематике в целом. Если в начале 2000-х было защищено 17 диссертаций, то за последние пять лет почти в два с половиной раза меньше (рис. 7). Стабильным остаётся лишь интерес к Финляндии в годы Второй мировой войны, но он сегодня подогревается скорее не научными поисками истины, а специфической государственной исторической политикой.

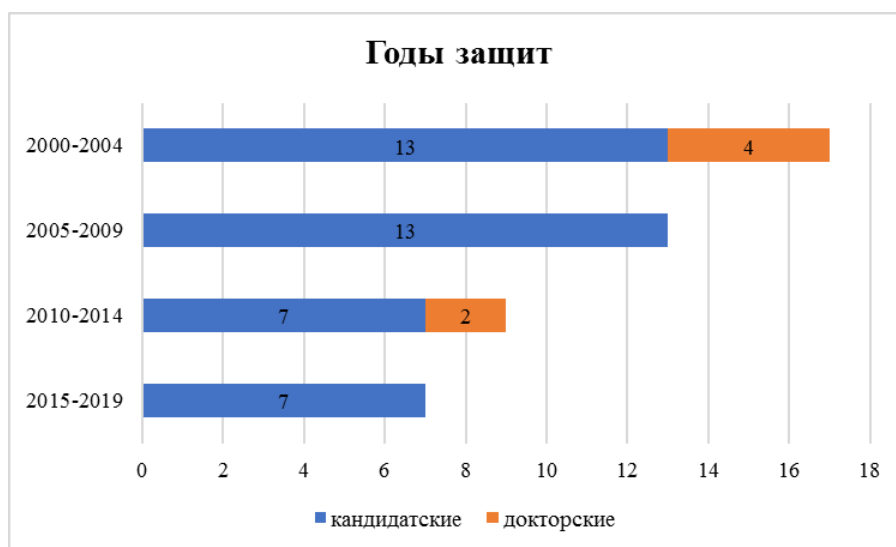

Рисунок 7.

В целом приходится с горечью констатировать, что сложившиеся в советское время школы по изучению истории Финляндии, так и не достигнув своего расцвета, сегодня теряют свои бывшие достоинства, не обновляются и постепенно угасают. Качественные отечественные монографии по истории, культуре Финляндии и российско-финляндским отношениям, выпедшие за последние 20 лет, можно пересчитать по пальцам. Плохое знание истории соседней страны приводит к неверным выводам в работах по российско-финляндским отношениям разных периодов. К тому же свято место, как известно, пусто не бывает: прежние профессиональные исследования всё больше замещаются поверхностными дилетантскими работами с не столько научными, сколько конъюнктурными политическими выводами¹². Это подтверждает и анализ статей по истории и культуре Финляндии, индексированных в РИНЦ, но их разбор — предмет для следующего разговора.

И. Р. Такала

¹² Из самых последних см., например: *Пыхалов И.* Финляндия: государство из царской пробирки. СПб., 2019; *Широкопад А. Б.* Блокада Ленинграда. Финский вектор. М., 2020.

К ДЕВЯНОСТОЛЕТИЮ А. С. СТЕПАНОВОЙ*

JUBILEE OF ALEKSANDRA STEPANOVA

*Всё это веселье на удивление народу,
все кукования на диво славному миру.*

*(Из ёйги У. П. Хойкка,
посвящённой собирателям)*

30 августа 2020 года исполнилось 90 лет старейшему фольклористу и заслуженному деятелю науки Республики Карелия, кандидату филологических наук Александре Степановне Степановой. Более 44 лет, с 1962 по 2007 годы, она проработала в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН, занимаясь исследованием карельских причитаний, ёйг, сказок, эпических песен и в целом народной культуры. Александра Степановна подготовила за это время монографию, ряд двуязычных научных сборников с развернутым научным аппаратом, толковый словарь причетной лексики и написала десятки статей по фольклористике. Её по праву можно назвать основным исследователем жанра и традиции

* Работа написана в рамках госзадания КарНЦ РАН.

причитывания, а также первым лингвофольклористом Карелии. Имя Александры Степановны широко известно среди финно-угроведов не только за пределами Республики Карелия, но и за рубежом. Древняя калевальская земля вскормила её своим духовным богатством — рунами, лирикой, плачами. Александра Степановна сполна отдала дань любви своей Родине и своему народу, на протяжении почти шестидесяти лет собирая, изучая, пропагандируя и донося до всех желающих бесценные фольклорные сокровища, свои знания и опыт.

Малая родина

Александра Степановна родилась в далёкой глухой карельской деревушке, которой сейчас уже нет. Даже дорога к ней заросла лесом. Называлась она Шомбозеро, это бывший Панозерский приход. Находилась она в двадцати верстах от деревни Хайколя, известной сегодня благодаря имени народного писателя Карелии Ортьё Степанова. Это была совсем маленькая удивительно красивая деревенька, состоявшая из восемнадцати дворов и расположенная на берегу живописного озера. С ней, родной и незабываемой, у Сантры (так будущего учёного звали в детстве) связаны самые теплые и светлые воспоминания. В последний раз она посетила места, где прошло её детство, 11 июня 2006 года, но нашла там только остовы каменных фундаментов и печей, заросшие крапивой, иван-чаем и кустарником. Этот день после холодных продолжительных дождей выдался солнечным и тёплым, с ярко-голубым небом, поэтому Александра Степановна даже осмелилась окунуться в прозрачных водах родного Шомбозера. И возможно, это сакральное омовение и сегодня даёт ей силы полноценно жить, творить и продолжать работать над новыми книгами.

Мама

О ней Александра Степановна рассказывает с особой любовью. Мама сама была неграмотной, но очень хотела, чтобы её дети учились. Она говорила дочке: «Мне не пришлось учиться, учишься ты, может, тебе будет легче жить!» Мама осталась за хозяйку в двенадцать лет. Ей пришлось помогать овдовевшему отцу, ухаживать за четырьмя младшими братьями и сёстрами, выполнять всю женскую работу по дому и хозяйству. Но при этом она была так мала, что даже не могла поставить хлеб в печь, и тогда отец сделал для неё подставку, чтобы девочка могла вставлять на неё и доставать до устья... В 16 лет она «убёгом» прямо с беседы вышла замуж. В 1918 году мужа взяли на фронт, мать осталась уже с тремя сыновьями. После смерти мужа она семь лет жила одна, до коллективизации держала овец, двух коров, лошадь. А потом встретила отца Сантры.

Папа

Именно так называет его Александра Степановна: не «отец», а «папа» — по-детски, но с нотками той любви, которой умеют любить только дети. Отца женили насильно, чтобы объединить рыбные тони. Но он, видимо, больше хотел любви и меньше рыбы, и поэтому ушёл от молодой жены к женщине, у которой уже было трое сыновей, и к тому же она была на семь лет старше его...

Александра Степановна хорошо помнит весну 1940 года. Она училась в Хайколе, начались весенние каникулы, и вдруг к ней и ещё одному ребёнку вернулись с фронта отцы — и вот они, счастливые, возвращаются домой не одни, а с отцами!

А потом было лето 1941 года. Они провожают папу на войну. Впереди идут мать с отцом, а сзади — она. Вдруг папа оборачивается и зовет: «Сантра, иди сюда!» А она с криком, плачем мчится в противоположную сторону. И всё... Больше она его не видела. Но с отцом связано еще несколько воспоминаний.

Первопредметы

Однажды, когда Сантре было лет пять, папа привез электрическую лампочку и сказал, что вот в Ухте такие лампы горят, их не надо зажигать, они сами светятся, и керосина не надо, и чистить не надо! Но горят они только в темноте! Как же так? И вот Сантра со сводной сестренкой подвязали на шерстяной нити лампочку к занавеске на окне. Не горит! Отец смеётся: еще светло! Тогда они залезли на печку, завесили все платками, одеялами, прицепили там как-то лампочку — темно стало, но она всё равно не горит! Только потом, дав волю детям поэкспериментировать, отец объяснил, в чем дело.

Александра Степановна помнит первое яблоко, которое привёз папа: «Я до сих пор ощущаю его вкус во рту. Я таких яблок больше не ела. Никогда. Оно было такое красивое, красное с жёлтым, такое большое, такое вкусное!» Но помнит она и вкус основного доступного детям лакомства тех лет — печёной репы...

Помнит, как привезли в деревню первое радио — «и эта тарелка вдруг заговорила!»

Помнит первый самолет в небе, который выбежала смотреть вся деревня...

Университеты

В 1938 году она пошла в школу, которая была в двенадцати километрах от дома, в Хайколе. И каждые выходные эти двенадцать километров дети шли пешком. Первые три года весь образовательный процесс был на карельском языке. Затем началась война, семью эвакуировали в Челябинскую область, где впервые произошло приобщение Сантры к русскому языку. Обучение в Ухтинской средней

школе удалось продолжить только после возвращения из эвакуации, уже на финском языке.

Время было тяжёлое: и голодно, и холодно. Многие ровесники пошли работать в лес. Но мать Сантры мечтала о другой жизни для детей. Да и отец, пока был жив, всё время говорил: «Моя дочка будет учиться столько, сколько хватит школ! До самого высокого!» Поэтому Сантра поехала учиться в Ухту. Но вдруг во время учебного года стали требовать деньги за питание в интернате. А откуда деньги, если мама работала в колхозе, а там ничего не платили!? И вот Сантра ещё с двумя девочками из Ухты за день прошли сорок восемь километров до Хайколы: всё, конец учебе... Следующим утром до Ухты пошла машина, все уже сидят в ней, а Сантра стоит рядом, слезы текут... Это увидел мамин брат и дал ей пятьдесят рублей. Александра Степановна всю жизнь благодарна за это дяде Степану: «Это был такой критический момент, что я могла не пойти в школу, и всё! Две девочки, с которыми я шла, так и остались в деревне».

После седьмого класса она поехала поступать в педучилище, поступила. Но потом узнала, что в первом семестре никому не будут платить стипендию, а без этого в Петрозаводске было не прожить, и она вернулась домой. Год проработала в лесу «на сучках, на сплаве, на приёмке».

А летом случайно увидела объявление в газете, что в Калевале организуют восьмой класс. И она снова пошла учиться, хотя разрыв с одноклассниками был уже четыре года.

Сантра всегда собиралась стать математиком, очень любила физику. Но в девятом классе преподавать русский язык и литературу начала Унелма Семёновна Конкка, в будущем известный фольклорист и человек, сыгравший большую роль в жизни Александры Степановны. И всё перевернулось с ног на голову, или вернее — встало на свои места. И в 1952 году Сантра поступила на финно-угорское отделение университета. После окончания ВУЗа она пять лет проработала учителем на севере Карелии.

Наука

Унелма Семёновна Конкка, любимая учительница, в то время уже работала в Институте языка, литературы и истории. И в ноябре 1963 года она пригласила сюда свою талантливую ученицу. Александра Степановна говорит: «Это было великое чудо, что меня отпустили из школы и что дали комнату в Петрозаводске!»

Так началась её научная деятельность. Она сразу окунулась в работу, поехала с Д. Балашовым в фольклорную экспедицию на Кольский полуостров. Потом Унелма Семёновна взяла её в свою тему: они составляли сборник южнокарельских сказок, Александре Степановне было доверено написание комментариев, самая

сложная часть работы. С поставленной задачей она блестяще справилась, сборник востребован и сегодня.

После этого А. С. Степанова занялась работой над причитаниями, над темой, которой она отдала всю свою жизнь. Это была одновременно и дорога к научным открытиям, и родной мир детства Александры Степановны. Она помнит, как причитывала бабушка на похоронах трёхлётнего мальчика, ровесника игр Сантры. Помнит, как мама, сидя за столом и причитывая, прощалась с домом, когда уезжали из Шомбозера. Во все времена именно через причитания карельская женщина выражала свои чувства в самых тяжёлых жизненных ситуациях. Именно поэтому в деревне причитывать раньше умели многие. Таким образом, возможно, что корни плодотворной научной деятельности Александры Степановны лежат и там, на родине, в глубоком детстве.

Она на протяжении нескольких лет ездила в экспедиции, собрала огромное количество плачей, перевела их на русский язык, на их основе подготовила сборник текстов «Карельские причитания», который был опубликован в 1976 году. Кропотливая работа с текстами побудила А. С. Степанову начать собственные научные разыскания. В 1980 году в Москве в Институте мировой литературы им. А. М. Горького она блестяще защитила кандидатскую диссертацию, посвящённую метафорическому миру причети, «Функционирование системы метафорическим замен в карельских причитаниях».

Научные труды

За годы работы в ИЯЛИ Александра Степановна побывала более чем в пятидесяти экспедициях, собрала более трёхсот часов разнообразного фольклорно-этнографического материала. Она объездила с магнитофоном всю Карелию и успела зафиксировать неизбежно уходящую традиционную культуру карелов. Весь богатейший собранный материал обработан и сдан Александрой Степановной в Фонограммархив ИЯЛИ. Ею составлены и в последние годы проверены подробные описи всех записанных ею аудиокассет. Многие собранные материалы она сама расшифровала и перевела на русский язык. Все расшифровки также систематизированы и хранятся в Научном архиве КарНЦ РАН.

Результаты плодотворной не только собирательской, но и научной деятельности А. С. Степановой внушительны. Она составила несколько сборников со вступительными статьями, с комментариями, переводом на русский язык и развёрнутым научным аппаратом. Они посвящены разным жанрам: это сказки, причитания, ёйги, а также многожанровые хрестоматии по карельскому фольклору.

Кроме того, в 1985 году она подготовила монографию «Метафорический мир карельских причитаний», посвящённую таинственно-иносказательному языку

причетной традиции карелов. Ведущие российские фольклористы Б. Н. Путилов и К. В. Чистов очень высоко оценили эту работу, подчёркивая, что выбранная тема никем не изучалась, но была на пике популярности за рубежом, например, в Финляндии ею занимались ведущие учёные. Таким образом, Александра Степановна впервые ввела в научный оборот тексты карельских причитаний с переводом на русский язык и познакомила как учёных, так и всех желающих с уникальным пластом карельской плачевой культуры.

В 1993 году в соавторстве с Н. А. Лавонен и К. Х. Раутио была опубликована работа об одном практически неисследованном фольклорном жанре «Карельские ёйги». В 2000 году вышло в свет издание «Устная поэзия тунгудских карел», посвящённое духовной и материальной культуре одной из северных групп карелов, к которым довольно редко выезжали собиратели.

Итогом научной деятельности А. С. Степановой можно считать сборник статей «Карельские причитания. Специфика жанра», опубликованный в 2003 году. Автор обобщил всю свою многолетнюю проделанную работу по различным вопросам, связанным с причетной традицией: о свадебных и похоронных причитаниях, о ритуальной составляющей, о жанровой и поэтической специфике, о метафорических заменах и аллитерации, о русских заимствованиях. Здесь же дана характеристика творчества трёх известных причитальщиц Карелии: Анни Лехтонен, Прасковьи Никитиной и Анастасии Никифоровой. Имена этих носителей фольклорной традиции выбраны Александрой Степановной неслучайно, это дань уважения представителям трёх групп карелов: северным, сегозерским и ливвикам.

Особым достижением является уникальная работа А. С. Степановой «Толковый словарь языка карельских причитаний», которая была опубликована в 2004 году и положила начало развитию нового направления в гуманитарной науке Карелии — лингвофольклористике. Словарь представляет собой не только классифицированный свод иносказательной лексики плачевой традиции карелов, но и 1360 словарных статей с толкованием семантики и функций отдельных лексем.

Александра Степановна всегда поддерживала тесные связи с финскими коллегами, лично знакома практически со всеми известными фольклористами Финляндии второй половины 20 века. Научные заслуги А. С. Степановой оценены и за границей. Она является иностранным членом-корреспондентом Общества финской литературы (*Suomalaisen kirjallisuuden seura*), членом Общества Калевалы (*Kalevalaseura*), Финно-угорского общества (*Suomalais-ugrilainen seura*) и Международного общества фольклористов (*Folklore Fellows*). Александра Степановна — заслуженный деятель науки Республики Карелия; награждена медалями и почётными грамотами президиума Карельского филиала

АН СССР, Верховного совета КАССР, правительства Республики Карелия, медалью «Ветеран труда».

А. С. Степанова всегда много помогала молодым коллегам в ИЯЛИ, мы и сегодня часто обращаемся к ней за советом. Она вырастила себе научную смену в лице дочери Эйлы Степановой, которая защитила диссертацию в Финляндии и продолжает исследовать причетную традицию и народную культуру карелов.

Даже уйдя в 2007 году на заслуженный отдых, Александра Степановна не перестала заниматься любимым делом. Несколько лет назад вышла её книга «Помни корни свои», посвящённая родному Шомбозеру, в ней собраны уникальные архивные материалы и личные воспоминания. К 2020 году книга была дополнена фольклорно-этнографическими материалами, записанными от жителей Шомбозера, и переведена на северно-карельское наречие. Буквально недавно она была издана в Финляндии. В 2019 году был переиздан сборник киндасовских баек «Zuakkuoi»/«Были-небылицы» на ливвиковском наречии карельского языка и с переводом на русский язык. К небылицам, изданным в 2004 году, составитель и переводчик сборника А. С. Степанова добавила ещё четыре новых сюжета.

И уже вплотную подойдя к девяностолетнему юбилею, Александра Степановна продолжает работать. Сейчас она готовит дополненное и переработанное издание карельских причитаний.

Самые светлые воспоминания

Вот что теперь вспоминает Александра Степановна из своего долгого жизненного пути.

Первые шесть лет жизни... Шомбозеро... Кажется это была такая долгая жизнь, было столько событий! Светлых, добрых!

Первая любовь... Это было, когда вернулась в деревню после седьмого класса. Ситцевое платье и два хвостика, перевязанных лоскутками от платья. Лунные ночи, он провожает с танцев домой и поёт:

Белые ночи. Мне что-то не спится,
Каждую ночь что-то ноет в груди.
Сколько уж лет жду от жизни хорошего,
А жизнь всё мне шепчет: «Ещё подожди!»

Рождение детей... «Когда родила Эрки, это было такое!.. Я вообще была где-то не на этой земле... Фрукты, записка от Пекки... Это было блаженство!».

Потом поздняя беременность и ещё одно неожиданное счастье — доченька, Эйла, радость всей жизни!

И внучки... Значит, жизнь продолжается! И будет продолжаться!

И жить хорошо!

«Самое тяжёлое время было — это когда не было рядом мужа Петра. Когда поступила на работу в ИЯЛИ, первое время жила в полуподвале. Было тяжело, денег не хватало, помощь попросить не у кого... Но я выйду из этого подвала на солнышко — ветерок такой тёплый, солнце светит, небо голубое, птички поют, люди идут, а в голове строчки Маяковского: “И жизнь хороша! И жить хорошо!” Все равно жизнь хороша! Пусть сейчас трудно, но это временно, это не может все время продолжаться!.. Мне всегда везло: рядом всегда были хорошие люди! всю жизнь! Мама... Папа... Дядя Степан... Унелма Семёновна... Соседи в Лоухском районе и Кедрозере... Вяйзенены... Свекровь... Тетя Катя... и многие-многие другие».

Человек

Александра Степановна прекрасный человек! Целеустремлённый, ответственный, добрый, щедрый, искренний, готовый всегда прийти на помощь и поделиться своими знаниями! Она жизнерадостна, всегда бодра и довольна жизнью и этим позитивом заряжает окружающих. В её душе нет места зависти и унынию.

С днём рождения, дорогая Александра Степановна!

Желаем Вам здоровья, жизненной энергии, радости! И такой же жажды жить и постигать новое, которой Вы обладаете и сегодня!

В. П. Миронова

А. И. Иванова

ФОНД *CULTURA* — ЭКСПЕРТ ПО ВОПРОСАМ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ

THE CULTURA FOUNDATION — AN EXPERT ON THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION IN FINLAND

Эта статья — попытка осмысления интеграционных вопросов в контексте истории иммиграционной политики Финляндии и особенностей, характерных для иммиграции в целом и русскоязычными переселенцами в частности.

С 2013 года в Финляндии существует Фонд *Cultura* (*Cultura-säätiö*), занимающийся вопросами интеграции русскоязычного населения страны и поддержкой его языковой и культурной идентичности. Довольно необычно, когда в фокусе внимания государства находится одна из языковых групп иммигрантов.

Дело в том, что именно эта группа является самой большой, постоянно растущей, начиная с 1990-х годов, и во многих отношениях самой гетерогенной. Она включает в себя этнические меньшинства, беженцев, репатриантов, а также экономических иммигрантов и тех, кто переехал для получения образования или по другим личным мотивам. Ситуация с русскоязычными переселенцами в определённой мере может служить лакмусовой бумагой для оценки результатов как интеграционной политики Финляндии в целом, так и эффективности различных моделей, способствующих включению иммигрантов в жизнь общества.

Первоначально фонд задумывался как некий функциональный центр, задача которого состояла бы в создании условий для активного взаимодействия русскоязычного сообщества с чиновниками для лучшей интеграции иммигрантов, родной язык которых — русский. В качестве одной из причин, обосновывающей создание фонда, указывался большой потенциал русскоязычного населения, который не используется в полной мере из-за недостаточной интегрированности этой группы.

Фонд *Cultura* был создан в 2013 году по инициативе Министерства культуры и просвещения Финляндии. Соучредителями стали муниципалитеты Хельсинки, Эспоо, Вантаа, Тампере, Турку, Лаппеенранты и Йюэнсуу (это те города, где проживает большое количество русскоязычных), а также две финские общественные организации, Общество «Финляндия-Россия» и Финляндская ассоциация русскоязычных организаций. Согласно уставу, одной из основных задач, поставленных перед фондом, было способствовать интеграции русскоязычного населения в финское общество.

Как это часто бывает, между стройно сформулированными идеями и реальностью есть некоторое различие, поэтому первые годы работы

скорректировали фокус и направление деятельности. Сегодня на сайте заявлено, главная задача фонда как экспертной организации — содействие двусторонней интеграции русскоязычного населения в финское общество. Другими словами, фонд помогает развивать интеграционные процессы и инструменты таким образом, чтобы русскоязычным было проще найти свое место в новых условиях, а обществу — понять и принять демографические изменения.

Экспертный потенциал фонда как специалиста по вопросам, связанным с русскоязычным населением Финляндии, используется государственными, муниципальными, общественными и частными структурами, занимающимися социальной интеграцией. Также через проекты разрабатываются модели, помогающие русскоязычным иммигрантам интегрироваться в финское общество с тем, чтобы эффективные решения можно было передавать институтам, которые занимаются интеграционными вопросами.

В каких условиях происходит деятельность фонда?

Надо отметить, что сама финская позиция в отношении к интеграции в настоящий момент довольно противоречива: либерально-демократический институциональный уклад с соответствующими либеральными представлениями об интеграции (в противопоставление консервативным) вступает в конфликт с этнокультурным образом финской нации. Например, в законе об интеграции иммигрантов сказано, что человек считается интегрированным, если у него есть работа и он ориентируется в предоставляемых населению услугах настолько, что может самостоятельно воспользоваться ими, а также имеет возможность сохранять свой язык и культуру. С точки зрения индивида, это идеальная модель: умеренные требования, без особых обязательств или каких-то ожиданий со стороны общества. С другой стороны, предлагаются языковые курсы, социальное обеспечение, доступ к медицинскому обслуживанию и образованию — наравне со всеми жителями страны. Но в то же время чрезвычайно сложно социализироваться: эта сторона вхождения в общество под силу только действительно настроенным на интеграцию иммигрантам. Процесс сложный и нелинейный, усугубляющийся ростом популизма и националистических настроений в обществе.

Но вернемся к интеграционным вопросам. Стоит отметить, что далеко не все люди, решившие в свое время эмигрировать, думали об иммиграции. Уехать из страны, где человек родился, но ментально остался на родине — очень распространенное явление среди русскоязычных жителей Финляндии. Иногда это связано с тем, что человек вынужден покинуть государство рождения из-за преследований, связанных, например, с политическими взглядами, религией или сексуальной ориентацией. В Финляндии есть русскоязычные иммигранты,

получившие защиту и убежище, но их не так много. Помимо этого, есть экспаты — высококвалифицированные специалисты, для которых работа в Финляндии — этап карьерного и экспертного опыта, так что становиться членом общества или долгосрочно связывать себя со страной в их планы не входит. Часть же просто хочет реализовывать себя в комфортных условиях, чувствуя себя частью глобального мира, а не конкретного государства.

Итак, когда мы говорим о русскоязычных иммигрантах, то часто речь идёт о людях, целью которых был именно переезд в Финляндию. Жить — да, работать, изучать язык — тоже, но ментально часть из них — опять же, по самым разным причинам — остаётся там, откуда они уехали: живут не здешней повесткой и в ином информационном пространстве, воспитывают своих детей отдельно от финских реалий, которых они не понимают, опираясь на привычные им установки и представления о том, что важно и нужно подрастающему поколению.

Бывает, что изолированная от общества жизнь — результат разочарований, возникших во время процесса интеграции из-за невозможности понять и принять устройство нового общества. Также это может быть следствием не всегда грамотной интеграционной политики. Часто люди просто не представляют, какие «интеграционные» испытания и препятствия их ждут, несмотря на их позитивный настрой, высокую квалификацию и готовность работать, учиться и интегрироваться. Поддержку на этих первоначальных этапах можно было бы усилить информационно и психологически. Ведь абсолютно все без исключения сталкиваются с трудностями, связанными с интеграцией.

В любом случае, в работе фонда приходится иметь в виду, что какая-то часть русскоязычных жителей Финляндии не ставит перед собой задачу стать членом финского общества, пускать здесь корни, считать Финляндию родиной для своих детей. И если буквально воспринимать определение интеграции в упоминаемом нами ранее законе, финское общество это тоже устраивает.

Русскоязычное население Финляндии в 2020 году

Русскоязычное население Финляндии — одно из старейших, самое большое и до сих пор растущее за счет иммиграции иноязычное меньшинство. Как уже упоминалось, речь идёт о довольно гетерогенной группе. С точки зрения статистики, можно говорить по крайней мере о трёх частично совпадающих друг с другом группах населения: русскоязычные, российские граждане, а также выходцы из России и Советского Союза.

В нашем случае русскоязычные — это те, кто официально зарегистрировал своим родным языком русский. По официальным данным Центра статистики Финляндии, на 31 декабря 2019 г. таковых было 81 606 человек. Но это число

не отражает реальной картины, потому что статистическая информация о родном языке полностью основывается на самоидентификации и записывается со слов человека. Это означает, что речь идет о языковой самоидентификации. Весьма вероятно, что некоторые люди, руководствуясь, например, индивидуальной языковой политикой или по другой причине сообщают какой-то другой, нежели их настоящий, родной язык. С другой стороны, когда речь идет о переехавших в Финляндию ингерманландцах, то многие из них записали финский язык как родной. Поскольку в Регистре населения Финляндии невозможно указать два родных языка, такие случаи остаются полностью за рамками статистики. В этой связи нужно отметить, что Фонд *Cultura* с другими организациями принимает активное участие в диалоге с министерством юстиции Финляндии и другими профильными ведомствами о том, чтобы в будущем была возможность регистрировать не один родной язык. Это поможет определить более реальную картину языковой палитры и привыкнуть к тому, что финны могут быть многоязычными.

Если говорить о гражданах России, то в Финляндии постоянно проживает 28 528 россиян, а также 33 455 человек, у которых есть два гражданства — Финляндии и России. Надо сказать, что с каждым годом количество граждан РФ, постоянно проживающих в Финляндии, уменьшается, но соответственно растёт число людей с двумя гражданствами. То есть ежегодно переезжает в Финляндию меньше россиян, чем получающих в том же году гражданство Финляндии.

Русскоязычное население сосредоточено в южных и восточных районах Финляндии и, главным образом, в крупных городах. Например, в губернии Уусимаа проживает почти половина тех, кто зарегистрировал русский как родной язык, и составляет почти 2,5% от населения губернии. Но есть города, где доля русскоязычного населения составляет уже 5%, поэтому у многих муниципалитетов Финляндии есть интерес найти взаимопонимание с такой большой группой, и фонд по возможности активно участвует в этом процессе.

Русскоязычное население Финляндии можно сравнить по численности с городом Коуволла, где проживает примерно 82 000 человек. Здесь есть и миллионеры, и еле-еле сводящие концы с концами, имеющие постоянное место работы и безработные, предприниматели и служащие, одинокие и многодетные, с консервативными взглядами и с либеральными — в общем, очень разные люди, объединяет которых только то, что у них родной язык — русский.

В 2018 году Фонд *Cultura* опубликовал отчёт «Русскоязычные Финляндии: здесь и сейчас»¹, в котором был дан подробный статистический и исследовательский

¹ Варьонен С., Замятин А., Ринас М. Русскоязычные Финляндии: здесь и сейчас. [Helsinki], 2018. URL: https://culturas.fi/wp-content/uploads/2020/05/Venajankieliset_Suomessa_ru.pdf (17.12.2020).

портрет русскоязычного населения Финляндии, а также представлена ситуация русскоязычных общественных организаций. Ознакомиться с отчётом можно на сайте фонда.

Указанный отчёт — часть экспертной деятельности фонда, как и периодически издаваемые информационные пакеты, прикладные и мониторинговые исследования.

Вызовы

Не раз упомянутая гетерогенность русскоязычного населения Финляндии проявляется также в позиционировании себя в финском обществе. К примеру, есть «старые русские», то есть русскоязычные финны (иногда они используют термин «финляндцы»), ассоциирующие себя с финским обществом точно так же, как шведоязычные финны. Термин стал использоваться в середине 1990-х годов вместе с новой волной иммигрантов из СССР и России, когда была сделана попытка разграничить группы, в том числе для удобства интеграционных вопросов. Тогда это вызвало много споров: как можно делить группу, говорящую на одном языке? Опыт прошедших с того времени лет показал, что язык может быть одним, но первые говорят на нём о финских реалиях и с финской точки зрения, у переселенцев же этой связи нет и выстроить ее непросто. С точки зрения финского общества, русскоязычные могут рассчитывать на восприятие их в качестве единого языкового меньшинства в том случае, если их будет объединять не только язык, но и осознание себя частью финского общества. Потому что сейчас нет никакого сообщества, никакого оформленного меньшинства, участвующего на равных в публичной дискуссии о будущем Финляндии.

Говоря о сложности с определением того, что считать интеграцией, приходится задумываться и о критериях её успешности. Финляндия, граждане которой десятилетиями свободно перемещаются по миру, преимущественно не собираясь связывать свою жизнь ни с одной другой страной надолго, не требует какой-то определённой лояльности к государству. Но в то же время интеграционные процессы выстраиваются из предположения, что иммигрант хочет стать частью финского общества. Возможно, проблема в том и заключается, что напрямую этот вопрос не обсуждается и не уточняется, совпадают ли конечные цели принимающего общества и иммигранта. Многие интегрировавшиеся иммигранты, а также первое поколение финнов поднимают вопрос о том, разумно ли одинаково проводить для всех программы по интеграции: и приехавших в страну осознанно строить свою жизнь, пустить корни; и беженцев, мечтающих вернуться на родину,

как только это будет возможно? Можно ли подходить к интеграции более дифференцированно и гибко, ведь планам свойственно меняться?

С русскоязычными жителями дело обстоит и проще, и сложнее: процесс получения виз и разрешений настолько долог, что многие, уже став гражданами Финляндии, забывают свой изначальный порыв и остаются в замкнутом пузыре, оторванном от окружающей жизни. Это хорошо видно в русскоязычных общественных организациях: какие-то из них застыли в безвременье, так что, попадая туда, вспоминаешь атмосферу советского районного дома культуры; другие, кажется, пытаются построить свою идеальную Россию, в которой можно свободно, без коррупции и беспредела, выстраивать эксклюзивный рай для избранных — опять же, никак не привязывая деятельность к Финляндии.

Есть и третий вариант: продуманное вовлечение в финскую жизнь, знакомство с правилами общежития и культурой на русском языке, что облегчает адаптацию в новом обществе. Но тут есть очень тонкая грань: насколько такая форма стимулирует дальнейшую интеграцию, а не способствует изоляции в русскоязычном кругу приятных людей?

За 30 лет активной иммиграции в Финляндию было много проб и ошибок. Самое печальное, что одни и те же ошибки повторялись многократно — частично из-за того, что новые переселенцы, считая себя первопроходцами, начинают все заново, не думая или не зная об опыте предшественников. В определённой мере задача Фонда *Cultura* — обобщать накопленный опыт и проверенные на практике эффективные модели вхождения в жизнь финского общества.

Как уже было сказано, в основе работы Фонда *Cultura* — междисциплинарная экспертная деятельность. Фонд предоставляет информацию различным ведомствам и структурам Финляндии и предлагает новые решения и модели работы с сообществами.

Экспертное направление

Это направление работы фонда ориентировано на актуальные вопросы общества и проблематику национального согласия в современных условиях. В рамках данной программы фонд развивает свою экспертную деятельность, укрепляет сотрудничество с государственными и муниципальными органами, а также взаимодействует с просветительскими организациями и общественными

объединениями по вопросам, связанным с русскоязычным населением Финляндии, интеграционными процессами и перспективами развития Финляндии.

Русскоязычные общественные организации: мониторинг и выстраивание сотрудничества

Фонд активно следит за ситуацией в русскоязычном общественном секторе, поддерживая и развивая свой экспертный опыт в этой сфере. Создана и регулярно обновляется база данных русскоязычных общественных организаций Финляндии, изучаются и анализируются проблемы и явления в русскоязычном общественном секторе, а также идет поиск пути развития сотрудничества между русскоязычными общественными организациями и финским обществом.

Инфопакеты и другие публикации

Экспертная деятельность Фонда *Cultura* также включает в себя подготовку и публикацию информационных пакетов и материалов.

Информационные пакеты предлагают экспертную точку зрения на общественно-политические вопросы, относящиеся к работе фонда, в качестве основы для принятия решений. В 2020 году был проведен опрос и подготовлен инфопакет «Доступность информации для русскоязычных иммигрантов в Финляндии во время коронавирусной эпидемии», затрагивающий проблемы кризисного информирования и вопросы безопасности. В 2019 году Фонд *Cultura* выпустил информационную брошюру на финском языке о русскоязычном населении Финляндии (*Keitä ovat Suomen venäjänkieliset*), в которой помимо статистики и базовой информации отражены перспективы участия русскоязычных в жизни финского общества. В 2018 году фонд опубликовал упоминавшийся выше обширный отчет «Русскоязычные Финляндии: здесь и сейчас». Он содержит статистическую информацию, обзор основных исследований, связанных с русскоязычным населением Финляндии, а также анализ результатов опроса русскоязычных общественных организаций.

В настоящий момент готовится к выпуску серия публикаций, которые помогут оценить, насколько теория интеграционных процессов реализована на практике. Информационные пакеты будут адресованы чиновникам, занимающимся социальной интеграцией, а также русскоязычным иммигрантам. Цель первых — развитие услуг в области интеграции, вторых — предоставление полезной

информации русскоязычным для поддержки интеграции. Эти материалы будут доступны на сайте фонда в 2021 году.

Проектная деятельность

Основной целью этого направления работы фонда является создание условий и разработка моделей участия русскоязычного населения в жизни финского общества. Здесь фонд выступает в качестве посредника между различными группами (русскоязычные, учреждения культуры и искусства, художники, профильные министерства и муниципалитеты, НКО) и стремится обеспечить их активное взаимодействие.

Среди приоритетов программы — поиск новых «точек входа» в финскую культуру, способов участия в общественной дискуссии и использования инструментов влияния. Фонд находится в постоянном поиске инструментов диалога, и опробует их в своих проектах и инициативах.

Диалоги *Erätauko* / *Erätauko-dialogit*

2020 год внес коррективы в жизнь и работу людей и организаций во всем мире, и фонд не стал исключением. Фонд *Cultura* стремился понять и проанализировать общее настроение и изменения в жизни русскоязычных Финляндии, вызванные коронакризисом.

Так, он принял участие в «Диалогах чрезвычайного времени», организованных Фондом *Erätauko*, который инициирует обсуждения актуальных для финского общества тем, приглашая к участию людей из самых разных сфер. Такие диалоги прошли по всей Финляндии, а собранная информация в обобщенном виде была передана финскому правительству для учета в дальнейшей работе.

В основе «Диалогов» — использование метода ведения *конструктивного диалога*. Он не ставит целью принять какое-либо решение, но стремится дать возможность высказать свою точку зрения, быть услышанным, попытаться понять другого в комфортной и доверительной атмосфере. Каждая точка зрения равноценна и обладает исключительной значимостью.

В рамках этой программы фонд организовал серию онлайн-диалогов на русском языке для русскоязычных из разных уголков Финляндии. Участники отмечали, что участие в диалогах стало для них качественно новым опытом, позволило обменяться мнением об актуальных проблемах в кругу людей со схожим бэкграундом.

В планах на 2021 год — подготовка фасилитаторов диалогов и организация мероприятий для русскоязычных в подобном формате с целью создания условий для равноправного участия в финской общественной дискуссии.

Сотрудничество с городами / *Kaupunkiyhteistyö*

Совместно с городом Хельсинки Фонд *Cultura* участвует в проекте *Demokratiakokeilut 2020*, который реализуется в рамках программы Фонда инноваций *Sitra* и Ассоциации муниципалитетов Финляндии. Задача проекта — способствовать более активному участию русскоязычных жителей города в принятии решений, касающихся Хельсинки, а также более чёткому пониманию ими инструментов участия и влияния. В рамках проекта был проведён онлайн-опрос² русскоязычного населения Хельсинки, в ходе которого были исследованы способы получения информации, уже существующие знания русскоязычных жителей Хельсинки о возможных способах влияния на принятие решений, касающихся жизни города, и их опыт участия в подобных процессах. Фонд также помогает реализовать городскую программу инициативного бюджетирования *OmaStadi*. Осенью 2020 года подготовленные фондом русскоязычные фасилитаторы провели серию игр *OmaStadi* для всех желающих, в рамках которых были обсуждены и представлены новые идеи проектов для города.

Сотрудничество фонда с другими городами и работа по созданию условий для участия русскоязычных в жизни городов продолжится в следующем году.

Программа «**Культура и диалог**» широко использует средства культуры и искусства, а также диалоговые методы для социальной интеграции и инклюзии. Художественные и культурные события могут служить стимулом к диалогу по острым вопросам, а интерактивные арт-практики — становиться площадкой для гражданского вовлечения. Вовлечение сообществ, в свою очередь, часто оказывается дорогой и к гражданской вовлеченности.

Культура и искусство — мощнейший коммуникационный ресурс, роль которого значительна в выстраивании связей, навигации и идентификации в новом обществе. В такой работе важно нащупать те смысловые связи, которые становятся мостиками между разными культурами.

CulturaFest

CulturaFest — это ежегодный фестиваль современной культуры, в фокусе которого — арт-проекты, переосмысляющие тему новой финской идентичности, диалога и двусторонней интеграции русскоязычного сообщества (и языковых

² Результаты опроса см.: *Demokratiakokeilut 2020: Helsinki: Сводный анализ результатов опроса русскоязычного населения, проведенного летом 2020 года // Cultura-säätiö [Электронный ресурс]. URL: http://culturas.fi/wp-content/uploads/2020/10/Demokratiakokeilut_2020_Helsinki_raportti_RUS.pdf (17.12.2020).*

меньшинств в целом) и современного финского общества. *CulturaFest* размышляет о непрерывных трансформациях, которые проходит общество и человек, и живо откликается на эти явления. Цель фестиваля — познакомить русскоязычную аудиторию с современной культурой и актуальным искусством, а также вдохновить русскоязычных на сотрудничество и взаимодействие с финским обществом, культурой и институтами. Следующий *CulturaFest* состоится в августе-декабре 2021 года и продолжит тестировать новые экспериментальные форматы взаимодействия.

Culturalist

*Culturalist*³ — кураторский ньюслеттер Фонда *Cultura*, который знакомит русскоязычных жителей Финляндии с современной финской культурой, обществом и образом жизни. Его особенность — ориентация на постоянно проживающих здесь русскоязычных, а также тех, кто переехал не так давно. *Culturalist* рассказывает о Финляндии изнутри и становится настоящим инсайдерским путеводителем от тех, кто сам находится в процессе интеграции. Каждый выпуск готовится совместно с куратором — известным общественным, культурным деятелем, лидером мнений.

Culturalist становится проводником в актуальные и широко обсуждаемые в финском обществе и медиа явления и тренды (городской активизм, устойчивый образ жизни, андеграунд-культура), предлагает обзор интересных культурных проектов и событий, рекомендует финские популярные сообщества и паблики в социальных сетях. Каждый номер завершается уникальным финским музыкальным плейлистом, связанным с темой выпуска. Ньюслеттер выходит одновременно на русском и финском языке и таким образом снижает порог вхождения в финское общественно-информационное и культурное пространство. В планах на будущее — превращение ньюслеттера в полноценное онлайн-издание о финской культуре и образе жизни.

CulturaLab

Идея программы *CulturaLab* — поиск новых инклюзивных моделей сотрудничества и взаимодействия между русскоязычным сообществом и культурными институтами Финляндии и способствование качественным изменениям в восприятии друг друга.

В 2017–2019 гг. фонд провел две образовательные программы (Школа музейного фрилансера и Школа арт-медиации), которые вызвали большой интерес со стороны русскоязычных. Среди модулей программ — социально-

³ Подписаться на *Culturalist* можно здесь: <https://culturalist.fi>. Новый выпуск выходит один раз в два месяца.

ориентированные арт-практики, построение сообществ (*community building*), арт-медиация, документальный театр и др. В рамках программ участники опробовали свои компетенции: разработали игровые маршруты и путеводители по экспозициям музеев для мультикультурных семей с детьми, уличные арт-маршруты и арт-медиации в городском пространстве, тестировали новые идеи по работе с разными аудиториями. Участники программ сформировали пул *alumni* и принимают участие в проектах фонда в качестве фасилитаторов.

Программа дала возможность финским музеям увидеть русскоязычных не как туристов (в начале программы для некоторых музеев Хельсинки стало открытием, что в столичном регионе проживает большое количество русскоязычных), но как свою постоянную аудиторию и специалистов, которых можно привлекать для разработки инклюзивных музейных программ и услуг и выстраиванию сообществ вокруг музея. С другой стороны, программа расширила возможности участия и влияния русскоязычных на содержание предложений в сфере культуры через работу с музеями напрямую. Это способствует профессиональной самореализации и делает представителей сообщества «видимыми», укрепляет чувство принадлежности к финскому обществу, а также способствует построению равноправного диалога.

Через работу с русскоязычными *CulturaLab* стала одной из первых комплексных и последовательных программ по продвижению значимого многообразия в финском обществе. Программа, нацеленная во многом на обновление концептуальных представлений и длительные процессы, тем не менее уже принесла первые результаты. Приглашение языковых сообществ и меньшинств к сотрудничеству и диалогу становятся постоянной практикой в музеях и культурных организациях столичного региона. Среди планов на 2021 год — сотрудничество медиаторского пула *alumni* с крупнейшим музеем Финляндии *Ateneum* в рамках большой выставки И. Е. Репина. Кроме того, совместно с Новым театром Хельсинки готовится к запуску театральная программа, нацеленная на сотрудничество с писателями и драматургами из русскоязычной среды Финляндии и создание произведений на темы идентичности. Также к реализации планируется проект, направленный на поддержку чтения и популяризацию детской и юношеской литературы на финском языке, а также исследование репрезентации значимого многообразия в детской литературе.

Международное сотрудничество

Потребность в расширении знаний и обмене экспертизой дало импульс к знакомству с опытом прибалтийских соседей, где количество русскоязычных жителей велико. Так, в 2019 г. Фонд *Cultura* открыл новое, европейское измерение

работы проектом *Sense of Belonging*, поддержанным грантовой программой *Nordic Culture Point*. Партнерами проекта стали Таллинский городской музей (Эстония), Фонд открытого общества *DOTS* и Латвийский центр современного искусства (Латвия).

В рамках проекта партнеры обменялись опытом реализации уже существующих практик в духе культурного участия (не ДЛЯ сообщества, но ВМЕСТЕ с ним), сосредоточив свое внимание на русскоязычных сообществах Финляндии, Эстонии и Латвии, и обсудили возможности развития новых форм взаимодействия между языковыми меньшинствами и культурными институтами. В рамках проекта мы пришли к выводу о том, что социальная интеграция как двусторонний процесс реализуется на практике далеко не всегда. Было принято совместное решение продолжить взаимодействие с целью способствовать изменениям в этих процессах. В июне 2020 года новый проект под названием *Agents of Change: Mediating Minorities (MeM)* получил финансирование грантовой программы *Creative Europe*. Проект будет реализован в 2020–2022 гг. вместе с прежними партнерами и одним новым — художественной галереей *Tensta konstball* (Швеция).

Проект направлен на изучение потенциала арт-медиаторского подхода в построении более инклюзивных обществ в странах-партнерах и в Европе. *MeM* предполагает поиск и опробование качественно новых моделей взаимодействия между меньшинствами, культурными институтами и НКО и стремится повлиять на программы двусторонней интеграции и политики культурного многообразия в ЕС. Мы хотим способствовать изменению отношения к меньшинствам как объектам воздействия, предлагая относиться к каждому человеку как к эксперту с уникальным опытом. Для этого, с одной стороны, проект оценит практики работы с сообществами в партнерских институтах и разработает предложения к их стратегической модернизации. С другой стороны, проект расширит компетенции меньшинств в области культурной и арт-медиации, откроет новые возможности для участия и влияния, тем самым способствуя двусторонней интеграции.

В 2021 году в странах-партнерах будет организована образовательная программа по арт-медиации для представителей меньшинств. Участники получат знания и навыки, необходимые для построения равноправного диалога. Затем в творческом сотрудничестве между медиаторами и приглашенными художниками будут созданы произведения искусства на актуальные для сообществ темы, состоится серия открытых для публики тематических медиаций. В 2022 году будет проведён многосторонний анализ арт-медиаторского подхода как инструмента инклюзии и его применимости в работе с различными сообществами. Лучшие практики будут

встроены в работу партнеров проекта, а также представлены культурным институтам, НКО и представителям власти.

Фонд готов к широкому и разноплановому сотрудничеству в рамках реализуемых проектов, обмену опытом и экспертизой по вопросам русскоязычного населения Финляндии. Больше информации и контакты можно найти на сайте фонда: <https://culturas.fi>.

Э. Гусатинская
И. Спажева

РЕКА ДРУЖБЫ

THE RIVER OF FRIENDSHIP

Проблемы Арктики, в том числе глобального менеджмента естественных ресурсов приграничья, являются сегодня очень важными для всех стран Северной Европы.

В начале 2020 года стартовал новый трансграничный научно-исследовательский проект «*The History of the Transborder Hydroelectric Complex on the Pasvik River (1906–1970s): From Competition to Peaceful Cooperation in Northernmost Europe*». Проект посвящён истории каскада ГЭС на пограничной реке Паз (фин. *Paatsjoki*, норв. *Pasvikelva*). Протяжённость длины реки невелика — немногим более 100 км (точнее 117 км). Вытекает она из озера Инари в Финляндии, служит общей границей для России и Норвегии и впадает в Баренцево море. Сегодня в речном бассейне, возведены и действуют в автоматическом режиме семь гидроэлектростанций, четыре из которых расположены вдоль норвежско-российской границы. Экологически чистая энергия обслуживает интересы Финляндии, Норвегии и России.

Возведены электростанции были еще в двадцатом столетии, преимущественно по окончании второй мировой войны. Для этого потребовались непростые дипломатические переговоры всех заинтересованных сторон, принятие согласованных решений и тесное приграничное сотрудничество трех соседних государств. Подчеркнём, что происходило это в 1950-1970-е гг., в разгар «холодной войны» и гонки вооружений, когда СССР и Норвегия олицетворяли собой два противостоящих военно-политических блока, а нейтралитет Финляндии являлся сложным продуктом соревнования двух систем.

До последнего времени системного изучения историками отношений трёх стран по использованию гидроресурсов реки Паз не предпринималось. Но понимание важности этой задачи постепенно созревало. Исследовательский интерес к теме проявился у современных ученых в ходе тесного научного сотрудничества и работы в национальных архивных хранилищах. Речь, главным образом, идёт о специалистах Арктического университета Норвегии и историках Мурманска и Архангельска. Недавно было выполнено и интересное исследование молодого немецкого историка Феликса Фрея. Таким образом, почва для решения исследовательских задач была подготовлена.

Научными руководителями проекта являются проф., д. и. н., А. В. Репневский (Северный Арктический федеральный университет, Архангельск) и проф., доктор философии Кари Мюклебуст (Арктический университет Норвегии, Тромсё). В состав научного коллектива входят опытные и квалифицированные историки четырёх стран. Россия представлена исследователями из Северного Арктического

федерального университета (САФУ), Мурманского арктического государственного университета (МАГУ), Мурманского государственного технического университета (МГТУ), Государственного архива Мурманской области (ГАМО), Государственного Архангельского областного архива (ГАО) и Мурманского областного краеведческого музея. Зарубежными партнерами выступают учёные Арктического университета Норвегии (Тромсё), Университета Восточной Финляндии (Йоэнсуу) и Университета Берна, Швейцария.

В национальных архивах России, Норвегии и Финляндии за предшествующие несколько лет выявлен значительный массив документов, освещающих различные аспекты истории сотрудничества наших стран в возведении современного комплекса ГЭС на его разных этапах. Реализация проекта рассчитана на 2020–2021 годы. Конечным результатом должна стать коллективная монография (сначала на русском, затем и на норвежском языках), в которой будут помещены авторские статьи исследователей, а также опубликованы наиболее важные архивные документы, раскрывающие различные стороны истории сотрудничества трех соседних северных стран в освоении и использовании гидроресурсов реки Паз. Финансирование проекта осуществляют Норвежский Баренц Секретариат и ПАО «ТГК-1» — ведущий производитель электрической и тепловой энергии в Северо-Западном регионе России.

В. А. Карелин

РОССИЯ, ФИНЛЯНДИЯ, КАРЕЛИЯ: СТРАНИЦЫ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ. ПУБЛИЧНЫЙ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР-ЛЕКТОРИЙ

RUSSIA, FINLAND, KARELIA: PAGES OF COMMON HISTORY AND CULTURE. RESEARCH AND EDUCATIONAL SEMINAR

На страницах нашего Альманаха мы уже писали о большом зонтичном российско-финляндском проекте [«Есть много разных Карелий / On monta eri Karjalaa»](#). Он стартовал в 2018 г., инициаторами выступили: с российской стороны междисциплинарные научно-образовательные центры *FENNICA* (ПетрГУ) и *NORDICA* (ИЯЛИ КарНЦ РАН), с финляндской — Карельское просветительское общество (*Karjalan Sivistyseura*). Главной целью проекта является знакомство жителей Финляндии и России с историей соседней страны и нашей совместной историей. Популяризация научных исторических знаний по ключевым проблемам общей истории России и Финляндии очень важна, поскольку только лучше узнав друг друга, люди приходят к взаимопониманию, устаревшие мифы и стереотипы сменяются объективным взаимовосприятием, а конфронтация и недоверие — конструктивным сотрудничеством. В задачи проекта входит формирование устойчивых каналов распространения научного знания: диалог специалистов с широкой аудиторией, переводы исторической литературы с русского языка на финский и с финского на русский, проведение исторических семинаров и совместных научных исследований, активное освещение и обсуждение мероприятий проекта в соцсетях и СМИ, что, на наш взгляд, должно способствовать укреплению доверия между народами России и Финляндии.

На последнем российско-финляндском культурном форуме (сентябрь 2020 г.) к проекту присоединились новые партнёры — АНО «Центр развития социального туризма» и Карельский фонд развития общественной дипломатии. Это позволило осуществить идею о проведении публичного научно-просветительского семинара-лектория для самой широкой публики. При поддержке Российского фонда культуры и с помощью Центра «Точка кипения – Петрозаводск» такой онлайн-семинар был проведён 3–5 декабря 2020 г.

В течение трёх дней исследователями из России (Петрозаводск, Москва, Санкт-Петербург) и Финляндии (Хельсинки, Йоэнсуу) для всех желающих были прочитаны 20 докладов и лекций, рассказывающих об основных вехах совместной истории России и Финляндии, взаимосвязи культур и опыте взаимоотношений русского, карельского, финского народов начиная с XV века до наших дней. Выбор тем для первого семинара был не случаен. Составители программы постарались широкими мазками охватить наиболее важные, ключевые моменты нашего общего прошлого, тем более что для ряда событий этот год был юбилейным.

Первый день семинара «[XV–XVII века. Финляндия и Карелия в первых российско-шведских войнах](#)» был посвящён малоизвестным широкой публике проблемам, связанным с многовековым российско-шведским противостоянием. Слушатели смогли познакомиться с событиями забытой многими первой собственно российско-шведской войны 1495–1497 гг. и узнать на её примере, как даже столь отдалённые события истории остаются (или воссоздаются) в исторической и культурной памяти людей и могут влиять на их идентификацию. Вопросы исторической памяти были затронуты и в рассказах о том, как в Швеции и России формировалось понятие *Финляндия* в привычном для нас географическом смысле, о специфике русско-шведских войн XVI–XVII вв., их финляндском и карельском контекстах, о последствиях этого противостояния, кардинально изменившего состав приграничного населения, прежде всего Карельского перешейка, Приладожья, а также российской (Восточной) Карелии. Докладчиками по этим темам были доценты Петрозаводского университета Ирина Такала и Александр Толстиков, а также начинающий исследователь Игорь Лиман. О загадках карельской топонимии рассказала главный научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН Ирма Муллонен.

Доклады и лекции второго дня «[XVIII–XIX века. Перекрёстки культуры](#)» были посвящены различным аспектам культурных взаимоотношений русского, финского и карельского народов. О связях учёных Або Академии и Санкт-Петербургской академии наук в XVIII веке рассказала Ирина Такала. Доцент ПетрГУ Илья Соломещ напомнил слушателям о давнем историографическом споре, который вели исследователи России, Швеции и Финляндии по поводу оценки деятельности Георга Магнуса Спренгпюртена (1740–1819), финляндского офицера, перешедшего на русскую службу и ставшего первым генерал-губернатором Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН Элина Рахимова и ведущий научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН Елена Сойни очень эмоционально рассказали, как мир открывал для себя «Калевалу» Лённрота и как Финляндия отображена в живописи И. Левитана, братьев Бенуа и И. Репина. Научный сотрудник Карельского института Университета Восточной Финляндии Юрий Шикалов на примере анализа одной фотографии, сделанной известным финляндским фотографом Инто Конрадом Инхой в 1894 г. в Беломорской Карелии, показал, как исследователи расшифровывают «закодированное содержание» фотоснимков и какое значение имеют визуальные источники для понимания культурного кода народа.

Отдельным событием второго дня семинара стала презентация изданий, осуществлённых в рамках совместного проекта Карельского просветительского

общества и Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Председатель общества Эва-Кайса Линна и директор института Ольга Илюха рассказали об уже изданных в серии «Карелия глазами путешественников и исследователей» переводах на русский язык книги И. К. Инха «В краю калевальских песен» (*Juminkeko*; Периодика, 2019) и на финский язык книги Ивана Оленева «Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги» (*Olenev I. Karjalan maa ja sen tulevaisuus Muurmannin radan rakentamisen yhteydessä. Helsinki: Karjalan Sivistysseura, 2019*). Оба перевода были выполнены Робертом Коломайненом. Работа по знакомству читателей России и Финляндии с очерками о Карелии журналистов и исследователей начала XX века продолжается. В планах издание на русском языке книги Августа Вильгельма Эрвасти «Воспоминания о путешествии по Русской Карелии летом 1879 года» (*Ervasti A. V. Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879. Oulu, 1880*) и перевод на финский язык работ П. П. Чубинского (Статистико-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 год. Архангельск, 1866. Кн. 2) и М. А. Круковского (Олонецкий край. Путевые очерки. СПб., 1904).

Третий день семинара «[XX — начало XXI века. От войн к миру](#)» был самым длинным и насыщенным.

Известный финляндский историк Тимо Вихавайнен рассказал о специфике финляндско-советских отношений в 1920–1940 гг., и особенностях национальной политики большевиков, показав, как споры о родстве финского и карельского народов, о финской и карельской идентичности стали причиной политического противостояния. Заместитель председателя Карельского просветительского общества Пекка Ваара поделился своим видением начальных этапов становления карельской автономии и значимости Тартуского мира. О роли финского фактора в образовании и становлении Карельской трудовой коммуны рассказал Санкт-Петербургский исследователь Алексей Левкоев. Этому же периоду, точнее крестьянскому восстанию зимы 1921–1922 гг. на севере Карелии, а также историографическим спорам вокруг этого события, была посвящена лекция сотрудника Карельского института Университета Восточной Финляндии Александра Осипова. Ирина Такала познакомила слушателей с трагическими судьбами финнов-иммигрантов, строивших Советскую Карелию в 1920–1935 гг. Завершил тему советско-финляндского противостояния совместный доклад Тимо Вихавайнена и Ильи Соломеща об историографических спорах, которые уже 80 лет ведут историки наших стран, исследуя причины, основные события и последствия Советско-финляндской («Зимней») войны 1939–1940 гг.

Последние выступления были посвящены не конфронтации, а мирному сосуществованию и сотрудничеству между нашими странами. Научный руководитель Института североевропейских исследований ПетрГУ Валерий Шлямин дал обстоятельный анализ экономических отношений России и Финляндии на современном этапе. Исполнительный директор Карельского фонда развития общественной дипломатии Наталья Лаврушина рассказала о побратимских связях городов Карелии и Финляндии с 1960-х гг. до наших дней. Завершил семинар подробный рассказ Эвы-Кайсы Линна и Ирины Такала о научно-просветительском проекте «Есть много разных Карелий / *On monta eri Karjalaa*» — о том, что уже сделано за два года и каковы планы на будущее.

Подводя итог, можно сказать, что семинар-лекторий привлёк внимание действительно широкой аудитории: среди слушателей были студенты и школьники, учителя, вузовские преподаватели, исследователи, сотрудники музеев, библиотек, турагентств, центров межнационального сотрудничества в районах Карелии, журналисты и просто любители истории. Он хорошо освещался во всех средствах массовой информации: телевидение, радио, печатные и интернет-издания, в том числе финноязычные, имеющие большую аудиторию подписчиков в Финляндии, а также на веб-страницах всех партнёров проекта и в соцсетях. Это привело к высокой онлайн-посещаемости семинара в период проведения с 3 по 5 декабря и к ежедневному росту последующих просмотров записей докладов и лекций, которые остаются доступными в интернете для всех желающих на видеохостинге *YouTube*.

Программа семинара была переведена на английский и финский языки, трансляция велась по двум каналам для русскоязычных и финноязычных слушателей, синхронный перевод осуществляли переводчики Татьяна Исламаева и Людмила Коломайнен.

Конечно, первый опыт проведения такого онлайн-семинара на две страны не мог обойтись без накладок и технических сбоев, но профессионализм специалистов Центра «Точка кипения — Петрозаводск», как и помощь и понимание со стороны доброжелательной публики, способствовали успеху мероприятия в целом. Впервые научно-просветительский семинар смог собрать столь широкую международную аудиторию (на 19 декабря — свыше 1,6 тыс. просмотров русскоязычных роликов и свыше 600 — с переводом на финский), что позволяет говорить о востребованности подобного рода мероприятий в обеих странах и о необходимости продолжения нашей работы.

И. Р. Такала

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ МАКСА ЭНГМАНА (27.09.1945–19.3.2020)
IN MEMORY OF MAX ENGMAN (27.09.1945–19.03.2020)

Фото: <https://www.hbl.fi/artikel/max-engman-far-svenskt-fackbokspris/> (HBL)

19 марта ушёл из жизни профессор Макс Энгман. Выпускник Университета Хельсинки, где его научным руководителем был один из крупнейших историков Яра Галлэн, молодой исследователь навсегда связал свой путь с исторической наукой.

После нескольких лет работы в Государственном архиве Финляндии (*Valtionarkisto*, нынешнее название — Национальный архив, *Kansallisarkisto*), молодой историк был назначен в 1972 году секретарем редколлегии журнала «*Historisk tidskrift för Finland*» — ведущего шведоязычного научного журнала по истории Финляндии. Макс Энгман входил в состав редакционной коллегии журнала на протяжении 28 лет, из которых последние 18 лет, до 2000 г., был его главным редактором. В эти годы журнал превратился в международно признанный форум научных публикаций по истории Финляндии и региона Балтийского моря, на его страницах появлялись статьи как опытных и авторитетных, так и только начинавших свой академический путь исследователей.

Докторская диссертация Макса Энгмана (1983)¹ была посвящена миграционным процессам и взаимовлиянию Санкт-Петербурга и Финляндии на большом хронологическом отрезке — от начала XVIII в. до 1917 г. Эта проблематика на долгие годы останется в центре его исследовательских интересов,

¹ *Engman M. St Petersburg och Finland: Migration och influens 1703–1917. Helsingfors, 1983.*

но не ограничит их: среди его трудов мы находим публикации по истории империй, границ, проблемам национальных меньшинств и языковой политики.

С 1985 по 2011 г. Макс Энгман занимал пост профессора всеобщей истории в *Åbo Akademi* — шведоязычном университете в Або/Турку. Многие поколения выпускников — некоторые из них состоялись как крупные историки — вспоминают его лекции и прежде всего — готовность к диалогу и общению за пределами лекционной аудитории, умение выслушать, вести заинтересованную полемику.

Многочисленные монографии и статьи Макса Энгмана неизменно вызывали интерес у коллег и любителей истории, многие из них переводились на иностранные языки, в том числе на русский².

Последняя монография Макса Энгмана, вышедшая в свет при жизни автора, посвящена истории финских шведов³, она стала наиболее исчерпывающим трудом, освещающим как этноисторические, так и социально-политические аспекты этой темы в период финляндской автономии и начальные годы независимости Финляндии.

Научное сообщество высоко оценило академические заслуги Макса Энгмана. На его счету престижные премии и награды Финляндии и Швеции.

Благодаря глубокому научному интересу к истории финляндско-российских отношений и многогранным аспектам взаимодействия соседних народов Макс Энгман стал активным участником сотрудничества историков двух стран и регулярно выступал на совместных научных мероприятиях. Многие российские историки с теплотой вспоминают встречи с этим увлечённым и всегда открытым для общения человеком.

И. М. Соломещ

² См., например: *Энгман М. Финляндцы в Петербурге* / [Пер. со швед. А. И. Рупасова]. СПб., 2005. (В 2008 г. вышло второе издание.)

³ *Engman M. Språkfrågan: Finlandssvenskhetens uppkomst 1812–1922*. Helsingfors; Stockholm, 2016.

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ВОЗГРИНА (1939–2020)

IN MEMORY OF VALERY EVGEN'EVICH VOZGRIN (1939–2020)

После тяжёлой болезни, поздно вечером 9 января 2020 г. ушёл из жизни доктор исторических наук, действительный член Датской королевской академии наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ, Валерий Евгеньевич Возгрин. Силами коллег и друзей Валерия Евгеньевича в течение 2020 г. были изданы две подробных биографических статьи на русском и английском языках¹. Также в ноябре 2020 г. на крымско-татарском телеканале «АТР» вышла подготовленная к. и. н. Гульнаррой Бекировой шестисерийная документальная передача о жизненном пути В. Е. Возग्रин в её авторской программе «Тарих седасы» («Эхо прошлого»). Я не хочу повторять здесь известные многим факты, а намерена просто коротко рассказать в неформальной форме о своём муже, равно как и о его творческом наследии.

¹ Брызгинков В. Н., Чепик В. Н., Гончарова Т. Н. Профессор В. Е. Возгрин (1939–2020): историк Нового времени (памяти коллеги и друга) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2020. №20 (1). С. 9–19 URL: http://novisthistory.spbu.ru/trudy_kafedry/20_1_2020/Baryshnikov_V_N_Chepik_V_N_Goncharova_T_N_-_Professor_V_E_Vozgrin_1939-2020_a_historian_of_the_Modern_period_in_memory_of_our_colleague_and_friend.html (08.12.2020); Baryshnikov V. N., Borisenko V. N., Chepik V. N., Plath T. Scandinavistics by the Prominent Russian Historian Professor Vozgrin // Вестник СПбГУ. История. 2020. Т. 65.. Вып. 3. С. 990–1005. URL: <http://vestnik.spbu.ru/html20/s02/s02v3/18.pdf> (08.12.2020).

Валерий Евгеньевич оставил после себя значительное количество неопубликованных рукописей. После издания в 2013 г. его четырёхтомника «История крымских татар»² он написал еще одну монографию по крымской тематике «Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи», которую выпустили в 2015 г.³ Её продолжение, в котором рассказывается о советском периоде, существует уже много лет в виде макета книги, но очевидно, что в ближайшие годы оно вряд ли выйдет в свет. Однако то, что мы не могли найти грантов ни в России, ни в Европе, Валерия Евгеньевича особо не беспокоило. Уже после выхода упомянутого четырёхтомника он решил, что пора снова начать серьезно заниматься скандинавистикой. Будучи весьма скромным человеком, он считал, что у него не было ни одной настоящей работы по Скандинавии, что, конечно, далеко от действительности.

Результатом его плодотворной деятельности стала колоссальная монография «Летописцы и историки Дании. Эволюция национальной историографии от Средневековья до современности», изданная весной 2019 г.⁴ Именно её он считал своим главным трудом. Огромную благодарность необходимо выразить Геннадию Михайловичу Коваленко, познакомившему нас с издательством «Крига», которое согласилось выпустить такую книгу — весьма важную для специалистов, но мало продаваемую. Работа была хорошо принята.

Процесс написания «Датских историков» Валерий Евгеньевич закончил ещё в конце 2016 г. Как человек, который постоянно говорил, что ненавидит слово «отдых», он сразу начал размышлять о новых проектах. Логичным продолжением работы о датском историописании стало изучение шведской историографии. Главным для Валерия Евгеньевича было всегда найти малоизученные и оригинальные темы. Он хотел не повторять уже сказанное, а дать свою оценку материалу. У кого-то наверняка может возникнуть вопрос, а почему же, собственно, он тогда решил заниматься именно историографией. Ведь это же как раз пересказ работ других исследователей. Мы, конечно, знаем, что это не так.

Если сказать пару слов о выборе историографической темы, о мотивации Валерия Евгеньевича, то можно отметить, что вообще имелось только три основных труда-антологии по истории исторической науки в странах Скандинавии: два по шведской и один по общескандинавской. (Теперь уже, конечно, есть ещё книга Валерия Евгеньевича по датской историографии.) Иными словами, данная

² *Воззрин В. Е.* История крымских татар: Очерки этнической истории коренного населения Крыма в четырех томах. СПб., 2013.

³ *Он же.* Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи. СПб., 2015.

⁴ *Он же.* Летописцы и историки Дании: Эволюция национальной историографии от Средневековья до современности. СПб., 2019.

тема действительно требовала более основательного подхода, так как после тщательного изучения существующих трудов Валерий Евгеньевич нашёл в них ряд недостатков.

Второй, не менее важной для него причиной стала уверенность в том, что особенно молодые, начинающие скандинависты должны иметь в своём распоряжении такие справочники. Работа со студентами была всегда весьма важной для Валерия Евгеньевича. Он всю жизнь был благодарен за то, что получил возможность учиться в ЛГУ, работать под руководством Игоря Павловича Шаскольского. Будучи идеалистом, он хотел верить, что нынешние студенты — такие же, каким он был в свои студенческие годы, когда полностью посвятил себя изучению Скандинавии и её языков.

Из его незаконченных рукописей шведская историография, конечно, самая масштабная. Основная часть данной работы со временем будет опубликована, вероятно, в виде серии статей. Как и работа о датских историках, также и её шведская «сестра» должна была стать не чисто историографическим трудом, поскольку Валерий Евгеньевич касается в своих текстах общеевропейского развития, культуры, философии, религии и языков не только Швеции, но и Скандинавии в целом. Одну из своих главных задач он видел в обосновании эпохальных метаморфоз в национальном историописании Швеции.

Валерий Евгеньевич обратил особое внимание на тот факт, что его предшественники писали главным образом о Новом времени, тогда как более ранние периоды в истории национального историописания были рассмотрены весьма кратко, если не сказать поверхностно. Очевидно, это объясняется традициями шведской историографии в целом — там всегда историческим исследованиям, науке уделялось гораздо больше внимания, чем конкретным результатам творчества учёных. А Валерий Евгеньевич считал, что кроме последних двух с половиной столетий, когда история всё отчётливее выступала в форме самостоятельной дисциплины и отрасли науки в Швеции, надо внимательно изучать более ранние периоды, начиная с саг и малоизвестных нам преданий.

Максимально подробно Валерий Евгеньевич пытался рассматривать деятельность шведских летописцев Средневековья, так как именно они стояли у истоков национальной исторической традиции, покоящейся на их наследии. Правда, в этой области истории шведской науки имеются объективные трудности. Например, практически полная утрата имён национальных летописцев и ряда хронистов. Следующим весьма важным периодом Валерий Евгеньевич считал Новое время, точнее, первую половину XVIII в., поскольку именно на её протяжении сложились современные методологические традиции шведского историописания.

Валерий Евгеньевич пытался дать характеристику не только отдельным учёным, но и объединявшим их школам или течениям, в том числе зарубежного происхождения. Он также пытался найти подробные сведения обо всех главных историках всего рассматриваемого им периода. Интересной частью работы являются упоминания о научных дебатах историков XIX–XX вв., их тематика — а ведь в результате таких дискуссий рождались, как правило, новые исследовательские методы и даже направления творческого поиска. Валерий Евгеньевич постарался учесть и это обстоятельство.

Недостатки работ его предшественников были учтены Валерием Евгеньевичем, и он, по возможности, старался исправить их в своем исследовании. При этом он опирался на новейшую литературу по соответствующему вопросу, на материалы статей в шведской и зарубежной научной прессе, а также на шведские справочные издания. Из них первостепенной информативной ценностью обладает «Шведский биографический словарь» (*Svenskt biografiskt lexikon*), содержащий сведения и по тематике данного исследования. Опубликованные в нём статьи написаны ведущими историками и филологами Швеции, в силу чего тексты обладают высокой достоверностью.

Помимо вышеуказанных причин для написания книги о шведской историографии имелась ещё одна, более общая, касающаяся дополнительной информации, которая была полезна не только историографам-всеобщникам, но и российским студентам и учёным, занимающимся историей Швеции. Конечно, существуют «Истории Швеции» как написанные в России, так и переводные. Но все они не могут объять необъятное, рассматривая, главным образом, проблемы и события государственного масштаба. В то же время «мелкие» детали истории страны и общества не то чтобы ускользали от внимания историков, но просто для них не оставалось места.

В плане новизны наиболее ценной, возможно, является заключительная, девятая глава, которая построена во многом по тематическому принципу. В ней Валерий Евгеньевич даёт характеристику таким популярным в Северной Европе направлениям историографии, как, например, гендерная история (включая историю мужчин) и история детства, рассказывает о творчестве женщин-историков, историков-урбанистов обоёго пола.

В этой же главе он рассматривает такие весьма важные вопросы, как, например, т. н. время великой смуты 1950-х гг. в шведской исторической науке, воздействие общества на развитие истории как академической дисциплины, влияние на неё шведской церкви, возрождение марксизма и коммунизма в шведской науке, подходы шведских историков к изучению Великой Северной войны, жанр исторического

романа, историю современного национализма, историю России в шведской историографии, аграрную историю и экономику, локальную историю.

Надо сказать, что работа над трудом о шведской историографии давалась Валерию Евгеньевичу не так легко, как было с «Датскими историками». С одной стороны, с литературой было меньше проблем, поскольку в Финляндии доступно огромное количество шведской исторической литературы, но с другой стороны, он владел датским языком лучше, чем шведским. К тому же начать новую колоссальную работу сразу после написания первой очень тяжело. Периодически у него вообще не было желания писать, но тем не менее он каждый день заставлял себя работать.

Помню, летом 2017 г. мы были два месяца в Финляндии, и ему не хотелось продолжать трудиться над книгой, но и отдыхать он конечно отказался. Я сказала бы, что когда я ему это предлагала, он смотрел на меня так, как будто я его оскорбила. В качестве компромисса я предлагала написать совместное выступление для конференции в Академии наук в сентябре, чтобы он хоть немного отошёл от историографии. Придумали вместе тему, полезную для обоих: компаративный анализ политических и психологических мотивов скандинавских добровольцев в гражданских войнах Финляндии и Эстонии.

Первоначально планировали только короткий доклад, но когда я после его смерти соединила наши материалы, то поняла, что из них можно сделать как минимум серию из четырех-пяти больших статей. Когда будет подходящее время, я закончу этот наш единственный совместный труд. Это был ценный опыт и в том плане, что я сразу чётко поняла: нам не стоит работать вместе. Даже удивительно, что два человека, которые прекрасно друг друга понимают, могут в одном и том же материале видеть абсолютно разные вещи. Помню, что мы долго спорили даже о том, кто из нас на самом деле придумал окончательное название работы.

Это история очень хорошо описывает Валерия Евгеньевича. Я говорю не о том, какой он был упрямый, — это и так известно всем его знакомым, а о том, как он любил работать. Он был настоящим человеком науки. Еще 20 декабря 2020 г., когда его вечером первый раз госпитализировали, он проснулся раньше шести утра и, как и каждый день до того, сел за компьютер. Его творческую деятельность ни одна болезнь не останавливала.

Последние годы Валерия Евгеньевича мы были практически все время вместе, так как оба работали в основном дома. Мы всегда помогали друг другу по работе — с переводами, редактированием статей, вместе работали в архивах и библиотеках. Каждый месяц мы старались выбираться в какой-нибудь новый ресторан, часто посещали театры и выставки, любили вместе готовить, иногда он читал мне

вслух произведения своих любимых писателей. Когда я серьезно заболела, мой муж сделал всё для моего восстановления.

Последний год его жизни был очень хорошим. Он выступил на трёх конференциях, вышла его монография по датской историографии, его трудовой договор в СПбГУ продлили на два года. Это было для нас большой радостью, так как он очень любил свою работу и коллег по университету. Кроме подготовки колоссального труда о шведской историографии он постоянно работал над статьями и материалами для своих лекций. Кафедра истории Нового и новейшего времени Европы и Америки под руководством д. и. н. проф. В. Н. Барышниковым занимала особое место в сердце Валерия Евгеньевича. Он оказался на кафедре в довольно непростой период своей жизни, а в дружелюбной атмосфере сразу нашел своё место в коллективе. Кафедра соединила и наши судьбы.

Новый 2019 год мы отмечаем в Финляндии, в марте ездили в Копенгаген, летом два месяца провели в Финляндии, в ноябре посетили Прагу. Он любил путешествовать и тщательно готовился к поездкам, заранее много читал, выбирал самые интересные места в каждом городе. У моего мужа было очень большое желание жить, у нас было много планов на будущее. О них Валерий Евгеньевич говорил и в последние дни своей жизни. В последние годы начал уделять больше внимания физкультуре и правильному питанию, правда, неохотно, но прекрасно знал, что это необходимо.

Сложно коротко о нём рассказать. У нас накопилось столько совместных воспоминаний. Но, наверное, самым ценным была просто наша обычная жизнь дома. Для многих он великий историк, но для меня он в первую очередь именно муж. Он был человеком, с кем можно было ночами обсуждать самые разные темы: от какого-то сугубо философского вопроса до самых idiotских. Как муж он был очень заботливым, нежным и любящим.

Я хотела бы закончить свой текст цитатой Исаака Бабеля, который был одним из любимых писателей Валерия Евгеньевича. Это высказывание очень нравилось Валерию, и как мне кажется, он и сам часто работал в соответствии с этим принципом: «Углубляйте свои достоинства и недостатки. Не думайте, что это звучит парадоксально. Творческая индивидуальность — это и достоинства, и слабости, но такие, которые вытекают из присущего только вам склада души и другими не повторимы. Слушая других, не забывайте о своем внутреннем голосе. Сообразуйтесь с ним».

В.-Т. Васара-Возгрин

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА КУЗЬМИЧА ЛОГИНОВА (1952–2020)

IN MEMORY OF KONSTANTIN KUZ'MICH LOGINOV (1952–2020)

18 ноября 2020 г. от коронавирусной инфекции скончался Константин Кузьмич Логинов — один из ярких учёных Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, профессиональный этнограф высочайшего класса. Этот безвременный уход учёного, полного творческих планов, является невосполнимой потерей для его родных, друзей, сотрудников ИЯЛИ, коллег по сектору этнологии, для меня, автора этих строк, с которой он проработал почти 37 лет, и многих-многих знавших его людей. Нескончаемым потоком в Институт поступают соболезнования...

Имя этнографа Константина Кузьмича Логинова хорошо известно современным исследователям традиционной культуры народов Европейского Севера и славяноведам, которые в своих монографиях и статьях не обходятся без упоминаний трудов этого учёного, опираются на собранные им сведения.

К. К. Логинов родился 26 сентября 1952 г. в небольшом городе Вытегре — районном центре, расположенном в северо-западной части Вологодской области. Желание стать этнографом появилось у Константина Логинова уже после шестого класса. Мальчик много читал и неожиданно наткнулся в городской детской библиотеке на научно-популярную книгу выдающегося этнографа и антрополога Н. Н. Чебоксарова. Книга рассказывала о науке этнографии и повлияла на выбор его профессии.

После окончания средней школы в 1970 г. состоялась первая, оказавшаяся неудачной, попытка поступления на кафедру этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. Служба рядовым в Советской армии лишь укрепила его желание получить

специальность по приглянувшейся с детства науке. Во время боевых дежурств находилось время доучивать необходимый для поступления в престижный Ленинградский вуз иностранный язык, упражняться в правописании и грамматике, заниматься чтением необходимой литературы. Подготовка к поступлению была завершена уже после армии на вечерних подготовительных курсах, которые приходилось посещать, открутив весь день баранку неуклюжего самосвала. Конкурс в эти годы на истфак был огромный, необходимо было набрать 19,5 баллов, т. е. сдать все экзамены на «отлично» и иметь почти пятёрочный аттестат об окончании средней школы. И всё-таки эта очень высокая планка была успешно преодолена. В 1974 г. Константин Логинов стал студентом одной из самых популярных в те годы кафедр — кафедры «этнографии и антропологии» Исторического факультета ЛГУ, возглавляемой профессором Р. Ф. Итсом, которого обожали студенты. На кафедре между преподавателями и студентами царил дружеская и в то же время деловая обстановка. Всячески поощрялась инициатива студентов по выезду в экспедиции, по публичному представлению полевых отчётов о поездках, по занятию исследовательской деятельностью. Особое внимание уделялось качеству курсовых и дипломных работ. К. Логинов окунулся в эту творческую атмосферу. Над курсовыми он трудился с такой обстоятельностью, что и десятилетие спустя, преподаватели предупреждали вновь поступивших на кафедру не писать столь толстых «курсовиков», как это делал студент Логинов. В те годы преподаватели кафедры выезжали вместе со студентами в большие экспедиции на Кавказ и в Сибирь. У К. Логинова также первая полевая практика проходила в Сибири. Но он решил специализироваться по этнографии русских. Требовалось своё более близкое «поле». В 1977 г. по договоренности его научного руководителя А. В. Гадло с тогдашней заведующей сектором фольклора и этнографии ИЯЛИ Р. Ф. Никольской он был включён в состав научно-исследовательской экспедиции Института по сбору этнографического и этносоциологического материала среди вепсов Шелтозерского края. Через много лет об этой поездке К. К. Логинов напишет: «Отправляясь в свою первую экспедицию в Карелию, автор был далек от мысли о том, что Карелия — это судьба на всю оставшуюся научную жизнь»¹. В той экспедиции он познакомился почти со всеми карельскими этнографами, с которыми в будущем его связала совместная

¹ Логинов К. К. Рюрик Петрович Лонин, Шелтозерский музей и наша экспедиция полевого сезона 1977 года // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества: Сборник научных трудов по итогам международной конференции, посвященной 40-летию Шелтозерского вепского этнографического музея: Петрозаводск — Шелтозеро 30–31 октября 2007 г. Петрозаводск, 2008. С. 217. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/istoriko/text.pdf> (08.12.2020).

работа: Ю. Ю. Сурхаско, А. П. Косменко, З. И. Строгальщиковой, А. А. Кожановым, А. П. Конккой.

Интерес к учёбе у студента К. К. Логинова был столь велик, что все пять лет (1974–1979 гг.) он сдавал экзамены только на «отлично». О распорядке студенческой недели в то пятилетие Константин Кузьмич позже вспоминал так: «С 6 утра спешил на уборку территории на Малом проспекте Васильевского острова, к 9 утра — на первую пару на факультет, ближе к вечеру — в Большой комитет ВЛКСМ ЛГУ, а далее, до 10 вечера проходило время главного из бесплатных удовольствий советской эпохи — работа в читальном зале. Продуктовый магазин рядом с моей дворницкой комнатой работал до 23.00. Оставалось время, чтобы сварить пельмени или поджарить яичницу и заснуть на сытый желудок. На личную жизнь оставался только субботний вечер, поскольку воскресенье уходило на подготовку к семинарам, иностранному языку и т. п.».

В 1979 г. обладатель «красного диплома» поступил в целевую аспирантуру при Ленинградской части Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ныне — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого) в сектор этнографии восточных славян для последующей работы в Карелии.

К. К. Логинов является представителем ленинградской школы этнографии. Научным руководителем аспиранта стала выдающийся этнограф, доктор исторических наук, крупнейший в России специалист по традиционной материальной культуре Т. В. Станюкович. Большое влияние на формирование молодого исследователя оказало также повседневное общение с такими маститыми учеными сектора этнографии восточных славян, как зав. сектором К. В. Чистов и Т. А. Бернштам.

После окончания аспирантуры К. К. Логинов переехал в Петрозаводск и 18 января 1984 г. был зачислен в штат ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР на должность младшего научного сотрудника. Он пришёл в наиболее благоприятный период для развития этнографической науки в Карелии. 1 ноября 1983 г. был выделен в отдельное подразделение сектор этносоциологии и этнографии, постепенно пополнившийся молодыми профессиональными кадрами. В 1980-е гг. руководство ИЯЛИ всячески поощряло и финансировало длительные этнографические экспедиции и командировки сотрудников для работы в архивах и библиотеках, выступлений на конференциях, которые не зависели от наличия позже появившихся грантов.

3 апреля 1986 г. К. К. Логинов успешно защитил кандидатскую диссертацию «Материальная культура заонежан (середина XIX — начало XX века)»². В диссертации впервые была предпринята попытка исследования материальной культуры русских Заонежья (*заонежан*) — одной из своеобразных русских групп Северо-Запада России. Автор пришёл к очень важным выводам, которые он затем развил в последующих работах. В материальной культуре русских Заонежья он выделил несколько пластов: 1) пласт древненовгородских элементов; 2) прибалтийско-финский пласт элементов, заимствованных — а) от дославянского населения Заонежья, б) от соседних карелов и вепсов; 3) пласт локальной заонежской специфики; 4) пласт заимствований из городской культуры.

С приходом К. К. Логинова в ИЯЛИ в секторе этнологии появилось новое направление научной деятельности — исследование традиционной культуры русского населения Карелии и ее этнолокальных групповых особенностей.

За почти 37 лет работы в институте Константин Кузьмич превратился в яркого авторитетного в области этнографии учёного, прошёл многие ступени служебной лестницы: научный сотрудник (1991–1994), старший научный сотрудник (1994–2006), исполняющий обязанности заведующего сектором этнологии (2006–2008). Его перу принадлежит 170 научных работ, среди которых пять авторских монографий и шесть коллективных монографий. За свои труды Константин Кузьмич награждён званием лауреата премии Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы.

В 1990-е гг. благодаря двум его книгам: «Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.)» (она основывалась на кандидатской диссертации) и «Семейные обряды и верования русских Заонежья», — а также написанной в соавторстве с фольклористом В. П. Кузнецовой монографии «Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.)» была воссоздана этническая история и традиционная культура *русских Заонежья*³. Эта этнолокальная группа вызывает постоянный читательский интерес из-за территории своего расселения, образ которой в массовом российском сознании обычно ассоциируется с главной его достопримечательностью — своеобразным брендом — знаменитым островом Кижии и его замечательными памятниками древнерусского деревянного зодчества.

² *Он же*. Материальная культура заонежан (середина XIX — начало XX века): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

³ *Он же*. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993; *Он же*. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993; Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 2001. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/rusvadb/text.pdf> (08.12.2020).

Другим его многолетним объектом исследования стала группа русских, проживающая в Карелии на берегу озера Водлозера в Пудожском крае. Среди большого количества публикаций К. К. Логинова о *водлозерах* назовём два больших труда. Один из них — «Этнолокальная группа русских Водлозерья»⁴. В нём даётся описание особенностей этнической истории, хозяйственных занятий, средств передвижения, поселений, жилых и хозяйственных построек водлозерской группы. Во втором труде К. К. Логинова об этой группе — «Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты»⁵ — представлен новый подход к исследованию обычаев и обрядов, связанных с внутрисемейными и межсемейными отношениями. Автор не только реконструирует данную часть соционормативной русской культуры, но и пытается выявить конфликтную сторону между участниками обычаев и обрядов. Работа поражает объёмом представленного материала. Помимо описания ранее неизвестных ритуалов жизненного цикла, сопровождавших родину, свадьбу, похороны, в монографии впервые представлены обряды, которые были связаны с конфликтами в семейной жизни и всегда находились на далёкой периферии этнографических исследований. Научные результаты Константина Кузьмича по этнографии Водлозерья широко используются в прикладной деятельности Водлозерского национального парка.

Однако круг научных интересов К. К. Логинова не ограничился локальными группами русских. В конце 1990 — начале 2000-х гг. он принимал активное участие в комплексных проектах по изучению карельских поселений под руководством доктора архитектуры, академика В. П. Орфинского. Результатами исследований стали три коллективные монографии: «Село Суйсарь: история, быт, культура», «Деревня Юккогуба и ее округа», «История и культура Сямозерья», в которых К. К. Логинов является автором ряда этнографических разделов⁶.

Помимо научных изданий в 2006–2010 гг. К. К. Логинов участвовал в подготовке научно-популярных работ, посвящённых этнографии народов Карелии: многотомной энциклопедии «Карелия» (рук. Ю. А. Савватеев), книг «Костюм и праздник» и «Слово и праздник» (автор проектов В. Мальми)⁷.

⁴ Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006.

⁵ *Он же*. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М., 2010.

⁶ Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997; Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001; История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008.

⁷ Карелия: Энциклопедия. Петрозаводск, 2007–2011. Т. 1–3; Костюм и праздник. Петрозаводск, 2006; Слово и праздник. Петрозаводск, 2008.

Все труды К. К. Логинова написаны на богатых и ярких полевых материалах, которые он собирал в многочисленных экспедициях. Константин Кузьмич обладал феноменальными способностями собирателя.

Он не только писал книги, но и очень много делал в области популяризации историко-культурного наследия Русского Севера. Константин Кузьмич постоянно выступал в местной периодической печати, давал интервью на ТВ Карелии и других российских телеканалах. Так, в 1996 г. в г. Салехарде этнографический фильм «Новогодние гадания» (автор Т. Мешко) с участием К. К. Логинова в главной роли стал лауреатом конкурса любительских фильмов среди стран Баренц-региона.

Однако портрет К. К. Логинова был бы неполным, если не сказать о его огромной преподавательской деятельности, которую он очень любил. Коллектив кафедры музыки финно-угорских народов Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова написал в своём соболезновании: «Константин Кузьмич работал на нашей кафедре с 2005 года до последних дней жизни, успешно вел ряд курсов по истории и этнографии финно-угров России. Наш коллега был прекрасным педагогом, глубоко уважаемым и любимым студентами. Многие поколения студентов и выпускников кафедры помнят его лекции, открывшие перед ними удивительный, неведомый доселе мир народных обычаев и обрядов, строгость и одновременно красоту традиционного уклада жизни крестьянской общины, незыблемость ее этических норм. Знакомство с этой “параллельной Вселенной” помогало юным этномузыкологам глубже проникать в специфику своей профессии. Обширными познаниями в разных областях “народоведения” Константин Кузьмич охотно делился не только со студентами, но и с коллегами, приходившими нередко на его лекции, где слушателей ожидало много открытий».

Но помимо всех этих достоинств учёного, Константин Кузьмич обладал особым человеческим даром. Этот дар — дарить людям добро. С ним, к сожалению, рождается немного людей на земле, и они как-то быстро от нас уходят, а нам бы хотелось, чтобы они подольше жили с нами. У Константина Кузьмича всегда находилось время выслушать человека, сказать тёплые слова, поздравить с выходом новой книги, статьи, получением награды. Он всегда откликнулся на просьбу о помощи. Фраза «Нет проблем» была в этих случаях обычной. Он был человеком в прямом смысле *отзывчивым*, никогда не отказывавшим в написании отзывов на студенческие дипломные работы, диссертации, статьи, монографии, часто в ущерб своей работе по плановой теме. Много лет он являлся членом жюри конкурса школьных работ «Моя малая родина».

Он всегда навещал заболевших сотрудников, участвовал в организации похорон, поддерживал традицию памяти сектора не забывать могилы ушедших ученых-этнографов.

Была в нашем секторе и ещё одна традиция, приближения которой с радостным нетерпением мы все ждали. 26 сентября отмечался день рождения Константина Кузьмича, который он всегда хлебосольно проводил. Этот день был праздником, объединяющим нас. Мы имели возможность не только поздравить человека, к которому относились с искренней симпатией за его доброжелательность и общительность, но и собраться всем вместе в создаваемой им тёплой дружеской атмосфере после летних отпусков и начать новый рабочий цикл. К сожалению, в этот год из-за пандемии традицию пришлось нарушить. Константина Кузьмича поздравили по электронной почте, написав: «Жаль, что не сможем, как всегда, встретиться за праздничным столом по поводу твоего дня рождения. Но, в конце концов, все будет хорошо!» И он ответил: «Я тоже верю в лучшее, которое впереди»...

Дорогой Костя, наш Кузьмич, наш добрый знахарь, спасибо за то, что ты был с нами и дарил нам то лучшее, что у тебя было, — тепло твоего доброго сердца, которого у тебя на всех хватало! Память о тебе навсегда останется с нами!

И. Ю. Винокурова

МЕМУАРЫ О ГУРЕВИЧЕ

MEMOIRS ON GUREVICH

Моя мама, Харитонович (урождённая Цыпкина) София¹ Ильинична (1910–1993) говорила: «Учитель — это второй человек после родителей». Вот о моём «втором» (в семейном, а не научном плане) человеке, великом историке² Ароне Яковлевиче Гуревиче (1924–2006) я и хочу рассказать. Но начну с собственных воспоминаний о нём (дальнейшее прошу не считать саморекламой).

Народная мудрость гласит: «Мужчина ищет разнообразие». Вопрос в том, где он ищет оное разнообразие. Один мой родственник был женат четыре раза, я знал человека, который был женат восемь раз. Я — всего лишь один. Зато я много раз менял профессии. Был инженером, офицером (т. н. двухгодичником, как именовали лиц с высшим техническим — я закончил МВТУ, ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана — образованием, призванных в ряды вооружённых сил тогда ещё СССР), социологом на автокомбинате, заведующим лабораторией АСУ на оном же, социологом в НИИ Искусствознания, пока не стал историком. При этом я начал — пока что для себя, как говорится «в стол» — писать тексты по истории, причём, будучи инженером-металловедом по образованию, стал сочинять труды об алхимии и о средневековом ремесле. Опусы сии я показал своему другу ещё со школьной скамьи, Алексею Георгиевичу Левинсону, востоковеду по образованию и социологу по роду деятельности — он был и является учеником и сотрудником известнейшего социолога Ю. А. Левады (1930–2006). И Лёха (так мы его звали в школе) как-то сказал: «Это уже не для меня. Надо показать твой опус Гуревичу». Что и произошло. Много позднее я как-то при Ароне Яковлевиче назвал его своим учителем. Он возразил: «Что Вы, Дмитрий Эдуардович, когда Алексей Георгиевич нас познакомил, Вы уже были сложившимся исследователем». — «Да, сказал я, — но “складывался” я на Ваших работах, образцом моего научного пути был Ваш путь».

Вот об этом пути знаменитого (не боюсь этого слова) учёного, я и хочу рассказать со своей, так сказать, позиции наблюдателя.

Путь этот был весьма непрост и нелёгок. Арон Яковлевич начинал как скандинавист, историк эпохи викингов и раннего скандинавского Средневековья. Надо сказать, что его труды о ранней истории Исландии, получили признание не только в мировой и — не без сложностей — в отечественной исторической науке, но и в самой Исландии. На Скале Совета — месте, где ещё в X веке

1 Именно так, Софи́я, а не Софья́, мама именовалась по паспорту.

2 Сам Арон Яковлевич не любил, когда его так называли: «Обойдёмся без суперлативов». (*Superlativus* — превосходная степень в латыни. Кстати, А. Я. свободно владел этим языком образованных людей Средневековья; не знающих его называли тогда *idiotae*, в ед. ч. — *idiota*.)

собирались на Альтинг обитатели Исландии, чтобы вершить свои дела, молиться своим, тогда ещё языческим, богам и принимать законы в этой древнейшей (если не считать Республику Сан-Марино) из доживших до наших дней демократий — так вот, на оной скале исландцы, не избалованные вниманием мировой науки, выбили имя Арона Яковлевича.

О том, как он пришёл к занятиям историей Скандинавии, Арон Яковлевич рассказал в статье «Почему я скандинавист? Опыт субъективного осмысления некоторых тенденций развития современного исторического знания»³.

Однако со временем он обратил свой взор на собственно западноевропейское Средневековье в более широком смысле слова. Об этом изменении объекта исследований Арон Яковлевич рассказывал так: «На определённом этапе своей научной работы я пережил глубокий кризис, обусловленный многими причинами. <...> Я пришёл к убеждению, что невозможно понять социально-экономическую историю без включения её в более широкий социально-культурный контекст. <...> Даже если историк стремится реконструировать социальный строй и хозяйство, он неизбежно и постоянно сталкивается в... источниках с мыслями и чувствами людей, с их повседневной жизнью и в семье, и в обществе; хозяйственная и политическая деятельность выступает в этих источниках в своей антропологической сущности. Эти люди “заставили” меня пересмотреть привычный ограниченный подход к источникам»⁴. В стремлении показать именно социально-экономический материал Арон Яковлевич пришёл к необходимости сменить объект исследования — от классов, аллодов, феодалов и всего такого перейти к Человеку. Возникает новый подход: историческая антропология.

Под исторической антропологией, указывает Арон Яковлевич, «я разумею не какую-либо особую научную дисциплину, но направления исторического исследования, которое, как ни странно и даже парадоксально это звучит, впервые выдвигает человека — изменяющегося во времени члена общества — в качестве центрального предмета анализа. Не политические образования (государства и т. п.) и институты, не экономическая эволюция и социальные структуры сами по себе, не религиозные, философские и иные идеи как таковые и не великие индивиды, возглавлявшие государства или формулировавшие учения и теории, но именно люди — авторы и актёры драмы истории независимо от их статуса (курсив мой. — Д. Х.), действующие и чувствующие субъекты являются фокусом, в котором сходятся линии историко-антропологического анализа. Их мировосприятие и определяемая ими система поведения, их ценности, воображение, символы — таков предмет историко-антропологического исследования»⁵.

То есть главное, что есть в истории и чему историк должен уделять основное внимание, — это человек.

³ Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009. С. 5–12.

⁴ Он же. Европейское Средневековье и современность // Европейский альманах. М., 1990. С. 140.

⁵ Он же. Избранные труды. Средневековый мир СПб., 2007. С. 6–7 (предисловие).

Позволю себе нечто вроде афоризма (прошу прощения за повторение одних и тех же слов): проникновенно писать о человеке в истории можно только, если сам историк — человек. Так вот, человеком Арон Яковлевич был очень хорошим. Он — и это обязательное качество хорошего человека — любил других людей. Не могу забыть — я всё-таки пишу воспоминания — его очаровательную улыбку, его тёплые слова, его всегдашнее уважение к собеседнику. Вот только один маленький штрих: ко всем, за исключением старых друзей и членов семьи, он обращался на «вы». И ко всем, кроме совсем юных собеседников и, опять же, друзей и членов семьи, — по имени и отчеству.

Но, как мне представляется, личные качества учёного влияют и на его научную деятельность, на его подходы к исследуемому материалу. Именно отсюда, от его личных качеств и свойств, вытекает интерес к людям прошлого, не только, как я уже говорил, великим и знаменитым, но и ко всем, в том числе и тем, о ком почти не осталось (или совсем не осталось) каких-то сведений.

Отсюда и интерес Арона Яковлевича к ментальностям, или, как предлагают говорить сегодня, к менталитетам. Нынче «менталитет» — расхожее публицистское словечко⁶. Потому Арон Яковлевич предложил говорить о «картине мира» людей Средневековья. Но термин «ментальность» вводили французские историки т. н. Школы «Анналов», т. е. группы исследователей, сгруппировавшихся вокруг основанного во Франции ещё в 1929 г. Марком Блоком и Люсьеном Февром журнала «Анналы», и означал этот термин никак не идеологию, т. е. нечто более или менее продуманное, а совокупность, возможно не всегда осознанную и уж точно не отрефлексированную, самых общих представлений — о времени, пространстве, судьбе, отношениях между людьми и т. п.

То есть Арон Яковлевич отошёл от привычного и присущего отечественной исторической науке социально-экономического подхода к прошлому, когда в центре внимания историка находились социально-экономические теории, борьба классов и т. п., потому и воспоследовали не слишком приятные для нашего учёного последствия. Гром грянул, когда в 1970 г. в свет вышла его книга «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе»⁷. Оные «Проблемы...» вызвали грандиозный скандал. Книга и её автор подверглись разному в партийной печати, проработке на специально созванном совещании «проверенных» историков

⁶ Не могу отказать себе в удовольствии рассказать читателю об одном забавном высказывании близкого мне человека. Он спросил: «Папа, а что такое менталитет?». Я начал подробно рассказывать, и тут он меня перебивает: «Нет, это милицейский участок (разговор происходил ещё до переименования милиции в полицию. — Д. Х.). в муниципалитете муниципалы, а в менталитете — менты». А «вождь всех туркмен», президент Туркменистана С. А. Ниязов заявил: «Понятие Прав Человека отсутствует в менталитете туркменского народа».

⁷ Передо мной сейчас издание: Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007. «Проблемы...» вошли в этот том (с. 189–342).

(Арона Яковлевича туда не приглашали). Редакцию издательства «Высшая школа», где готовились к печати данные «Проблемы...» попросту разогнали, а сам автор был изгнан из Института философии, где он работал в секторе философии истории. Ничего, на дворе был не 1937 и не 1947 год, так что всё закончилось относительно «хорошо». «Я — везучий, — любил говорить Арон Яковлевич. — Всё, что я написал, вышло в свет, и били меня за уже опубликованное и известное читателю». Вскоре по сигналу «сверху» травлю приглушили, автора скандальной книги даже трудоустроили.

Арон Яковлевич регулярно получал из-за границы предложения приехать⁸ и отказы в выезде из нашей страны. После очередного запрета Гуревич не выдержал и пошёл в КГБ⁹. И на приёме прямо спросил, в чём же его вина. «Если я виновен, если нарушаю, так посадите меня, в конце концов», — передаю слова Арона Яковлевича из беседы со мной. На что сей сотрудник (лейтенант, капитан, майор — вряд ли выше; мой Учитель не уточнял) ответил: «Мы к Вам претензий не имеем. Это они (академическое начальство. — Д. Х.) Вам отказывают».

Впрочем, причина невыпуска за рубеж могла быть и, так сказать, «личного» свойства. В 1988 году, уже в разгар перестройки, Арон Яковлевич получил приглашение от Фонда Гетти, США. Уже наступила полная гласность, но процедура разрешений прежних времён ещё не была отменена. И когда мой Учитель обратился к академическому начальству за разрешением на выезд, руководство послало в Фонд Гетти заявление, где говорилось, что, по их мнению, следует пригласить на год в США другого учёного («своего». — Д. Х.). На что представитель Фонда Гетти ответил, что они приглашают не представителя (тогда ещё) СССР, а конкретного учёного. И если по каким-либо причинам Арон Яковлевич не приедет, они позовут другого учёного из своего списка, не обязательно из советской страны. Тогда руководство АН СССР дало Арону Яковлевичу разрешение на выезд. Но без семьи. Семья приехала к нему на полгода (А. Я. пригласили на год) позже, уже в 1989 году. Для семьи отдельное приглашение оформил на тот момент уже долгое время проживший в США коллега Арона Яковлевича А. П. Каждан. Да и как раз в 1989 году ограничения на выезд из СССР были почти что сняты для рядовых граждан. В квартире (гостиная, спальня и кабинет, не считая кухни и санузла), предоставленной Фондом Гетти для учёного без семьи, Арон Яковлевич разместил

⁸ Здесь я имею в виду именно приглашения прочитать лекции или поработать на относительно небольшие сроки. Возможность эмиграции на ПМЖ мой великий Учитель никогда не рассматривал, считая себя советским/российским учёным.

⁹ Думаю, что современному читателю было бы интересно узнать побольше о процедуре добровольного похода на Лубянку (тогда площадь Дзержинского), в здание, о котором мрачно шутили, что «раньше здесь был Госстрах, а теперь — “госужас”». Тогда я об этом, к сожалению, не спросил — интересоваться подобным в наших кругах считалось неприличным. В Большой дом на площади Дзержинского сами не ходили.

жену, дочь и внука. Именно в Фонде Гетти Арон Яковлевич в возрасте старше 60 лет впервые познакомился с работой на компьютере (текстовый редактор) и интернетом, в первую очередь с сайтом Библиотеки Конгресса США.

В чём же была, с точки зрения идеологических «верхов», крамола в «Проблемах генезиса феодализма в Западной Европе»?

Относясь со сдержанным уважением к учению Маркса¹⁰ (но не к «марксизму-ленинизму»), Арон Яковлевич всегда полагал, что марксистская теория исторического процесса, разработанная на материале социально-экономического развития капитализма в Западной Европе, безосновательно прилагалась Марксом, а тем более его последователями, без разбора ко всем цивилизациям и историческим периодам; поему феодализм находили даже в Тропической Африке.

Дело в том, что согласно Марксу и Энгельсу (а ещё был «марксизм-ленинизм»), феодализм возникает так же, как и капитализм. В последнем случае лишённые собственных средств производства люди становятся пролетариями, наёмными работниками у капиталистов; в первом — обезземеленные в результате экспроприации их собственности земельными магнатами свободные крестьяне закабалялись этими магнатами и, прикрепленные к земле, становились зависимыми, «крепостными», как было принято — с большой долей неточности — писать в отечественной исторической литературе. Опираясь на экономическое могущество, магнаты присваивали функции власти, становились почти независимыми от верховных правителей феодалами.

Арон Яковлевич же, исходя из средневековых текстов, полагал, что всё было совсем не так. В условиях слабости верховной власти свободные земледельцы в поисках защиты *вместе со своей землёй* отдавались под патронат магнатов, меняли свободу на безопасность. Ведь сложение (или окончательное оформление) феодализма пришлось на эпоху т. н. Второго Великого переселения народов, т. е. набегов на Европу, особенно Западную, арабов-мусульман в середине VII — начале IX в., тюркоязычных аваров (не путать с аварцами в сегодняшнем Дагестане) в 60-е гг. VI в. (и несколько позднее) и викингов в середине VIII — середине XI в.

Помимо этого, кстати, люди Средневековья завещали свои владения (но с правом пользования) Церкви, дабы обеспечить себе и потомству вечное

¹⁰ Излишне упоминать, какую роль в написании научной работы имеет список литературы. Когда я в 1983 г. защищал кандидатскую диссертацию под фактическим научным руководством Арона Яковлевича, полагалось оный список начинать с Маркса-Энгельса, потом должен был идти Ленин, потом всякие постановления КПСС (этого у меня, слава Богу, не было). Я показал Арону Яковлевичу наш список, начинавшийся, с немецких Классиков — что поделать. Мой великий учитель посмотрел упомянутые работы и сказал: «Что ж, Классики были образованные люди. Во всяком случае, первые два». Более того, когда в конце 80-х — начале 90-х стало чем-то вроде правила хорошего тона вычёркивать из своих работ обязательные цитаты из Классиков, Арон Яковлевич не стал вычёркивать те немногие, которые считал уместными. Нашему учёному не требовалось доказывать своё несогласие с официальным «марксизмом-ленинизмом».

спасение на небесах и постоянное покровительство на земле. Право поборов, право суда в той или иной части страны передавала верховная власть, то есть феодализм складывался во многом «сверху».

Крамолу обнаружили позднее ещё в одном сочинении Арона Яковлевича. В Институте всеобщей истории тогда ещё не РАН, а АН СССР, где Арон Яковлевич в конце концов и трудоустроился, много лет готовили к печати коллективный труд «История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма», в котором Арон Яковлевич тоже принял участие¹¹. В разделе, посвящённом древним германцам он, похоже, усомнился в теории «Происхождения семьи, государства и частной собственности» Энгельса. Классик марксизма, описывая варварскую эпоху, в которой он усматривал «первобытный коммунизм», опирался на не всегда точные, написанные как бы извне сообщения Цезаря и Тацита об укладе древних германцев и находил у них «военную демократию», коллективную собственность на землю и т. п. Проанализировав исторический материал, Арон Яковлевич увидел, что древние германцы были не полукочевниками или представителями первобытно-общинного строя; не воинами (или не только воинами, носившимися как угорелые по диким лесам в поисках славы и добычи), а земледельцами, жившими в деревнях; что не было никакой коллективной собственности на землю, никаких переделов земли, а велось семейное хуторское хозяйство. О таком тогда громко говорить было нельзя, и если указанные идеи сложились у нашего историка в конце 60-х — начале 70-х годов, то обнародованы они были лишь в 1988-м, когда обстановка немного смягчилась (может быть, это было связано с тем, что в 1985 году генсеком КПСС был избран М. С. Горбачёв).

В 1997 году Арон Яковлевич, анализируя перипетии издания «Проблем генезиса феодализма...», писал: «...в феодализме я склонен усматривать преимущественно, если не исключительно западноевропейский феномен. На мой взгляд, он сложился в результате уникальной констелляции тенденций развития. Феодальный строй, как бы его ни истолковывать, представляет собой не какую-то фазу всемирного исторического процесса, — он возник в силу сочетания специфических условий, порождённых столкновением варварского мира с миром позднеантичного Средиземноморья. Этот конфликт, давший импульс синтезу германского и романского начал, в конечном счете, породил условия для выхода западноевропейской цивилизации на исходе Средневековья за пределы традиционного общественного уклада, за те пределы, в которых оставались все другие цивилизации»¹².

¹¹ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. Перу Арона Яковлевича принадлежат: гл. 3. Аграрный строй варваров; гл. 8. Становление английского крестьянства в донорманнский период; гл. 9. Формирование крестьянства в Скандинавских странах (IX–XIII вв.); гл. 17. Крестьянство и духовная жизнь раннесредневекового общества.

¹² Гуревич А. Я. «Генезис феодализма» и генезис средневековья: Злые мемуары в роли предисловия // *Он же. Избранные труды. Древние германцы. Викинги.* С. 20–21.

Конечно, это не могло не привести в ужас тогдашние (1970 г.) исторические «верхи». То есть, что это такое?! А как быть со знаменитыми «пятью ступенями»: первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм/коммунизм? Если феодализм необязателен, то, может быть, странно вымолвить, и победа коммунизма не является неизбежной? Вот куда зовёт учёного «неконтролируемая» мысль!

В упомянутых «Проблемах генезиса...» и в ряде других работ, в частности в «Походах викингов»¹³, Арон Яковлевич показывает, что вопросы, связанные с анализом земельной собственности или денежного обращения, просто не решаемы, если мы будем подходить к человеку как к *homo economicus*, если мы забудем, вынесем за скобки то, что люди, вступившие в эти экономические отношения, прежде всего стремились не к материальной выгоде, но более всего заботились о личном достоинстве, чести, доброй славе.

Широкую известность (не побоюсь сказать, и огромную популярность) среди не только профессиональных историков, но и вообще читающей публики, Арону Яковлевичу принёс впервые изданный в 1972 году его труд «Категории средневековой культуры»¹⁴. В этой работе Арон Яковлевич пришёл к использованию исследовательских приёмов и понятий, выработанных вне сферы «собственно» истории. Так, ключевое понятие «культура» взято из этнологии и означает не только то, что понимали под этими словами традиционные историки — совокупность высших достижений человеческого духа: науку, философию, искусство, литературу и всё тому подобное — но *любую смыслодержущую человеческую деятельность*¹⁵.

«Категории...» вызвали отклик в читательских сердцах (опять же, как сказано выше, не только у профессиональных историков). До появления книги Арона Яковлевича то, что мы читали о Средних веках в примитивной (и весьма популярной) литературе, и то, что узнавали об этой эпохе в школах и вузах, давало две абсолютно несхожие между собой истории. Со страниц Вальтера¹⁶ Скотта, Дюма-отца и Мориса Дрюона нам являлись рыцари в плюмажах, прекрасные дамы, турниры, битвы, кровавые интриги и многое подобное, столь же увлекательное. Учебники рассказывали об аллодах и феодах, о том, что «вассал моего вассала — не мой вассал» (со школьной скамьи помню неприличный перевертыш этой максимы

¹³ *Он же*. Походы викингов. М., 1966.

¹⁴ Одно из последних изданий: *Он же*. Избранные труды. Средневековый мир. 3-е изд. М.; СПб., 2013. В это издание входят две монографии Арона Яковлевича: «Категории средневековой культуры» (с. 17–260) и «Скандинавский мир: культура безмолвного большинства» (с. 263–547).

¹⁵ Спешу уведомить читателя, что это определение принадлежит не Арону Яковлевичу, а автору настоящих строк, которому неизвестно (но точно представляется), что Арон Яковлевич согласился бы с этим определением.

¹⁶ Я знаю, что правильнее написать «Уолтера Скотта», но так уж, опять же, принято.

средневекового права), об эксплуатации народных масс и роли католической Церкви. Труды Арона Яковлевича дали нам возможность увидеть *другое* Средневековье, живой пласт.

Книги Арона Яковлевича привлекли читателя не только потому, что материал был сам по себе вкусный, сочный экзотический. Нет, это всё наличествует, но дело не только в этом.

Вот Арон Яковлевич описывает расхожее представление о Средних веках: «Средневековье — пасынок истории, историческая память обошлась с ним несправедливо. “Средний век” (*medium aevum*), безвременье, разделяющее две славные эпохи истории Европы, средостенье между античностью и ее возрождением, перерыв в развитии культуры, провал, “тёмные столетия”¹⁷ — таков был приговор гуманистов, закреплённый просветителями, так судили в XIX в., противопоставляя динамичное Новое время “застойному”, “костному” средневековью. Но ведь и ныне, когда хотят назвать какое-либо общественное или духовное движение реакционным, отсталым, не задумываясь, прибегают к штампу — “средневековое”»¹⁸.

Пасынок, притом обиженный — значит надо восстановить справедливость. Но не только. Историк ищет в прошлом то, что он видит в настоящем. Мы живём здесь и сейчас и никуда от этого не денемся. Помимо этого, личные качества и свойства учёного-историка тоже влияют на созданное им — от этого тоже никуда не денешься. Арон Яковлевич ищет в прошлом близкое к настоящему. «При всём своеобразии средневековой социально-культурной системы и при всех её радикальных отличиях от нашего времени средневековье не может восприниматься нами как нечто чужое. Оно иное, но не чужое»¹⁹.

Более того, Средневековье есть в нас самих, людях начала XXI века. В мире и в странах европейской цивилизации велик к нему интерес. Это никак не следует понимать в смысле нашей «отсталости» — то есть её-то как раз хватает, но к Средним векам это отношения не имеет. Имеет другое. Перечисляя наследие (или наследия) Средних веков — христианство, современные европейские языки и, во многом, современные европейские государства, представления о единой Европе, Арон Яковлевич добавляет: «Средневековье оставило нам ещё одно наследие, может быть самое драгоценное и одновременно самое хрупкое — человеческую личность. То, что отличает европейскую культуру от всех других мировых культур, в конечном счёте сводится к выработке индивидуального личностного сознания»²⁰.

И далее: «В XX в. (эти строки были написаны в конце прошлого века. — Д. Х.), когда поставлено под вопрос само существование цивилизации и продолжения

¹⁷ *Dark Ages* — так в англоязычной науке именуют первый период Средневековья — V–X вв.

¹⁸ Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. С. 24. Как пошутил замечательный современный медиевист, член-корреспондент РАН П. Ю. Уваров (1956 г. р.): «Века были так себе — довольно средние».

¹⁹ Гуревич А. Я. Европейское Средневековье и современность. С. 144.

²⁰ Там же.

жизни на Земле, когда беспрецедентные в истории тоталитарные режимы попрали личность человека, а новая технологическая революция угрожает заменить его самовольными механизмами, это наследие средневековья представляется особенно ценным. Не здесь ли коренится тайна всё возрастающего интереса к средневековью, свидетелем которого мы являемся»²¹.

Да, мы ищем в истории то, что интересует нас сегодня. Но ведь для того, чтобы найти оное интересное (или интересующее) в прошлом, нужно иметь его (хотя бы частично) здесь и сегодня. Чтобы писать о личности, нужно быть личностью самому (относительно Арона Яковлевича это абсолютно ясно, он был весьма яркой личностью). Но и писал он о самой роли личности в Средневековье — от Августина и Абеляра до «среднего человека», монаха Салимбене Пармского (1221–1287)²².

В заключение же мне хотелось бы поговорить о другом. Так уж получилось, что в конце жизни нашего замечательного историка история резко ускорилась, и именно в нашей стране. Арон Яковлевич тоже приложил руку к одному ускорению. Он был уже не в том возрасте и состоянии здоровья, чтобы идти на баррикады подобно автору этих строк (читатель сам решит, является упоминание о баррикадах похвалой или покаянием), но распространял предложения по реструктуризации институтов Академии наук тогда ещё СССР, выразил в газете своё мнение об августовском путче 1991 г. В личных заметках (впервые опубликованы в 1992 г.) он писал:

«Может ли, имеет ли право, гуманный в этот ответственный момент нашей истории не задумываться над тем, какова его общественная функция? Я сторонник малых дел. Ибо в крике о кризисах и бедах, в ожесточённых перебранках и дискуссиях, в поисках виновных в ком угодно, только не в самом себе мы подчас забываем о простейших вещах, таких как порядочность и честный профессиональный труд. Но без них нам из пропасти не выбраться. Я повторю слова адмирала Нельсона: “Пусть каждый исполнит свой долг”» (конец цитаты)²³.

Никогда не забуду, как Арон Яковлевич вдохновил меня исполнить мой долг перед наукой. В 1983 году я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ремесло в системе ценностей западноевропейского средневековья» в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской²⁴. Формально Арон Яковлевич был только оппонентом, но фактически — научным руководителем. Слова, которые мой великий Учитель произнёс, я вспомнил через десять лет, когда Арон Яковлевич

²¹ Там же. С. 147.

²² *Он же*. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005.

²³ *Он же*. «Путь прямой, как Невский проспект», или Исповедь историка // Одиссей. Человек в истории. М., 1992. С. 34.

²⁴ Ныне Московский государственный областной университет (МГОУ), а тогда в наших кругах неофициально именовавшийся «Мопа имени Наденьки».

получил Государственную премию Российской Федерации в области науки. Первый тост на банкете, посвящённом вышеупомянутому событию, произнёс Л. М. Баткин, крупнейший специалист по итальянскому Возрождению, в тот момент более известный широкому кругу как талантливый политический публицист, в котором Леонид Михайлович сказал, что прекрасно, что в нынешнее время премия — повод для застолья, но не более. После Леонида Михайловича настала моя очередь говорить. Говорить после Баткина непросто, и, поднимая бокал за Учителя, я вспомнил, как принёс Арону Яковлевичу текст моей диссертации и произнёс следующее: «Когда я сказал, что придётся сократить, Арон Яковлевич мне сказал: “А зачем самим себя сокращать, пусть лучше они нас сокращают”». Когда после тоста мы (и все присутствующие) осушили свои бокалы, мой великий Учитель сказал: «Здесь дамы, поэтому Дмитрий Эдуардович постеснялся. Я сказал: “Зачем нам самим себя кастрировать”».

Д. Э. Харитонович